

Russian-Armenian University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K
OF RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)

(56)
RAU University Press
No. 1/2026

Российско-Армянский университет

*Печатается по решению
Ученого Совета РАУ*

В Е С Т Н И К
РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ)

(56)
Издательство РАУ
№ 1/2026

Главный редактор: д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филос.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филос.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

В.Л. Толстых – д.ю.н., проф. Кафедры международного права МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

В.М. Баранов – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

В.В. Ярков – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА.

Политические науки

М.М. Лебедева – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

С.М. Маркедонов – к.ист.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

И.С. Семенов – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Россия).

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

С.П. Поцелуев – д.п.н., к.филос.н., доц., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета (Россия).

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета.

Экономические науки

А.А. Широ – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

А.К. Моисеев – д.э.н., исследователь Междисциплинарного исследовательского центра кибербезопасности им. Блаватника Тель-Авивского университета.

М.А. Абрамова – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия).

С.А. Кристиневиц – д.э.н., доц. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

А.М. Суварян – д.э.н., проф., заведующий Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского университета.

М.А. Восканян – д.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского университета.

И.Б. Петросян – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского университета.

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского университета.

А.А. Симонян – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета.

К.С. Акопян – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета.

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского университета.

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н., доцент Кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

И.С. Леонов – д.филол.н., проф. Кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Россия).

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф., директор Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского университета.

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА, директор Института истории НАН РА.

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского университета.

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии Российско-Армянского университета.

Р.З. Джиддзян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Е.И. Зелнев – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского университета.

В.А. Аракелова – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского университета.

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский университет, 2026г.

Vestnik of the RAU, No. 1 (56). – Yer.: RAU Publishing House, 2026. – 253p.

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor *Sandoyan E.M.*

Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical Sciences *Avetisyan P.S.*

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor *Sarkisyan O.L.*,
Candidate of Philology, Associate Professor *Avakyan M.E.*

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor. Chair of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

V.L. Tolstyh – Doctor of Juridical Sciences, Professor. Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Chief Researcher at the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

V.M. Baranov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technology” (Russia).

V.V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

S.S. Avetisyan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Russian-Armenian University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia.

Political sciences

M.M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes at MGIMO (Moscow State Institute of International Relations), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education (Russia).

S.M. Markedonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at MGIMO, Senior Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Senior Researcher at the Institute of International Studies at MGIMO, Chief Editor of the journal “International Analytics” (Russia).

I.S. Semenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Russia).

I.I. Kuznetsov – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

S.P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

A.P. Engoyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

A.A. Shirov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

A.K. Moiseev – Doctor of Economics, researcher in Blavatnik Interdisciplinary Cyber Research Center (ICRC), Tel Aviv University.

M.A. Abramova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

M.Yu. Golovnin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

S.A. Kristinevich – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

A.M. Suvaryan – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Business at the Russian-Armenian University.

M.A. Voskanyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance at the Russian-Armenian University.

I.B. Petrosyan – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Issues of the Economy in the Transitional Period at the Russian-Armenian University.

Philological sciences

A.K. Eghiazaryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian University.

A.A. Simonyan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian University.

K.S. Akopyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian University.

L.S. Meliksetyan – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian University.

S.T. Zolyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

N.V. Poplavskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University, Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities at RUDN, Head of Educational Programs “Multimedia Journalism”, “Global and Digital Media” at RUDN (Russia).

I.S. Leonov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin (Russia).

Historical Sciences

E.G. Margaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities at the Russian-Armenian University.

A.A. Melkonyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History at NAS RA.

Psychological Sciences

A.S. Berberyan – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at the Russian-Armenian University.

O.A. Kornilova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

G.E. Galikyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the Russian-Armenian University.

S.G. Oganesyanyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy at the Russian-Armenian University.

R.Z. Djidjyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic at the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

E.I. Zelenev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg (Russia).

G.S. Asatryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian University.

V.A. Arakelova – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian University.

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian University, 2026

ISSN 1829-0485

© RAU University Press, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

- Кульчицкая Е.В., Акопджанян А.О., Галстян А.Р., Кадура Е.В.**
Исследование трудового стресса среди экономически активного населения Республики Армения.....12
- Бадалян Л.В.** Образовательные реформы США, Германии и Западно-Балканских стран в контексте привлечения иностранной рабочей силы: возможности применения в Армении.....27
- Варжапетян Т.С.** Особенности управления экологическими рисками в строительстве (на примере Японии и Республики Армения)49

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Карташян С.Р.** Особенности защиты прав человека международными судами: сравнительный анализ их полномочий65
- Гянджумян Е.Э.** Некоторые вопросы в сфере гражданско-правового регулирования приобретения выморочного имущества в Республике Армения82
- Амирова Р.А.** Мошенничества в сфере безналичных расчетов: гражданско-правовые проблемы и пути их разрешения.....94

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Данилов И.С.** Диаспоры в системе публичной дипломатии: сравнительный обзор армянских общин России, США и Франции.....119
- Оганян Д.В.** Анализ образовательных инициатив “Microsoft” и “Huawei” в Бразилии как инструментов влияния США и Китая.....135

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Геворкян Г.Г.** Исследование развития структурных форм настоящего времени в армянском языке.....146
- Есяян М.С., Мадатян Л.Г.** Рефрейминг сказок как инструмент расширения прав и возможностей женщин в сфере образования158
- Салахова А.Р., Каширова А.И.** Архетипы стиля и стереотипы восприятия: о некоторых деталях лингвокультурного кода в советской детской литературе и анимации.....170

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

- Карабекян С.Б., Чплахян М.А., Мехраби Х.А.** О функционально-семантических особенностях употребления частицы الباء в Коране186

Бардакчян О.Х. Ислам и Япония: особенности восприятия через призму японского синкретизма и история ислама в Японии до 1945 года.....196

АРМЕНОВЕДЕНИЕ

Сарвазян Л.С. Принцип разделения властей в «Судебниках» Мхитара Гоша и Смбата Спарапета (на арм.).....209

Ростомян Ж.В. Использование традиционных и инновационных методов в курсе обучения армянскому языку, сочетание этих методов и эффективность (на арм.)235

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Kulchitskaya E., Akopdzhanyan A., Galstyan A., Kadura E.** A study of work stress among the economically active population of the Republic of Armenia.....12
- Badalyan L.** Educational reforms of the United States, Germany, and Western Balkan countries in the context of foreign labor attraction: Possibilities for application in Armenia27
- Varzhapetian T.** Features of environmental risk management in construction (the cases of Japan and Republic of Armenia)49

JURISPRUDENCE

- Kartashyan S.** Human rights protection by international courts: a comparative analysis of their jurisdiction and powers.....65
- Gyanjumyan Y.** Some issues in the field of civil-legal regulation of the obtaining of escheated property in the Republic of Armenia.....82
- Amirova R.** Fraud in cashless payments: Civil-law issues and ways of resolution.....94

POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Danilov I.** Diasporas in the system of public diplomacy: a comparative review of Armenian communities in Russia, the USA and France119
- Oganian D.** Analysis of “Microsoft” and “Huawei” ’s educational initiatives in Brazil as tools of U.S. and Chinese influence135

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

- Gevorgyan G.** A study of the development of structural forms of the present tense in Armenian146
- Yesayan M., Madatyan L.** Reframing fairy tales to empower women in education158
- Salakhova A., Kashirova A.** The linguocultural code of Soviet fairy tale and animation: between the archetypes and the stereotypes170

ORIENTAL STUDIES

- Karabekyan S., Chplakhyan M., Mehrabi Kh.** On the functional and semantic features of the use of the particle *albā'* in the Qur'an.....186
- Bardakchyan H.** Islam and Japan: features of perception through the prism of Japanese syncretism and the history of Islam in Japan before 1945196

ARMENIAN STUDIES

- Sarvazyan L.** The principle of separation of powers in the “Lawcodes” of Mkhitar Gosh and Smbat Sparapet (in Arm.).....209
- Rostomyan Zh.** The application of innovative methods in the process of teaching Armenian and their harmonization with traditional approaches: their effectiveness (in Arm.).....235

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-12-26
УДК 331.44

Поступила: 06.04.2026г.
Сдана на рецензию: 06.04.2026г.
Подписана к печати: 16.04.2026г.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУДОВОГО СТРЕССА СРЕДИ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Е.В. Кульчицкая¹, А.О. Аконджанян², А.Р. Галстян³, Е.В. Кадура⁴

Санкт-Петербургский государственный университет^{1,4}

Ереванский государственный университет^{2,3}

e.kulchitskaya@spbu.ru, annahakobjanyan@ysu.am,

amalyagalstyan@ysu.am, e.kadura@spbu.ru

ORCID¹: 0000-0001-9193-2257, ORCID²: 0009-0005-6420-6766,

ORCID³: 0009-0008-2027-5112, ORCID⁴: 0000-0002-0068-927X

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается трудовой стресс как системное явление, формирующееся под воздействием современных социально-экономических условий. *Целью исследования* является комплексный анализ взаимосвязи состояния рынка труда и уровня трудового стресса среди экономически активного населения Республики Армения.

Методологическую основу составили статистический анализ и социологическое исследование с использованием стандартизированных психодиагностических методик (PSS-10, LESS II, методика Ю.В. Щербатых, шкала профессионального стресса Д. Фонтана, балльная оценка стресса). Обработка данных осуществлялась методами корреляционного и регрессионного анализа.

В ходе исследования установлено, что трудовой стресс носит системный и преимущественно латентный характер, характеризуется умеренным уровнем выраженности и равномерным распределением среди социально-демографических групп. Выявлено, что ключевыми факторами стрессовой нагрузки выступают тип занятости, формат работы, профессиональная принадлежность и особенности организационной среды.

Был сделан вывод о том, что трудовой стресс является структурным элементом современной трудовой среды и требует системного подхода к его управлению в рамках как организационной практики, так и государственной социально-экономической политики.

Ключевые слова: трудовой стресс, занятость, человеческий капитал, организационные факторы.

Введение

В современных социально-экономических условиях трудовой стресс перестал рассматриваться исключительно как индивидуальная психологическая проблема, приобретая системный характер и оказывая значительное влияние на функционирование экономики и организаций. Согласно данным международных организаций, в частности, МОТ и ВОЗ, экономические потери, связанные с психоэмоциональными перегрузками работников, составляют миллиарды дней, а общий экономический ущерб достигает триллионов \$, что выражается в значительном снижении производительности труда и росте издержек бизнеса [1]. В 2026 году большинство работников в мире не планируют менять работодателя, а показатели их удовлетворенности работой и благополучия стабильны, но уверенность в карьерных перспективах и способности адаптироваться к изменениям снижается, а стресс и выгорание растут. К таким выводам приходит “ManpowerGroup” в “Global Talent Barometer 2026”, основанном на опросе почти 14 тыс. работников в 19 странах. Отчет показывает, что ключевой риск для компаний сегодня связан не с дефицитом рабочей силы и не с масштабами применения технологий, а с накапливающимся разрывом между ростом требований к работникам и ограниченными инвестициями в их адаптацию. Хотя индекс благополучия в 2026 году стабилизировался на уровне 67%, его структура указывает на устойчивое напряжение среди респондентов. Большинство работников по-прежнему находят смысл в своей работе и считают себя совпадающими по ценностям с работодателем, однако лишь 42% оценивают уровень ежедневного стресса как низкий. Почти половина респондентов сообщают о высоком уровне стресса, а около двух третей – о пережитом выгорании; ключевые причины – объем работы и интенсивность нагрузки. Это указывает на модель поддержания производительности за счет расширения нагрузки, а не повышения эффективности процессов [2]. В этой связи вопросы формирования устойчивой и эффективной рабочей среды выходят за рамки корпоративного управления и становятся важным направлением государственной социально-экономической политики.

Целью данного исследования является анализ уровня трудового стресса экономически активного населения Республики Армения.

Армения, как страна с социально ориентированной рыночной экономикой, придает особое значение благополучию граждан, качеству их жизни и психоэмоциональному состоянию [3], [4]. Особое значение в контексте вышесказанного приобретает развитие образования, повышение уровня занятости, поддержка здорового образа жизни и снижение стрессовых факторов на рабочем месте. Осознание важности человеческого капитала возводит вопросы психического здоровья сотрудников в ранг приоритетных как для государства, так и для бизнеса.

Таким образом, изучение и управление факторами трудового стресса в Армении является актуальной задачей, важной для научных исследований и практики эффективного управления человеческими ресурсами.

Основная часть

Методологические основы исследования трудового стресса

В рамках настоящего исследования был проведен комплексный анализ существующих методов диагностики трудового стресса. Целью данного этапа являлось выявление и систематизация наиболее распространенных и научно обоснованных инструментов, применяемых в современной психологии труда, организационной психологии и управлении человеческими ресурсами, а также определение их применимости для решения задач исследования [5], [6]. В ходе работы была рассмотрена 31 методика, отражающая различные теоретические подходы к изучению стресса и его проявлений в условиях трудовой деятельности. На основе анализа была выбрана пятерка методик, обеспечивающая полное исследование стрессовых состояний сотрудников [7].

В число проанализированных инструментов вошли как классические психодиагностические методики, так и современные организационные и интегративные модели, в том числе: шкала профессионального стресса Д. Фонтана, шкала Т. Холмса и Р. Раге, шкала организационного стресса А. Маклина, опросник невротизации и психопатизации, опросник удовлетворенности трудом (А.В. Батаршев), модель организационной культуры Д. Денисона, ССПМ-2020 (В.И. Моросанова), методика Р.М. Шамионова и Т.В. Бесковой, опросник Т. Янга, методика SACS (С. Хобфолл), опросник О.Ф. Потемкиной, опросник «Элу+» (Л.З. Левит), шкала воспринимаемого стресса PSS-10, модель Р. Карасека и Т. Теорелля, программа HSE, индекс жизненного стиля Р. Плутчика и Г. Келлермана, метод Р. Лазаруса и С. Фолкмана, методика LESS Р. Лихи, опросник К. Маслач и С. Джексона, методика Ф.И. Валиевой, тест жизнестойкости С. Мадди, индикатор копинг-стратегий Д. Амирхана, методика С.Н. Норман, Д.Ф. Эндлера и Д.А. Джеймса, опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), методика диагностики стресса Ю.В. Щербатых (комплексная), тест стрессоустойчивости Ю.В. Щербатых, методика В.В. Бойко, анкета «Прогноз» (Ю.А. Баранов), балльная оценка стресса (БОС), симптоматический опросник стресса (СОС), а также датская анкета оценки психосоциальной рабочей среды (COPSOQ) [8].

Во-первых, были выделены методики, ориентированные на оценку общего уровня стресса и его субъективного восприятия [9]. К данной группе относятся такие инструменты, как PSS-10, опросник Т. Янга, шкала Холмса-Раге, а также балльная оценка стресса (БОС). Эти методики позволяют полу-

читать обобщенное представление о степени напряжения, испытываемого индивидом, однако, как правило, не дают информации о причинах и механизмах его формирования.

Во-вторых, значительную группу составляют методики, направленные на анализ когнитивных и эмоциональных аспектов стресса, включая особенности его переживания и способы совладания с ним. К ним относятся метод Р. Лазаруса и С. Фолкмана, LESS Р. Лихи, методика SACS (С. Хобфолл), индикатор Д. Амирхана, а также методика С.Н. Норман, Д.Ф. Эндлера и Д.А. Джеймса. Данные инструменты позволяют глубже понять внутренние механизмы стрессовой реакции, включая когнитивную оценку ситуации, эмоциональные схемы и копинг-стратегии [10].

В-третьих, была выделена группа методик, ориентированных на диагностику личностных ресурсов и устойчивости к стрессу. В нее вошли тест С. Мадди, методика Ф.И. Валиевой, ССПМ-2020 (В.И. Моросанова), опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), а также опросник «Элу+» (Л.З. Левит). Эти методики позволяют оценить потенциал личности к адаптации в условиях стрессовой нагрузки и выявить внутренние ресурсы, обеспечивающие устойчивость [11].

Отдельную группу составляют инструменты, направленные на диагностику профессионального стресса и организационных факторов [12]. К ним относятся шкала профессионального стресса Д. Фонтана, модель Р. Карасека и Т. Теорелля, программа HSE, датская анкета COPSOQ, шкала организационного стресса А. Маклина, а также модель Д. Денисона. Эти методики позволяют анализировать стресс как результат взаимодействия личности и организационной среды, включая такие параметры, как рабочая нагрузка, уровень контроля, стиль управления и корпоративная культура (Табл. 1).

Таблица 1. Классификация психодиагностических методик оценки стресса.

Группа методик	Методики	Что оценивают
Общий уровень стресса и субъективное восприятие	PSS-10, опросник Т. Янга, шкала Холмса-Раге, БОС	Общий уровень стресса, субъективное ощущение напряжения без анализа причин
Когнитивные и эмоциональные аспекты стресса	Метод Р. Лазаруса и С. Фолкмана, LESS (Р. Лихи), SACS (С. Хобфолл), индикатор Д. Амирхана, методика Норман–Эндлер–Джеймс	Когнитивная оценка ситуации, эмоциональные реакции, копинг-стратегии

Группа методик	Методики	Что оценивают
Личностные ресурсы и стрессоустойчивость	Тест С. Мадди, методика Ф.И. Валиевой, ССПМ-2020 (В.И. Моросанова), «Адаптивность» (Маклаков, Чермянин), «Элу+» (Левит)	Адаптационный потенциал, устойчивость к стрессу, личностные ресурсы
Профессиональный стресс и организационные факторы	Шкала Д. Фонтана, модель Карасака–Теорелля, HSE, COPSOQ, шкала А. Маклина, модель Д. Денисона	Влияние рабочей среды: нагрузка, контроль, управление, корпоративная культура

Кроме того, в рамках анализа были рассмотрены методики, направленные на выявление симптомов стресса и его последствий, включая эмоциональное выгорание и психофизиологические проявления [13]. К данной группе относятся опросник К. Маслач и С. Джексона, методика В.В. Бойко, симптоматический опросник стресса (СОС), методика Ю.В. Щербатых (включая комплексную диагностику и тест стрессоустойчивости), а также анкета «Прогноз» (Ю.А. Баранов). Эти инструменты позволяют фиксировать уже сформировавшиеся проявления стрессового состояния.

Эмпирический анализ трудового стресса

Проведенный анализ показал, что каждая из рассмотренных методик отражает лишь отдельный аспект трудового стресса. Одни инструменты позволяют оценить субъективное восприятие и уровень напряжения, другие – выявить глубинные когнитивные и эмоциональные механизмы, третьи – диагностировать влияние организационной среды, а четвертые фиксируют последствия длительного стрессового воздействия.

Таким образом, было установлено, что трудовой стресс представляет собой сложный многокомпонентный феномен, формирующийся на пересечении индивидуально-психологических, когнитивных, поведенческих и организационных факторов. В связи с этим использование одной методики не позволяет получить достоверную и целостную картину стрессового состояния.

Данное обстоятельство обусловило необходимость формирования интегративного диагностического подхода, основанного на сочетании нескольких методик, взаимно дополняющих друг друга. В рамках исследования был осуществлен целенаправленный отбор инструментов, отвечающих ряду ключевых критериев: научная валидность и надежность, распространенность в

научной и практической среде, возможность применения в массовых исследованиях, а также способность отражать различные уровни проявления стресса [14]. В результате проведенного анализа из общего массива, как было выше упомянуто, были выбраны пять методик, которые обеспечивают комплексную оценку трудового стресса, включая его субъективное восприятие, эмоционально-когнитивные особенности, поведенческие проявления и профессиональный аспект.

Сбор данных проводился в январь-март 2026 года методом онлайн-анкетирования с использованием “Google Forms”. Анкета распространялась через социальные сети и профессиональные сообщества Республики Армения и включала несколько блоков: социально-демографический блок, шкала воспринимаемого стресса PSS-10, шкала эмоциональных схем Лихи (LESS II), методика диагностики стресса по Ю.В. Щербатых, шкала профессионального стресса Д. Фонтана и Балльная оценка стресса (БОС). Авторы исходят из научного предположения, что сочетание данных методик позволяет на макроуровне проанализировать стресс и получить характеристику общего тренда.

1. Шкала воспринимаемого стресса PSS-10. Десять вопросов оценивают, насколько часто за последний месяц респондент испытывал чувства, связанные со стрессом (например, «Как часто вы чувствовали, что не можете контролировать важные вещи в своей жизни?»). Ответы фиксировались по пятибалльной шкале Лайкерта от 0 («никогда») до 4 («очень часто»).

2. Шкала эмоциональных схем Лихи (LESS II) – методика, направленная на выявление убеждений человека о собственных эмоциях (например, считает ли он эмоции признаком слабости, пытается ли их подавлять, стремится ли к полному контролю). Ответы варьировались от «полностью не согласен» до «полностью согласен».

3. Методика диагностики стресса по Ю.В. Щербатых – перечень из 20 симптомов стресса (психологических, физиологических и поведенческих), на которые респондент отвечает «да» или «нет» (например, «Часто ли вы чувствуете усталость без видимой причины?», «Бывает ли, что вы не можете расслабиться после работы?»).

4. Шкала профессионального стресса Д. Фонтана – оценивает степень выраженности симптомов, связанных с работой: эмоциональное истощение, внутреннее напряжение, раздражительность, тревога, нарушения сна, снижение продуктивности и др. Варианты ответов: 0 – никогда, 1 – иногда, 2 – часто, 3 – почти всегда.

5. Балльная оценка стресса (БОС) – десять вопросов, призванных охарактеризовать степень проявленности базовых симптомов стресса по шкале от 0 до 3 (например, нарушения сна, раздражительность, частые головные боли и т.д.)

Для соблюдения репрезентативности выборки был проведен социологический расчет доверительной вероятности и получен коэффициент 95, что является надежным показателем.

С точки зрения качественной характеристики выборки, она была выровнена по четырем базовым критериям соответствия генеральной совокупности: пол, возраст, место жительства и сфера деятельности.

Среднее отклонение выборки по указанным критериям составило 4,2%. При проведении опроса были соблюдены все социологические требования к широкому и свободному анкетированию. Размер выборки был рассчитан с использованием стандартной статистической формулы с учетом уровня доверия 90% и допустимой погрешности. В исследовании приняли участие представители экономически активного населения Республики Армения. Выборка была сбалансирована по полу, возрасту, месту проживания и сфере занятости, что обеспечивает ее репрезентативность.

Анализ данных осуществлялся с помощью программного пакета языка R методами корреляционного анализа, дисперсионного анализа, множественной регрессии и сравнительного анализа независимых выборок [15]. При подсчете баллов к вопросам методик мы получили результат в «сырых баллах». Возникла необходимость провести шкалирование сырых баллов. В результате мы провели оценку результата каждого испытуемого и построили модель перевода «сырых» баллов в стандартизированные. Получили следующую модель $S = 12,7 + 2,7 \cdot Z_1$, где Z_1 – преобразованная оценка. С использованием полученной модели были пересчитаны баллы респондентов. Для обобщенной оценки был рассчитан интегральный коэффициент трудового стресса на основе стандартизации исходных показателей.

Анализ *социально-демографических характеристик* (Рис 1.) показал, что уровень трудового стресса не имеет выраженной зависимости от пола и места проживания респондентов.

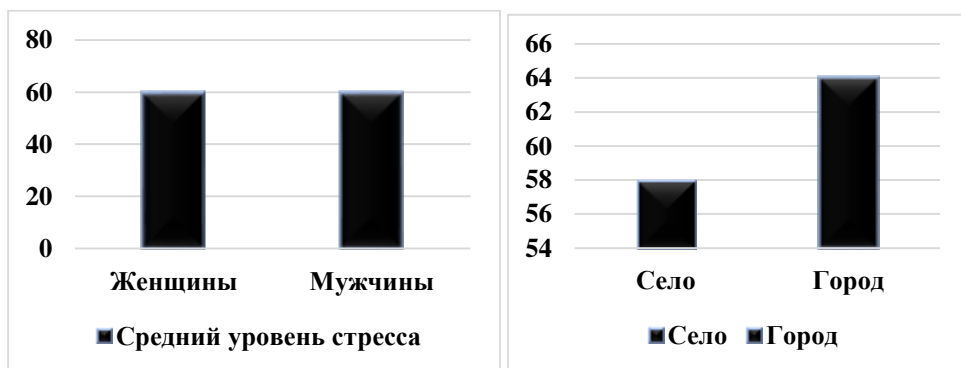

Рисунок 1. Сравнительный анализ уровня стресса в выборке по полу и месту проживания.

Также не выявлено линейной зависимости между возрастом (Рис 2.) и уровнем стресса.

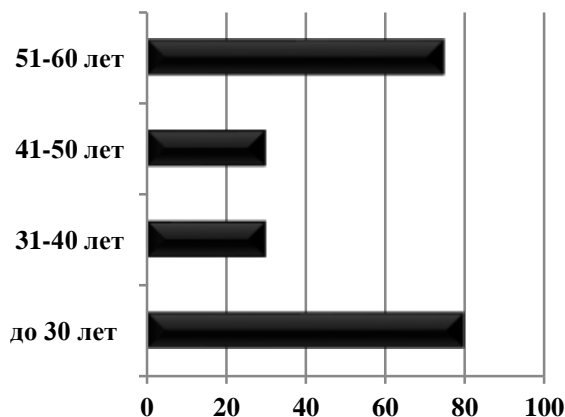

Рисунок 2. Сравнительный анализ уровня стресса в выборке по возрасту.

В целом стресс распределен относительно равномерно среди различных социально-демографических групп, что указывает на его системный характер.

В ходе исследования были выявлены *ключевые факторы, оказывающие влияние на уровень стрессовой нагрузки*. К числу значимых факторов относятся профессия, тип организации, формат работы и тип занятости (Рис.3).

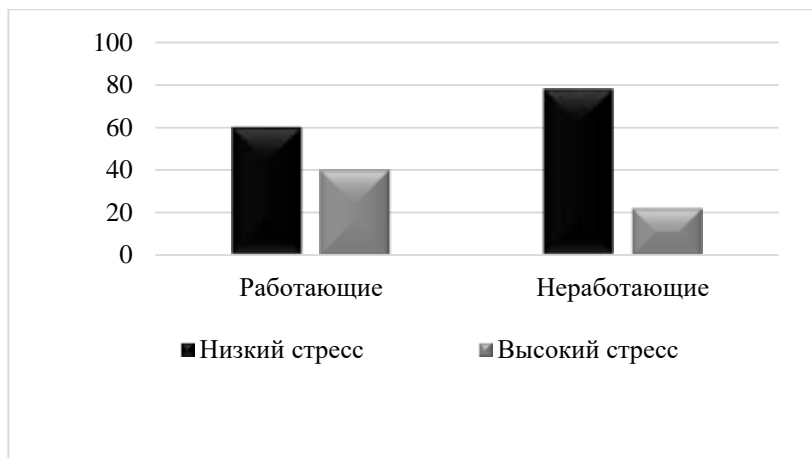

Рисунок 3. Сравнительный анализ уровня стресса по типу занятости.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что трудовой стресс в значительной степени обусловлен организационно-управленческими условиями и, следовательно, может рассматриваться как частично управляемый.

Анализ распределения уровня стресса *по возрастным группам* показал отсутствие четкой линейной зависимости. Вместе с тем, наименьшие значения уровня стресса наблюдаются в отдельных возрастных категориях, в частности, в возрастных группах 31–40 и 41–50 лет, что может свидетельствовать о различиях в адаптационных механизмах и опыте профессиональной деятельности.

Среди наиболее распространенных проявлений трудового стресса отмечаются: усталость (до 60–70% респондентов), тревожность (около 50–60%), раздражительность (порядка 45–55%), а также снижение работоспособности (около 40–50%) (Рис.4).

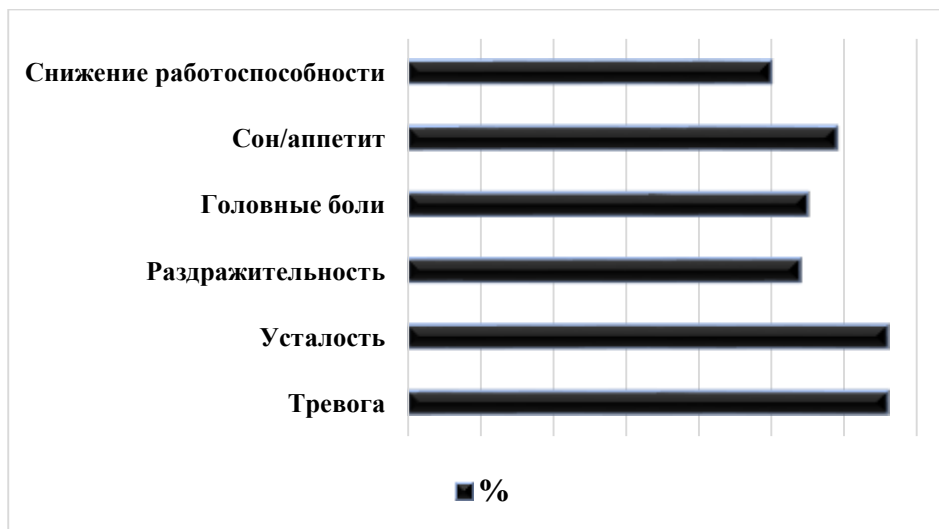

Рисунок 4. Сравнительный анализ распространенных проявлений трудового стресса.

Кроме того, значительная доля участников указывает на наличие соматических проявлений, таких как головные боли и нарушения сна и аппетита (в среднем 30–40%). Данные *симптомы* свидетельствуют о комплексном влиянии стрессовых факторов как на психоэмоциональное, так и на физиологическое состояние работников.

Анализ *поведенческих характеристик* показал, что значительная часть респондентов (до 60–70%) склонна продолжать думать о работе вне рабочего времени (Рис. 5).

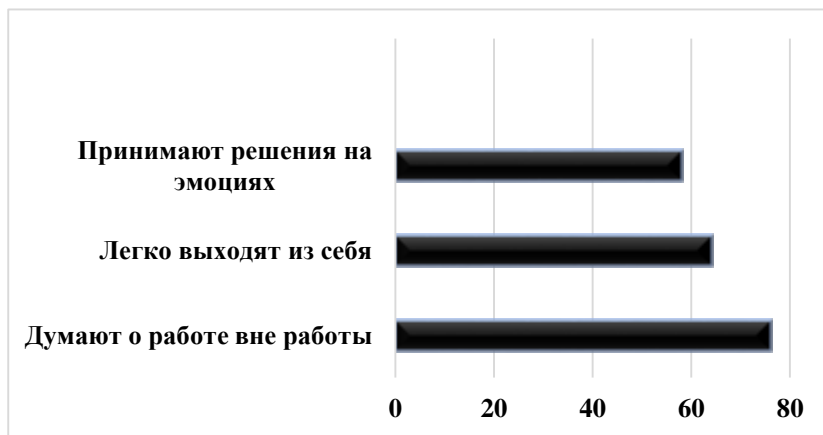

Рисунок 5. Сравнительный анализ поведенческих характеристик.

Около половины участников демонстрируют склонность к эмоциональным реакциям и принятию решений под влиянием эмоций. При этом уровень открытости остается относительно низким: до 70–85% респондентов не склонны обсуждать рабочие проблемы с коллегами или руководством, что свидетельствует о сдержанности в профессиональной коммуникации (Рис. 6).

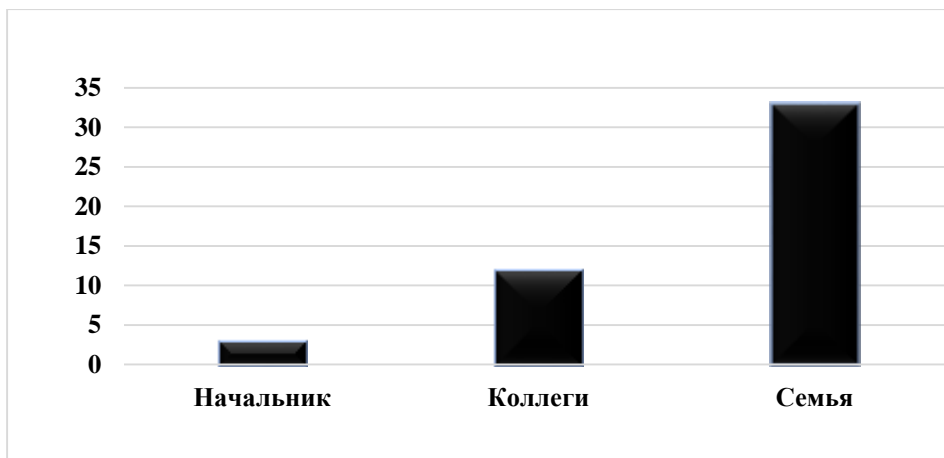

Рисунок 6. Сравнительный анализ поведенческих характеристик.
Уровень открытости.

Сравнительный анализ показал, что *тип организации и формат работы* оказывают значимое влияние на уровень стресса (Рис.7). В частности, различия наблюдаются между государственным и частным секторами, а также

между очным, гибридным и удаленным форматами занятости. Таким образом, профессия и организационная среда выступают важнейшими детерминантами стрессовой нагрузки.

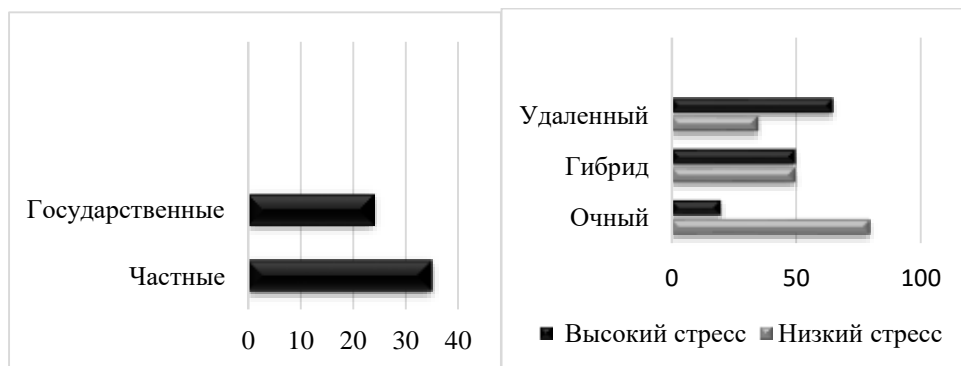

Рисунок 7. Сравнительный анализ типа организации и формата работы.

Исследование выявило, что значительная часть респондентов демонстрирует настороженное отношение к эмоциям: 61% респондентов считают эмоции потенциально опасными, 55% стремятся избегать сильных эмоциональных переживаний, а 34% избегают эмоционально насыщенных разговоров. Это свидетельствует о наличии специфических социокультурных установок, влияющих на восприятие и проживание стресса [16].

На основе стандартизации показателей был рассчитан интегральный коэффициент трудового стресса, который составил 11 баллов. Согласно принятой шкале, это соответствует среднему уровню стресса, приближенному к нижней границе (Рис.8). Распределение респондентов по уровням стресса показало, что 59% находятся в зоне среднего стресса, 21% – в зоне низкого, и 20% – в зоне высокого стресса. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство экономически активного населения функционирует в условиях умеренной стрессовой нагрузки при сохранении адаптационного ресурса [17].

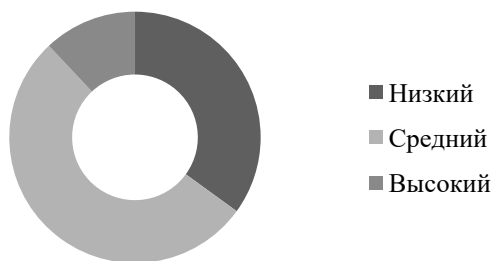

Рисунок 8. Показатель интегрального коэффициента трудового стресса.

Анализ показал, что около 85% респондентов не имеют выраженных конфликтов с коллегами, что свидетельствует о низком уровне трудовой конфликтности. Вместе с тем стресс носит системный характер, проявляется преимущественно в латентной форме и связан с особенностями коммуникации и культурного контекста [18].

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют охарактеризовать трудовой стресс в Республике Армения как системное явление, обладающее преимущественно латентной формой проявления. Его формирование детерминировано не только организационно-экономическими условиями труда, но и социокультурными особенностями, включая специфику профессиональной коммуникации и нормативные установки в отношении выражения эмоций.

Установлено, что средний уровень трудового стресса (11 баллов) соответствует умеренной степени выраженности, что с одной стороны, свидетельствует о наличии адаптационного потенциала у работников, а с другой – указывает на сохранение устойчивого психоэмоционального напряжения, способного оказывать пролонгированное действие. Анализ распределения стресса не выявил статистически значимых различий по полу и типу населенного пункта, что подтверждает его относительную однородность в рамках базовых социально-демографических характеристик. Это позволяет рассматривать стресс не как локализованную проблему отдельных групп, а как универсальный элемент современной трудовой среды. Вместе с тем идентифицирован ряд факторов, оказывающих значимое влияние на уровень трудового стресса, часть из которых обладает управляемым характером. К числу таких факторов относятся тип занятости, формат организации труда, институциональные особенности организации, а также профессиональная принадлежность работников.

Особого внимания заслуживают выявленные социально-поведенческие особенности: низкий уровень открытой конфликтности, ограниченная экспрессивность в коммуникации и амбивалентное отношение к выражению эмоций. Указанные характеристики формируют предпосылки для аккумуляции внутреннего напряжения и его скрытого протекания, что повышает риски хронического стресса и снижает эффективность механизмов его своевременной идентификации.

Таким образом, трудовой стресс в Республике Армения выступает не как эпизодическое явление, а как структурный элемент современной трудовой среды, требующий системного подхода к его диагностике и управлению как на уровне организаций, так и в рамках государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВОЗ и МОТ: депрессия приводит к потере 1 трлн долларов ежегодно // Организация объединенных наций URL: <https://news.un.org/ru /story/ 2022/09/1432581> (дата доступа: 01.02.2026).
2. 2026 Global Talent Barometer, <https://www.manpowergroup.com/en/ insights/ report/ global-talent-barometer-january-2026> (дата доступа: 30.03.2026).
3. Статистический ежегодник Армении 2025, <https://www.armstat.am/file/doc/99563643.pdf>. С. 86 (дата доступа: 25.03.2026).
4. Статистический ежегодник Армении 2021. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99528083.pdf>; Статистический ежегодник Армении 2023, URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99541258.pdf>; Статистический ежегодник Армении 2025. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99563643.pdf>. С. 95.
5. Бандура А. Самоэффективность: осуществление контроля / А. Бандура. Нью-Йорк: “W.H. Freeman”, 1997, 604с.
6. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. СПб.: «Питер», 2016, 368с.
7. Громова Е.В. Методы диагностики стресса в корпоративной среде / Е.В. Громова, С.А. Петров // «Современный HR», № 2. 2021. СС. 12–25.
8. Чекмарев П.А. Адаптация зарубежных методик диагностики стресса к российской практике // «Корпоративная психология», № 1. 2023. СС. 15–29.
9. Зигрист Й., Ли Дж. Стресс и биомаркеры: модель дисбаланса усилий и вознаграждения // “International Journal of Environmental Research and Public Health”. Т. 19. № 12. 2022. С. 7221. DOI: 10.3390/ijerph19127221.
10. Потемкин В.В. Копинг-стратегии: классификация и оценка // «Психологический журнал», № 5. 2020. СС. 88–97.
11. Карвозис Н., де Яннис П. Организационный стресс и производительность труда // “International Journal of Occupational Safety and Ergonomics”. Т. 24. № 4. 2018. СС. 467–478.
12. Коэн С., Камарк Т., Мермелстейн Р. Глобальная шкала воспринимаемого стресса // “Journal of Health and Social Behavior”. Т. 24. № 4. 1983. СС. 385–396. DOI: 10.2307/2136404.
13. Шарма П. Самоэффективность и стресс: современный обзор // “Journal of Research in Psychology”. Т. 11. № 1. 2023. СС. 45–58.
14. Фролова Л.С. Этические аспекты применения психодиагностики в HR-практике // «Психология управления», № 2. 2021. СС. 55–66.
15. Лебедева И.Н. Резилиентность как фактор адаптации персонала в условиях стресса // «Управление персоналом», № 4. 2022. СС. 30–42.
16. Шварцер Р. Самоэффективность и здоровье: модели и подходы // “Health Psychology Research”. Т. 9. № 2. 2021. СС. 17–25. DOI:10.4081/hpr.2021.9982.
17. Лазарус Р.С., Фолкман С. Стресс, оценка и совладание. Нью-Йорк: “Springer”, 1984, 456с.
18. Иванов А.А. Психологическое благополучие сотрудников: теоретический обзор / А.А. Иванов // «Психология труда и управления». Т. 15. № 1. 2019. СС. 8–19.

REFERENCES

1. WHO and ILO: Depression Costs \$1trillion Annually // Unated Nation Organization URL: <https://news.un.org/ru /story/ 2022/09/1432581> (accessed: 01.02.2026).

2. 2026 Global Talent Barometer. URL: <https://www.manpowergroup.com/en/insights/report/global-talent-barometer-january-2026> (accessed 30.03.2026).
3. Statistical Yearbook of Armenia 2025. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99563643.pdf>. P.86 (accessed 25.03.2026).
4. Statistical Yearbook of Armenia 2021. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99528083.pdf>; Statistical Yearbook of Armenia 2023. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99541258.pdf>; Statistical Yearbook of Armenia 2025. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99563643.pdf>, P.95 (accessed 25.03.2026).
5. Bandura A. Self-efficacy: The exercise of control. New York: W.H. Freeman, 1997, 604p.
6. Boyko V. The energy of emotions in communication: A look at oneself and others. Saint Petersburg: "Piter", 2016, 368p.
7. Gromova E., Petrov S. Methods of stress diagnostics in the corporate environment // "Sovremenniy HR", No. 2. 2021. PP. 12–25.
8. Chekmarev P. Adaptation of foreign stress diagnostic methods to Russian practice. Korporativnaya psikhologiya, No. 1. 2023. PP. 15–29.
9. Siegrist J., Li J. Stress and biomarkers: Effort–reward imbalance model // "International Journal of Environmental Research and Public Health". Vol. 19, no. 12. 2022, P. 7221. DOI: 10.3390/ijerph19127221.
10. Potemkin V. Coping strategies: Classification and assessment // "Psikhologicheskii zhurnal", No. 5. 2020. PP. 88–97.
11. Carvozis N., DeJannis P. Organizational stress and work performance // "International Journal of Occupational Safety and Ergonomics". Vol. 24, No. 4. 2018. PP. 467–478.
12. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress // "Journal of Health and Social Behavior". Vol. 24, No. 4. 1983. PP. 385–396. DOI: 10.2307/2136404.
13. Sharma P. Self-efficacy and stress: A contemporary review // "Journal of Research in Psychology". Vol. 11, No. 1. 2023. PP. 45–58.
14. Frolova L. Ethical aspects of applying psychodiagnostics in HR practice // "Psikhologiya upravleniya". No. 2. 2021. PP. 55–66.
15. Lebedeva I. Resilience as a factor of personnel adaptation under stress conditions // "Upravlenie personalom", No. 4. 2022. PP. 30–42.
16. Schwarzer R. Self-efficacy and health: Models and approaches. Health Psychology Research, 2021, Vol. 9, No. 2. PP. 17–25. DOI: 10.4081/hpr.2021.9982.
17. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York: Springer, 1984, 456p.
18. Ivanov A. Psychological well-being of employees: A theoretical review // "Psikhologiya truda i upravleniya". Vol. 15, No. 1. 2019. PP. 8–19.

A STUDY OF WORK STRESS AMONG THE ECONOMICALLY ACTIVE POPULATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

*E. Kulchitskaya¹, A. Akopdzhanyan², A. Galstyan³, E. Kadura⁴
Saint Petersburg State University^{1,4}, Yerevan State University^{2,3}*

ABSTRACT

This article examines occupational stress as a systemic phenomenon shaped by contemporary socioeconomic conditions. The aim of the study is to comprehensively analyze the relationship between the state of the labor market and the level of occupational stress among the economically active population of the Republic of Armenia.

The methodological basis consisted of statistical analysis and sociological research using standardized psychodiagnostic methods (PSS-10, LESS II, Yu.V. Shcherbatykh's method, D. Fontana's professional stress scale, and stress assessment scores). Data processing was carried out using correlation and regression analysis.

The study found that occupational stress is systemic and predominantly latent, characterized by moderate severity and even distribution across socio-demographic groups. Key factors determining stress load were identified as employment type, work format, professional affiliation, and organizational environment.

It was concluded that occupational stress is a structural element of the modern work environment and requires a systemic approach to its management within both organizational practices and state socio-economic policy.

Keywords: occupational stress, labor market, employment, human capital, organizational factors

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-27-48
УДК 331.5.024.5

Поступила: 05.12.2025г.
Сдана на рецензию: 16.12.2025г.
Подписана к печати: 16.04.2026г.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ США, ГЕРМАНИИ И ЗАПАДНО-БАЛКАНСКИХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В АРМЕНИИ

Л.В. Бадалян

*Российско-Армянский университет
lilit.badalyan@student.rau.am
ORCID: 0009-0001-2676-5373*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются современные трансформации образовательной политики США, Германии и стран Юго-Восточной Европы, направленные на формирование и восполнение кадрового потенциала в условиях глобального дефицита квалифицированной рабочей силы. В центре анализа находятся институциональные инструменты развития человеческого капитала: модели дуального и интегрированного профессионального образования, механизмы признания квалификаций, а также практики включения мигрантов в национальные образовательные системы.

Показано, что международная академическая мобильность формирует дополнительный резерв трудовых ресурсов, однако ее эффективность в полной мере определяется сочетанием образовательных стратегий университетов и миграционно-визовых режимов принимающих государств. В работе выявлены ключевые барьеры и стимулы, влияющие на приток и удержание иностранных студентов, включая регуляции трудоустройства выпускников и особенности национальных рынков труда.

Отдельное внимание уделено возможностям применения зарубежных моделей в Армении. С учетом демографических трендов, структуры трудового рынка и институциональных ограничений оценивается потенциал адаптации отдельных элементов – от развития дуальных программ до совершенствования процедур признания квалификаций.

Методологическая база исследования включает систематизированный обзор публикаций 2020–2025гг., сравнительно-исторический анализ, а также изучение нормативных документов, статистических материалов и аналитических отчетов международных организаций (OECD, UNESCO, World Bank). Полученные результаты позволяют сформулировать рекомендации по повышению эффективности образовательной и миграционной политики в контексте долгосрочных потребностей рынка труда.

Ключевые слова: Армения, образование, миграция, рынок труда, демография, реформы.

Введение

Демографическая ситуация в мире, особенно в странах с развитой западной культурой, уже несколько десятилетий характеризуется старением населения, снижением рождаемости и изменением структуры трудовых ресурсов. Эти тенденции оказывают непосредственное влияние на экономический рост, социальную стабильность и политическую обстановку в странах, создавая дополнительные вызовы для пенсионных и социальных систем. В Германии наблюдается устойчивое сокращение численности трудоспособного населения и рост доли пожилых граждан, что формирует нагрузку на пенсионную систему. В США, несмотря на относительно высокий уровень рождаемости, сохраняются проблемы неравенства между штатами, миграционное давление и растущая потребность рынка труда. В странах Западных Балкан – таких, как Сербия, Босния и Герцеговина, Северная Македония и Албания, демографический кризис усугубляется массовой эмиграцией молодых и квалифицированных специалистов, что приводит к «утечке мозгов» и сокращению трудового потенциала.

Для анализа данной проблемы в настоящем исследовании были выбраны страны с различными политическими и экономическими системами – США и Германия, чтобы продемонстрировать универсальность демографических вызовов и их влияние на экономическое развитие. Кроме того, были рассмотрены страны Западных Балкан, которые по размеру и численности населения наиболее сопоставимы с Республикой Армения. В этих странах, аналогично Армении, наблюдается массовая эмиграция молодых и образованных людей, что негативно сказывается на инновационном развитии, качестве образовательных и медицинских услуг, конкурентоспособности экономики и стабильности социальной системы.

Современные тенденции на рынке труда требуют гибких образовательных систем, способных адаптироваться к технологическим изменениям и миграционным процессам. В ряде стран проводятся реформы, объединяющие образование, рынок труда и иммиграционную политику. Системные подходы США и Германии служат примером успешной интеграции иностранных специалистов, тогда как страны Западных Балкан демонстрируют опыт реформ в условиях, близких по демографической и экономической структуре к Армении.

Цель исследования заключается в анализе влияния миграции иностранных студентов и трудовой миграции на экономическое развитие стран, сопоставлении международного опыта и выявлении возможностей адаптации лучших практик в контексте Республики Армения.

Задачи исследования включают:

1. Анализ демографических тенденций и их влияния на экономику выбранных стран;

2. Исследование реформ и законодательных инициатив, направленных на привлечение и удержание иностранных специалистов;

3. Сравнение международного опыта США, Германии и стран Западных Балкан с ситуацией в Армении;

4. Обобщение практических данных и разработка рекомендаций по адаптации успешных практик в национальном контексте.

Объект исследования – процессы миграции и интеграции иностранных студентов и квалифицированных работников в экономику и социальную структуру принимающих стран.

Методология исследования основана на синтезе эмпирических данных и аналитических материалов, включая академические публикации (2020–2025гг.), региональные аналитические отчеты (2022–2025гг.), отчеты OECD и UNICEF, государственные документы в сфере образования, реформы профессионального образования (VET) и миграционного законодательства. В исследовании проанализированы ключевые реформы в сфере образования и институциональные практики в США с 2020–2025гг., направленные на стимулирование притока и удержания квалифицированных иностранных работников через систему высшего образования США. Особое внимание уделялось изменениям в университетских образовательных программах, сотрудничеству учебных заведений с работодателями, практикам выдачи виз, а также мерам по интеграции выпускников в рынок труда.

Образовательная и миграционная политика США

В США высшее образование – важнейший элемент международной мобильности кадров высшей квалификации, а также талантов. Сильные университеты привлекают иностранных студентов, особенно в STEM-направлениях, что создает предпосылки для восполнения дефицита квалифицированных специалистов [1]. В то же время именно сочетание образовательной политики и иммиграционного регулирования определяет, насколько успешно местные и иностранные выпускники остаются в стране и интегрируются в национальную экономику.

Многочисленные исследования показывают положительную корреляцию между числом иностранных STEM – студентов и инновационной интенсивностью регионов [2]. Необходимо также отметить, что при усилении мер иммиграционного контроля резко снижаются показатели удержания иностранных выпускников.

За последний год реформы по «политике иммиграционного ужесточения» (“Restrictionist immigration policy”)¹ администрации Д. Трампа, скорее

¹ “Restrictionist immigration policy” – академический термин, подчеркивающий ограничение объемов иммиграции.

направлены на ограничение *массовой* иммиграции рабочей силы и усилению отбора («только лучшие и качественные»).

Параллельно усложнению визовых процедур, образовательные учреждения стали активнее привлекать иностранных студентов, в особенности в области науки и технологий. Университеты стимулируют приток талантов, активно увеличивая количество STEM- программ и грантов [3]. Многие университеты предлагают дополнительные стипендии для иностранных студентов, новые STEM – мастерские программы, дающие право на длинный OPT². Также активно работают кампании/инициативы “Global Talent Initiative”³ и “International Recruitment”⁴[4], долгосрочная целью которых является повышение конкурентоспособности США на мировом образовательном и технологическом рынках.

В определенных штатах университеты лоббируют облегчение правил приема, проживания и дальнейшего трудоустройства иностранных студентов. Штаты Калифорния, Массачусетс, Техас, Нью-Йорк ввели региональные программы поддержки иностранных выпускников, которые включают карьерные центры, помогающие быстро найти работу для OPT, упрощенные процедуры стажировок, партнерские программы с компаниями Amazon, Google, biotech-сектора [5],[6].

Одними из позитивных тенденций является то, что start-up и технологические компании расширяют программы для иностранных студентов. Виза H-1B⁵ стала более прозрачной по набору баллов [7]. Некоторые штаты создают альтернативные визовые возможности. Например, “Global Talent Programs” [8], целью которой является поддержка иностранных студентов и выпускников (в основном STEM-направления, бизнес и исследовательские программы), чтобы они оставались после учебы и работали в США.

² OPT – “Optional Practical Training” («опционная практическая подготовка»), временно разрешенная работа в США для иностранных студентов, которая позволяет применять знания на практике. Работа должна быть связана с направлением обучения студента.

³ “Global Talent Initiative” – университеты и компании сотрудничают с НКО, чтобы студенты могли быстрее получить визу, OPT и трудоустройство. В основном привлекают и удерживают топовых иностранных студентов и специалистов в направлениях STEM, медицина, IT, исследовательские программы.

⁴ “International Recruitment”: основная цель – это привлечение иностранных студентов в конкретные университеты и регионы США в формате онлайн-маркетинга, участия в выставках, вебинарах, сотрудничества с агентствами за рубежом. Предлагают стипендии, поддержку по визе и размещению, а также программы по интеграции в кампус.

⁵ H-1B – рабочая виза для иностранных специалистов в США с высшим образованием или эквивалентной квалификацией продолжительностью до 3 лет, с возможностью продления до 6 лет (STEM, IT, медицина, инженерия). Ежегодно выдается 65,000 виз, плюс 20,000 для выпускников окончивших магистратуру и выше из США.

Некоторые университеты позволяют начать учебу удаленно, а приехать позже, что облегчает поступление, уменьшает стоимость и давление сроков на полученную визу [9].

Согласно статистике Министерства образования США [10] и по прогнозам WICHE (“Western Interstate Commission for Higher Education”) [11], в США постепенно уменьшится количество выпускников школ, что уже сейчас приводит к борьбе университетов за студентов. За последние 5–10 лет наблюдается существенное повышение значимости иностранных студентов для образовательных учреждений, что обусловило облегчение процедур приема, расширение мер по их удержанию и академической поддержке, а также институционализации специализированных структур – таких, как “International Student Success Center”⁶, ориентированных на содействие их академической и профессиональной интеграции [12].

По данным университетов, ОРТ и STEM ОРТ⁷ эффективно действуют и популярны [13], несмотря на «жесткие реформы», более того количество компаний, нанимающих через ОРТ, возросло за последние несколько лет [14]. Университеты принимают активное участие в трудоустройстве студентов, заключают контракты с работодателями, проводят карьерные ярмарки и менторские программы.

Представляется целесообразным кратко проанализировать влияние иностранной рабочей силы на экономику США с опорой на релевантные статистические данные и эмпирические факты:

- в 2023 году, по данным Бюро трудовой статистики США, 18,6% гражданской рабочей силы являются люди, родившиеся за пределами США [15];
- по данным EPI (“Economic Policy Institute”) в 2023 году иммигранты обеспечили примерно 18% ВВП США [16];
- по данным CFR (“Council on Foreign Relations”) иммигранты и их дети основали более половины «единорогов» (стартапов стоимостью более \$1 млрд.) [17];
- в 2024 году, по данным “American Immigration Council”, 230 компаний из “Fortune 500” были основаны иммигрантами или их детьми [18];

⁶ “International Student Success Center” – поддержка иностранных студентов в США для успешной учебы и адаптации, которая включает академическое сопровождение и консультации по курсам, помощь с визовыми вопросами и документами, карьерное консультирование и подготовка к ОРТ/Н-1В, социально-культурная интеграция (мероприятия, клубы, наставники).

⁷ STEM ОРТ – студенты, обучающиеся в областях науки, технологий, инженерии и математики. Имеют привилегию продлить ОРТ до 36 месяцев, в отличие от стандартного ОРТ, состоящий из 12 месяцев.

- по прогнозам CMS (“Center for Migration Studies of New York”) за ближайшие 10 лет иммиграция добавит \$7 трлн. к ВВП США [19].

На федеральном уровне в США законодательство и процедуры стали более строгими, однако отдельные штаты и университеты активно компенсируют данные ограничения, создавая условия, которые повышают доступность и привлекательность образования и трудоустройства для иностранных студентов. На основании анализа статистических данных и экспертных источников можно прогнозировать, что политика привлечения и удержания квалифицированных специалистов сохранится, при этом в ряде штатов, вследствие снижения числа выпускников школ, возрастет потребность в рабочей силе со средним специальным образованием и в секторе услуг.

Образовательная и миграционная система Германии

По статистическим данным, уровень рождаемости в Германии один из самых низких в ЕС и составляет около 1,3–1,4 ребенка на женщину [20]. Следует отметить, что для поддержания простого воспроизводства населения показатель рождаемости должен составлять, в среднем, 2,1 ребенка на женщину [21]. Данная тенденция приводит к сокращению числа молодых людей и дефициту рабочей силы. Как следствие, средний возраст населения растет, превышая 22–23% [22]. Увеличение числа пенсионеров создает нагрузку на систему социальной защиты и здравоохранения.

Другая демографическая проблема, являющейся серьезным вызовом для экономики Германии, является неравномерное распределение рабочей силы. Депопуляция сельских регионов вследствие внутренних миграционных потоков в крупные города (Берлин, Мюнхен, Франкфурт) [23], создает проблемы с экономическим развитием данных территорий.

Вышеперечисленные тенденции в Германии стимулируют государственные инициативы по целенаправленному привлечению иностранных специалистов. Германия в последние годы активно сочетает образовательные реформы и миграционное законодательство для смягчения дефицита квалифицированных кадров. Федеральное Министерство Образования и Исследований отмечает, что, наряду с модернизацией высшего образования, акцент делается на систему дуального обучения⁸, которая исторически является источником стабильных квалифицированных кадров [24]. На 2025 год в вузах Германии значительная доля студентов является иностранцами [25].

Во время анализа статистических данных информация о доле иностранных студентов в Германии за 2024 и 2025 гг. оказалась недоступной, вместе с

⁸ Дуальное образование – синтез теории и практики в образовании (студенты учатся часть времени в колледже, а часть – на предприятии, что содействует получению реальных навыков).

тем, согласно отчету OECD, а также прогноза других источников, доля иностранных студентов за 2024/2025 составляет около 17% от общего числа студентов (2,87 млн) [26]. На 2026 год прогнозируется примерно 17–20% [27]. Если взять во внимание также факторы, которые могут ускорить рост, то 20% в прогнозах может быть очень даже реалистичным. К таким факторам можно отнести, например, продолжение интернационализации вузов, политика удержания талантов в Германии, а также рост программ на английском языке, которые делают учебу для иностранных студентов более доступной.

Германия в последние годы приняла комплекс мер по развитию “Fachkräfteeinwanderung” (Иммиграция квалифицированных рабочих, который вступил в силу в 2023 году) и расширение категорий квалифицированных мигрантов, что включает упрощения для квалифицированных специалистов и планы по привлечению обучающихся из третьих стран [28]. Также понижены размеры зарплат для получения EU Blue Card⁹ и разрешена занятость во время обучения (увеличение допустимой дополнительной работы до 20 часов в неделю). [29] С 2024 года была введена балльная система “Opportunity Card” для привлечения специалистов, позволяющая приезжать на один год для поиска работы, но при наличии определенных условий, таких как квалификация и определенный уровень знание языка [30].

В Германии через DAAD¹⁰ предоставляются гранты, стипендии, а также финансирование исследований для иностранных студентов [31]. Немецкие вузы тесно сотрудничают с зарубежными университетами и участвуют в международных образовательных ярмарках. Развиваются интеграционные и карьерные центры для поддержки иностранных студентов, консультации по адаптации, поиску жилья, стажировок и работы. Международным выпускникам законы в Германии позволяют после окончания учебы искать работу до 18 месяцев, и в случае трудоустройства – получать вид на жительство по облегченной процедуре [32].

Указанные законодательные изменения направлены на снижение административных барьеров при переходе иностранных студентов от образовательной деятельности к профессиональной, включая внедрение упрощенных процедур признания иностранных квалификаций и создание национальных электронных порталов для подачи соответствующих заявок.

С 2024 года в Германии вступил в силу закон о гражданстве, который допускает мультигражданство. Одновременно облегчена натурализация для

⁹ EU Blue Card – разрешение на работу и проживание для высококвалифицированных специалистов из стран, не входящих в ЕС, позволяющая работать в одной из стран ЕС (кроме Дании и Ирландии).

¹⁰ DAAD (“Deutscher Akademischer Austauschdienst”) – Немецкая служба академических обменов, являющейся крупнейшей в мире организацией, поддерживающей международный академический обмен между Германией и другими странами.

детей. Если ребенок был рожден в Германии, и один из родителей проживает в стране минимум 5 лет и имеет постоянное вид на жительство, то ребенок получает немецкое гражданство [33].

Представляет интерес также тот факт, что в последнее время в Германии наблюдается тенденция к ужесточению требований к натурализации: учитываются стабильная занятость, достаточный доход, уровень владения языком. [34] Стоит также упомянуть про законодательные инициативы, которые направлены на снижение «pull-факторов» [35], то есть формы миграции, которые считаются избыточными или создают нагрузку на государственные ресурсы. К таким формам миграции можно отнести низкоквалифицированную массовую миграцию, нелегальную миграцию, беженцев и вынужденных переселенцев, а также семейные миграции при низкой экономической активности.

Приведем некоторые факты:

- в 2024 году примерно 46,1 млн занятых людей (рекордная цифра с момента воссоединения Германии). Данный рост в значительной мере поддерживался притоком иностранной рабочей силы [36],[37];
- увеличение числа иностранных студентов увеличивает экономическую активность (оплата за проживание, питание, товары и услуги), а при переходе на рынок труда продолжают пополнять в качестве квалифицированной рабочей силы [38];
- иностранная рабочая сила и международные студенты повышают предпринимательскую активность и потенциал, который также включает ученых и аспирантов, занимающихся исследованиями [39], [40].

Для экономики Германии иммиграция является незаменимым источником для увеличения занятости и компенсации дефицита рабочих мест, особенно в сфере услуг и уходе за пожилыми людьми. Увеличение предложения рабочей силы заполняет вакансии также в строительстве, логистике, что в свою очередь поддерживает рост ВВП. Германия остается одним из ведущих стран по привлечению международных исследователей и студентов, а их «удержание» после учебы дает долгосрочный приток квалифицированных кадров, то есть восполняет стратегический ресурс рабочей силы страны. Данное влияние иммиграции на экономику Германии объясняет ускорение локальных программ интеграции (язык, доступ к рынку труда) иностранцев, а также процедур признания иностранных квалификаций и курсы профессиональной переподготовки.

Образовательная и миграционная система стран Западных Балкан

За последние 25–30 лет Балканские страны, как и Республика Армения, сталкиваются с устойчивым оттоком населения, главными факторами которого являются экономическая нестабильность, политическая неопределен-

ность, низкий уровень зарплат, безработица, а также желание получить образование и опыт работы в странах ЕС. Согласно данным World Bank и UN DESA, численность населения некоторых Балканских стран с 2000 года сократилось на 5–10% по причине эмиграции и низкой рождаемости [41].

Согласно OECD и World Bank в Западных Балканах, которые по масштабам и населению более близки к Армении, наблюдается очень высокий отток населения за последние десятилетия (Рис. 1) [42]. Основной поток эмигрантов из данных стран направлен в ЕС, в частности, в Германию (квота для иммигрантов из стран Западных Балкан), Австрию, Швейцарию и Италию, которые в большинстве являются молодыми квалифицированными работниками (50–60%) [43], что увеличивает демографический дисбаланс и уменьшает трудоспособное население. Отчеты OECD подчеркивают, что до 20% населения Западно-Балканских стран живет за границей [44].

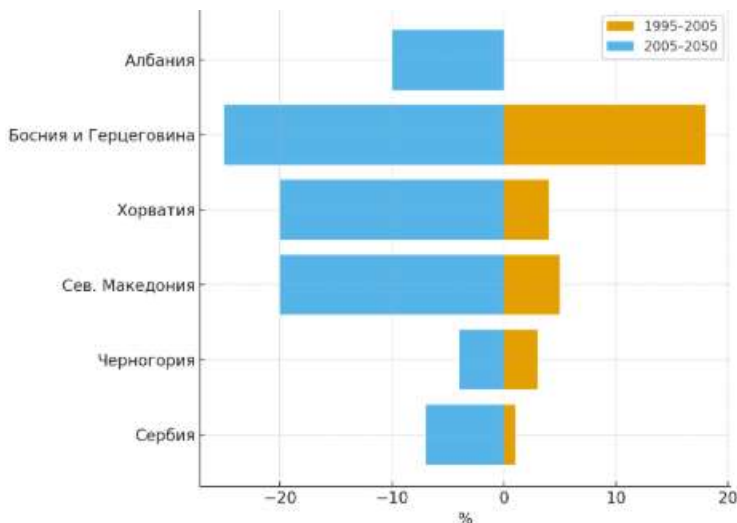

Рисунок 1. Рост и убыль населения на Западных Балканах в 1995–2005гг. и прогнозы на 2050г.

Источник: Разработано автором на основе [56].

В целях комплексного анализа целесообразно рассмотреть законодательные реформы в странах Западных Балкан в сфере образования, направленные на привлечение иностранных студентов и формирование механизмов их последующего «удержания» в качестве будущей рабочей силы.

- Сербия запустила программу Serbia Study, который является централизованным порталом для иностранных студентов, включающий подбор программ и визовую поддержку [45].

- В Северной Македонии начата программа грантов для студентов из соседних стран и Африки, а также поддержка стажировок в европейских компаниях [46].
- В Черногории проведены реформы в области медицины и туризма. В частности введение телемедицины и развитие медицинского туризма [47], а также развитие стратегии устойчивого и оздоровительного туризма Черногории, который включает реабилитационные программы, медицинские услуги и технологии [48].
- В Черногории запущена стратегия миграции и реинтеграции возвращающихся “Strategy on Migration and Reintegration of Returnees”, которая предусматривает экономическую и трудовую реинтеграцию возвращенных мигрантов [49]. В документе упоминается не только социальная интеграция, но также содействие доступу к рынку труда, создание индивидуальных планов реинтеграции, координация со службами занятости.
- Университеты вводят бакалаврские и магистерские программы на английском языке, особенно в сферах STEM. Данные процессы нацелены на привлечение международных студентов, а также подготовка молодежи к работе в глобальной экономике [50].

Только вместо удержания стратегии многих стран Западных Балкан включают работу с диаспорой: такие, как обмен знаниями, привлечение инвестиций, а также программы возвращения специалистов, где большую роль играет ICMPD¹¹.

В странах Западных Балкан постепенно формируется устойчивая политика образовательной интернационализации, направленная не только на привлечение иностранных студентов, но и на их дальнейшую экономическую и социальную интеграцию. Университеты региона расширяют спектр англоязычных программ, модернизируют инфраструктуру и усиливают международные связи, что позволяет повысить их конкурентоспособность на глобальном образовательном рынке. Одновременно правительства вводят целевые меры – грантовые схемы, упрощенные визовые процедуры, программы стажировок и механизмы перехода от обучения к трудоустройству.

Комплексность предпринимаемых инициатив свидетельствует о том, что страны Западных Балкан рассматривают образовательную миграцию как инструмент частичного восполнения дефицита кадров, стимулирования инновационной активности в стране и формирования долгосрочного человеческого капитала. Вместе с тем успешность интеграционных практик зависит

¹¹ ICMPD – “International Centre for Migration Policy Development” – Международная организация, работающая над миграционной политикой, включающий возврат, реинтеграцию, миграцию труда и т.д.

от качества образовательных услуг и способности национальных рынков труда поглощать иностранных выпускников. В итоге регион демонстрирует формирование целостной модели, где образование становится ключевым каналом привлечения и удержания молодых специалистов, способных внести вклад в социально-экономическое развитие стран Западных Балкан.

Перспективы адаптации образовательных и миграционных практик США, Германии и стран Западных Балкан в Республике Армения

За последние несколько десятилетий демографическая ситуация в Республике Армения остается довольно сложной. В первой половине 2024 года родилось на примерно 8% меньше детей, чем в аналогичном периоде 2023 года [51].

По данным “Armstat” средний коэффициент рождаемости в стране за последние 10 лет примерно 1.6–1.7 [52], что как уже отмечалось выше в статье, является тревожным сигналом для воспроизводства населения и экономики страны.

С начала распада СССР эмиграция населения является одним из самых значимых факторов уменьшения количества населения в РА, который продолжается до сих пор и может ухудшиться в связи с политической нестабильностью в стране [53].

При сохранении текущих тенденций, Армения может столкнуться с резким уменьшением населения, особенно если эмиграция не замедлится и рождаемость не стабилизируется. Приток населения из Нагорного Карабаха может временно сгладить демографический спад, однако должны быть проведены скорейшие меры по интеграции, предоставление экономических возможностей и жилья, так как беженцы также склонны к эмиграции в страны ЕС.

Опыт США и Германии демонстрирует, как образование может стать плодотворным инструментом привлечения и интеграции рабочей силы. Примеры балканских стран доказывают, что даже небольшие экономики способны внедрять международные модели дуального обучения и сотрудничества с бизнесом.

Для Армении перспективно сочетать немецкую модель в сфере организации трудоустройства иностранных студентов с армянским рынком труда. Из американской практики можно взять пример инициатив и организаций, поддерживающих иностранных абитуриентов и студентов при подаче документов на визу или получение разрешения на работу, а также для их плавной интеграции в университетскую, социальную и культурную жизнь страны. Из балканского опыта можно применить деятельность по увеличению образовательных курсов на английском языке и привлечении высококлассных преподавателей.

давателей из топовых университетов, что, в свою очередь, приведет к развитию национальной системы профессионального образования, ориентированную на рынок труда и миграционные потоки.

В последние годы (Рис. 2) наблюдается значительный всплеск миграции из Индии в Армению [54], и эта тенденция обусловлена несколькими факторами. Армения предлагает конкурентоспособную зарплату за неквалифицированный труд, что делает ее весьма привлекательным вариантом по сравнению с Индией. Кроме того, значительное число индийских мигрантов находят работу в строительном секторе и сфере услуг. Более того, Армения постепенно становится популярным направлением для туризма, что создает мощный потенциал для укрепления и расширения экономических отношений между Индией и РА. Открывается также возможность предоставления образовательных услуг, а в дальнейшем – удержание талантливых выпускников в стране для развития таких сфер, как медицина и STEM.

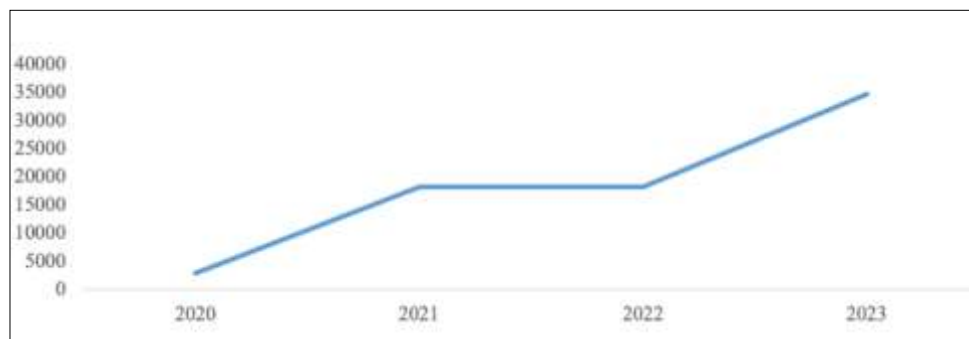

Рисунок 2. Количество прибывших из Индии в Армению, чел.
(за период 2020–2023гг.)

Источник: Армянская Ассоциация Предпринимателей. «Армения-Индия: торговые перспективы», 2024 URL: <https://www.armassociation.com/ru/blog/analytics/Armenia-India-trade-prospects>.

В настоящем исследовании Индия рассматривается как пример страны, граждане которой демонстрируют заинтересованность в обучении и трудовой деятельности в Республике Армения. Вместе с тем, при условии реализации последовательной и качественной государственной политики по продвижению образовательных услуг, потенциал привлечения талантливых студентов может быть расширен за счет ряда других стран, включая Российскую Федерацию, Иран, Сирию, Ливан, Грузию, Украину, Египет, Иорданию, отдельные государства Африки, а также представителей армянской диаспоры. Эффективная интеграция указанных категорий обучающихся в социально-эко-

номическую систему страны способна способствовать увеличению человеческого капитала и росту валового внутреннего продукта. Факторы, которые могут привлечь студентов в Армению: сравнительно недорогое обучение по сравнению с качеством образования (особенно медицина и STEM), программы на английском и русском языках, безопасность страны. Важно отметить, что увеличение количества качественных студентов из разных стран не только увеличит прибыль армянских образовательных учреждений, но и улучшит их репутацию на международной арене. Как показывает практика США и Германии иммиграция также стимулирует развитие инноваций и технологий, так необходимых экономике Армении.

Для увеличения количества талантливых студентов из вышеперечисленных стран необходимо:

- во-первых, увеличить количество программ на английском языке;
- облегчить визовые условия для уже поступивших в университеты студентов;
- развить дружественную среду для международных студентов.

Для последнего необходимо создание бесплатных языковых курсов армянского языка, инициатив и организаций для плавной интеграции студентов в социальную и культурную жизнь страны, помощь с поиском жилья, оформлением разрешения для временного проживания, центров поддержки и помощи с трудоустройством для выпускников, желающих остаться в стране на постоянное место жительства. Необходимо увеличить количество дуальных программ, для увеличения круга общения студентов и облегчения интеграции иностранцев в социальную жизнь страны и решение остаться на постоянное место жительства.

Представляется целесообразным выделить ряд дополнительных инструментов, способных оказать влияние на выбор иностранных абитуриентов в пользу образовательных учреждений РА:

- предоставление стипендий не только студентам с высокими оценками, которые имеют гражданство Армении, но также для иностранцев, что увеличит конкуренцию и увеличит чувство равноправия;
- создание условий для проживания (студенческие кампусы, доступное жилье, социальные льготы);
- поддержка стартапов и инициатив выпускников через университетские инкубаторы и гранты, целью которых является удержание квалифицированных выпускников в стране и повышение их экономической ценности;
- привлечение преподавателей и исследователей из-за рубежа для повышения качества образования и международного признания университетов;

- внедрение онлайн и гибридного обучения, что сделает доступными университеты для иностранных студентов;
- развитие исследовательских центров и лабораторий с международным финансированием.

С учетом международного опыта, в частности, практики США, Республике Армения целесообразно ориентироваться на стратегию селективного привлечения высококвалифицированных и академически успешных иностранных граждан, а не на политику массового притока рабочей силы. Подобный подход может способствовать улучшению демографической структуры и обеспечению долгосрочного социально-экономического развития. В этой связи представляется необходимым формирование комплексной государственной программы привлечения талантов, включающей институциональные, образовательные, миграционные и интеграционные механизмы:

- единое разрешение на проживание и работу, что сократит сроки оформления и повысит привлекательность рынка труда Армении;
- квотирование и целевые программы для привлечения студентов/специалистов из конкретных стран (например, 3000 строителей из Индии, 2000 STEM студентов). Квоты должны быть гибкими и ежегодно пересматриваться в зависимости от потребностей рынка. Например, государство берет на себя визовую и языковую поддержку, бизнес – обучение и жилье.
- начать программу возврата талантливых студентов, обучающихся за рубежом, а также квалифицированных мигрантов, работающих за границей. Например, помогать при трудоустройстве, ввести налоговые льготы, помощь при возвращении. Необходимо использовать немецкий опыт “Make it in Germany¹²” – и программу поддержки работодателей и специалистов [55].

Учитывая, что иностранные студенты, как правило, прибывают без членов семьи, то при наличии институционально выстроенной системы социальной и культурной интеграции они способны в относительно краткосрочной перспективе интегрироваться в принимающее общество и стать полноценными участниками его социально-экономических и культурных процессов.

Комплексный подход к привлечению высококвалифицированных иностранных специалистов, сочетающийся с системной политикой их долгосрочного удержания, способен выступать значимым инструментом демографической стабилизации и социально-экономического развития. В частности, реализация такой стратегии может способствовать ускорению темпов экономи-

¹² “Make it in Germany” – официальный информационный портал немецкого правительства для квалифицированных специалистов и студентов из-за рубежа. Портал помогает сориентироваться в визовых требованиях, а также в вопросах работы и жизни в Германии.

ческого роста, повышению качества образовательных институтов, укреплению инновационного потенциала страны, а также расширению предпринимательской активности и увеличению числа хозяйствующих субъектов. Не вызывает недоумения, что США и Германия сосредоточили внимание на привлечении именно студентов, поскольку в этом возрастном периоде личность еще находится в процессе формирования, что значительно облегчает их интеграцию в культурную и социальную среду принимающей страны.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что стратегическое развитие системы образования является одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности РА как на региональном, так и на международном уровне. Реформы в сфере высшего образования, направленные на привлечение и удержание иностранных студентов, выступают не только инструментом академической интеграции, но и важным фактором социально-экономического развития, способствующим расширению человеческого капитала, росту инновационного потенциала и увеличению экономических возможностей.

Сравнительное изучение международного опыта, в частности практик США и Германии, показало, что государства, активно инвестирующие в модернизацию образовательной системы и продвижение университетов на международной арене, получают долгосрочные преимущества в виде притока квалифицированных специалистов и укрепления инновационной инфраструктуры.

Для Армении ключевым является формирование последовательной и системной государственной политики, включающей институциональную поддержку университетов, развитие образовательной и социальной инфраструктуры, упрощение визовых и миграционных процедур, а также создание привлекательной среды для учебы и последующей профессиональной реализации иностранных студентов. Эффективная реализация таких мер позволит укрепить имидж Армении как регионального образовательного центра и обеспечит устойчивый экономический рост, включая расширение рынка труда, стимулирование предпринимательства и рост экспорта образовательных услуг.

Таким образом, привлечение и интеграция иностранных студентов через продуманную образовательную стратегию следует рассматривать как приоритетное направление государственной политики, направленной на долгосрочное социально-экономическое развитие Республики Армения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bhandari R., Blumenthal P.* International Students and STEM Workforce in the United States // “Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard University”, 2023. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/international-students-scholars-stem-us>
2. *Winters J.* Foreign and Native-Born STEM Graduates and Innovation Intensity in the United States” // “IZA Discussion Paper”, No. 8575.

3. *Абрамян К.А., Рубинская Э.Д.* Миграционная политика как инструмент инновационного лидерства США // «ДЕМИС. Демографические исследования». Т.5, №3. 2025. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.7. СС. 110–120.
4. Migration Policy Institute. Global Skills and Talent Initiative // Migration Policy Institute, 2025. URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/global-skills>.
5. ICEF Monitor. Foreign student enrolment in the United States reached an all-time high in 2023/24. ICEF Monitor, ноябрь 2024.
6. NAFSA. International Students Contribute Record-breaking Level of Spending and 378,000 Jobs to the U.S. Economy. NAFSA / JB International, 2024.
7. U.S. Citizenship and Immigration Services. H-1B Specialty Occupations, Numerical Limitations, and Fee Information USCIS, 2025. URL: <https://www.uscis.gov/working-in-the-united-states/temporary-workers/h-1b-specialty-occupations>.
8. Jannus, Inc. Global Talent Program // Global Talent Idaho. URL: <https://glotalent.org/about-global-talent-idaho>
9. Institute of International Education. Remote Enrollment Options for International Students // ИЕ Open Doors Report, 2024. URL: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Open-Doors/Data/International-Students/Remote-Enrollment>.
10. National Center for Education Statistics. Public high school graduates, by region, state, and jurisdiction: Selected school years, 1980–81 through 2022–23 // U.S. Department of Education, NCES Digest, 2024. URL: https://nces.ed.gov/programs/digest/d24/tables/dt24_219.20.asp
11. *Lane P., Falkenstern C., Bransberger P.* Knocking at the College Door: Projections of High School Graduates // Western Interstate Commission for Higher Education (WICHE), 2024. URL: <https://www.wiche.edu/wp-content/uploads/2024/12/2024-Knocking-at-the-College-Door-final.pdf>
12. University of Michigan. International Student Success Center // University of Michigan, 2025. URL: <https://issc.umich.edu/>
13. Там же.
14. U.S. Immigration and Customs Enforcement. 2024 Top 200 Employers for OPT and STEM-OPT Students // SEVIS by the Numbers, 2024. URL: https://www.ice.gov/doclib/sevis/btn/2024/2024_Top200_Employers_OPT_STEM_OPT_Students.pdf
15. U.S. Bureau of Labor Statistics. Foreign-born workers: Labor force characteristics – 2023 // U.S. Department of Labor, 2023. URL: <https://www.bls.gov/news.release/forbrn.nr0.htm>
16. Economic Policy Institute. Immigrants' contribution to U.S. GDP, 2023. EPI, 2023. URL: <https://www.epi.org/publication/immigrants-contribution-to-us-gdp-2023/>
17. Council on Foreign Relations. Immigrant Entrepreneurs and the U.S. Economy // CFR, 2023. URL: <https://www.cfr.org/background/immigrant-entrepreneurs-us-economy>
18. American Immigration Council. Immigrant Entrepreneurs in the Fortune 500, 2024 // American Immigration Council, 2024. URL: <https://www.americanimmigrationcouncil.org/research/immigrant-entrepreneurs-fortune-500>
19. Center for Migration Studies of New York. Economic Impact of Immigration in the United States: 2024–2034 Projections // CMS, 2024. URL: <https://cmsny.org/publications/economic-impact-immigration-2024-2034/>
20. Федеральное статистическое управление Германии (Destatis). Die zusammengefasste Geburtenziffer ist 2024 auf 1,35 Kinder je Frau gesunken, URL: <https://www.destatis.de>

21. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects 2022: Fertility Indicators // UN, 2022. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Fertility/>
22. Population by age, Germany // Federal Statistical Office of Germany, 2024. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/_node.html
23. Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development (BBSR). Internal Migration and Rural Depopulation in Germany // BBSR, 2023. URL: https://www.bbsr.bund.de/BBSR/EN/Home/home_node.html
24. Federal Ministry of Education and Research (BMBF). Dual Vocational Education and Training in Germany // BMBF, 2023. URL: <https://www.bmbf.de/en/dual-vocational-education-and-training-in-germany-1103.html>
25. DAAD (German Academic Exchange Service). International Students in Germany 2025 // DAAD, 2025. URL: <https://www.daad.de/en/study-and-research-in-germany/international-students/>
26. DAAD (German Academic Exchange Service). International Students in Germany 2024/2025 // DAAD, 2025. URL: <https://www.daad.de/en/study-and-research-in-germany/international-students/>
27. DAAD (German Academic Exchange Service). International Students in Germany: Forecast 2026 // DAAD, 2025. URL: <https://www.daad.de/en/study-and-research-in-germany/international-students/>
28. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Fachkräfteeinwanderungsgesetz: Skilled Immigration in Germany // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/skilled-immigration/skilled-immigration-node.html>
29. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). EU Blue Card and Employment Opportunities for International Students // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/skilled-immigration/eu-blue-card/eu-blue-card-node.html>
30. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Opportunity Card: Points-Based System for Skilled Workers // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/skilled-immigration/opportunity-card/opportunity-card-node.html>
31. DAAD (German Academic Exchange Service). Scholarships and Research Funding for International Students // DAAD, 2025. URL: <https://www.daad.de/en/study-and-research-in-germany/scholarships/>
32. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Residence Permit for Job Seekers: International Graduates in Germany // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/skilled-immigration/job-seekers/job-seekers-node.html>
33. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Citizenship Law Reform 2024: Multiple Nationalities Allowed // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/citizenship/citizenship-law-reform/citizenship-law-reform-node.html>
34. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Naturalization Requirements in Germany // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/citizenship/naturalization/naturalization-requirements-node.html>
35. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Migration Policy Measures to Reduce Pull Factors // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/migration-policy/reduce-pull-factors-node.html>

36. Statistisches Bundesamt (Destatis). Zahl der Erwerbstätigen im Jahr 2024 auf neuem Höchststand. Pressemitteilung Nr. 001 vom 2. Januar 2025. Wiesbaden. URL: https://www.destatis.de/DE/Press/2025/01/PE25_001_13321.html
37. Migration strengthens Germany's economy: skilled labour, innovation and employment. 31.10.2025. URL: <https://www.deutschland.de/en/topic/business/migration-skilled-labour-innovation-germany>
38. DAAD. Zahl internationaler Studierender in Deutschland steigt auf über 400 000. 19.12.2024. // DAAD-Пресс-релиз. URL: https://www.daad.de/en/the-daad/communication-publications/press/press_releases/2024/zahl-internationaler-studierender-in-deutschland-steigt-auf-ueber-400000/
39. OECD. Migrant entrepreneurship in OECD countries. B: International Migration Outlook 2024, OECD Publishing. «Migrant entrepreneurship». URL: https://www.oecd.org/en/-publications/2024/11/international-migration-outlook-2024_c6f3e803/full-report/migrant-entrepreneurship-in-oecd-countries_72f44494.html
40. Bertelsmann Stiftung. How founders with migration ties shape the economy – and what barriers they must overcome. Анализ ZEW / IAB, 2025. URL: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/en/our-projects/entrepreneurial-potential/project-news/how-founders-with-migration-ties-shape-the-economy>
41. World Bank. Western Balkans Regular Economic Report No. 26 Fall 2024. Washington, D.C.: World Bank, 2024. С. 18.
42. OECD. Labour Migration in the Western Balkans: Mapping Patterns, Addressing Challenges and Reaping Benefits. Paris: OECD, 2022. С. 26.
43. Там же.
44. Там же. С. 25.
45. Министерство просвещения Республики Сербия; Фонд “Tempus” // Study in Serbia: официальный портал для иностранных студентов. Белград, 2023.
46. Министерство образования и науки Республики Северная Македония. Стипендии для иностранных граждан. Скопье, 2023. СС. 12–14. URL: <https://mon.gov.mk>
47. JPM & Partners. A New Era for Health in Montenegro: Telemedicine, Tourism, and Technology. Подгорица, 2025.
48. Western Balkans InfoHub. Montenegro Adopts New Health Care Law, Aligning with EU Standards. Подгорица, 2025.
49. Montenegro, Ministry of Interior. Strategy on Migration and Reintegration of Returnees 2021–2025, with Action Plan 2021–2022. Podgorica, 2021. URL: <https://www.gov.me/-dokumenta/15ef985b-eddb-4a41-a58a-63fee7e8455c> (gov.me)
50. OECD. Education in the Western Balkans: Policy Review. Paris: OECD, 2020.-СС. 106–107
51. Statistical Committee of the Republic of Armenia. Time series. Demography. URL: armstat.am
52. Там же.
53. Армянская Ассоциация Предпринимателей. Армения–Индия: торговые перспективы // “ArmAssociation”, 30.05.2024. URL: www.armassociation.com
54. Там же.
55. Make it in Germany. URL: www.make-it-in-germany.com.
56. European Environment Agency. Population growth and decline in Europe: Western Balkans. København: EEA, 2024. URL: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/maps-and-charts/population-growth-and-decline-in>

REFERENCES

1. *Bhandari R., Blumenthal P.* International Students and STEM Workforce in the United States // Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard University, 2023. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/international-students-scholars-stem-us>
2. *Winters J.* Foreign and Native-Born STEM Graduates and Innovation Intensity in the United States” // IZA Discussion Paper No. 8575.
3. *Abramyan K., Rubinskaya E.* Migration Policy as an Instrument of US Innovative Leadership // DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 3. PP. 110–120. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.7 (In Russ.).
4. Migration Policy Institute. Global Skills and Talent Initiative // Migration Policy Institute, 2025. URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/global-skills>.
5. ICEF Monitor. Foreign student enrolment in the United States reached an all-time high in 2023/24. ICEF Monitor, ноябрь 2024.
6. NAFSA. International Students Contribute Record-breaking Level of Spending and 378,000 Jobs to the U.S. Economy. NAFSA / JB International, 2024.
7. U.S. Citizenship and Immigration Services. H-1B Specialty Occupations, Numerical Limitations, and Fee Information USCIS, 2025. URL: <https://www.uscis.gov/working-in-the-united-states/temporary-workers/h-1b-specialty-occupations>.
8. Jannus, Inc. Global Talent Program // Global Talent Idaho. URL: <https://glotalent.org/about-global-talent-idaho>
9. Institute of International Education. Remote Enrollment Options for International Students // IIE Open Doors Report, 2024. URL: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Open-Doors/Data/International-Students/Remote-Enrollment>.
10. National Center for Education Statistics. Public high school graduates, by region, state, and jurisdiction: Selected school years, 1980-81 through 2022-23 // U.S. Department of Education, NCES Digest, 2024. URL: https://nces.ed.gov/programs/digest/d24/tables/dt24_219.20.asp
11. *Lane P., Falkenstern C., Bransberger P.* Knocking at the College Door: Projections of High School Graduates // Western Interstate Commission for Higher Education (WICHE), 2024. URL: <https://www.wiche.edu/wp-content/uploads/2024/12/2024-Knocking-at-the-College-Door-final.pdf>
12. University of Michigan. International Student Success Center // University of Michigan, 2025. URL: <https://issc.umich.edu/>
13. Ibid.
14. U.S. Immigration and Customs Enforcement. 2024 Top 200 Employers for OPT and STEM-OPT Students // SEVIS by the Numbers, 2024. URL: https://www.ice.gov/doclib/sevis/btn/2024/2024_Top200_Employers_OPT_STEM_OPT_Students.pdf
15. U.S. Bureau of Labor Statistics. Foreign-born workers: Labor force characteristics 2023 // U.S. Department of Labor, 2023. URL: <https://www.bls.gov/news.release/forbrn.nr0.htm>
16. Economic Policy Institute. Immigrants’ contribution to U.S. GDP, 2023 – EPI, 2023. URL: <https://www.epi.org/publication/immigrants-contribution-to-us-gdp-2023/>
17. Council on Foreign Relations. Immigrant Entrepreneurs and the U.S. Economy // CFR, 2023. URL: <https://www.cfr.org/background/immigrant-entrepreneurs-us-economy>
18. American Immigration Council. Immigrant Entrepreneurs in the Fortune 500, 2024 // American Immigration Council, 2024. URL: <https://www.americanimmigrationcouncil.org/research/immigrant-entrepreneurs-fortune-500>

19. Center for Migration Studies of New York. Economic Impact of Immigration in the United States: 2024–2034 Projections // CMS, 2024. URL: <https://cmsny.org/publications/economic-impact-immigration-2024-2034/>
20. The total fertility rate in 2024 fell to 1.35 children per woman. URL: <https://www.destatis.de>
21. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects 2022: Fertility Indicators // UN, 2022. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Fertility/>
22. Population by age, Germany // Federal Statistical Office of Germany, 2024. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/_node.html
23. Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development (BBSR). Internal Migration and Rural Depopulation in Germany // BBSR, 2023. URL: https://www.bbsr.bund.de/BBSR/EN/Home/home_node.html
24. Federal Ministry of Education and Research (BMBF). Dual Vocational Education and Training in Germany // BMBF, 2023. URL: <https://www.bmbf.de/en/dual-vocational-education-and-training-in-germany-1103.html>
25. DAAD (German Academic Exchange Service). International Students in Germany 2025 // DAAD, 2025. URL: <https://www.daad.de/en/study-and-research-in-germany/international-students/>
26. DAAD (German Academic Exchange Service). International Students in Germany 2024/2025 // DAAD, 2025. URL: <https://www.daad.de/en/study-and-research-in-germany/international-students/>
27. DAAD (German Academic Exchange Service). International Students in Germany: Forecast 2026 // DAAD, 2025. URL: <https://www.daad.de/en/study-and-research-in-germany/international-students/>
28. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Fachkräfteeinwanderungsgesetz: Skilled Immigration in Germany // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/skilled-immigration/skilled-immigration-node.html>
29. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). EU Blue Card and Employment Opportunities for International Students // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/skilled-immigration/eu-blue-card/eu-blue-card-node.html>
30. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Opportunity Card: Points-Based System for Skilled Workers // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/skilled-immigration/opportunity-card/opportunity-card-node.html>
31. DAAD (German Academic Exchange Service). Scholarships and Research Funding for International Students // DAAD, 2025. URL: <https://www.daad.de/en/study-and-research-in-germany/scholarships/>
32. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Residence Permit for Job Seekers: International Graduates in Germany // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/skilled-immigration/job-seekers/job-seekers-node.html>
33. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Citizenship Law Reform 2024: Multiple Nationalities Allowed // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/citizenship/citizenship-law-reform/citizenship-law-reform-node.html>
34. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Naturalization Requirements in Germany // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/citizenship/naturalization/naturalization-requirements-node.html>

35. Federal Ministry of the Interior, Building and Community (BMI). Migration Policy Measures to Reduce Pull Factors // BMI, 2024. URL: <https://www.bmi.bund.de/EN/topics/migration/migration-policy/reduce-pull-factors-node.html>
36. Number of employed persons in 2024 reached a new record high: Pressemitteilung Nr. 001 vom 2. Januar 2025. Wiesbaden, 2025. URL: https://www.destatis.de/DE/Press/2025-/01/PE25_001_13321.html
37. Migration strengthens Germany's economy: skilled labour, innovation and employment. 31.10.2025. URL: <https://www.deutschland.de/en/topic/business/migration-skilled-labour-innovation-germany>
38. DAAD. Zahl internationaler Studierender in Deutschland steigt auf über 400 000. 19.12.2024. // DAAD-Пресс-релиз. URL: <https://www.daad.de/en/the-daad/communication-publications/press/press-releases/2024/zahl-internationaler-studierender-in-deutschland-steigt-auf-ueber-400000/>
39. OECD. Migrant entrepreneurship in OECD countries. B: International Migration Outlook 2024, OECD Publishing. "Migrant entrepreneurship". URL: https://www.oecd.org/en/publications/2024/11/international-migration-outlook-2024_c6f3e803/full-report/migrant-entrepreneurship-in-oecd-countries_72f44494.html
40. Bertelsmann Stiftung. How founders with migration ties shape the economy – and what barriers they must overcome. Анализ ZEW / IAB, 2025. URL: <https://www.bertelsmannstiftung.de/en/our-projects/entrepreneurial-potential/project-news/how-founders-with-migration-ties-shape-the-economy>
41. World Bank. Western Balkans Regular Economic Report No. 26 Fall 2024. Washington, D.C.: World Bank, 2024. P. 18.
42. OECD. Labour Migration in the Western Balkans: Mapping Patterns, Addressing Challenges and Reaping Benefits. Paris: OECD, 2022. P. 26.
43. Ibid.
44. Ibid. P. 25.
45. Study in Serbia: Official Portal for International Students. Belgrad, 2023. URL: <https://studyins Serbia.rs>
46. Ministry of Education and Science of the Republic of North Macedonia. Scholarships for Foreign Citizens – Skopje, 2023. PP. 12–14. URL: <https://mon.gov.mk>
47. JPM & Partners. A New Era for Health in Montenegro: Telemedicine, Tourism, and Technology. Podgorica, 2025.
48. Western Balkans InfoHub. Montenegro Adopts New Health Care Law, Aligning with EU Standards. Podgorica, 2025.
49. Montenegro, Ministry of Interior. Strategy on Migration and Reintegration of Returnees 2021–2025, with Action Plan 2021–2022. Podgorica, 2021. URL: <https://www.gov.me/dokumentacija/15ef985b-eddb-4a41-a58a-63fee7e8455c> (gov.me)
50. OECD. Education in the Western Balkans: Policy Review. Paris: OECD, 2020. CC. 106–107.
51. Statistical Committee of the Republic of Armenia. Time series. Demography. URL: armstat.am
52. Ibid.
53. Armenia-India: Trade Prospects // "АрмAssociation", 30.05.2024. URL: <https://www.armassociation.com>
54. Ibid.
55. Make it in Germany. URL: www.make-it-in-germany.com.

56. European Environment Agency. Population growth and decline in Europe: Western Balkans. København: EEA, 2024. URL: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/maps-and-charts/population-growth-and-decline-in>

**EDUCATIONAL REFORMS OF THE UNITED STATES,
GERMANY AND WESTERN BALKAN COUNTRIES IN THE
CONTEXT OF FOREIGN LABOR ATTRACTION:
POSSIBILITIES FOR APPLICATION IN ARMENIA**

L. Badalyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article examines the current transformations in educational policy in the United States, Germany, and Southeastern Europe, aimed at developing and replenishing human resources in the context of a global shortage of skilled labor. The analysis focuses on institutional instruments for human capital development: dual and integrated vocational education models, qualification recognition mechanisms, and practices for integrating migrants into national education systems.

It is shown that international academic mobility creates an additional labor pool, but its effectiveness is entirely determined by the combination of universities' educational strategies and the migration and visa regimes of host countries. The paper identifies key barriers and incentives affecting the influx and retention of international students, including graduate employment regulations and the characteristics of national labor markets. Particular attention is paid to the potential for applying international models in Armenia. Taking into account demographic trends, labor market structure, and institutional constraints, the potential for adapting individual elements—from the development of dual programs to improving qualification recognition procedures—is assessed. The study's methodological framework includes a systematic review of publications published between 2020 and 2025, a comparative historical analysis, and a review of regulatory documents, statistical materials, and analytical reports from international organizations (OECD, UNESCO, and the World Bank). The results enable the formulation of recommendations for improving the effectiveness of education and migration policies in the context of long-term labor market needs.

Keywords: Armenia, education, migration, labor market, demography, reforms.

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-49-64
УДК 502.131.1

Поступила: 07.12.2025г.
Сдана на рецензию: 17.12.2025г.
Подписана к печати: 27.01.2026г.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ РИСКАМИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ)

Т.С. Варжапетян

*Российско-Армянский университет
tigranvarzhapetian@gmail.com
ORCID: 0009-0005-4890-2358*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что сейсмические риски и антропогенная нагрузка на строительный сектор требуют интегрированного подхода, совмещающего экологическую устойчивость, безопасность и экономическую эффективность. Для сейсмоактивных стран, таких как Япония и Республика Армения, поиск оптимальной модели управления, обеспечивающей этот баланс, является критически важной задачей. Цель исследования – провести сравнительный анализ японской и армянской моделей управления экологическим строительством в сейсмоопасных условиях для выявления факторов успеха и определения возможностей адаптации передового опыта в Армении. В исследовании использован метод сравнительного правового и институционального анализа, проведен SWOT-анализ строительной отрасли Армении, а также анализ международных стандартов экологического строительства. Выявлено, что японская модель характеризуется высокой степенью интеграции государственной политики, корпоративного управления и инноваций, где национальный стандарт CASBEE выступает системообразующим элементом. В отличие от этого, армянская система находится на этапе перехода к стандартам ЕС, демонстрируя фрагментарность внедрения «зеленых» практик и наличие барьеров, связанных с финансированием, кадрами и нормативной базой. На основе сравнительного анализа и SWOT-оценки разработан комплекс рекомендаций для Армении, включающий создание национальной системы сертификации, развитие механизмов государственно-частного партнерства, усиление управления рисками и подготовку кадров. Адаптация японского опыта с учетом локальных особенностей и возможностей евроинтеграции может стать катализатором для развития в Армении конкурентоспособной модели управления, обеспечивающей одновременное достижение целей сейсмической безопасности и экологической устойчивости строительства.

Ключевые слова: экологическое строительство, управление рисками, сейсмостойкость, сравнительный анализ, устойчивое развитие.

Введение

Современный строительный сектор в регионах с высокой сейсмической активностью сталкивается с комплексной проблемой, формируемой тройственной повесткой: необходимостью обеспечения экологической устойчивости, безопасности и экономической эффективности [1]. Рост антропогенной нагрузки, увеличение плотности городской застройки и последствия изменения климата усугубляют уязвимость инфраструктуры, делая традиционные подходы к проектированию и управлению недостаточными [2]. В этом контексте проблема управления экологическим строительством заключается в необходимости внедрения комплексного интегрированного менеджмента, который охватывает весь жизненный цикл объекта – от стратегического планирования и нормативного регулирования до проектных решений, строительства, эксплуатационного мониторинга и утилизации [3].

Для таких сейсмоопасных стран, как Япония и Армения, данный вызов имеет первостепенное значение. Япония, обладая одним из наиболее строгих в мире нормативов по сейсмостойкости, системно интегрировала принципы экологического строительства в свою отраслевую стратегию, сделав их ядром государственной политики и корпоративной практики [4]. В свою очередь, Армения, значительная часть территории которой относится к зонам высокой сейсмической опасности, в последние годы активизировала курс на модернизацию строительных норм и их сближение со стандартами Европейского Союза [5]. Однако, как показывают исследования, внедрение «зеленых» стандартов и передовых управленческих практик в Армении носит ограниченный и фрагментарный характер, что указывает на наличие значительных институциональных и экономических барьеров [6].

Теоретической основой для решения указанной проблемы выступают международные стандарты и системы менеджмента. Так, стандарт ISO 14001 задает рамки для систем экологического менеджмента (СЭМ), обеспечивая планомерное управление экологическими аспектами деятельности строительных компаний [7]. Добровольные рейтинговые системы, такие как LEED, BREEAM и, в особенности, японский CASBEE, предоставляют конкретные метрики для оценки и сертификации экологической эффективности зданий, стимулируя ресурсосбережение, энергоэффективность и использование экологичных материалов [8; 9]. Исследования подчеркивают, что в сейсмоактивных условиях критически важной становится интеграция требований сейсмостойкости в эти системы, что предполагает обеспечение способности конструкций выдерживать проектные уровни воздействий без катастрофических последствий [10].

Несмотря на наличие обширных исследований, посвященных японскому опыту [11], и работ, анализирующих отдельные аспекты строительной от-

расли Армении [12], комплексный сравнительный анализ моделей управления двух стран с целью выявления факторов успеха и возможностей адаптации остается недостаточно изученным.

Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа японской и армянской моделей менеджмента экологического строительства в сейсмоопасных условиях для выявления факторов успеха и определения возможностей адаптации японского опыта в Армении.

Для достижения поставленной цели в исследовании определены следующие задачи:

1. Провести сравнительный анализ национальных моделей управления экологическим строительством в Японии и Армении, рассмотрев государственную политику, корпоративные практики и системы управления рисками.

2. Выполнить системный анализ международных стандартов и рейтинговых систем (ISO 14001, LEED, BREEAM, CASBEE) для оценки их ключевых особенностей и статуса в рассматриваемых странах.

3. Осуществить диагностику потенциала строительной отрасли Армении посредством SWOT-анализа, выявив сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы развития экологического строительства.

4. Разработать комплекс рекомендаций по стратегической адаптации японского опыта в Армении, включая предложения по созданию национальной системы сертификации и развитию механизмов государственно-частного партнерства.

Методы анализа двух моделей

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования был применен комплекс взаимодополняющих методов, обеспечивающих всесторонний анализ систем управления экологическим строительством в сейсмоопасных регионах. Методологическая рамка исследования основана на принципах сравнительного и системного анализа.

Был проведен сравнительный анализ национальных моделей Японии и Армении. В качестве критериев для сравнения были выделены следующие системные аспекты: государственная политика и стратегическое планирование, корпоративные управленческие практики, системы управления рисками, стандартизация и сертификация, уровень технологического развития и инноваций, а также степень вовлечения общественности. Данные критерии позволили структурировать исследование и выявить ключевые сходства и различия между двумя юрисдикциями.

Сравнительный анализ японского и армянского опыта управления экологическими рисками в строительстве

Для наглядного представления результатов сравнительного анализа была разработана сводная Табл. 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ японского и армянского опыта управления экологическим строительством в сейсмоопасных условиях.

Критерий	Япония	Армения
Государственная политика	Комплексная стратегия декарбонизации к 2050г., обязательные экологические и сейсмические нормы, интеграция с муниципальной политикой	Переход к стандартам ЕС, модернизация советских норм, добровольность внедрения новых стандартов
Корпоративный менеджмент	ESG-стратегии крупных девелоперов, широкое внедрение ISO 14001, управление жизненным циклом (LCA/LCC)	Фрагментарное внедрение, зависимость от госзаказа, ограниченные ESG-практики
Управление рисками	Многоуровневая система: сейсмостойкое проектирование, оперативный мониторинг, готовность к ЧС, использование цифровых платформ	Правовая база (Закон «О сейсмической защите», ОВОС), требующая усиления интеграции с корпоративными СЭМ
Стандартизация	CASBEE как национальный стандарт, поддержка государства и муниципалитетов, высокое покрытие	Отсутствие национальной системы, ограниченное использование LEED/BREEAM
Инновации и технологии	Широкое применение CLT/LVL материалов, систем сейсмоизоляции, циркулярная экономика	Точечные инновации, барьеры финансирования и компетенций
Общественное участие	Системное эко просвещение, активная роль НКО в городской политике, сформированный спрос на «зеленую» недвижимость	Участие преимущественно через процедуры ОВОС и публичные слушания, ограниченные обратные связи

Разработано автором на основе [13;14;15].

Также проведен системный анализ наиболее релевантных международных стандартов и систем сертификации в области экологического строительства: ISO 14001, LEED, BREEAM и CASBEE. Анализ проводился по следующим критериям: тип стандарта (система менеджмента или рейтинговая система), область применения, ключевые особенности, а также статус и степень распространенности в Японии и Армении. Результаты анализа представлены в Табл. 2.

Таблица 2. Сравнительный анализ международных стандартов экологического строительства.

Стандарт	Тип	Область применения	Ключевые особенности	Статус в Японии	Статус в Армении
ISO 14001	Система экологического менеджмента	Корпоративное управление	Цикл PDCA (Plan-Do-Check-Act)	Широко внедрен	Фрагментарно
LEED	Добровольная сертификация зданий	Оценка экологической эффективности	Акцент на энергоэффективность и материалы	Используется наряду с CASBEE	Ограниченное применение
CASBEE	Национальная японская сертификация	Комплексная оценка зданий	Баланс качества среды и внешних воздействий	Национальный стандарт	Не используется
BREEAM	Европейская система сертификации	Устойчивое строительство	Широкий охват критериев, включая управление	Ограниченно	В рамках евроинтеграции

Разработано автором [16; 17; 18].

Для углубленного изучения потенциала и ограничений развития экологического строительства в Армении был проведен SWOT-анализ. Современная экосистема строительной отрасли Армении формируется на пересечении экономических, социальных и экологических факторов. Для более глубокого понимания потенциала развития устойчивого и безопасного строительства проведен SWOT-анализ, включающий оценку сильных и слабых сторон, возможностей и угроз в области управления экологическими рисками. SWOT-анализ экологического строительства в Армении (Рис. 1) наглядно демонстрирует текущую ситуацию и потенциал развития.

<p>Сильные стороны (Strengths) Растущий стройрынок Готовность к реформам База сейсмобезопасности Процедуры ОВОС</p>	<p>Слабые стороны (Weaknesses) Фрагментарность зеленых стандартов Дефицит спец. кадров Ограниченное корп. участие Недостаток финансирования</p>
<p>Возможности (Opportunities) Адаптация опыта CASBEE Гармонизация с ЕС стандартами Развитие ГЧП в реновации Цифровизация управления</p>	<p>Угрозы (Threats) Дорогая модернизация фонда Зависимость от банков Сейсмические риски Ограниченные инвестиции</p>

Рисунок 1. Экологическое строительство в Армении.

Разработано автором [19; 20; 21].

К сильным сторонам отнесены растущий строительный рынок, наличие законодательной базы по сейсмобезопасности и процедур ОВОС, а также готовность властей к реформам. Слабые стороны включают фрагментарность зеленых стандартов, дефицит специализированных кадров, ограниченное участие корпоративного сектора и недостаток финансирования. Возможности связаны с адаптацией зарубежного опыта, гармонизацией с нормами ЕС, развитием ГЧП и цифровизацией управления. К числу угроз отнесены высокая стоимость модернизации фонда, зависимость от банковского финансирования, сохраняющиеся высокие сейсмические риски и ограниченный объем инвестиций.

Метод позволил структурировать и оценить внутренние факторы (сильные и слабые стороны) и внешние факторы (возможности и угрозы), влияющие на отрасль. Анализ основывался на данных нормативных документов, отраслевых отчетов и научных публикаций, посвященных строительному комплексу Армении [22; 23].

Исследование базируется на анализе первичных и вторичных источников. К первичным источникам относятся законодательные и нормативные акты Японии и Армении, а также официальные документы по стандартизации. Вторичные источники включают научные статьи в рецензируемых журналах и аналитические отчеты международных организаций, посвященные вопросам устойчивого строительства и управления рисками.

Проведенное исследование позволило получить систематизированные данные о моделях управления экологическим строительством в Японии и Армении. Результаты представлены в виде анализа японской модели, характеристики армянской системы и итогов сравнительного анализа.

Японская модель демонстрирует высокую степень интеграции экологических принципов и требований сейсмостойкости на всех уровнях управления. Государственная политика характеризуется наличием комплексной стратегии декарбонизации до 2050 года, в которой строительный сектор идентифицирован как ключевой драйвер [24]. Обязательные нормы сейсмостойкого проектирования, ужесточенные после катастроф 1978 и 1995 годов, предусматривают многоуровневые критерии предельных состояний, направленные на сохранение жизни людей и минимизацию ущерба [25]. Интеграция экологической повестки обеспечивается через активное продвижение национальной системы сертификации CASBEE, которая используется муниципалитетами для градостроительного планирования и стимулирования девелоперов [26].

В области корпоративного менеджмента широко распространено внедрение систем экологического менеджмента на основе ISO 14001, а крупные компании разрабатывают собственные ESG-стратегии, включающие управление строительными и монтажными отходами (СДО) и применение мето-

дов оценки жизненного цикла (LCA) [27]. Технологические решения сочетают продвинутые системы сейсмоизоляции и демпфирования с использованием низкоуглеродных материалов, таких как инженерная древесина CLT/LVL. Циркулярная экономика реализуется через замкнутые цепочки поставок, где уровень переработки СДО превышает 90% [28]. Важным элементом является общественное участие, которое обеспечивается через экологическое просвещение и вовлечение НКО в процессы принятия градостроительных решений, что формирует устойчивый спрос на зеленую и безопасную недвижимость.

В Армении система управления экологическим строительством находится на этапе формирования. Нормативная база закрепляет основы управления рисками, и обязательные процедуры оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) для строительных проектов [29]. В последние годы активизирован процесс гармонизации национальных строительных норм со стандартами Европейского Союза, однако внедрение новых требований носит в основном добровольный характер [30].

Организационные особенности отрасли характеризуются фрагментарностью. Внедрение корпоративных СЭМ и ESG-практик ограничено, а управление жизненным циклом объектов не носит системного характера [31]. Использование международных зеленых стандартов, таких как LEED или BREEAM, является точечным и не поддерживается комплексными государственными стимулами. Ключевыми барьерами, согласно анализу, являются дефицит специализированных кадров в области экологического менеджмента и энергоэффективного проектирования, ограниченный доступ к долгосрочному финансированию и высокая стоимость модернизации существующего жилого фонда. Общественное участие в основном реализуется через процедуры ОВОС и публичные слушания, однако механизмы обратной связи и местного мониторинга развиты слабо.

Обсуждение результатов

Проведенный сравнительный анализ выявил фундаментальные различия в зрелости и комплексности подходов Японии и Армении к управлению экологическим строительством в сейсмоопасных условиях. Полученные результаты позволяют не только констатировать эти различия, но и интерпретировать их, выявляя ключевые факторы успеха японской модели и системные барьеры, препятствующие их адаптации в Армении.

Высокая эффективность японской модели, как показало исследование, обусловлена не отдельными инновациями, а их глубокой институциональной связностью. Долгосрочная государственная стратегия декарбонизации создает единую рамку для всех участников отрасли, а обязательные нормы сей-

смостойкости и экологические стандарты интегрированы в градостроительную политику на национальном и муниципальном уровнях [32; 33]. Это создает предсказуемую и стимулирующую среду для бизнеса. В Армении, несмотря на курс на евроинтеграцию, сохраняется фрагментарность: модернизация норм и внедрение «зеленых» практик идут параллельными, но слабо связанными потоками, а их добровольный характер не формирует достаточных стимулов для массового применения [34; 35].

Важнейшим фактором является роль национальной системы сертификации CASBEE. Будучи локализованным стандартом, CASBEE балансирует качество внутренней среды и снижение внешних воздействий, что идеально соответствует задаче комплексной устойчивости [36]. Его поддержка государством превратила сертификацию из маркетингового инструмента в элемент отраслевого стандарта. В Армении отсутствие сопоставимой национальной системы оставляет рынок без единого ориентира, а применение международных стандартов остается нишевым из-за высокой стоимости и недостаточной адаптации к местным сейсмическим и экономическим реалиям.

Ключевым элементом, отсутствующим в армянской модели, является масштабное внедрение циркулярных принципов. Японский показатель переработки свыше 90% строительно-демонтажных отходов [37] демонстрирует, что циркулярная экономика в строительстве – это не идеалистическая концепция, а работающая управленческая и технологическая практика. В Армении управление СДО остается на начальной стадии, что связано с отсутствием инфраструктуры, нормативных требований и экономических стимулов для создания замкнутых цепочек поставок.

Прямое копирование японской модели в условиях Армении невозможно и нецелесообразно в силу значительных различий в экономическом потенциале, размере рынка и исторически сложившейся структуре строительного фонда. Основным ограничением является высокая капиталоемкость передовых технологий и комплексной реновации, что при ограниченности финансирования и дефиците долгосрочных кредитных инструментов создает серьезный барьер [38].

В связи с этим, адаптация японского опыта должна носить стратегический и поэтапный характер. Предлагаются следующие пути:

1. Разработка Национальной стратегии устойчивого и сейсмобезопасного строительства. Данный документ должен синхронизировать цели декарбонизации, энергоэффективности и сейсмостойкости, создав ту самую единую рамку, которая характерна для Японии. Стратегия должна включать количественные целевые показатели, что позволит вести мониторинг эффективности.

2. Создание локализованной системы сертификации. Вместо прямого заимствования CASBEE, целесообразно разработать национальный стандарт,

интегрирующий лучшие практики CASBEE, BREEAM и LEED, но учитывающий специфику Армении – высокую сейсмичность, климатические особенности и экономические ограничения. Внедрение следует начинать с государственного и муниципального заказа, обеспечивая первоначальный спрос.

3. Активное развитие механизмов ГЧП и «зеленого» финансирования. Для преодоления финансовых барьеров необходимы специализированные инструменты: целевые кредитные линии для энергоэффективной и сейсмостойкой реновации, государственные гарантии по таким проектам, а также стимулирование выпуска «зеленых» облигаций [39]. Это позволит распределить риски и привлечь частный капитал.

4. Приоритет цифровизации и кадровой подготовки. Развитие цифровых инструментов для управления жизненным циклом и рисками является менее капиталоемким, но высокоэффективным направлением. Параллельно необходимо учреждение программ дополнительного образования и магистратур по специальностям «экологический менеджмент в строительстве», «LCA-анализ» и «сейсмостойкое зеленое проектирование» для преодоления кадрового дефицита.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно сфокусировано на макроуровне системного анализа, в то время как микроуровень, управленческие практики отдельных компаний и их экономическая эффективность требует отдельного углубленного изучения. Во-вторых, выводы по Армении основаны преимущественно на вторичных данных и экспертных оценках в связи с ограниченной доступностью количественных статистических данных по внедрению «зеленых» стандартов. Для более точной оценки необходимы полевые исследования и опросы ключевых стейкхолдеров армянской строительной отрасли.

Несмотря на эти ограничения, проведенный анализ предоставляет основу для формирования стратегических ориентиров развития управления экологическим строительством в Армении, демонстрируя, что ключ к успеху лежит не в заимствовании отдельных технологий, а в построении целостной, институционально поддержанной системы.

Заключение

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели и провести комплексный сравнительный анализ японской и армянской моделей управления экологическим строительством в сейсмоопасных условиях. В результате выявлены как фундаментальные различия в подходах, так и ключевые факторы, определяющие эффективность управления в данной сфере.

Японская модель демонстрирует высокий уровень институциональной связности, где долгосрочная государственная стратегия, обязательные нормы сейсмостойкости, национальная система экологической сертификации CASBEE и

корпоративные ESG-практики образуют целостную, взаимно усиливающую систему. Это обеспечивает синергетический эффект в достижении целей экологической устойчивости и безопасности.

Ключевым фактором успеха Японии является интеграция циркулярной экономики в строительный сектор, где управление отходами и использование низкоуглеродных материалов стали неотъемлемой частью отраслевого стандарта, поддерживаемого технологическими инновациями и эффективными механизмами ГЧП.

Армянская система находится на переходном этапе, характеризующемся наличием потенциала для развития (растущий рынок, база сейсмобезопасности, курс на евроинтеграцию), но одновременно значительными барьерами, такими как фрагментарность нормативной базы, дефицит кадров, ограниченность финансирования и слабая интеграция экологических принципов в управление рисками.

Главной рекомендацией, вытекающей из исследования, является необходимость для Армении не прямого копирования японского опыта, а его стратегической адаптации через разработку Национальной стратегии устойчивого и сейсмобезопасного строительства. Данная стратегия должна обеспечить организационную «сшивку» экологического менеджмента и сейсмозащиты путем создания локализованной системы сертификации, развития механизмов «зеленого» финансирования и ГЧП, а также реализации комплексной программы цифровизации и кадрового обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павленко П.В. Подходы к строительству в сейсмически активных зонах // «Экономика строительства», № 2. 2023. СС. 108–114.
2. Ладыгина О.В., Калинин А.В., Шилов В.А. Влияние антропо-инфраструктурных изменений на рельеф малых городов // «Экология урбанизированных территорий», № 1. 2025. СС. 81–87. DOI: 10.24412/1816-1863-2025-1-81-87
3. Крупнов Е.И., Зайцев И.С., Зайцева И.А., Логинова С.А. Эффективное управление жизненным циклом строительных объектов на основе инфографического моделирования // «Инженерно-строительный вестник Прикаспия», № 2 (44). 2023. СС. 91–96. DOI: 10.52684/2312-3702-2023-44-2-91-96
4. Converting Disaster Experience into a Safer Built Environment: The Case of Japan. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/162361520295760910-0090022018/original/jppublicationdrmhubtokyoconvertingdisasterexperienceintoasaferbuiltenvironment.pdf> (дата обращения: 27.11.2025).
5. Донченко А.В. К гармонизации «Евразийского законодательства» сквозь призму технического регулирования и стандартизации (на примере России и Армении) // «Регион и мир». XV, № 1 (50). 2024. Т. СС. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111
6. Агаджанян А.В., Казарян М.Г. ГЧП в сфере энергетики в Армении // Восемнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II: сб. ст. 2025. Т. 2. СС. 24–31.

7. Environmental management systems – Requirements with guidance for use: ISO 14001:2015. URL: <https://www.iso.org/standard/60857.html> (Дата обращения: 27.11.2025).
8. LEED v4 for Building Design and Construction. U.S. Green Building Council, 2016. URL: <https://www.usgbc.org/leed/v4> (дата обращения: 27.11.2025).
9. CASBEE for New Construction (Technical Manual). Japan Sustainable Building Consortium (JSBC), 2014. URL: [https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD\(NC\)e_2014manual.pdf](https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD(NC)e_2014manual.pdf) (дата обращения: 27.11.2025).
10. *Moradi S., Khan M., Hossain N.U.I., Shamsuddoha M., Gorod A.* Modeling and assessing seismic resilience leveraging systems dynamic approach: A case study of society 5.0 // “International Journal of Critical Infrastructure Protection”. Vol. 43. 2023. P. 100639. DOI: 10.1016/j.ijcip.2023.100639
11. *Husgafvel R., Sakaguchi D.* Circular Economy Development in the Construction Sector in Japan // “World”. Vol. 3, № 1. 2022. PP. 1–26. DOI: 10.3390/world3010001
12. *Григорян В.Г., Карапетян Дж.К., Казарян К.С., Саргсян Р.С.* Сейсмическая опасность территории Армении: нормативные карты районирования. Предварительный вариант новой карты ОСП // «Геология и геофизика Юга России». Т. 9. № 1. 2019. СС. 71–83. DOI: 10.23671/VNC.2019.1.26789
13. Converting Disaster Experience into a Safer Built Environment: The Case of Japan. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/162361520295760910-0090022018/original/jppublicationdrmhutokyoconvertingdisasterexperienceintoasferbuiltenvironment.pdf> (дата обращения: 27.11.2025).
14. *Донченко А.В.* К гармонизации «Евразийского законодательства» сквозь призму технического регулирования и стандартизации (на примере России и Армении) // «Регион и мир». Т. XV, № 1 (50). 2024. СС. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111
15. *Агаджанян А.В., Казарян М.Г.* ГЧП в сфере энергетики в Армении // Восемнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II: сб. ст. Т. 2. 2025. СС. 24–31.
16. Environmental management systems – Requirements with guidance for use: ISO 14001:2015. URL: <https://www.iso.org/standard/60857.html> (дата обращения: 27.11.2025).
17. LEED v4 for Building Design and Construction. U.S. Green Building Council, 2016. URL: <https://www.usgbc.org/leed/v4> (дата обращения: 27.11.2025).
18. CASBEE for New Construction (Technical Manual). Japan Sustainable Building Consortium (JSBC), 2014. URL: [https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD\(NC\)e_2014manual.pdf](https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD(NC)e_2014manual.pdf) (дата обращения: 27.11.2025).
19. *Донченко А.В.* К гармонизации «Евразийского законодательства» сквозь призму технического регулирования и стандартизации (на примере России и Армении) // «Регион и мир». Т. XV. № 1 (50). 2024. СС. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111
20. *Агаджанян А.В., Казарян М.Г.* ГЧП в сфере энергетики в Армении // Восемнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II : сб. ст. 2025. Т. 2. СС. 24–31.
21. *Григорян В.Г., Карапетян Дж.К., Казарян К.С., Саргсян Р.С.* Сейсмическая опасность территории Армении: нормативные карты районирования. Предварительный вариант новой карты ОСП // «Геология и геофизика Юга России». Т. 9. № 1. 2019. СС. 71–83. DOI: 10.23671/VNC.2019.1.26789

22. Агаджанян А.В., Казарян М.Г. ГЧП в сфере энергетики в Армении // Восемнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II: сб. ст. 2025. Т. 2. СС. 24–31.
23. Григорян В.Г., Карпетян Дж.К., Казарян К.С., Саргсян Р.С. Сейсмическая опасность территории Армении: нормативные карты районирования. Предварительный вариант новой карты ОСП // «Геология и геофизика Юга России». Т. 9, № 1. 2019. СС. 71–83. DOI: 10.23671/VNC.2019.1.26789
24. Converting Disaster Experience into a Safer Built Environment: The Case of Japan. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/162361520295760910-0090022018/original/jppublicationdrmhutokyoconvertingdisasterexperienceintoasaferbuiltenvironment.pdf> (дата обращения: 27.11.2025).
25. Moradi S., Khan M., Hossain N.U.I., Shamsuddoha M., Gorod A. Modeling and assessing seismic resilience leveraging systems dynamic approach: A case study of society 5.0 // “International Journal of Critical Infrastructure Protection”. Vol. 43. 2023. P. 100639. DOI: 10.1016/j.ijcip.2023.100639
26. CASBEE for New Construction (Technical Manual). Japan Sustainable Building Consortium (JSBC), 2014. URL: [https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD\(NC\)e_2014manual.pdf](https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD(NC)e_2014manual.pdf) (дата обращения: 27.11.2025).
27. Husgafvel R., Sakaguchi D. Circular Economy Development in the Construction Sector in Japan // World. 2022. Vol. 3, № 1. P. 1–26. DOI: 10.3390/world3010001
28. Sakurai R., Kobori H., Nakamura M., Kikuchi T. Factors influencing public participation in conservation activities in urban areas: A case study in Yokohama, Japan // “Biological Conservation”. 2015. Vol. 184. PP. 424–430. DOI: 10.1016/j.biocon.2015.02.012
29. Григорян В.Г., Карпетян Дж.К., Казарян К.С., Саргсян Р.С. Сейсмическая опасность территории Армении: нормативные карты районирования. Предварительный вариант новой карты ОСП // «Геология и геофизика Юга России». Т. 9, № 1. 2019. СС. 71–83. DOI: 10.23671/VNC.2019.1.26789
30. Донченко А.В. К гармонизации «Евразийского законодательства» сквозь призму технического регулирования и стандартизации (на примере России и Армении) // «Регион и мир». Т. XV, № 1 (50). 2024. СС. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111
31. Агаджанян А.В., Казарян М.Г. ГЧП в сфере энергетики в Армении // Восемнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II: сб. ст. 2025. Т. 2. СС. 24–31.
32. Converting Disaster Experience into a Safer Built Environment: The Case of Japan. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/162361520295760910-0090022018/original/jppublicationdrmhutokyoconvertingdisasterexperienceintoasaferbuiltenvironment.pdf> (дата обращения: 27.11.2025).
33. CASBEE for New Construction (Technical Manual). Japan Sustainable Building Consortium (JSBC), 2014. URL: [https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD\(NC\)e_2014manual.pdf](https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD(NC)e_2014manual.pdf) (дата обращения: 27.11.2025).
34. Донченко А.В. К гармонизации «Евразийского законодательства» сквозь призму технического регулирования и стандартизации (на примере России и Армении) // «Регион и мир». Т. XV, № 1 (50). 2024. СС. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111
35. Агаджанян А.В., Казарян М.Г. ГЧП в сфере энергетики в Армении // Восемнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II : сб. ст. 2025. Т. 2. СС. 24–31.

REFERENCES

1. *Pavlenko P.* Approaches to construction in seismically active zones // “Construction Economics”, No. 2. 2023, PP. 108–114 (In Russ.).
2. *Ladygina O., Kalinin A.V., Shilov V.A.* Impact of anthropogenic and infrastructural changes on the relief of small towns // “Ecology of urbanized territories”, No. 1. 2025. PP. 81–87. DOI: 10.24412/1816-1863-2025-1-81-87 (In Russ.).
3. *Krupnov Ye., Zaytsev I., Zaytseva I., Loginova S.* Effective management of the life cycle of construction objects based on infographic modeling // “Engineering and Construction Bulletin of the Caspian Region”, № 2 (44). 2023, PP. 91–96. DOI: 10.52684/2312-3702-2023-44-2-91-96
4. Converting Disaster Experience into a Safer Built Environment: The Case of Japan. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/162361520295760910-0090022018/original/jppublicationdrmhutokyoconvertingdisasterexperienceintoasaferbuiltenvironment.pdf> (accessed: 27.11.2025).
5. *Donchenko A.* On the way to harmonization of “Eurasian Legislation” through technical regulation and standardization (Russia and Armenia overview) // “Region and the World”. Vol. XV, No. 1 (50). 2024. PP. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111 (In Russ.).
6. *Aghajanyan A.V., Kazaryan M.G.* PPP in the energy sector in Armenia // “Eighteenth annual scientific conference. Social and humanitarian sciences”. Part II, 2025. Vol. 2. PP. 24–31 (in Russ.).
7. Environmental management systems – Requirements with guidance for use: ISO 14001:2015. URL: <https://www.iso.org/standard/60857.html> (accessed: 27.11.2025).
8. LEED v4 for Building Design and Construction. U.S. Green Building Council, 2016. URL: <https://www.usgbc.org/leed/v4> (accessed: 27.11.2025).
9. CASBEE for New Construction (Technical Manual). Japan Sustainable Building Consortium (JSBC), 2014. URL: [https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD\(NC\)e_2014manual.pdf](https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD(NC)e_2014manual.pdf) (accessed: 27.11.2025).
10. *Moradi S., Khan M., Hossain N.U.I., Shamsuddoha M., Gorod A.* Modeling and assessing seismic resilience leveraging systems dynamic approach: A case study of society 5.0 // “International Journal of Critical Infrastructure Protection”. Vol. 43. 2023. P. 100639. DOI: 10.1016/j.ijcip.2023.100639
11. *Husgafvel R., Sakaguchi D.* Circular Economy Development in the Construction Sector in Japan // “World”, Vol. 3, № 1. 2022. PP. 1–26. DOI: 10.3390/world3010001
12. *Grigoryan V., Karapetyan J., Ghazaryan K., Sargsyan R.* Seismic hazard on the territory of Armenia: seismic zoning normative maps. Preliminary version of the new general seismic zoning map // “Geology and Geophysics of the South of Russia”. (1): 2019.9; PP. 71–83. DOI: 10.23671/VNC.2019.1.26789 (In Russ.).
13. Converting Disaster Experience into a Safer Built Environment: The Case of Japan. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/162361520295760910-0090022018/original/jppublicationdrmhutokyoconvertingdisasterexperienceintoasaferbuiltenvironment.pdf> (accessed: 27.11.2025).
14. *Donchenko A.V.* On the way to harmonization of “Eurasian Legislation” through technical regulation and standardization (Russia and Armenia overview) // “Region and the World”. 2024. Vol. XV, No. 1 (50). PP. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111 (In Russ.).

15. *Aghajanyan A., Kazaryan M.* PPP in the energy sector in Armenia // Eighteenth annual scientific conference. Social and humanitarian sciences. Part II, 2025. Vol. 2. PP. 24–31. (in Russ.).
16. Environmental management systems – Requirements with guidance for use: ISO 14001:2015. URL: <https://www.iso.org/standard/60857.html> (дата обращения: 27.11.2025).
17. LEED v4 for Building Design and Construction. U.S. Green Building Council, 2016. URL: <https://www.usgbc.org/leed/v4> (дата обращения: 27.11.2025).
18. CASBEE for New Construction (Technical Manual). Japan Sustainable Building Consortium (JSBC), 2014. URL: [https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD\(NC\)e_2014manual.pdf](https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD(NC)e_2014manual.pdf) (дата обращения: 27.11.2025).
19. *Donchenko A.* On the way to harmonization of “Eurasian Legislation” through technical regulation and standardization (Russia and Armenia overview) // “Region and the World”. Vol. XV, No. 1 (50). 2024. PP. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111 (In Russ.).
20. *Aghajanyan A., Kazaryan M.* PPP in the energy sector in Armenia // “Eighteenth annual scientific conference. Social and humanitarian sciences”. Part II. Vol. 2. 2025. PP. 24–31 (in Russ.).
21. *Grigoryan V., Karapetyan J., Ghazaryan K., Sargsyan R.* Seismic hazard on the territory of Armenia: seismic zoning normative maps. Preliminary version of the new general seismic zoning map // “Geology and Geophysics of the South of Russia”. 2019;9 (1) PP. 71–83. DOI: 10.23671/VNC.2019.1.26789 (In Russ.).
22. *Aghajanyan A.V., Kazaryan M.G.* PPP in the energy sector in Armenia // Eighteenth annual scientific conference. Social and humanitarian sciences. Part II. Vol. 2. 2025. PP. 24–31 (In Russ.).
23. *Grigoryan V., Karapetyan J., Ghazaryan K., Sargsyan R.* Seismic hazard on the territory of Armenia: seismic zoning normative maps. Preliminary version of the new general seismic zoning map // “Geology and Geophysics of the South of Russia”. 2019;9 (1): PP. 71–83. DOI: 10.23671/VNC.2019.1.26789 (In Russ.).
24. Converting Disaster Experience into a Safer Built Environment: The Case of Japan. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/162361520295760910-0090022018/original/jppublicationdrmhutokyoconvertingdisasterexperienceintoasaferbuiltenvironment.pdf> (дата обращения: 27.11.2025).
25. *Moradi S., Khan M., Hossain N.U.I., Shamsuddoha M., Gorod A.* Modeling and assessing seismic resilience leveraging systems dynamic approach: A case study of society 5.0 // “International Journal of Critical Infrastructure Protection”. Vol. 43. 2023. P. 100639. DOI: 10.1016/j.ijcip.2023.100639
26. CASBEE for New Construction (Technical Manual). Japan Sustainable Building Consortium (JSBC), 2014. URL: [https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD\(NC\)e_2014manual.pdf](https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD(NC)e_2014manual.pdf) (дата обращения: 27.11.2025).
27. *Husgafvel R., Sakaguchi D.* Circular Economy Development in the Construction Sector in Japan // “World”. Vol. 3, № 1. 2022. PP. 1–26. DOI: 10.3390/world3010001
28. *Sakurai R., Kobori H., Nakamura M., Kikuchi T.* Factors influencing public participation in conservation activities in urban areas: A case study in Yokohama, Japan // “Biological Conservation”. Vol. 184. 2015. PP. 424–430. DOI: 10.1016/j.biocon.2015.02.012
29. *Grigoryan V., Karapetyan J., Ghazaryan K., Sargsyan R.* Seismic hazard on the territory of Armenia: seismic zoning normative maps. Preliminary version of the new general seismic

- zoning map // “Geology and Geophysics of the South of Russia”. 2019;9 (1): PP. 71–83. DOI: 10.23671/VNC.2019.1.26789 (In Russ.)
30. *Donchenko A.* On the way to harmonization of “Eurasian Legislation” through technical regulation and standardization (Russia and Armenia overview) // “Region and the World”. Vol. XV, No. 1 (50). 2024. PP. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111 (In Russ.).
 31. *Aghajanyan A., Kazaryan M.* PPP in the energy sector in Armenia // “Eighteenth annual scientific conference. Social and humanitarian sciences”. Part II, Vol. 2. 2025. PP. 24–31 (In Russ.).
 32. Converting Disaster Experience into a Safer Built Environment: The Case of Japan. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/162361520295760910-0090022018/original/jppublicationdrmhutokyoconvertingdisasterexperienceintoasaferbuiltenvironment.pdf> (дата обращения: 27.11.2025).
 33. CASBEE for New Construction (Technical Manual). Japan Sustainable Building Consortium (JSBC), 2014. URL: [https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD\(NC\)e_2014manual.pdf](https://www.ibecs.or.jp/CASBEE/english/download/CASBEE-BD(NC)e_2014manual.pdf) (дата обращения: 27.11.2025).
 34. *Donchenko A.* On the way to harmonization of “Eurasian Legislation” through technical regulation and standardization (Russia and Armenia overview) // “Region and the World”. Vol. XV, No. 1 (50). 2024. PP. 111–116. DOI: 10.58587/18292437-2024.1-111 (In Russ.).
 35. *Aghajanyan A., Kazaryan M.* PPP in the energy sector in Armenia // “Eighteenth annual scientific conference. Social and humanitarian sciences”. Part II, Vol. 2. 2025. PP. 24–31 (In Russ.).

FEATURES OF ENVIRONMENTAL RISK MANAGEMENT IN CONSTRUCTION (THE CASES OF JAPAN AND REPUBLIC OF ARMENIA)

T. Varzhapetian

Russian-Armenian University

ABSTRACT

Seismic risks and anthropogenic loads on the construction sector require an integrated approach that combines environmental sustainability, safety, and economic efficiency. For seismically active countries such as Japan and Republic of Armenia, finding an optimal management model that ensures this balance is critical. The aim of this study is to conduct a comparative analysis of Japanese and Armenian models of green construction management in seismically hazardous environments to identify success factors and identify opportunities for adapting best practices to Armenia. The study utilized comparative legal and institutional analysis, conducted a SWOT analysis of the Armenian construction industry, and a systems analysis of international green construction standards. It was found that the Japanese model is characterized by a high degree of integration of public policy, corporate governance, and innovation, with the national CASBEE standard serving as a system-forming element. In contrast, the Armenian system is in the process of transitioning to EU standards, demonstrating fragmented implementation of “green” practices and barriers related to funding, personnel, and the regulatory framework. Based on a comparative analysis and SWOT assessment, a set of recommendations for Armenia has been developed, including the creation of a

national certification system, the development of public-private partnership mechanisms, strengthening risk management, and personnel training. Adapting Japanese experience, taking into account local specifics and the potential for European integration, could become a catalyst for the development of a competitive management model in Armenia that ensures the simultaneous achievement of seismic safety and environmental sustainability goals in construction.

Keywords: green construction, risk management, seismic resistance, comparative analysis, sustainable development.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-65-81
УДК 297:322(520) "12/20"

Поступила: 22.12.2025г.
Сдана на рецензию: 26.12.2025г.
Подписана к печати: 17.01.2026г.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА МЕЖДУНАРОДНЫМИ СУДАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИХ ПОЛНОМОЧИЙ

С.Р. Карташян

*Российско-Армянский университет
s.kartashyan@gmail.com
ORCID: 0009-0008-9263-337X*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному сравнительно-правовому анализу институциональных моделей региональных судебных механизмов защиты прав человека – и европейской, межамериканской и африканской систем. На основе сопоставления их нормативных основ и институциональной архитектуры исследуются ключевые параметры функционирования соответствующих судов, включая порядок рассмотрения индивидуальных жалоб, консультативную юрисдикцию и механизмы контроля за исполнением судебных решений. Особое внимание уделяется выявлению концептуальных различий в подходах к судебной защите прав человека, обусловленных историко-политическим развитием регионов. Анализ позволяет выявить структурные и концептуальные различия в функционировании региональных правозащитных механизмов, отражающие специфику региональных правовых традиций и различные подходы к обеспечению баланса между правами личности, общественными интересами и государственным суверенитетом.

Ключевые слова: права человека, международные суды, сравнительное правоведение, юрисдикция, судебная защита.

Помимо универсальных механизмов защиты прав человека, функционирующих в системе Организации Объединенных Наций, в различных регионах мира сформировались собственные системы международного судебного контроля. Европейская, межамериканская и африканская системы защиты прав человека представляют собой наиболее развитые институциональные модели регионализации международного правосудия. Их деятельность обеспечивает

судебную защиту прав и свобод личности на основе международных договоров и специализированных судебных институтов, формируя важный уровень многоуровневой системы международной защиты прав человека.

Формирование региональных механизмов защиты прав человека стало одним из ключевых этапов развития международного права после Второй мировой войны [1]. Универсальные стандарты, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 года [2], и последующих международных договорах, постепенно дополнялись региональными механизмами их реализации, обладающими более высокой степенью институциональной эффективности. Региональные суды по правам человека обеспечивают не только индивидуальную защиту, но и формируют авторитетное толкование международных норм, способствуя унификации стандартов прав человека и развитию национальных правовых систем.

В современной научной доктрине региональные суды все чаще рассматриваются не только как органы разрешения международных споров, но и как важные элементы многоуровневой системы правового регулирования [3]. Их деятельность выходит за рамки классической судебной функции и включает формирование нормативных стандартов [4], развитие доктрины прав человека и институциональное взаимодействие с национальными судами [5]. В этой связи в научной литературе все чаще используется концепция «конституционализации международного права» [6], в рамках которой международные судебные органы выступают в качестве квазиконституционных институтов глобального правового порядка.

Несмотря на общую нормативную основу, сформированную универсальными стандартами международного права прав человека, региональные системы существенно различаются по своей институциональной архитектуре, объему юрисдикции и механизмам реализации судебных решений.

Европейская система характеризуется высокой степенью институциональной интеграции и универсальностью юрисдикции суда; межамериканская система сочетает судебный механизм с развитой квазисудебной процедурой в рамках деятельности комиссии; африканская система интегрирует индивидуальные и коллективные права народов и сохраняет более гибкую модель признания юрисдикции суда.

В этой связи сравнительное исследование полномочий региональных судов приобретает особое значение для понимания современных тенденций развития международного правосудия в области прав человека. Анализ институциональной структуры, консультативной юрисдикции, условий обращения и механизмов исполнения решений позволяет выявить как общие закономерности функционирования региональных систем, так и их концептуальные различия.

Цель настоящего исследования состоит в сравнительном анализе полномочий региональных судов по правам человека и выявлении институциональных особенностей европейской, межамериканской и африканской моделей международного судебного контроля. Для достижения поставленной цели в статье используются методы сравнительно-правового анализа, институционального исследования и анализа судебной практики международных судов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительном рассмотрении консультативной юрисдикции, механизмов доступа к правосудию, применения временных мер и процедур исполнения решений региональных судов. Такой подход позволяет рассматривать региональные правозащитные механизмы не только как отдельные институциональные системы, но и как взаимосвязанные элементы формирующейся многоуровневой системы международной защиты прав человека.

Наиболее институционально развитой из региональных систем по праву признается европейская модель, основанная на Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее: Европейская конвенция), которая была подписана 4 ноября 1950 года в Риме и вступила в силу 3 сентября 1953 года [7]. В настоящее время ее участниками являются 46 государств, что свидетельствует о практически панъевропейском охвате и высокой степени нормативной унификации стандартов защиты прав человека.

Развитие идеи принятия Европейской конвенции происходило в сложной международно-политической обстановке послевоенного периода. К моменту ее разработки уже была принята Всеобщая декларация прав человека, провозгласившая универсальные стандарты прав и свобод. И в научных и дипломатических кругах высказывались сомнения относительно необходимости создания дополнительного – регионального механизма защиты, способного дублировать универсальные инструменты системы Организации Объединенных Наций [8].

Вместе с тем уже на раннем этапе становления международной системы защиты прав человека стало очевидно, что универсальные стандарты нуждаются в институциональных механизмах их реализации на региональном уровне [9]. В этом контексте получила развитие идея формирования европейской системы защиты прав человека, политико-правовой основой которой стало учреждение Совета Европы, создавшее предпосылки для формирования этого уникального механизма коллективных гарантий.

Первоначальная институциональная модель включала трехзвенную структуру: Европейскую комиссию по правам человека, Европейский суд по правам человека (далее- Европейский суд) и Комитет министров Совета Европы. Существенная трансформация системы произошла с принятием в 1994 году и вступлением в силу 1 ноября 1998 года Протокола № 11 [10], который упразднил Европейскую комиссию по правам человека и создал постоянно действующий Европейский суд с обязательной юрисдикцией и правом индивидуальной жалобы.

Дальнейшие реформы: Протоколы № 14, № 15 и № 16, были направлены на повышение процессуальной эффективности, усиление принципа subsidiarity и развитие консультативной функции Европейского суда.

Центральным органом системы сегодня выступает Европейский суд, который эволюционировал от классического международного судебного органа к квази-конституционному трибуналу многоуровневой системы защиты прав. Его юриспруденция носит прецедентный характер и оказывает нормативное влияние на национальные правовые порядки государств-участников. Европейский суд не ограничивается констатацией факта нарушения, но формирует стандарты толкования Европейской конвенции, применяя доктрину «живого инструмента», принцип пропорциональности и концепцию «предела усмотрения» государств [11].

Европейская система трансформировалась в интегрированный механизм наднационального судебного контроля, сочетающий международно-правовую природу с элементами конституционной юрисдикции, что делает ее наиболее институционально зрелой и эффективной среди региональных систем защиты прав человека.

После анализа институциональной конструкции и нормативной основы европейской системы защиты прав человека целесообразно обратиться к межамериканской модели, которая формировалась в ином историко-правовом контексте и характеризуется собственной спецификой источников и механизмов реализации. Сравнительное рассмотрение этих систем позволяет выявить как общие тенденции регионализации международной защиты прав человека, так и концептуальные различия в их юридической архитектуре.

Процесс институционализации международного контроля за соблюдением прав человека происходил и в американском регионе, где в рамках Организации американских государств (ОАГ), учрежденной 30 апреля 1948 года, была сформирована межамериканская система защиты прав человека. Ее фундамент составляют Устав Организации американских государств [12], Американская декларация прав и обязанностей человека (далее: Американская декларация) [13] и Американская конвенция о правах человека (далее: Американская конвенция) [14]. Примечательно, что Американская декларация была принята даже раньше, чем Всеобщая декларация прав человека.

Устав ОАГ закрепляет общий принцип уважения прав человека как одну из целей организации, однако не содержит развернутого каталога прав и не учреждает полноценного судебного механизма их защиты. Более детализированное нормативное регулирование было сформировано Американской декларацией, которая рассматривается в научной литературе как первый международно-правовой акт современного права прав человека на региональном уровне [15].

В отличие от европейских инструментов, данный документ включает не только каталог прав, но и комплекс обязанностей личности перед обществом,

семьей и государством, в частности обязанность подчиняться закону, платить налоги, трудиться и участвовать в общественной жизни, что отражает характерную для межамериканской правовой традиции концепцию баланса прав и обязанностей.

Институциональное оформление системы происходило постепенно. В 1959 году в рамках ОАГ была создана Межамериканская комиссия по правам человека (далее: Межамериканская комиссия), первоначально действовавшая преимущественно на основе Американской декларации. Межамериканская комиссия стала квазисудебным органом, уполномоченным рассматривать индивидуальные петиции, проводить расследования и подготавливать доклады о положении прав человека в государствах региона [16].

Качественный этап развития связан с принятием Американской конвенции, которая не только закрепила юридически обязательный каталог гражданских и политических прав, но и предусмотрела создание судебного органа – Межамериканского суда по правам человека (далее: Межамериканский суд), который начал функционировать в 1979 году.

Межамериканский суд осуществляет как спорную, так и консультативную юрисдикцию, рассматривая дела о нарушениях Американской конвенции и предоставляя консультативные заключения по вопросам толкования межамериканских договоров в области прав человека.

Особенностью институциональной конструкции межамериканской системы является ее двухуровневая модель, в рамках которой центральную роль в иницировании производства играет Межамериканская комиссия, уполномоченная рассматривать индивидуальные петиции и передавать дела на рассмотрение Межамериканского суда. В Межамериканский суд прямо могут обращаться только государства-участники и Межамериканская комиссия, тогда как в европейской системе действует право индивидуальной жалобы.

Если европейская система отличается высокой степенью институционального развития и обеспечивает индивидам прямой доступ к правосудию, то межамериканская сохраняет двухзвенную структуру, где Межамериканская комиссия выступает обязательным процессуальным фильтром. Указанные различия обусловлены как историческими условиями формирования соответствующих региональных систем, так и особенностями их институциональной эволюции, что определяет специфику осуществления судебного контроля за соблюдением прав человека в каждом из регионов.

Если европейская и межамериканская системы сформировались в рамках различных, но институционально сопоставимых моделей, то африканская система развивалась в принципиально ином историко-политическом контексте. Ее становление было неразрывно связано с процессами деколонизации, пан-африканизмом и поиском собственных нормативных оснований.

Антиколониальная борьба также подтолкнула к идее развития региональной системы защиты прав человека. На Пятом Panaфриканском конгрессе в Манчестере (1945г.) были сформулированы требования самоопределения и ликвидации дискриминации [17]. Важным этапом стал Конгресс африканских юристов в Лагосе (1961 г.), где впервые прозвучал призыв к созданию регионального правозащитного суда. Однако в первые десятилетия работы Организации африканского единства приоритет государственного суверенитета сдерживал создание наднациональных механизмов.

В результате сформировалась самобытная региональная модель защиты прав человека, оформленная в институциональных рамках Организации африканского единства (ныне – Африканский союз), которая была создана 25 мая 1963 года в Аддис-Абебе.

Перелом произошел в 1979 году на встрече глав государств Организации африканского единства в Монровии, результатом которой стала разработка и принятие в 1981 году Африканской хартии прав человека и народов, также известна как Банжунская хартия (далее: Африканская хартия) [18].

Уникальность нормативной модели Африканской хартии заключается в синтезе универсальных стандартов международного права прав человека и африканских правовых традиций. К числу ее ключевых особенностей относится одновременное закрепление прав индивидов и «прав народов», включая право на самоопределение, развитие и распоряжение природными ресурсами. Существенной характеристикой Африканской хартии является также принцип единства прав и обязанностей: в отличие от многих западных правозащитных инструментов, она фиксирует обязанности личности перед семьей, обществом и государством (ст. 27–29).

В отличие от европейской и межамериканской систем, где судебный механизм защиты прав человека был сформирован на относительно раннем этапе, африканская модель первоначально функционировала преимущественно в форме квазисудебного контроля через Африканскую комиссию по правам человека и народов (далее- Африканская комиссия), учрежденную в 1987 году.

На более позднем этапе, в соответствии со статьей 1 Протокола к Африканской хартии, был создан Африканский суд по правам человека и народов (далее-Африканский суд). Протокол об учреждении Африканского суда был принят 9 июня 1998 года в Уагадугу, Буркина-Фасо, и вступил в силу 25 января 2004 года после ратификации 15 африканскими государствами, как это предусмотрено его статьей 34 (3) [19].

Однако, в отличие от европейского аналога, компетенция Африканского суда в отношении жалоб индивидов и неправительственных организаций является факультативной. Согласно ст. 34 (6) Протокола, такие жалобы допустимы только в случае специального заявления государства-ответчика о признании данной компетенции Африканского суда. На сегодняшний день таких

заявлений сделано менее десяти, что существенно ограничивает доступ индивидов к правосудию по сравнению с Европейским судом. Следует также отметить, что в последние годы наблюдается негативная тенденция к отзыву государствами заявлений о признании права индивидов на прямое обращение в Африканский суд. Так, Руанда (2016), Танзания (2019), Бенин (2020), Кот-д'Ивуар (2020) и Тунис (2025) [20] отзывали соответствующие заявления, что существенно ограничило доступ индивидуальных заявителей к международному правосудию в африканской системе защиты прав человека.

Африканская система защиты прав человека формирует самостоятельную модель региональной правозащитной архитектуры, в которой коллективные интересы народов и право на развитие интегрированы с индивидуальными свободами. Тем самым она представляет собой особый нормативный и институциональный подход, отличающийся от европейской и межамериканской систем как своей правовой философией, так и институциональными механизмами реализации международного судебного контроля.

Одним из важных аспектов компетенции международных судебных органов в области защиты прав человека является их консультативная юрисдикция. Они выполняют также функцию авторитетного толкования международно-правовых норм, обеспечивая единообразное понимание и применение договорных обязательств государств. Консультативные заключения позволяют формировать превентивные стандарты правозащитной практики, способствуют развитию международной доктрины прав человека и укрепляют взаимодействие между международными и национальными правовыми системами. Вместе с тем объем и характер консультативных полномочий региональных судов существенно различаются. В европейской, межамериканской и африканской системах защиты прав человека сформировались различные модели реализации консультативной юрисдикции, отражающие особенности институционального развития соответствующих региональных механизмов.

Консультативная юрисдикция Европейского суда формировалась постепенно. В первоначальной редакции Европейской конвенции не предусматривалось право Суда выносить консультативные заключения. Соответствующее полномочие было введено лишь Протоколом № 2 [21], который наделил Суд возможностью давать консультативные заключения по вопросам толкования Конвенции по запросу Комитета министров Совета Европы.

Качественно новый этап институциональной эволюции европейской системы связан с вступлением в силу в 2018 году Протокола № 16 [22] к Европейской конвенции. Данный документ существенно трансформировал модель взаимодействия между национальными судами и Европейским судом в Страсбурге, институционализовав механизм превентивного судебного диалога.

Согласно Протоколу №16, право обращаться за консультативными заключениями предоставлено исключительно высшим судам и трибуналам государств-участников. Запрос возможен лишь в рамках конкретного дела и должен касаться принципиальных вопросов толкования или применения прав и свобод, закрепленных в Европейской конвенции. Консультативные заключения выносятся Большой палатой Европейского суда и формально не обладают обязательной юридической силой, однако их авторитет и фактическое нормативное воздействие придают им значительный прецедентный вес.

Механизм консультативных заключений тесно связан с принципом субсидиарности, закрепленным также Протоколом № 15 [23]. Если данный протокол подтвердил первичную ответственность национальных органов за соблюдение Европейской конвенции, то Протокол № 16 предоставил процессуальный инструмент реализации этой ответственности.

Национальные суды выступают как «первичные гаранты» конвенционных прав, получая возможность уточнить содержание международных стандартов до вынесения окончательного решения. Одной из целей внедрения данного механизма стало снижение нагрузки на Европейский суд. Консультативная процедура направлена на предотвращение системных и повторяющихся нарушений и способствует унификации правоприменительной практики в государствах Европы.

В отличие от европейской модели, консультативная юрисдикция Межамериканского суда изначально носит значительно более широкий характер. Согласно статье 64 Американской конвенции, государства – члены ОАГ, Межамериканская комиссия, а также другие органы ОАГ вправе запрашивать у Межамериканского суда консультативные заключения.

Консультативная юрисдикция межамериканской модели используется как основной инструмент правовой эволюции. Консультативные заключения Межамериканского суда охватывают широкий спектр вопросов, включая права ребенка, защиту мигрантов, гендерную идентичность и однополые браки, а также экологические обязательства в отношении трансграничного вреда [24]. Эти заключения часто предвосхищают последующие спорные судебные разбирательства и оказывают глубокое влияние на национальные правовые системы.

После длительных периодов авторитарных режимов и системных нарушений прав человека консультативная функция также стала инструментом укрепления демократических институтов и унификации правовых стандартов.

Консультативная юрисдикция Межамериканского суда выступает не вспомогательным, а стратегическим механизмом развития регионального правового порядка.

В африканской системе консультативная юрисдикция Африканского суда также играет важную роль, однако ее институциональная модель отличается как от европейской, так и от межамериканской.

Согласно Протоколу 1998 года к Африканской хартии, право запрашивать консультативные заключения предоставлено государствам – членам Африканского союза, самому Африканскому союзу, его органам, а также африканским межправительственным организациям.

Предмет консультативной юрисдикции охватывает вопросы толкования Хартии и иных международных договоров в области прав человека, применимых в Африке. При этом, в отличие от европейской системы, запросы могут подаваться не только судами, но и различными межгосударственными институтами.

Практика консультативных заключений африканского суда пока остается сравнительно ограниченной, что объясняется более поздним формированием судебного механизма. Тем не менее данный инструмент постепенно приобретает значение в процессе институционального укрепления региональной системы и формировании единых стандартов толкования Африканской хартии.

В сравнительном анализе региональных систем защиты прав человека особое значение имеет порядок обращения в международные суды и роль процессуальных фильтров, обеспечивающих допустимость индивидуальных жалоб.

В межамериканской системе ключевую роль на первоначальной стадии производства играет Межамериканская комиссия, которая наделена широкими полномочиями по приему и предварительному рассмотрению индивидуальных петиций. Ее члены избираются Генеральной Ассамблеей ОАГ сроком на четыре года с возможностью однократного переизбрания.

Комиссия осуществляет фильтрацию жалоб, запрашивает у государств необходимую информацию, проводит расследования и может способствовать достижению дружественного урегулирования. В случае отсутствия соглашения Межамериканская комиссия вправе передать дело в Межамериканский суд, при условии что соответствующее государство признало его юрисдикцию.

Современная доктрина рассматривает Межамериканскую комиссию не как дублирующий орган, а как самостоятельный квазисудебный институт, выполняющий функцию процессуального фильтра и представляющий интересы заявителей в производстве перед Межамериканским судом.

В европейской системе после вступления в силу Протокола № 11 функции бывшей Европейской комиссии были интегрированы в структуру Европейского суда по правам человека. Эта институциональная реформа была направлена на упрощение процедуры обращения и обеспечение прямого доступа заявителей к Европейскому суду.

В отличие от межамериканской модели, европейская система функционирует как однозвенный судебный механизм. Фильтрационная функция реализуется внутри самого Европейского суда через процедуры предварительного рассмотрения: единоличным судьей, комитетами из трех судей, а также посредством применения критерия «значительного ущерба».

В африканской системе процедура обращения в суд носит более сложный и ограниченный характер. Первоначально контроль за соблюдением Африканской хартии осуществлялся Африканской комиссией, обладающей квази-судебными полномочиями по рассмотрению индивидуальных сообщений.

С созданием Африканского суда в соответствии с Протоколом 1998 года к Африканской хартии система приобрела судебный элемент. Однако доступ к Африканскому суду остается более ограниченным, чем в европейской системе: индивидуальные заявители и неправительственные организации могут обращаться непосредственно в Африканский суд лишь при условии, что соответствующее государство сделало специальное заявление о признании такой юрисдикции. В противном случае дела передаются в Африканский Суд через Африканскую комиссию.

Временные меры играют важную роль в обеспечении эффективности международной защиты прав человека, позволяя предотвратить причинение невосполнимого ущерба заявителям до вынесения окончательного решения.

В межамериканской системе правовая основа временных мер закреплена в статье 63(2) Американской конвенции. Межамериканский суд вправе по собственной инициативе либо по просьбе стороны предписывать государствам принять срочные меры защиты.

В практике Суда временные меры нередко приобретают структурный характер и применяются для защиты целых групп лиц – например, правозащитников, журналистов или представителей коренных народов. Это придает данным мерам значительное системное значение в развитии межамериканской системы.

В европейской системе временные меры регулируются Правилом 39 Регламента Европейского суда. После постановления Суда по делу “*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*” [25] невыполнение государством временных мер было признано нарушением статьи 34 Европейской конвенции о правах человека, что придало данным мерам обязательный характер. В европейской практике они чаще применяются в индивидуальных делах, связанных с риском экстрадиции, депортации или применения пыток.

В африканской системе временные меры предусмотрены ст. 27(2) Протоколом о создании Африканского суда по правам человека и народов и Регламентом Суда. Хотя практика их применения пока менее обширна, данный инструмент постепенно обретает значимость в делах, касающихся защиты политических прав, избирательных процессов и свободы ассоциаций.

Как видно из вышеизложенного, сравнительный анализ показывает, что различия между европейской, межамериканской и африканской моделями обусловлены прежде всего их институциональной архитектурой и историческим контекстом развития.

Институциональные механизмы исполнения и контроля за реализацией постановлений в различных региональных системах имеют существенные различия. В европейской системе обязательность исполнения постановлений закреплена в статье 46 Европейской конвенции, согласно которой государства-участники обязуются исполнять окончательные постановления Европейского суда, в которых они являются сторонами. Особенностью данной модели является наличие института коллективного надзора: контроль за исполнением решений осуществляет Комитет министров Совета Европы. Комитет министров рассматривает планы действий государств, принимает промежуточные резолюции и, при необходимости, может инициировать процедуру установления факта неисполнения решения Суда. Таким образом, механизм исполнения решений в европейской системе сочетает судебный элемент с политико-институциональным контролем со стороны государств – членов организации.

В межамериканской системе обязательность исполнения решений закреплена в статье 68 Американской конвенции, согласно которой государства-участники обязуются выполнять решения Межамериканского суда, в которых они являются сторонами. При этом статья 62 Конвенции регулирует вопрос признания государством юрисдикции Суда. В отличие от европейской модели, контроль за исполнением решений осуществляется самим Судом посредством процедуры последующего мониторинга исполнения (*supervisión de cumplimiento*) [26].

Суд регулярно рассматривает отчеты государств о принятых мерах, проводит слушания и принимает специальные постановления о состоянии исполнения решений. Такая модель усиливает судебный характер механизма контроля и позволяет Суду активно участвовать в обеспечении реализации своих постановлений.

В африканской системе обязательность решений закреплена в статье 30 Протокола о создании Африканского суда, принятого в развитие Африканской хартии прав человека и народов. Государства – участники Протокола, обязуются исполнять решения Суда в делах, в которых они являются сторонами. Контроль за исполнением решений осуществляется посредством взаимодействия между Судом и политическими органами Африканского Союза, прежде всего, Исполнительным советом Африканского союза [27]. Суд направляет свои решения соответствующим органам Союза, которые осуществляют последующий мониторинг их реализации государствами. В отличие от межамериканской системы, судебный контроль за исполнением реше-

ний здесь выражен в меньшей степени, что отражает более межправительственный характер институциональной структуры африканского регионального механизма.

Существенные различия между региональными системами проявляются также в вопросе признания юрисдикции международных судов. В европейской системе участие государства в Совете Европы предполагает обязательное присоединение к Европейской конвенции и автоматическое признание юрисдикции Европейского суда. Таким образом, юрисдикция Суда имеет универсальный характер для всех государств – участников Конвенции, что обеспечивает высокий уровень единообразия правовых стандартов в европейском правовом пространстве.

В межамериканской системе ситуация иная. Не все государства – члены Организации американских государств – ратифицировали Американскую конвенцию, а признание юрисдикции Межамериканского суда осуществляется посредством отдельного заявления государства. Таким образом, судебная юрисдикция Суда носит факультативный характер [28]. Более того, практика денонсации Конвенции отдельными государствами продемонстрировала более гибкий и политически чувствительный характер участия государств в межамериканской системе.

Европейская и межамериканская системы защиты прав человека предусматривают право государств обращаться с жалобой против другого государства. Это является важным элементом юрисдикции региональных судов. Однако практика применения данного механизма в различных региональных системах существенно отличается.

В европейской системе межгосударственные жалобы предусмотрены статьей 33 Европейской конвенции. Европейский суд по правам человека сформировал достаточно обширную практику рассмотрения таких дел, включая споры между государствами, связанные с вооруженными конфликтами, территориальными вопросами и системными нарушениями прав человека, что свидетельствует о том, что межгосударственная процедура в европейской системе используется как инструмент международного судебного контроля за серьезными нарушениями прав человека.

В межамериканской системе возможность межгосударственных жалоб также предусмотрена статьей 45 Американской конвенции. Однако за весь период деятельности Межамериканского суда государства практически не прибегали к данному механизму. Основная масса дел рассматривается Межамериканским судом на основании индивидуальных петиций, передаваемых Межамериканской комиссией. Это отражает институциональную специфику межамериканской системы, в которой индивидуальная процедура стала центральным механизмом защиты прав человека.

В африканской системе межгосударственные жалобы также предусмотрены Африканской хартией. Первоначально такие сообщения рассматривались Африканской комиссией, а после создания Африканского суда появилась возможность передачи подобных дел в Африканский суд. Тем не менее практика межгосударственных споров в африканской системе остается крайне ограниченной, что связано как с политической чувствительностью подобных процедур, так и с преобладанием индивидуальных и коллективных сообщений в деятельности региональных механизмов.

Несмотря на формальное наличие межгосударственной процедуры во всех трех региональных системах, ее фактическое применение существенно различается. Европейская система демонстрирует наиболее развитую практику рассмотрения межгосударственных дел, тогда как в межамериканской и африканской системах данный механизм используется крайне редко, уступая по значению процедурам индивидуальных обращений.

Проведенный сравнительный анализ европейской, межамериканской и африканской региональных систем защиты прав человека позволяет сделать вывод о постепенной трансформации региональных судебных механизмов из классических международных органов разрешения споров в более сложные институты многоуровневого правового регулирования. Региональные суды выполняют значительную роль в формировании стандартов прав человека.

Эффективность региональных судов в долгосрочной перспективе будет зависеть не только от совершенства их процессуальных фильтров, но и от готовности государств рассматривать международное правосудие не как внешнее вмешательство, а как необходимый элемент национальной системы сдержек и противовесов.

Несмотря на общую нормативную основу, сформированную универсальными стандартами международного права прав человека, каждая из региональных систем выработала собственную институциональную модель судебного контроля. Европейская система отличается высокой степенью институциональной интеграции и универсальностью юрисдикции суда. Европейский суд функционирует как постоянно действующий международный судебный орган с прямым доступом индивидуальных заявителей и развитой системой процессуальных фильтров. Усиление принципа субсидиарности и введение консультативной процедуры в соответствии с Протоколом № 16 способствовали формированию более интенсивного судебного диалога между международными и национальными судами и укрепили превентивную функцию европейской системы защиты прав человека.

Межамериканская система, сформированная в рамках Организации американских государств, демонстрирует иную модель международного судебного контроля. Межамериканский суд обладает более широкой консультативной юрисдикцией и активно использует ее для развития региональных

стандартов защиты прав человека, стимулируя институциональные и законодательные реформы.

Африканская система защиты прав человека, как уже было отмечено, отражает уникальную нормативную базу, объединяющую индивидуальные права с коллективными «правами народов», включая права на самоопределение, развитие и контроль над природными ресурсами. Она также признает обязанности отдельных лиц перед обществом, тем самым внедряя общинную концепцию прав. Это не просто абстрактные черты. Они составляют нормативную основу модели, которая отличается от сильно индивидуалистической ориентации европейского права в области прав человека. Но на институциональном уровне эта нормативная черта африканской системы сопровождается структурными ограничениями. Доступ к правосудию для отдельных лиц и неправительственных организаций по-прежнему зависит от факультативных заявлений государства в соответствии со статьей 34 (6) Протокола. Ограниченное количество таких заявлений и их последующий отзыв Руандой, Танзанией, Бенином, Кот-д'Ивуаром и Тунисом подчеркивают сохраняющийся приоритет согласия государства и значительно ограничивают доступ к правосудию.

Развитие региональных судебных механизмов свидетельствует о формировании многоуровневой архитектуры международной защиты прав человека, в которой международные суды выступают не только как органы разрешения споров, но и как ключевые институты формирования правовых стандартов и координации взаимодействия между международными и национальными правовыми порядками. Перспективы дальнейшего развития этих систем будут во многом зависеть от их способности адаптироваться к новым вызовам, включая усиление политической поляризации, проблемы исполнения судебных решений и влияние современных конфликтов на функционирование международных правовых механизмов.

В конечном итоге будущее региональной защиты прав человека определяется не столько формальным объемом полномочий международных судов, сколько их способностью адаптироваться к новым политическим и правовым вызовам, сохраняя баланс между судебной автономией, принципом субсидиарности и эффективностью исполнения решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cançado Trindade A.A.* The Access of Individuals to International Justice. Oxford: "Oxford University Press", 2011. PP. 45–52.
2. Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 (резолюция 217 А (III))] // Сборник международных договоров. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1949. СС. 1–7.
3. *Оганесян В.А.* Актуальные проблемы международного права в контексте изменяющегося мирового порядка // "European and Asian Law Review". Т. 6. № 3. 2023. СС. 29–50.
4. *Helper L., Slaughter A.-M.* Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // "Yale Law Journal". Vol. 107. 1997. PP. 273–391.

5. *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2004. PP. 65-103.
6. *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford: "Oxford University Press", 2009. PP. 1–17.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // "Council of Europe Treaty Series". № 005.
8. *Bates E.* The Evolution of the European Convention on Human Rights: From its Inception to the Creation of a Permanent Court of Human Rights. Oxford: "Oxford University Press", 2010.
9. *Wildhaber L.* The European Convention on Human Rights and International Law // International and Comparative Law Quarterly. 2007. Vol. 56. PP. 217–232.
10. Protocol No. 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, restructuring the control machinery established thereby. Strasbourg, 11.V.1994 // "European Treaty Series". No. 155.
11. *Tyrer V. the United Kingdom.* Judgment of 25 April 1978; *Handyside v. the United Kingdom.* Judgment of 7 December 1976; *Sunday Times v. the United Kingdom.* Judgment of 26 April 1979.
12. Charter of the Organization of American States: [signed at Bogotá, 30 April 1948] // "Organization of American States Treaty Series". No. 1. OEA/Ser.A/2.
13. American Declaration of the Rights and Duties of Man: [adopted by the Ninth International Conference of American States, Bogotá, Colombia, 2 May 1948] // OEA/Ser.L.V/II.82 doc.6 rev.1. 1992. P. 17.
14. American Convention on Human Rights "Pact of San Jose, Costa Rica": [signed at San Jose, Costa Rica, 22 November 1969] // Organization of American States Treaty Series. No. 36.
15. *Shelton D.* Regional Protection of Human Rights. Oxford: "Oxford University Press".
16. *Buergenthal T., Shelton D.* Protecting Human Rights in the Americas: Cases and Materials. 5th ed. Kehl; Strasbourg: N.P. Engel, 2016.
17. *Nmeihelle V.O.O.* The African Human Rights System: Its Laws, Practice and Institutions. The Hague; London: Martinus Nijhoff, 2002. P. 68.
18. African Charter on Human Rights and Peoples' Rights (Banjul Charter): [adopted 27 June 1981; entered into force 21 October 1986].
19. Protocol to the African Charter on Human Rights and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights: [adopted 9 June 1998; entered into force 25 January 2004] // OAU Doc. OAU/LEG/MIN/AFCHPR/PROT (1) rev.2.
20. Отзыв Тунисом своей декларации по статье 34(6) Протокола к Африканской хартии прав человека и народов вступил в силу 7 марта 2026 года.
21. Protocol No. 2 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, conferring upon the European Court of Human Rights competence to give advisory opinions. Strasbourg, 6 May 1963 // "European Treaty Series". No. 044.
22. Protocol No. 16 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 2 October 2013 // "Council of Europe Treaty Series". No. 213.
23. Protocol No. 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 24 June 2013 // "Council of Europe Treaty Series". No. 213.
24. Gender Identity, and Equality and Non-Discrimination of Same-Sex Couples, Advisory Opinion OC-24/17, IACtHR Series A No 24 (24 November 2017); The Environment and Human Rights, Advisory Opinion OC-23/17, IACtHR Series A No 23 (15 November 2017).

25. *Mamatkulov and Askarov V. Turkey* [GC], nos. 46827/99 and 46951/99 // “European Court of Human Rights”. Judgment of 4 February 2005.
26. *Pasqualucci J.* The Practice and Procedure of the Inter-American Court of Human Rights. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2013.
27. *Viljoen F.* International Human Rights Law in Africa. 2nd ed. Oxford: “Oxford University Press”, 2012.
28. *Burgogue-Larsen L., Úbeda de Torres A.* The Inter-American Court of Human Rights: Case Law and Commentary. Oxford: “Oxford University Press”, 2011.

REFERENCES

1. *Cançado Trindade A.A.* The Access of Individuals to International Justice. Oxford: “Oxford University Press”, 2011. PP. 45–52.
2. Universal Declaration of Human Rights. [adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948 (resolution 217 A (III))] // “Collection of international treaties”. New York. Organization of the United Nations, 1949. PP. 1–7.
3. *Hovhannisian V.* Contemporary Issues of International Law in the Context of Changing World Order. “European and Asian Law Review”, 6 (3). 2023. PP. 29–50.
4. *Helper L.R., Slaughter A.-M.* Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // “Yale Law Journal”. Vol. 107. 1997. PP. 273–391.
5. *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2004. PP. 65–103.
6. *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford: “Oxford University Press”, 2009. PP. 1–17.
7. Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // “Council of Europe Treaty Series”. No. 005.
8. *Bates E.* The Evolution of the European Convention on Human Rights: From its Inception to the Creation of a Permanent Court of Human Rights. Oxford: “Oxford University Press”, 2010.
9. *Wildhaber L.* The European Convention on Human Rights and International Law // “International and Comparative Law Quarterly”. Vol. 56. 2007. PP. 217–232.
10. Protocol No. 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, restructuring the control machinery established thereby. Strasbourg, 11.V.1994 // “European Treaty Series”. No. 155.
11. *Tyrer V. the United Kingdom.* Judgment of 25 April 1978; *Handyside v. the United Kingdom.* Judgment of 7 December 1976; *Sunday Times v. the United Kingdom.* Judgment of 26 April 1979.
12. Charter of the Organization of American States: [signed at Bogotá, 30 April 1948] // “Organization of American States Treaty Series”. No. 1. OEA/Ser.A/2.
13. American Declaration of the Rights and Duties of Man: [adopted by the Ninth International Conference of American States, Bogotá, Colombia, 2 May 1948] // OEA/Ser.L.V/II.82 doc.6 rev.1. 1992. P. 17.
14. American Convention on Human Rights “Pact of San Jose, Costa Rica”: [signed at San Jose, Costa Rica, 22 November 1969] // “Organization of American States Treaty Series”. No. 36.
15. *Shelton D.* Regional Protection of Human Rights. Oxford: “Oxford University Press”.
16. *Buergenthal T., Shelton D.* Protecting Human Rights in the Americas: Cases and Materials. 5th ed. Kehl; Strasbourg: N.P. Engel, 2016.
17. *Nmehielle V.O.O.* The African Human Rights System: Its Laws, Practice and Institutions. The Hague; London: “Martinus Nijhoff”, 2002. P. 68.

18. African Charter on Human Rights and Peoples' Rights (Banjul Charter): [adopted 27 June 1981; entered into force 21 October 1986].
19. Protocol to the African Charter on Human Rights and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights: [adopted 9 June 1998; entered into force 25 January 2004] // OAU Doc. OAU/LEG/MIN/AFCHPR/PROT (1) rev.2.
20. Tunisia's withdrawal from its declaration under Article 34(6) of the Protocol to the African Charter on Human and People's Rights entered into force on March 7, 2026.
21. Protocol No. 2 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, conferring upon the European Court of Human Rights competence to give advisory opinions. Strasbourg, 6 May 1963 // "European Treaty Series". No. 044.
22. Protocol No. 16 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 2 October 2013 // "Council of Europe Treaty Series". No. 213.
23. Protocol No. 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 24 June 2013 // "Council of Europe Treaty Series". No. 213.
24. Gender Identity, and Equality and Non-Discrimination of Same-Sex Couples, Advisory Opinion OC-24/17, IACtHR Series A No 24 (24 November 2017); The Environment and Human Rights, Advisory Opinion OC-23/17, IACtHR Series A No 23 (15 November 2017).
25. *Mamatkulov and Askarov V. Turkey* [GC], nos. 46827/99 and 46951/99 // "European Court of Human Rights". Judgment of 4 February 2005.
26. *Pasqualucci J.* The Practice and Procedure of the Inter-American Court of Human Rights. Cambridge: "Cambridge University Press", 2013.
27. *Viljoen F.* International Human Rights Law in Africa. 2nd ed. Oxford: "Oxford University Press", 2012.
28. *Burgogue-Larsen L., Úbeda de Torres A.* The Inter-American Court of Human Rights: Case Law and Commentary. Oxford: "Oxford University Press", 2011.

HUMAN RIGHTS PROTECTION BY INTERNATIONAL COURTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THEIR JURISDICTION AND POWERS

S. Kartashyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article presents a comprehensive comparative legal analysis of the institutional models of regional judicial human rights protection mechanisms – the European, Inter-American, and African systems. Through a comparative examination of their normative foundations and institutional architecture, the study explores key aspects of the functioning of the respective courts, including the procedures governing individual applications, advisory jurisdiction, and mechanisms for supervising the execution of judicial decisions. Particular attention is devoted to identifying conceptual differences in approaches to judicial protection of human rights shaped by the historical and political development of the regions. The analysis reveals structural and conceptual divergences in the functioning of regional human rights mechanisms, reflecting the specific features of regional legal traditions and differing approaches to balancing individual rights, public interests, and state sovereignty.

Keywords: human rights, international courts, comparative law, jurisdiction, judicial protection.

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-82-93
УДК 347.659

Поступила: 20.08.2025г.
Сдана на рецензию: 03.09.2025г.
Подписана к печати: 07.03.2026г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Е.Э. Гянджумян

*Российско-Армянский университет
yevgenia_gyanjutyun@mail.ru
ORCID: 0009-0001-7094-3894*

АННОТАЦИЯ

В данной статье проведен анализ действующего гражданско-правового законодательства РА сквозь призму исследования категории выморочного имущества. Актуальность данной темы обусловлена тем, что применение данного института позволяет обеспечить функциональное и эффективное использование «вакантного» имущества в общественных интересах посредством преобразования этого имущества в публичное.

Ключевые слова: выморочное имущество, право собственности, наследственное право.

Введение

При всей кажущейся тривиальности и разработанности рассматриваемого института правовая органика выморочного имущества остается дискуссионной и не в полной мере проясненной, что и обуславливает **актуальность рассматриваемой темы. Степень ее научной разработанности:** в Республике Армения вопросы гражданско-правового регулирования приобретения выморочного имущества в рассматриваемых объемах и аспектах до настоящего времени не были подвергнуты специальному научному исследованию в монографиях и диссертациях. К примеру, в диссертационной работе Зорака Апресяна («Конституционные гарантии защиты права собственности (сравнительное правовое исследование и практика Европейского суда по правам человека) [1]») автор обращается к срокам предъявления требований кредиторов к наследникам в контексте конституционных гарантий защиты права собственности.

В свете отмеченного **целью настоящего исследования** является определение природы института выморочного имущества в современном гражданско-правовом законодательстве РА сквозь призму доктринального анализа данного института. Данная цель была достигнута решением **следующих задач:** проведение историко-правового анализа эволюции института выморочного имущества,

исследование основных концепций приобретения выморочного имущества в цивилистической доктрине, выявление правовой природы выморочного имущества в контексте правоприменительной практики судов, соотношение выморочного и бесхозного имущества, рассмотрение статуса выморочного имущества в случае приобретательной давности.

Методологической основой исследования послужили преимущественно общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-научные (историко-правовой, сравнительно-правовой, структурно-функциональный анализ) методы познания.

Основная часть

Институт выморочного имущества (“*bonum vacans*”) известен со времен расцвета римского частного права. В частности, если наследство не принято ни одним наследником как по завещанию, так и по закону (потому ли, что наследников не осталось или они не пожелали принять наследство), наследство становилось выморочным. В древнейшем праве такое имущество считалось ничьим и могло быть захвачено каждым желающим. Начиная со времени принципата, выморочное имущество передавалось государству; в период абсолютной монархии из этого порядка было установлено то исключение, что за муниципальным сенатом, церковью, монастырем и т.д. было признано преимущественное право на получение выморочного наследства после лиц, принадлежавших к этим организациям [2], что и выражалось формулой – “*in legitimis hereditatibus successio non est*” (в наследстве по закону преемственности нет).

При этом следует четко разграничивать понятия «лежачее наследство» и «выморочное имущество». В период между открытием наследства и вступлением в него наследство называется «лежачим» (“*hereditas iacens*”). Входящие в него вещи в это время являются ничьими (“*res nullius*”), однако с целью защиты будущего наследника они находятся на особом положении, вследствие чего в его интересах не применяется принцип, по которому *res nullius* открыта для захвата любым желающим (...). Напротив того, в эпоху принципата завладение вещами, составляющими часть «лежачего» наследства, рассматривалось в качестве преступного деяния (“*crimen expilatae hereditatis*”, «преступное расхищение наследства») [3].

Примечательно, что, согласно Судебнику Мхитара Гоша (около 1184г.), [4] при отсутствии родственников по отцовской линии до четвертого колена¹

¹ «(...) Если же не будет сыновей и дочерей до четвертого колена, которые могли бы наследовать по отцовской линии, то как прочие родственники по отцовской линии, так и никто из материнского рода (не могут наследовать) (...)» Ст. 1 «О доходе для судей».

все наследство умершего, не относившегося к числу жителей епархии католикоса или епископа, передавалось судьям для их обеспечения², в противном случае по правилам статьи 1 Судебника имущество оставалось церкви [5]. Рассматривая Судебник Смбата Спарапета (1265г.), можно отметить, что здесь также говорится о переходе отцовского имущества в крайнем случае родственникам по отцовской линии до четвертого колена³ [6].

Понятие выморочного имущества было известно ГК Армянской ССР 1923 года. Согласно ст. 433 этого Кодекса, «если наследники не явятся в течение шести месяцев со дня открытия наследства или откажутся от наследства, имущество считается выморочным и, в зависимости от характера имущества, переходит в распоряжение соответствующих органов или организаций государства». В ГК Армянской ССР 1964 года термин «выморочного имущества», не использовался. Часть 2 ст. 530 этого Кодекса гласила: «Если нет наследников ни по закону, ни по завещанию, либо никто из наследников не принимает наследство, либо наследодатель лишил всех наследников наследства, то имущество умершего переходит к государству по праву наследования». Согласно этой норме, «выморочного имущества», быть не могло, поскольку наследником всегда считалось государство. Гражданский кодекс Республики Армения возродил понятие «выморочное имущество» [7].

В свете исторического экскурса рассматривая наиболее сформированные концепции приобретения выморочного имущества, можно выделить две основные из них. Так, первая система переход к государству права собственности на выморочное имущество опосредствует **титолом наследования** (Россия, Германия, Италия, Испания, Венгрия, Чехия, Швейцария). (...) Вторая система основана на том, что имущество становится бесхозным и переходит к государству на праве **«оккупации»**, т.е. завладения по «праву верховной власти», «территориального верховенства», осуществляемого сувереном, на территории которого находится имущество (Англия, США, Франция, Австрия). В качестве последнего выступает государство [8].

Иными словами, **в первом случае** государство фактически является наследником (“ultimis heres” последний наследник), то есть, если отсутствуют наследники по завещанию и по закону, государство приобретает имущество

² «(...) И (потому) пусть будет так: если кто умрет и не оставит после себя ни сына, ни дочери и никого из рода отцовского, то пусть наследство его обратится в доход судьям, которые кормились бы им сами и обращали бы его на духовные дела церкви (...)» Ст. 63 «О разделе наследства умершего, оставившего сыновей и дочерей».

³ «(...) если нет ни сыновей, ни дочерей, ни внуков от них, то наследство переходит к брату и к его сыновьям до их внуков в четвертом колене; а если таких нет, то наследование отцовского имущества переходит на дядю (по отцовской линии) и на детей дяди до четвертого колена. Ст. 118 «О (доле) наследства братьев и сестер».

умершего в качестве наследника последней очереди. Соответственно, по логике вещей, долговые обязательства наследодателя в равной мере передаются государству, ограничиваясь лишь стоимостью наследственной массы. К примеру, в Германии согласно § 1936 ГГУ если на момент открытия наследства не имеется в наличии ни родственников, ни супруга или партнера наследодателя, то наследует та земля, в которой наследодатель на момент смерти имел последнее место жительства или, если таковое установить невозможно, обычное место пребывания. В остальных случаях наследует Федерация. При этом государство не вправе отказаться от наследства [9]. В РФ созвучно регулируется наследование выморочного имущества (ст. 1151 ГК РФ), которое переходит в порядке наследования государству, за исключением недвижимого имущества, которое переходит муниципалитету либо городам федерального значения [10]. Заслуживает внимания то, что определением от 10.06.2025г. N 1530-О Конституционный Суд РФ, обращаясь в том числе к выморочному имуществу, по сути, подчеркнул, что выморочное имущество признается принадлежащим публично-правовому образованию со дня открытия наследства при наступлении указанных в пункте 1 ст. 1151 ГК Российской Федерации обстоятельств независимо от осведомленности об этом публично-правового образования и совершения им действий, направленных на выявление и учет такого имущества и оформление своего права [11].

Во втором случае, как было отмечено, приобретение права собственности осуществляется посредством права оккупации, поскольку имущество рассматривается в контексте бесхозяйного, собственником которого в силу закона становится государство. При этом оккупация подчиняется вещно-правовым конструкциям, пренебрегая положениями наследственного права. Например, во Франции выморочное имущество переходит к государству как к публичному собственнику после обращения в суд с требованием о введении его во владение таким наследством (часть IV ФГК) [12].

Современный армянский законодатель не дает легального определения термина «выморочное имущество», однако, в то же время, статья 1224 ГК РА посвящена вопросу распоряжения выморочным имуществом («անվարժանի գույք» дословно «безнаследственное имущество») [13]. В частности, в части 1 статьи 1224 ГК РА указано, что, если нет наследников ни по завещанию, ни по закону, или они отказались от наследства, или отстранены от наследования, наследственное имущество признается выморочным, а часть 2 той же статьи гласит, что выморочное имущество переходит в собственность общины по месту открытия наследства.

Соответственно, из правового анализа данного правового положения можно обозначить основания для признания имущества выморочным. А именно: *выморочным* признается имущество, если:

- нет наследников ни по завещанию, ни по закону;

- все наследники по завещанию или по закону отказались от наследства;
- все наследники по завещанию или по закону отстранены от наследования.

Не исключается возможность признания выморочным не всей наследственной массы, а лишь ее части, к примеру, если нет наследников по закону, а завещание относится к некоторой части имущества.

Кроме того, на законодательном уровне четко закреплено, без каких-либо исключений из установленного правила, что собственником выморочного имущества становится община по месту открытия наследства, то есть органы местного самоуправления. Получается законодатель, согласно гражданскому кодексу РА, предоставил возможность приобретения права собственности не государству, а муниципалитету.

Одновременно, согласно частям 2–3 ст. 1184 ГК РА, наследование регулируется настоящим Кодексом, а в предусмотренных им случаях – также иными законами, особенности наследования накопительных пенсионных активов и накопительных пенсий устанавливаются законом. Кроме того, в соответствии с частью 2 статьи 57 закона РА «О накопительных пенсиях» паи пенсионных фондов и остаточная сумма аннуитета могут передаваться в порядке наследования только физическим лицам, а при признании в судебном порядке выморочными – в государственный бюджет Республики Армения [14].

Получается, что по принципу “*lex specialis derogat generali*” (специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон») в Республике Армения могут быть установлены иные потенциальные собственники выморочного имущества. К примеру, паи пенсионных фондов и остаточная сумма аннуитета при признании выморочными передаются государству.

На наш взгляд, выбор того или иного публичного субъекта должен обуславливаться потенциальной эффективностью деятельности соответствующих органов, их способностью рационально распоряжаться полученными активами. Вместе с тем продуктивность правового процесса зависит от четкости нормативного регулирования, своевременности выявления выморочного имущества, слаженности действий компетентных органов. В условиях нашей правовой действительности данные аспекты нередко сталкиваются с существенными препятствиями – от пробелов и коллизий в законодательстве до организационных и ресурсных ограничений, что в совокупности снижает эффективность реализации соответствующих процедур.

В свете отмеченного необходимо определить какой позиции в вопросе выбора концепции приобретения выморочного имущества придерживается армянский законодатель: является ли община наследником пятой очереди при отсутствии наследников предыдущих очередей либо имущество становится бесхозным и переходит к государству в порядке оккупации.

В контексте данного вопроса следует отметить, что согласно части 1 ст. 1215 ГК РА: наследники по закону призываются к наследованию в очередности, установленной ст. 1216–1219 настоящего Кодекса, а ГК РА предусматривает всего четыре очереди (ст. 1216–1219 ГК РА) наследников, не указывая наследника выморочного имущества в данном перечне.

Более того, Кассационный суд РА в своем решении от 25.07.2008г. по гражданскому делу номер 3-446 (ВД), по существу, отметил, что община, в силу ст. 1224 ГК РА, не приобретает статуса наследника, а приобретает право собственности на наследственную массу. Заслуживает внимание также то обстоятельство, что в том же решении Кассационный суд РА, ссылаясь на часть 1 ст. 1243 ГК РА (кредиторы вправе предъявить свои требования в течение шести месяцев со дня открытия наследства), отметил, что законодатель предусмотрел срок для предъявления своих требований кредиторами наследодателя. Соответственно, в случае истечения срока, установленного законом для предъявления кредиторами своих требований, наследственное имущество приобретает статус, в силу которого оно фактически считается имуществом, не обремененным чьими-либо правами, – выморочным имуществом [15].

С точки зрения данного судебного решения, можно констатировать, что в данном случае, несмотря на то, что ст. 1224 ГК РА помещена в Гл. 72 «Наследование по закону» Раздела одиннадцатого «Наследственное право» ГК РА, выморочное имущество не переходит общине в порядке наследования, разрывая тем самым правовую связь с умершим наследодателем. Иными словами, община, не приобретает правового статуса наследника, не становится наследником пятой очереди. Получается, что приобретение права собственности на выморочное имущество осуществляется посредством ранее представленной модели права оккупации.

В то же время, община, не становясь наследником пятой очереди, априори не отвечает по долгам наследодателя, а кредиторы лишаются возможности предъявить требования в случае пропуска установленного законом срока. Так, согласно часть 1 ст. 1243 ГК РА кредиторы вправе предъявить свои требования в течение шести месяцев со дня открытия наследства.

В решении от 06.12.2019г. УЎН-1495 [16] Конституционный суд РА отметил, что срок для защиты имущественного права кредитора преследует законную цель, а именно – предотвращение неопределенности и несправедливости, которые могут возникнуть в случае предъявления требований к наследникам после принятия наследства. Шестимесячный срок исковой давности, установленный для предъявления требований кредиторами наследодателя к наследникам, не только призван упорядочить гражданский оборот, но и предоставляет наследнику возможность самостоятельно решить вопрос об осуществлении своего права на наследство с учетом имущества, входящего в наследственную массу, и обязательств наследодателя.

Конституционный суд полагает, что в рассматриваемых правоотношениях «должник-кредитор» риск причинения ущерба в результате принятия наследства наследниками должника касается кредиторов, поэтому последние, как заинтересованные лица, должны демонстрировать надлежащее поведение. Закон не запрещает кредитору самостоятельно узнавать о должнике с определенной периодичностью, а неисполнение последним обязательства должно побудить кредитора к активным действиям. При этом требования кредиторов могут быть предъявлены и, при наличии достаточных денежных средств и соблюдении установленного срока, удовлетворены как в случае принятия наследства наследниками, так и в случае их непринятия. Даже при отсутствии наследников кредиторы могут претендовать на получение причитающихся им долгов.

Аналогичную позицию по рассматриваемому вопросу отметил и Кассационный суд РА в гражданском деле ЕАКД/2190/02/15 [17]. В частности, ограничение срока для предъявления требований кредиторами направлено на внесение достаточной ясности и определенности для осуществления наследником своего права на принятие наследства, с тем чтобы в течение указанного срока наследник имел возможность решить, принимать наследство или нет, или, например, отказаться от наследства или нет в случае предъявления требования кредиторами в течение указанного срока. При этом такое регулирование применимо как в случае подачи заявления нотариусу, так и в случае принятия наследства путем фактического владения или управления. В обоих случаях наследник должен иметь реальное представление о наследственной массе. Принимая наследство, наследник не только приобретает соответствующие права, но и берет на себя обязанность нести ответственность по обязательствам наследодателя в пределах стоимости имущества, переданного ему. Поэтому в каждом случае при осуществлении своего права на наследство наследник должен иметь ясное представление как о составе имущества, входящего в наследственную массу, так и об обязательствах наследодателя. Если состав наследственной массы, как правило, наследнику ясен, то в случае обязательств наследодателя ситуация иная. О последних наследник может иметь определенное представление только в случае предъявления кредиторами соответствующих требований в установленный законом срок.

Одновременно, в решении от 17.07.2015г. Кассационный суд РА в гражданском деле АРАД/0416/02/13 [18] отметил, что срок, установленный ст. 1243 ГК РА, входит в перечень пресекательных сроков, а это означает, что пропуск этого срока влечет утрату кредитором права требования.

В результате можно утверждать, что в судебной практике было сформулировано еще одно условие для признания имущества выморочным – истечение срока, установленного законом для предъявления кредиторами своих требований. Получается, что в зависимости от конкретной ситуации кредиторы

могут предъявить свои требования к наследникам в течение шести месяцев со дня открытия наследства, как до, так и после получения свидетельства о праве на наследство, а фактическое погашение задолженности возможно после того, когда наследники уже примут решение о принятии наследства. В случае непредъявления требований кредиторами в течение шести месяцев со дня открытия наследства, они лишаются возможности реализовать свое право на предъявление требований к наследникам должника в будущем. Кроме того, при наличии достаточных средств и соблюдении установленного срока, требования кредиторов могут быть удовлетворены как в случае принятия наследства наследниками, так и в случае их непринятия.

С учетом факта того, что в правовой действительности РА община не рассматривается в качестве наследника, на наш взгляд, требуется проанализировать выморочное имущество в контексте его относимости к бесхозному имуществу по смыслу закона. Так, согласно ст. 178 ГК РА «1. Бесхозным считается имущество, которое не имеет собственника или собственник которого неизвестен либо отказался от права собственности на него.

2. Право собственности на бесхозное движимое имущество может быть приобретено по правилам ст. 179–186 настоящего Кодекса.

3. Право собственности на бесхозное недвижимое имущество может быть приобретено в силу приобретательной давности (ст. 187). Настоящая норма не распространяется на недвижимое имущество, являющееся самовольной постройкой.

4. Основания и порядок признания права собственности на бесхозное имущество определяются Гражданским процессуальным кодексом Республики Армения» [19].

Соотнося правовые категории «выморочное имущество» и «бесхозное имущество» и взяв за основу действующие в Республике Армения гражданско-правовые нормы, прежде всего, бросается в глаза то, что при бесхозном имуществе речь идет об имуществе, которое (1) не имеет собственника или (2) собственник которого неизвестен либо (3) отказался от права собственности на него. Как было отмечено, выморочным признается имущество, если (1) нет наследников ни по завещанию, ни по закону, (2) все наследники по завещанию или по закону отказались от наследства, (3) все наследники по завещанию или по закону отстранены от наследования. В данном контексте, по существу, выморочное имущество может охватываться объемом категории бесхозного имущества, поскольку имущество становится выморочным в связи с отсутствием иных правообладателей, иными словами – это имущество остается без своего собственника.

В то же время, справедливо отметить, что законодательно четко представлены основания для приобретения бесхозного имущества. Так, при движимым имуществом основаниями признания его бесхозным являются (1)

движимое имущество, от которого собственник отказался (ст. 179 ГК РА), (2) находка (ст. 180–182 ГК РА), (3) безнадзорные животные (ст. 183–185 ГК РА), (4) клад (ст. 185 ГК РА) (Гл. 30 ГПК РА посвящена регулированию порядка производства по делам о признании движимого имущества бесхозным и признании права собственности заявителя относительно него в рамках особого производства [20]), а при недвижимом имуществе – приобретательная давность (ст. 187 ГК РА). Таким образом, очевидно, законодатель, предусмотрев конкретные основания для приобретения бесхозного имущества, в качестве такого основания не рассматривает случай перехода выморочного имущества в собственность общины. Более того, приобретение права собственности на выморочное имущество осуществляется в силу закона, без иной альтернативы, а при бесхозном имуществе многое зависит от инициативы приобретателя этого имущества, что должно проявляться в предпринимаемых активных действиях. Вдобавок, в ст. 1224 ГК РА не указывается на бесхозность выморочного имущества.

В проекции отмеченного можно сделать вывод о том, что в Республике Армения выморочное имущество по своей органике является бесхозным имуществом (“*bona vacantia*”), поскольку оно осталось без хозяина-собственника. В то же время, на законодательном уровне выморочное имущество существует параллельно и рассматривается в отрыве от категории бесхозного имущества в плоскости различных оснований их приобретения.

Далее считаем необходимым обратиться к вопросу определения статуса выморочного имущества в аспекте применения приобретательной давности.

Так, представим ситуацию, когда наследственное имущество в силу части 1 ст. 1224 ГК РА признается выморочным, однако иное лицо, не являющееся собственником недвижимого имущества, добросовестно, открыто и непрерывно владеет им как своим собственным в течение десяти лет (ст. 187 ГК РА). В данной ситуации полагаем существенным поведение общины по месту открытия наследства, поскольку именно последней переходит имущество в собственность в силу закона. Так, если община, будучи собственником данного имущества в силу оккупации, не проявила никакого интереса к недвижимости, в то время как иное лицо добросовестно, открыто и непрерывно владело им как своим собственным в течение десяти лет, нет препятствий для приобретения этого имущества в порядке приобретательной давности.

Заключение

В калейдоскопе научных граней и интерпретаций, обобщая результаты исследования, можно констатировать, что институт выморочного имущества, сформировавшись в древние времена, не теряет своей актуальности и по сей день в связи с его значимостью в деле обеспечения социальных интересов и предотвращении утраты или расхищения экономически ценных активов.

В Республике Армения преобладает та модель приобретения выморочного имущества, при которой имущество переходит к публичным субъектам (преимущественно общине) на праве оккупации, при этом субъект не приобретает статус наследника.

Заслуживает внимания то, что законодатель не называет выморочное имущество бесхозяйным несмотря на то, что в РА выморочное имущество по своей природе является бесхозяйным имуществом (“bona vacantia”), в последнем случае устанавливая конкретные основания для его приобретения.

Более того, в судебной практике было разработано еще одно условие для признания имущества выморочным – истечение пресекательного срока, установленного законом для предъявления кредиторами своих требований.

Вдобавок, статус выморочного имущества не является преградой для его приобретения в порядке приобретательной давности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян З.* Конституционные гарантии защиты права собственности (сравнительное правовое исследование и практика Европейского суда по правам человека): автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.02. Ер., 2021. URL: <https://degrees.hesc.am/sites/default/files/2021-07/Apresyan%20Zohrak.pdf>
2. *Новицкий И.Б.* Римское право: учебник для вузов / И.Б. Новицкий, М.: Изд-во «Юрайт», 2024. С. 298.
3. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права [пер. с итал. И.И. Маханькова] // Под ред. проф. Д.В. Дождева, М.: «Норма», 2007. С. 361.
4. Судебник Мхитара Гоша / Пер. А.А. Паповяна, Изд-во АН АрмССР, 1954.
5. Там же.
6. Судебник Смбата Спарапета. Изд-во «Айпетрат», Ер., 1958.
7. *Բարսեղյան Տ. Գ.* Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական իրավունք, Եր., «Տիգրան Մեծ», 2003: 416 էջ: Էջ. 310–311:
8. *Абраменков М.С.* Коллизионно-правовое регулирование наследственных отношений в современном международном частном праве. Ульяновск: УлГУ, 2007. С. 189.
9. Гражданское уложение Германии от 1896г. URL: www.gesetze-im-internet.de/bgb/
10. Гражданский кодекс РФ. Часть 3 от 26.11.2001г. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 2025г. №1530-О. URL: www.base.garant.ru/412241160/
12. Гражданский кодекс Франции. URL: www.fd.ulisboa.pt/wp-content/uploads/2014/12/Codigo-Civil-Frances-French-Civil-Code-english-version.pdf
13. Гражданский кодекс РА от 05.05.1998г. № 239 статья 178. URL: www.arlis.am
14. Закон РА «О накопительных пенсиях» НО-244-Н. URL: www.arlis.am
15. Решение Кассационного суд РА от 25.07.2008 года по гражданскому делу номер 3-446 (ВД). URL: www.arlis.am
16. Решение Конституционного суда РА от 06.12.2019 года УՊՆ-1495. URL: www.arlis.am
17. Решение Кассационного суд РА от 07.04.2017 года в гражданском деле ЕАКД/2190/02/15. URL: www.arlis.am

18. Решение Кассационного суд РА от 17.07.2015 года в гражданском деле АРАД/0416/02/13. URL: www.arlis.am
19. Гражданский кодекс РА от 05.05.1998г. № 239 статья 178. URL: www.arlis.am
20. Гражданский процессуальный кодекс РА от 09.04.2018г. № 110-Н. URL: www.arlis.am

REFERENCES

1. *Apresyan Z.* Constitutional guarantees for the right of ownership (comparative legal research and practice of the European Court of Human Rights): diss. abstract...Legal studies PhD degree: 12.00.02. Yerevan., 2021. URL: <https://degrees.hesc.am/sites/default/files/2021-07/Apresyan%20Zohrak.pdf> (In Arm.).
2. *Novitsky I.* Roman Law: A Textbook for Universities. M.: Urait Publishing House, 2024. P. 298.
3. *Sanfilippo Ch.* Course of Roman private law [translated from Italian by I.I. Makhankov] // edited by prof. Dozhdev D.V., Norma, M.: 2007. P. 361 (In Russ.).
4. The Lawcode by Mkhitar Gosh // transl. by Papovyan A.A., Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1954 (In Russ.).
5. Ibid.
6. The Lawcode by Smbat Sparapet. “Aipetrat” Publishing house, Yer., 1958 (In Russ.).
7. *Barseghyan T.* Civil Law of the Republic of Armenia, Yer., “Tigran Mets”, 2003, 416p. PP. 310–311 (In Armenian)
8. *Abramenkov M.* Conflict-of-Laws Regulation of Inheritance Relations in Modern Private International Law. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2007. P. 189. (In Russian).
9. German Civil Code (Bürgerliches Gesetzbuch), 1896. URL: www.gesetze-im-internet.de/bgb/
10. Civil Code of the Russian Federation. Part 3, November 26, 2001. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
11. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 10, 2025 No. 1530-O . URL: www.base.garant.ru/412241160/
12. French Civil Code. URL: www.fd.ulisboa.pt/wp-content/uploads/2014/12/Codigo-Civil-Frances-French-Civil-Code-english-version.pdf
13. Civil Code of the Republic of Armenia of May 5, 1998 No. 239, Article 178. URL: www.arlis.am
14. Law of the Republic of Armenia “On Funded Pensions” No. HO-244-N. URL: www.arlis.am
15. Decision of the Cassation Court of the Republic of Armenia of July 25, 2008 in civil case No. 3-446 (VD) . URL: www.arlis.am
16. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Armenia of December 6, 2019 No. SDO-1495. URL: www.arlis.am
17. Decision of the Cassation Court of the Republic of Armenia of April 7, 2017 in civil case No. EAKD/2190/02/15. URL: www.arlis.am
18. Decision of the Cassation Court of the Republic of Armenia of July 17, 2015 in civil case No. ARAD/0416/02/13 URL: www.arlis.am
19. Civil Code of the Republic of Armenia of May 5, 1998 No. 239, Article 178 // www.arlis.am
20. Civil Procedure Code of the Republic of Armenia of April 9, 2018 No. 110-N // www.arlis.am

**SOME ISSUES IN THE FIELD OF CIVIL-LEGAL
REGULATION OF THE OBTAINING OF ESCHEATED
PROPERTY IN THE REPUBLIC OF ARMENIA**

Y. Gyanjmyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This scientific article analyzes the current civil legislation of the Republic of Armenia through the prism of the study of the category of escheated property. The relevance of this topic is due to the fact that the use of this institution allows for the functional and effective use of “vacant” property in the public interest by transforming this property into public property.

Keywords: escheated property, ownership, inheritance law.

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-94-118
УДК 34.4414

Поступила: 27.04.2025г.
Сдана на рецензию: 28.04.2025г.
Подписана к печати: 16.02.2026г.

МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Р.А. Амирова

*Российско-Армянский университет
rozaamirova@mail.ru
ORCID: 0009-0009-2839-480X*

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется правовое регулирование использования дистанционных каналов банковского обслуживания и электронных средств платежа в контексте безналичных расчетов, а также анализируются правовые последствия мошеннических действий, совершаемых в данной цифровой среде. Особое внимание уделено вопросам распределения ответственности за убытки, возникающие при несанкционированном доступе третьих лиц к счетам клиентов и правовым рискам неблагоприятных последствий таких действий. Рассмотрена возможность возврата денежных средств банком при выявлении признаков мошенничества, а также правомерность списания средств со счета клиента без его согласия. Сделан вывод о несоответствии отдельных положений договоров между банками и клиентами национальному законодательству, что может ослабить защиту прав собственности. Нами предложены меры по совершенствованию правового регулирования для повышения безопасности операций с банковскими картами и защиты интересов клиентов.

Ключевые слова: защита персональных данных, мошеннические операции, безналичные расчеты, право собственности, информирование.

Появление и повсеместное внедрение систем дистанционного банковского обслуживания способствовало динамичному развитию глобальной цифровой экономики, оптимизировав расчетные сети, повысив конкурентоспособность банков и расширив кредитные возможности финансовых институтов. Однако такая технологическая трансформация неизбежно привела бы к росту преступности в финансовой сфере. Это обусловлено как цифровой и финансовой неграмотностью части населения, так и уязвимостью программных интерфейсов банковских систем в сочетании с объективными трудностями правоохранительных органов при расследовании высокотехнологичных киберпреступлений.

Мошенничество в сфере безналичных расчетов сегодня является одной из наиболее опасных и динамично развивающихся форм хищения, характеризующейся высокой латентностью и сложностью раскрытия. Это связано с применением современных технологий, высокой квалификацией преступников и их специализированными знаниями, а также глобальной распространенностью преступной деятельности, что усложняет процесс доказывания. В связи с ростом случаев мошенничества, разнообразием механизмов преступлений и их негативным воздействием на финансовое благополучие граждан и репутацию кредитных организаций, актуальным становится определение правовых последствий действий сторон, вовлеченных в такие схемы, с обращением к нормам гражданского права, регуливающим обязательства, сделки и вопросы возмещения ущерба.

Современные угрозы утечек персональных данных через даркнет, такие как взломы серверов или недобросовестность сотрудников, способствуют росту мошенничества, включая социальный инжиниринг, оформление кредитов на имя жертвы или фальшивые сборы (например, сбор средств на лечение якобы родственника в социальных сетях или просьбы занять деньги у друзей). Для обеспечения безопасности операций в электронной форме важную роль играют средства идентификации, такие как пароли, PIN-коды, одноразовые SMS-коды, биометрия и цифровые сертификаты, которые служат цифровым аналогом подписи клиента.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Армения (далее также – ГК РА), ключевыми положениями для удостоверения распоряжений денежными средствами являются:

1. **Обязанности банка:** по договору банковского счета банк обязан исполнять распоряжения клиента о денежных операциях (ст. 912 ГК РА).

2. **Удостоверение распоряжений:** права на распоряжение средствами удостоверяются документами, включая электронные средства идентификации (ст. 915 ГК РА).

3. **Использование электронных средств идентификации:** решение Кассационного суда от 05.08.2014 г. по гражданскому делу № ԵՉԴ/0426/02-/13 подтверждает, что банк обязан исполнять распоряжения, заверенные электронными средствами идентификации, такие как пароли и коды, при операциях через банкоматы, POS-терминалы и интернет-банкинг. Код клиента, применяемый в таких случаях, считается достаточным доказательством полномочий для выполнения операций [1].

4. **Пределы обязательств банка:** банк не может ограничивать распоряжение средствами, если это не установлено законом или договором.

Таким образом, договор банковского счета предоставляет сторонам возможность предусмотреть в договоре удостоверение прав на распоряжение денежными средствами на банковском счете в электронной форме. При этом

такое удостоверение должно осуществляться с использованием средств идентификации, подтверждающих, что распоряжение дано уполномоченным лицом. К таким средствам идентификации могут относиться подпись клиента, кодовые слова, а также иные способы аутентификации. Указанные нормы и судебная практика подчеркивают важность обеспечения безопасных и надежных средств идентификации в договоре банковского счета.

Эффективность средств идентификации зависит от их технической сложности и способности противостоять современным угрозам, включая фишинг, взломы и социальную инженерию. Поэтому их разработка и использование должны соответствовать современным стандартам информационной безопасности и регулироваться договорными условиями, а также требованиями законодательства.

Платежная карта классифицируется как платежный инструмент, с помощью которого выполняются операции по снятию наличных денежных средств и безналичные транзакции [2]. При использовании платежной карты распоряжения клиента, переданные банку, считаются подтвержденными, если они содержат идентификационный код клиента, задействованный в электронных системах [3],[4].

Согласно пункту 18 Положения Совета Центрального банка Республики Армения №300-Н «О порядке установления правил безопасности, направленных на защиту интересов держателей карт в связи с выпуском, обслуживанием и распространением платежных карт, а также осуществлением операций с использованием платежных карт на территории РА» от 4 ноября 2014г. при использовании платежных карт в виртуальной среде (интернет) (за исключением виртуальных карт, созданных в системе «АрКа») эмитенты и обслуживающие банки обязаны обеспечивать защиту держателей карт и пользователей. Для этого применяются современные системы безопасности, соответствующие международным стандартам, такие как шифрование данных с использованием закрытых ключей 3D Secure или генерация одноразовых кодов.

Итак, при предоставлении услуг с использованием платежных карт в виртуальной/интернет-среде банки обязаны обеспечивать обслуживание операций через системы безопасности с целью исключения совершения несанкционированных транзакций, а также в соответствии с пунктом 3 подпункта 121 Правил 4 «Минимальных условий осуществления внутреннего контроля в банках», утвержденных решением Центрального банка № 102-Н от 18 апреля 2013 г. обязаны внедрять процедуры мониторинга и контроля операций, осуществляемых с использованием платежных карт, в том числе процедуры мониторинга поведения владельцев платежных карточек, уведомления держателей карт о совершаемых транзакциях, оперативного реагирования на инциденты в режиме реального времени, в случае если имеют место потеря карты, блокирование, отказ в обслуживании, конфискация средств банкоматом и так

далее, а также гарантировать круглосуточную доступность систем мониторинга и оповещения [5].

Из-за недостаточности правового регулирования на законодательном уровне в отношении выдачи, использования и обслуживания банковских карт, особенно важную роль в этих вопросах играют локальные акты банков, которые, как правило, называются «Правилами выпуска и обслуживания банковских карт» или «Общими условиями предоставления банковских услуг» и включают широкий спектр информации, касающейся всех аспектов взаимодействия – от процесса выдачи карты до расторжения договора между клиентом и банком.

В основном согласно типовым условиям банк не несет ответственности за убытки и ущерб, которые клиент может понести при использовании системы. Это включает, но не ограничивает следующие ситуации: несоблюдение условий безопасности при использовании системы, а также в случае передачи или обеспечения доступа третьим лицам устройств, используемых клиентом для входа в систему и работы с ней (мобильные телефоны, компьютеры и т.д.). Клиент обязан не передавать третьим лицам программное обеспечение системы, устройства для доступа к ней, а также пароли и коды. В случае умышленного или неосторожного предоставления доступа третьим лицам, клиент, как правило, несет полную ответственность за любые убытки, причиненные Банку и/или третьим лицам, а также за риски неблагоприятных последствий, которые могут возникнуть для него в связи с доступом третьих лиц.

Получается, что согласно основным типовым условиям банковского обслуживания, являющихся неотъемлемой частью договора, банк не несет ответственности за последствия, возникшие в результате несоблюдения клиентом требований безопасности при эксплуатации системы. Весь риск, связанный с использованием карты, OTP-кода, PIN-кода, CVV/CVC-кода, пароля карты и любой другой информации о карте ложится на держателя карты.

Статья 17 Гражданского кодекса РФ формулирует принцип полного возмещения убытков, который является основой гражданско-правовой ответственности. Лицо, чье право было нарушено, вправе требовать возмещения всех убытков, если договором или законом не установлены особые условия, ограничивающие размер возмещения. Это важная правовая норма, потому что направлена на восстановление справедливости и компенсацию потерпевшему всех расходов, понесенных из-за нарушения его прав. Во второй части данной статьи дано определение убытков, которые включают: реальный ущерб, ущерб в виде утраты или повреждения имущества, упущенную выгоду и нематериальный ущерб. Важно, что данное определение имеет универсальный характер и применяется в случае нарушения любого вида прав (например, в контексте договорных отношений или деликтных нарушений).

Статья 1058 ГК РА закрепляет обязанность возмещения ущерба в случае его причинения как личности, так и имуществу в полном объеме лицом, причинившим вред. Это общая норма, которая распространяется на различные виды вреда, включая вред от действий, нарушающих обязательства, и причинение ущерба в иных сферах гражданских правоотношений. Вторая часть устанавливает возможность освобождения лица от ответственности, если оно докажет, что вред был причинен не по его вине. Это исключение из общего принципа ответственности и предполагает необходимость доказательства отсутствия вины.

Таким образом, обе статьи работают в связке, где статья 1058 регулирует общие основания ответственности за вред, а статья 17 уточняет, что именно представляет собой ущерб и как он должен быть компенсирован.

Считаем, что банк должен нести ответственность за убытки клиента в случаях, когда нарушение со стороны банка привело к несанкционированным операциям, и эти операции могли быть предотвращены при должном уровне обслуживания и соблюдении обязательств банка. Таким примером может служить ситуация, когда, например, клиент своевременно сообщил о потере или краже карты, а банк не заблокировал карту в разумный срок, что привело к списанию денежных средств мошенниками. Однако чтобы банк нес ответственность, необходимо доказать, что:

1. Клиент своевременно сообщил банку о потере карты или подозрении на мошенничество.
2. Банк не выполнил свои обязательства по блокировке карты или предпринял недостаточные меры для предотвращения несанкционированных операций.
3. Убытки клиента непосредственно связаны с несвоевременной или ненадлежащей реакцией банка.

Кассационный суд Республики Армения, толкуя общие условия возмещения ущерба, неоднократно в своих решениях отмечал, что обязательным условием для возмещения ущерба является одновременное наличие следующих факторов: противоправное поведение должника, наличие ущерба, причинно-следственная связь между ущербом и ненадлежащим поведением, а также вина ответчика. При этом, в случае отсутствия хотя бы одного из указанных условий, ущерб не подлежит возмещению, за исключением случаев, предусмотренных законом [6].

В то же время, п. 1 статьи 1088 ГК устанавливает, что ущерб, причиненный гражданину в результате структурных, составных или иных дефектов услуг, а также вследствие предоставления неточной или недостаточно точной информации о таких услугах, подлежит возмещению со стороны поставщика этих услуг, независимо от наличия его вины и от существования договорных отношений с пострадавшей стороной.

Согласно п. 20 Положения Совета ЦБ РА №300-Н от 4-ого ноября 2014г. «О порядке установления правил безопасности, направленных на защиту интересов держателей карт в связи с выпуском, обслуживанием и распространением платежных карт, а также осуществлением операций с использованием платежных карт на территории РА», эмитент обязан постоянно обеспечивать наличие системы оповещения для быстрого реагирования на инциденты, связанные с платежной картой (потеря карты, блокировка, отказ в обслуживании, изъятие банкоматом и другие), а также ее круглосуточное (24/7) обслуживание в режиме реального времени [7].

Получается, что ущерб, причиненный физическому лицу в результате структурных, составных или иных дефектов услуг, а также вследствие предоставления неточной или недостаточно точной информации о таких услугах, подлежит возмещению со стороны поставщика этих услуг в случае, если будет доказано наличие причинно-следственной связи между недостатками услуг или предоставлением неточной или недостаточно точной информации о таких услугах и возникновением имущественного ущерба. Следовательно, банк может быть обязан возместить убытки клиента, если его действия или бездействие привели к несанкционированным списаниям, а также в случае, если банк не выполнил свои обязательства по обеспечению защиты денежных средств клиента. Например, если во время совершения операций клиент пытался связаться с банком по телефону для блокировки своей карты и предотвращения дальнейших несанкционированных операций, но звонок остался без ответа или был задержан, что позволило злоумышленнику совершить операции, ответственность за указанные убытки возлагается на банк.

Клиент имеет право выбрать любой из способов связи с банком для блокировки банковской карты. В свою очередь, банк обязан обеспечить наличие надлежащей процедуры, позволяющей клиенту установить связь с ним выбранным им способом и осуществить блокировку банковской карты.

Таким образом, если клиент выбирает, например, круглосуточный телефонный номер банка для блокировки своей банковской карты, банк обязан обеспечить незамедлительное установление связи с клиентом и начало процедуры блокировки карты. Это обусловлено положениями п. 3 статьи 417 и п. 1 статьи 1088 Гражданского кодекса, в соответствии с которыми банк несет ответственность за нарушение своей обязанности предоставить возможность связи для блокировки карты, независимо от наличия или отсутствия его вины.

В РФ Банк обязан информировать клиента о совершении *каждой операции* с использованием электронного средства платежа, направляя соответствующее уведомление в порядке, установленном *договором с клиентом* [8]. Если злоумышленники похитили средства с карты, а банк не уведомил клиента о проведенных операциях, то банк обязан компенсировать ущерб. Согласно Федеральному закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 08.08.2024г.) «О

национальной платежной системе», банк обязан вернуть снятую сумму без согласия клиента, если выполнены следующие два условия:

1. Клиент сообщил банку о краже средств с карты *не позднее, чем на следующий день* после получения уведомления от банка о подозрительной транзакции. При получении уведомления о приостановлении операции до зачисления средств на банковский счет получателя, оператор по переводу денежных средств обязан приостановить зачисление на срок до пяти рабочих дней, уведомив получателя о необходимости представить документы, подтверждающие обоснованность получения средств. Если документы не предоставлены, Банк обязан вернуть средства Клиенту в течение двух рабочих дней.

2. При использовании карты не были нарушены правила безопасности. В частности, клиент не предоставил данные карты, не хранил PIN-код вместе с картой, не записывал код на карте и не разрешал никому копировать или фотографировать карту [9].

Если банк сможет доказать обратное, то похищенная сумма не будет возвращена.

В соответствии с п. 21 Приложения «О порядке установления правил безопасности, направленных на защиту интересов держателей карт в связи с выпуском, обслуживанием, распространением платежных карт и осуществлением операций с платежными картами на территории Республики Армения», эмитент обязан незамедлительно информировать держателя карты о выполнении каждой операции с использованием платежной карты посредством короткого сообщения (SMS) в случае, *если держатель карты выразил желание воспользоваться данной услугой*.

При этом, в случае мошенничества, риск мошенничества не может быть возложен:

1. исключительно на держателя карты, если последний дал согласие на предоставление услуги информирования, но эмитент не обеспечил незамедлительное информирование посредством короткого сообщения (SMS);

2. исключительно на эмитента, если, после незамедлительного уведомления держателя карты о совершенной операции посредством короткого сообщения (SMS), держатель карты не предпринял предусмотренных данным Порядком, Договором или основными правилами выполнения операций с использованием платежных карт профилактических мер (например, не уведомил незамедлительно о выполнении операции либо об ее отсутствии с его стороны) (...) [10].

Существующее правовое регулирование содержит ряд проблемных аспектов и пробелов, в частности отсутствие унифицированных механизмов информирования клиентов. Согласно ч. 4 ст. 9 Федерального закона № 161-ФЗ, порядок информирования определяется договором, что приводит к вариативности подходов между банками. В Российской Федерации банки обязаны

информировать клиента о каждой транзакции, тогда как в Республике Армения при отказе от услуги информирования все негативные последствия возлагаются на держателя карты. При отсутствии унифицированных стандартов информирования клиенты могут оказаться в неравных условиях. Например, один банк может предусмотреть уведомление исключительно через личный кабинет, другой – через SMS, а третий – по электронной почте. Это может стать причиной пропущенных уведомлений и, как следствие, негативных последствий для клиентов.

Следующая проблема связана с неоднозначностью определения «несанкционированных операций»: законодательство недостаточно четко определяет критерии, по которым операция может быть признана несанкционированной, что может вызывать споры между банками и клиентами. Кроме того, клиенты остаются в уязвимом положении, оператор освобождается от ответственности, если клиент нарушил порядок использования ЭСП. Однако доказательство нарушения часто требует сложной экспертизы.

В соответствии с разъяснениями Пленума ВС РФ обязанность доказывания соблюдения всех необходимых требований к банковским операциям лежит исключительно на самом банке [11]. Обязанность доказать правомерность списания денежных средств (в частности поступление соответствующего распоряжения именно от клиента) лежит на банке (определения КГД ВС РФ от 28 апреля 2015г. № 18-КГ15-48, от 7 февраля 2017г. № 5-КГ16-228).

Эта правовая позиция вполне обоснована, поскольку в тех случаях, когда клиент утверждает, что он не совершал распоряжения, на основании которого осуществлено списание денежных средств со счета, возложение бремени доказывания на него означало бы существенную тяжесть доказывания отрицательного факта. Вопреки распространенному заблуждению, отрицательные факты доказывать можно, но в некоторых случаях настолько затруднительно, что несправедливо возлагать это бремя на соответствующее лицо. Банк же, напротив, вполне может защищать свой интерес, предъявив суду доказательство совершения владельцем счета надлежащего распоряжения. Если банк не может доказать, что списание денежных средств со счета клиента было надлежащим (т.е. произошедшим на основании распоряжения клиента), клиент вправе требовать привлечения его к ответственности [12].

Более того, по нашему мнению, даже если клиент по неосторожности передал злоумышленнику свои персональные данные, а затем своевременно предпринял попытки связаться с банком для блокировки своей карты, это может рассматриваться как ситуация, при которой первоначально было совершено нарушение со стороны держателя карты, а впоследствии клиент попытался устранить его последствия. Однако, если на момент уведомления банка злоумышленники уже распорядились денежными средствами, ответственность клиента сохраняется в части, связанной с его неосторожностью, но банк

может нести ответственность за убытки, если не обеспечил надлежащий мониторинг транзакций или не принял мер для предотвращения дальнейших списаний. Например, если банк не уведомил клиента о подозрительной операции или не приостановил ее, это может быть основанием для возмещения убытков. Таким образом, распределение ответственности зависит от конкретных обстоятельств, включая момент уведомления, действия банка и наличие причинно-следственной связи между неосторожностью клиента и убытками.

Хотелось бы обратить внимание на два, как нам кажется, практикообразующих решения Верховного Суда РФ в части переноса бремени ответственности с клиента на саму кредитную организацию. Верховный Суд РФ в постановлении от 17 января 2023г. по делу №5-КГ22-121-К2 отменил решения нижестоящих судов, отказавшихся признать кредитный договор ничтожным [13]. Дело касалось обмана гражданки Е., которая, введя коды из СМС по указанию мошенников, фактически одобрила индивидуальные условия кредита и перевод средств. Верховный Суд указал на необходимость исследования ключевых обстоятельств, включая проверку принадлежности счета, назначения СМС с кодами, содержания заявки на кредит и логики действий кредитной организации при обработке операций.

В деле №5-КГ22-127-К2 Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих судов, отказавших в признании кредитного договора ничтожным, и направил дело на новое рассмотрение. Преступник, получив доступ к мобильному приложению клиента АО «Тинькофф Банк», оформил кредит и перевел средства на свой счет. Суд указал на необходимость оценки формы и условий кредитного договора, переписки клиента с банком и факта немедленного перевода средств на счет третьего лица. [14]

Верховный Суд РФ впервые занял сторону клиентов в делах о мошенничестве при оформлении кредитов, что, вероятно, связано с определением Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 2669-0. КС РФ подчеркнул, что обман как основание для оспаривания сделок подтверждается общими правилами доказывания. При дистанционном оформлении кредитов банкам предписано принимать повышенные меры предосторожности, особенно в случаях, когда кредит оформляется на клиента, а средства сразу перечисляются третьим лицам [15].

В современной судебной практике наиболее сложной является ситуация, когда технические системы банка фиксируют корректный ввод кодов аутентификации, в то время как клиент заявляет о совершении операции злоумышленниками. В подобных случаях возникает риск необоснованного возложения на потребителя бремени доказывания так называемого «отрицательного факта» (факта отсутствия волеизъявления на совершение операции), что в условиях цифровых расчетов практически неосуществимо для непрофессионального участника.

Представляется, что в таких спорах суду следует исходить из принципа процессуального выравнивания сторон, применяя стандарт доказывания «баланс вероятностей». Учитывая профессиональный статус банка и его техническое превосходство, обязанность доказывания должна распределяться следующим образом: как сторона, контролирующая информационную систему, банк обязан представить не только формальный протокол ввода кода, но и доказательства надлежащей работы антифрод-системы. Суду необходимо оценить «цифровой след» транзакции: использовался ли типичный для клиента IP-адрес и идентификатор устройства, не фиксировалось ли подозрительное использование программ для удаленного доступа (например, “AnyDesk” или “TeamViewer”). Если параметры операции (сумма, время, получатель) резко отклонялись от привычного профиля потребления клиента, отсутствие дополнительной верификации со стороны банка должно интерпретироваться как несоблюдение обязанности по обеспечению безопасности услуги. Потребитель, в свою очередь, должен подтвердить добросовестность своего поведения доступными ему средствами. К ним относятся «косвенные доказательства»: немедленное обращение в правоохранительные органы, предоставление устройства для технической экспертизы на предмет отсутствия вредоносного ПО, а также доказательства невозможности совершения операции лично (например, данные геолокации или свидетельские показания о нахождении в ином месте).

Такой подход позволяет избежать формализма, при котором наличие «правильного кода» автоматически легализует любую мошенническую операцию, и стимулирует банки к совершенствованию систем превентивного мониторинга.

В соответствии с Директивой Европейского парламента и Совета 2015/2366/ЕС о платежных услугах (PSD2) банки обязаны принимать меры для предотвращения мошенничества и могут *приостанавливать* или отменять платежи при наличии обоснованных подозрений на мошенничество. В частности, статья 71 PSD2 устанавливает, что поставщики платежных услуг должны принимать меры для предотвращения мошенничества и обеспечения безопасности платежных операций. Кроме того, статья 72 PSD2 предусматривает, что поставщики платежных услуг могут приостанавливать или отменять платежные операции, если у них есть обоснованные подозрения на мошенничество [16].

Проблемным является вопрос о том, является ли обязанностью или правом банка возврат денежных средств отправителю в случае возникновения подозрения на мошеннический характер перевода. Для реализации этого права в РА в настоящее время существует практика пересмотра условий договоров между банком и клиентами, включая пункт, содержание которого, по нашему мнению, представляется несколько спорным. Согласно этому пункту «Банк имеет право по своему усмотрению приостановить возможность распоряжения, владения и использования средствами на счете клиента и/или

средствами, зачисленных на него, а также (...) без дополнительного поручения клиента перевести эти средства на сторону, осуществляющую перевод (в том числе, списав их со счета клиента с учетом установленной комиссии за посредничество), если банк располагает информацией или подозрениями, что средства, переведенные или зачисленные на счет клиента, могут быть частью мошеннической, поддельной или фиктивной сделки или цепочки сделок, включая наличие данных, идентифицирующих проблемную операцию в отчетах о мошенничестве, полученных от местных/международных платежных систем или финансовых организаций (...)» [17].

Для разграничения понятий важно отметить, что приостановление операций (например, временная блокировка счета при подозрении на мошенничество) отличается от безакцептного списания. Приостановление предполагает сохранение средств на счете клиента до выяснения обстоятельств, тогда как списание влечет их фактическое изъятие, например, путем возврата отправителю или перечисления на другой счет. В контексте мошенничества безакцептное списание может применяться банком как мера реагирования на выявленные признаки мошеннической транзакции (например, перевод средств на счет, связанный с фишингом). Однако, как будет обосновано далее, такие действия противоречат ст. 922 ГК РА, которая допускает списание средств только на основании распоряжения клиента, решения суда, закона или договора, но не по одностороннему усмотрению банка, если это не связано с погашением задолженности клиента перед банком.

Анализируя ограничения права получателя денежных средств на распоряжение средствами, зачисленными на его банковский счет, следует отметить, что правомерность таких ограничений должна оцениваться в каждом конкретном случае с учетом соблюдения национальных законодательных норм, гарантирующих защиту права собственности.

Часть 1 статьи 60 Конституции РА устанавливает, что каждый имеет право на владение, пользование и распоряжение приобретенной на законном основании собственностью по своему усмотрению. Согласно части 3 той же статьи, право собственности может быть ограничено только законом – в целях защиты интересов общества или основных прав и свобод других лиц. В соответствии со статьей 75 Конституции РА, при регулировании основных прав и свобод законами устанавливаются организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления этих прав и свобод [18].

Иначе говоря, основой регулирования права собственности в отраслевом законодательстве является Конституция, а специальные законы лишь определяют необходимые организационные механизмы и процедуры для реализации этого права.

Согласно статье 1 Протокола № 1 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод», каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности (...). Однако предыдущие положения не препятствуют государству применять такие законы, которые оно считает необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами. [19]

В этом контексте важно отметить, что Европейский суд по правам человека в своей прецедентной практике по многим делам признал, что ограничение прав лица на денежные средства, находящиеся на банковских счетах, квалифицируется как контроль за использованием собственности в смысле статьи 1 Протокола № 1 Конвенции. Следовательно, такой контроль должен быть основан на законе. [20]

Согласно договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять на открытый клиентом счет поступающие денежные средства, выполнять распоряжения клиента об осуществлении перечислений, выдаче соответствующих сумм со счета и осуществлении других операций по счету (часть 1 статьи 912 ГК РА).

Как частное проявление установленных в статье 60 Конституции прав клиента распоряжаться своими средствами, часть 3 статьи 912 ГК РА также закрепляет, что банк не вправе определять и контролировать направления использования денежных средств клиента или устанавливать не предусмотренные законом или договором банковского счета другие ограничения его права распоряжаться своими денежными средствами по своему усмотрению.

Конституционный суд, обращаясь к содержанию права собственности, закрепленного в статье 60 Конституции РА, указал, что выражение «по своему усмотрению» в этой норме подчеркивает, что реализация права собственности основывается на четко выраженной воле собственника, которая рассматривается как обязательное условие осуществления этого права [21].

В рамках данного анализа считаем крайне важным рассмотреть императивные законодательные положения, определяющие допустимые пределы ограничения права клиента распоряжаться, владеть и использовать свои денежные средства.

Так, согласно статье 926 ГК РА, озаглавленной «Недопустимость ограничения распоряжения счетом», не допускается ограничивать права клиента распоряжаться денежными средствами, находящимися на счете, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или прекращения операций по счету в случаях, предусмотренных законом. Конституционный суд также выразил аналогичное правовое мнение о том, что ограничение права клиента распоряжаться денежными средствами на счете допустимо исключительно на основании закона [22]. Подобные интерпретации содержатся во множестве доктринальных источников права [23].

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что право клиента распоряжаться денежными средствами на счете может быть ограничено только законом, как того требует часть 3 статьи 60 Конституции. Ограничение права собственности исключительно законом в целях защиты общественных интересов или основных прав и свобод других лиц, а также изъятие собственности только на основании судебного решения в предусмотренных законом случаях, являются ключевыми конституционными гарантиями неприкосновенности собственности [24].

В соответствии с логикой, изложенной в части 3 статьи 912 ГК РА, диспозитивное регулирование, касающееся возможности ограничения прав клиента на распоряжение денежными средствами на своем счете в договоре, не может толковаться так, что сторонам договора предоставляется возможность установить положения, которые нарушают саму сущность прав клиента на распоряжение средствами на счете. Когда речь идет о возможности ограничения прав клиента на распоряжение денежными средствами в договоре, не будет лишним сослаться на положение части 2 статьи 3 ГК РА, согласно которой гражданские права могут быть ограничены *только законом*, если это необходимо для защиты государственной и общественной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности общества, защиты прав и свобод, чести и доброго имени других лиц. Наряду с этим регулированием, граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязательств на основании договора, определении любых условий, *не противоречащих законодательству*. То есть, стороны договора свободны в установлении своих прав и обязанностей в обязательственных правоотношениях, но это право должно реализовываться так, чтобы условия договора не противоречили внутреннему законодательству.

Следует отметить, что статьей 922 ГК РА исчерпывающе установлены основания для списания денежных средств со счета, а именно: 1) распоряжение клиента, 2) решение суда, 3) случаи, предусмотренные законом, и 4) случаи, предусмотренные договором между банком и клиентом для вывода средств.

Поскольку в рамках данного анализа рассмотрение случаев списания денежных средств со счета по первым трем основаниям не представляется целесообразным, основное внимание сосредоточено на четвертом основании – списании средств со счета в порядке, предусмотренном договором между банком и клиентом. Представляется важным изучить этот вопрос с учетом действующей практики в банковской системе Республики Армения.

В общем порядке статья 922 ГК РА применяется для правового регулирования процедур безакцептного и неоспоримого списания средств с банковских счетов. В рамках банковской практики положения о безакцептном списании средств можно встретить, в частности, в «Общих условиях предоставления банковских услуг», утвержденных приказом председателя отделения

ОАО «Ардшинбанк» от 23.05.2024 № 42-Л (пункты 3.16, 11.31, 12.20, 13.50) [25], в «Условиях предоставления и обслуживания платежных карт» ОАО «Акба Банк», вступивших в силу с 27 июля 2023 года (пункты 5.3, 7.7, 7.8 и другие) [26], в «Условиях обслуживания и правил использования платежных карт» ОАО «Америабанк» [27], утвержденных решением директоров от 08.07.2015 №03/17/15 (текущая редакция от 24.09.2024 №01/139/24) (пункт 7.6), в «Условиях предоставления услуг и правил» ОАО «ВТБ Банк Армения», утвержденных решением директоров от 07.08.2020 №237 (пункт 3.8) [28], в «Общих правилах открытия и обслуживания (управления) банковских и депозитных счетов» «Фаст Банк» ОАО (пункт 3.8) [29].

Конституционный суд, рассматривая вопрос о правомерности включения в договор условий, касающихся безакцептного и неоспоримого списания денежных средств, в контексте оценки, означает ли применение таких условий лишение лица собственности без учета его воли или без соблюдения гарантий, предусмотренных частью 4 статьи 60 Конституции, отметил следующее: во-первых, как уже обсуждалось выше, права клиента на распоряжение средствами на счете могут быть ограничены в случаях, предусмотренных законом, например, при наложении ареста на средства на счете или при приостановке операций по счету, во-вторых, в соответствии с прецедентным правом Европейского суда по правам человека, требование о взыскании долга не может рассматриваться как вмешательство в право на уважение собственности должника, поскольку долг не может быть расценен как «имущество» в смысле статьи 1 Протокола №1 (“*Cheminade v. France*” (Dec.), приложение №31599/96, 26.01.1999) [30].

На основании вышеизложенного можно заключить, что списание денежных средств со счета клиента без его согласия на основании положений о безакцептном списании, предусмотренных договором, считается правомерным только в случае направления выведенных средств на погашение задолженности клиента *перед тем же банком*. В противном случае часть 2 статьи 922 ГК РА не может быть корректно истолкована и применена, так как это приведет к нарушению конституционных гарантий, обеспечивающих неприкосновенность собственности.

По данному вопросу российская судебная практика является противоречивой. В ряде случаев условия о безакцептном списании денежных средств со счета клиента рассматриваются как противоречащие, в том числе положениям комментируемого пункта (Постановление ВС РФ от 22 декабря 2015г. № 303-АД15-14824). В то же время существует подход, согласно которому такие условия признаются законными и не ущемляющими права потребителя (Постановление ВС РФ от 9 августа 2016 г. № 307-АД16-9324; Определение КГД ВС РФ от 11 октября 2016г. № 59-КГ16-13).

Если абстрагироваться от вышеизложенного анализа о недопустимости ограничения права собственности клиента на денежные средства, необходимо подчеркнуть, что положение, предоставляющее банку право возвращать отправителю сумму, зачисленную на счет клиента, без его дополнительного распоряжения в случае подозрений о «мошенническом» характере транзакции, фактически не может быть реализовано на практике.

Основанием для этого вывода является тот факт, что понятия «мошеннический» и «мошенничество» в том смысле, в каком они обычно используются в банковской практике, равнозначны понятиям «преступный» и «преступление». Согласно этой логике, квалификация деяния как преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Армения, а также инициирование соответствующего производства по предполагаемым преступлениям однозначно выходит за пределы прав и обязанностей банков. То есть банк, очевидно, не является государственным органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями в рамках Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения. Поэтому и банк не вправе по своему усмотрению произвольно квалифицировать какую-либо транзакцию как «мошенническую» и осуждать действия, вытекающие из такой квалификации (например, списание денежных средств, принадлежащих лицу, с его счета).

С другой стороны, законодатель, учитывая необходимость защиты общественной безопасности, экономических и финансовых систем Республики Армения от рисков, связанных с отмыванием денег и финансированием терроризма, и через установление правовых механизмов противодействия этим явлениям, преследует важнейшую цель – защиту от этих рисков. В этой связи, 26 мая 2008 года был принят Закон Республики Армения «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма».

Кратко рассматривая законодательные инструменты в рамках борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, следует отметить, что тот же закон предусматривает строгие правовые нормы, касающиеся признания сделки или делового отношения подозрительными (статья 7), ограничения определенных типов сделок и операций (статья 15), надлежащего контроля за текущими деловыми отношениями (статья 17), приостановки подозрительных сделок или деловых отношений (статья 26), отказа в проведении сделок или прекращения деловых отношений (статья 27), а также замораживания имущества лиц, связанных с терроризмом или распространением оружия массового уничтожения (статья 28). Не вдаваясь в подробности процедур, предусмотренных рассматриваемым законом для выполнения отдельных действий, следует отметить, что ни одно из этих процедурных положений не наделяет Банк правом списывать средства, уже зачисленные на счета клиентов, на основании выполненного поручения и передавать их на счет отправителя. Более того, процедурные механизмы, предусмотренные законом, обеспечивают прямой контроль Центрального банка

за выполнением вышеуказанных действий и, в случае необходимости применения более строгих ограничений, привлечение органов оперативно-розыскной деятельности и публичных участников процесса.

Указанные правовые нормы преследуют конкретную цель – обеспечение общественной безопасности, с четким процессуальным порядком ограничения права собственности, соразмерным этой цели. К тому же, все эти ограничения предусмотрены законом, как того требует часть 3 статьи 60 Конституции.

На основе изложенного, в случаях возникновения у банков обоснованных сомнений относительно законности сделок, для предотвращения отмыывания денег предусмотрен четкий правовой процесс в соответствии с внутренним законодательством, и банк обязан воздерживаться от действий, противоречащих данному законодательству, принимая во внимание защиту прав на собственность, закрепленную законодательными гарантиями.

Учитывая вышеизложенные правовые позиции, считаем, что положение, предусмотренное в договоре между клиентом и банком, согласно которому банк на свое усмотрение может ограничить право клиента распоряжаться средствами, зачисленными на его счет, а также без дополнительного распоряжения клиента перевести эти средства на счет отправителя, если банк имеет информацию или подозрения о том, что зачисленные средства могут быть частью мошеннической сделки или цепочки сделок, не соответствует внутреннему законодательству.

Противоположное толкование основным выводам данного анализа ослабляет концепцию неприкосновенности собственности и подрывает правовой механизм, установленный внутренним законодательством для ее защиты.

Анализ существующих правовых норм как в РА, так и в зарубежных странах показывает, что законодательство о платежной системе и банковской деятельности направлено на обеспечение безопасности клиентов и их денежных средств. Однако выявлены проблемы, связанные с недостаточной унификацией подходов и сложностями в правоприменении. Для устранения указанных недостатков необходима корректировка нормативно-правовых актов с учетом текущих рисков и тенденций в финансовой сфере.

1. В частности, требуется установление *единых стандартов информирования клиентов*, включая минимальные временные рамки для оповещения клиентов об операциях.

2. Необходимо также расширить обязанности банков по контролю транзакций: закрепить *обязательство банков отслеживать подозрительные операции в реальном времени и оперативно информировать клиентов*. Например, в РФ 24 июля 2024г. вступил в силу федеральный закон [31], который обязывает банки тщательнее отслеживать операции своих клиентов. Специальное подразделение Банка России – «ФинЦЕРТ» собирает данные коммер-

ческих банков обо всех случаях, когда их клиенты сталкивались с мошенниками, и фиксирует их в специальной базе данных. С ней коммерческие банки обязаны сверяться, прежде чем давать согласие на проведение той или иной операции. Если выяснится, что банк одобрил транзакцию по реквизитам, которые фигурируют в базе данных «ФинЦЕРТа», он обязан будет вернуть деньги владельцу карты, даже если тот сам их перевел.

3. Кроме того, необходимо *усилить роль государственных органов в надзоре за операциями, проводимыми через национальную платежную систему*, и обеспечить более строгую ответственность за нарушение норм законодательства, касающихся защиты прав потребителей. Это потребует внедрения современных технологий мониторинга и анализа транзакций. Важно также создать условия для *эффективного взаимодействия между национальными и международными регуляторами*, чтобы обеспечить бесперебойную и безопасную работу платежных систем в условиях глобализации финансовых потоков. Опираясь на опыт РФ, стоит отметить, что сотрудники МВД России могут оперативно получать информацию о финансовых операциях без согласия клиента из автоматизированной системы «ФинЦЕРТ». Существует установленный механизм информационного обмена между ведомствами, что способствует усилению борьбы с кибермошенничеством. Благодаря системе «одного окна», получение данных, необходимых для расследования преступлений, возможно в максимально короткие сроки. Обмен информацией происходит с соблюдением требований банковской тайны. [32]

4. В условиях активного внедрения технологий искусственного интеллекта и блокчейн-технологий необходимо *разработать дополнительные меры по защите персональных данных*, а также определить четкие механизмы их обработки и хранения.

«Свою роль в предупреждении могут играть и банки, обеспечивая контроль за сомнительными операциями по счетам клиентов, а также их блокировку в таких случаях» [33]. СберБанк совместно с АБК разработал специальную функцию собственного оператора сотовой связи «СберМобайл», который с помощью искусственного интеллекта анализирует текст разговора и предупреждает пользователя о подозрении на мошенничество в процессе разговора. Данная система получила название «Аура» и является самообучающейся языковой нейросетевой моделью глубокого обучения, способной распознавать меняющуюся методику мошеннического обмана потерпевшего на основании тысяч разговоров настоящих мошенников [34].

Банк «Тинькофф» предлагает своим клиентам установить приложение, которое аналогичным образом будет отслеживать содержание разговоров с клиентом, сравнивать источник звонка и номер телефона с уже имеющейся в базе банка картотеке мошеннических номеров.

Для выявления мошеннических операций ОАО «Америабанк» разработало концепцию «доверенного устройства». Под «доверенным устройством» понимается устройство, с которого клиент впервые входит в свой аккаунт. Это означает, что при попытке входа в мобильный банкинг клиента с нового устройства (например, нового телефона или компьютера) клиент обязан связаться с банком для прохождения повторной идентификации. Такая мера направлена на предотвращение случаев мошенничества и защиту персональных данных клиента. Концепция «доверенного устройства» (“trusted device”) также применяется в «Конверс Банк» АОЗТ.

Анализируя современные механизмы обеспечения безопасности безналичных расчетов, необходимо рассмотреть практику внедрения банками технологических «фильтров» доступа. В частности, ЗАО «АйДи Банк» применяет правило автоматической временной блокировки доступа к системе дистанционного банковского обслуживания на срок до 4–5 часов при попытке входа с нового, нетипичного для клиента устройства. Оценивая данную меру, следует разрешить потенциальное противоречие между защитой права собственности и превентивными ограничениями распоряжения счетом. Представляется, что кратковременная блокировка доступа не является нарушением сущности конституционного права, если она отвечает критериям пропорциональности и правомерности. Ключевое правовое различие здесь заключается в разграничении приостановления операции и безакцептного списания средств. В рамках рассматриваемой процедуры денежные средства остаются на счете клиента, сохраняя статус-кво; банк не распоряжается ими в одностороннем порядке, а лишь фиксирует их положение до подтверждения воли титульного собственника.

С точки зрения гражданского права, такая практика квалифицируется не как «изъятие собственности», а как реализация банком обязанности по обеспечению сохранности имущества клиента. Данная мера представляет собой «технологическую паузу», необходимую для аутентификации субъекта права. Однако для сохранения правомерности такой блокировки банк обязан соблюдать два условия: немедленно предоставлять клиенту альтернативный канал верификации (видеозвонок, биометрическая идентификация или визит в офис) для оперативного снятия ограничений основывать блокировку на объективных признаках угрозы (например, нетипичный IP-адрес в сочетании с попыткой совершения резкой, нехарактерной транзакции).

При соблюдении указанных условий кратковременное ограничение доступа является примером добросовестного превентивного контроля, который не нарушает условий договора банковского счета, а, напротив, выступает эффективным инструментом защиты интересов потребителя в условиях высокотехнологичного мошенничества.

В ОАО «Ардшинбанк» при попытке входа с нового устройства на экране отображается QR-код, который необходимо сфотографировать с помощью

нового устройства. Этот механизм предназначен для дополнительной проверки и подтверждения подлинности устройства, используемого клиентом, что способствует повышению уровня безопасности учетной записи.

5. Предлагается *разработать четкие критерии для выявления мошеннических операций*. Например, такими критериями могут быть: наличие получателя средств в «черном списке» банка; совпадение характеристик устройства, используемого для входа в систему, с данными, зарегистрированными в базе банка как подозрительные; а также несоответствие характера, сумм, периодичности, местоположения или устройства владельца счета его типичной финансовой активности. Аналогичные критерии были утверждены приказом Банка России от 27 сентября 2018 года № ОД-25253 [35]. Однако, как показывает практика и статистика случаев мошенничества, многие банки не соблюдают данные рекомендации в полной мере. Это свидетельствует о необходимости усиления контроля за исполнением нормативных актов, а также повышения ответственности кредитных организаций за игнорирование установленных мер по противодействию мошенническим операциям.

6. Особое внимание необходимо уделить *повышению финансовой грамотности населения*. Обучение клиентов может включать проведение разъяснительных кампаний о том, что банки никогда не запрашивают конфиденциальные данные, такие как PIN-коды, CVC-коды или пароли. Например, в Нидерландах существует практика предотвращения повторных случаев мошенничества: Управление по финансовым рынкам Нидерландов, получив список жертв мошенничества, напрямую связывается с пострадавшими.

Регулярное информирование клиентов о распространенных схемах телефонного мошенничества через SMS, email и социальные сети поможет повысить уровень финансовых знаний и содействовать формированию более осознанного поведения. Это, в свою очередь, способствует эффективному управлению личными средствами, ведению предпринимательской деятельности, использованию различных финансовых продуктов и услуг, а также улучшению других аспектов финансовой жизни.

Таким образом, дальнейшее развитие законодательства в области национальной платежной системы и банковской деятельности должно быть направлено на создание гармоничной и безопасной правовой среды, которая будет способствовать не только защите интересов клиентов, но и стабильности финансовой системы в целом. Только оперативное устранение выявленных проблем и недостатков в организации виктимологической защиты жертв дистанционных хищений может эффективно остановить рост подобных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решение Кассационного суда от 05.08.2014г. по гражданскому делу № ԵՉԴ/0426/02/13.
2. Закон Республики Армения «О платежно-расчетных системах и платежно-расчетных организациях» от 24 ноября 2004 г. (с последними изменениями от 09 июня 2022 г.) (п. «жа», п. «е» ст. 3).
3. Там же.
4. Положение Совета Центрального банка Республики Армения № 300-Н «О порядке установления правил безопасности, направленных на защиту интересов держателей карт в связи с выпуском, обслуживанием и распространением платежных карт, а также осуществлением операций с использованием платежных карт на территории РА» от 4 ноября 2014г. (с последними изменениями от 26 июля 2022г.) (п. 5).
5. Решение Совета Центрального банка Республики Армения № 102-Н «Об утверждении положения 4 «Минимальные требования по осуществлению внутреннего контроля над банками» и отмене решения Совета Центрального банка Республики Армения номер 71-Н от 11-го марта 2008г. от 18 апреля 2013 года (с последними изменениями от 14 октября 2024г.).
6. Решение Кассационного суда от 07.04.2018 по делу «Армянские программы» ООО против Гагика Ованнисяна, гражданское дело № ԵՉԴԴ/3614/02/15.
7. Решение Совета Центрального банка Республики Армения № 102-Н «Об утверждении положения 4 «Минимальные требования по осуществлению внутреннего контроля над банками» и отмене решения Совета Центрального банка Республики Армения номер 71-Н от 11-го марта 2008г. от 18 апреля 2013 года (с последними изменениями от 14 октября 2024г.).
8. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 № 161-ФЗг. (с последними изменениями от 08 августа 2024г.) (ст. 11–15).
9. Там же.
10. Положение Совета Центрального банка Республики Армения № 300-Н «О порядке установления правил безопасности, направленных на защиту интересов держателей карт в связи с выпуском, обслуживанием и распространением платежных карт, а также осуществлением операций с использованием платежных карт на территории РА» от 4 ноября 2014г. (с последними изменениями от 26 июля 2022г.) (п. 5).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // «Российская газета», № 156. 2012.
12. *Каранетов А.Г., Байбак В.В., Иванов О.М., Любимова М.А., Махалин И.Н., Павлов А.А., Сарбаш С.В., Ястржембский И.А.* Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: Постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации М.: «Логос», 2019. С. 1027.
13. Определение Верховного Суда РФ от 17 января 2023г. №5-КГ22-121-К2. URL: <https://www.vsrfr.ru/stor/pdf.php?id=2211722> (дата обращения: 06.01.2025).
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2022 № 5-КГ22-127-К2 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16122022-n5-kg22-127-k2/> (дата обращения: 06.01.2025).

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юшковой Ксении Андреевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 2669-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rfot-13102022-n-2669-o/> (дата обращения: 06.01.2025).
16. International Bank for Commerce and Development AD and Others v. Bulgaria, no. 7031/05, § 123, 2 June 2016, and BENet Praha, spol. s r.o. v. the Czech Republic, no. 33908/04, §§ 92-93, 24 February 2011, Yunusova and Yunusov v. Azerbaijan, no. 68817/14, § 167, 16.07.2020. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203562>
17. Постановление Конституционного суда от 12 июня 2018 года № УЧН-1418 на основании заявления Армине Атоян, Айка Назиняна и Аркадия Варданяна о соответствии части 2 статьи 887 Гражданского кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения. (п. 4.5).
18. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 2: Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. М.: «Статут», 2006. С. 273; Российское гражданское право. Учебник. В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М.: «Статут», 2015. С. 945; Гражданское право Республики Армения. Ч. II. 2-е изд., с изм. и доп. / Т. Барсегян, А. Айкянц, Г. Гараханян, С. Мегрян. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2008. С. 430.
19. Протокол № 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20.03.1952. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901867999> (дата обращения: 04.01.2025г.).
20. International Bank for Commerce and Development AD and Others v. Bulgaria, no. 7031/05, § 123, 2 June 2016, and BENet Praha, spol. s r.o. v. the Czech Republic, no. 33908/04, §§ 92-93, 24 February 2011, Yunusova and Yunusov v. Azerbaijan, no. 68817/14, § 167, 16.07.2020. Доступно по ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203562>
21. Постановление Конституционного суда от 12 июня 2018 года № УЧН-1418 на основании заявления Армине Атоян, Айка Назиняна и Аркадия Варданяна о соответствии части 2 статьи 887 Гражданского кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения. (п. 4.5).
22. Там же.
23. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая. В двух томах. Том 2: Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. – М.: Статут, 2006, с. 273; Российское гражданское право. Учебник. В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М.: Статут, 2015. С. 945; Гражданское право Республики Армения. Ч. II. 2-е изд., с изм. и доп. / Т. Барсегян, А. Айкянц, Г. Гараханян, С. Мегрян. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2008. С. 430.
24. Постановление Конституционного суда от 12 июня 2018 года № УЧН-1418 на основании заявления Армине Атоян, Айка Назиняна и Аркадия Варданяна о соответствии части 2 статьи 887 Гражданского кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения. (п. 4.5).

25. «Արդշինբանկ» ՓԲԸ: Ընդհանուր դրույթներ: URL: https://website-api.ardshin-bank.am/files/documents/general-terms-arm-72b55f9a-483c-4076-83f4-cb270_a9f2ef5.pdf (дата обращения: 04.01.2025г.).
26. «ԱՇԲԱ ԲԱՆԿ» ԲԲԸ վճարային քարտերի տրամադրման և սպասարկման պայմաններ: URL: https://www.acba.am/files/eFO%2075-02-37.30_27.07.23.pdf (дата обращения: 04.01.2025г.).
27. «Ամերիաբանկ» ՓԲԸ վճարային քարտերի սպասարկման պայմաններ և օգտագործման կանոններ: URL: https://ameriabank.am/Portals/0/files/announcements/green/Cards_terms_and_condintions_23_arm.pdf (дата обращения: 04.01.2025г.).
28. «ՎՏԲ-Հայաստան Բանկ» ՓԲԸ կողմից ֆիզիկական անձանց մատուցվող ծառայությունների պայմաններ և կանոններ (հրապարակային օֆերտա): URL: https://www.vtb.am/img/content/main-cards/OFERTA_arm_08_02.pdf (дата обращения: 04.01.2025г.).
29. «Общие правила открытия и обслуживания (управления) банковских и депозитных счетов» ОАО «Фаст Банк». URL: fstaticimages.blob.core.windows.net/fbfiles/account-type/1/Բանկային_և_ավանդային_հաշիվների_բացման_և_վարման_կանոններ.pdf (дата обращения: 04.01.2025г.).
30. Постановление Конституционного суда от 12 июня 2018 года № УГ-П-1418 на основании заявления Армине Атоян, Айка Назиняна и Аркадия Варданяна о соответствии части 2 статьи 887 Гражданского кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения. (п. 4.5).
31. Федеральный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 340-ФЗ от 24 июля 2023г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240024?index=1> (дата обращения: 05.01.2025г.).
32. «Между Банком России и МВД России начнется онлайн-обмен информацией о мошеннических операциях» // Сайт Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=17142> (дата обращения: 05.01.2025г.).
33. Ренецкая А.Л., Петрякова Л.А. Виктимологическая характеристика мошенничеств в банковской сфере (по материалам Сибирского федерального округа) // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 4. СС. 452-462. URL: <https://doi.org/10.17150/2500-4255>.
34. «Сбер Банк представил технологию противодействия телефонному мошенничеству» // Банки.ру. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10953932> (дата обращения: 06.01.2025).
35. Признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента: утв. приказом Банка России от 27 сентября 2018 года № ОД-2525. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/47786/priznaki_20180928.pdf (дата обращения: 06.01.2025).

REFERENCES

1. Decision of the Court of cassation dated 05.08.2014 in civil case No. ԵՄԳ/0426/02/13.
2. The Law of the Republic of Armenia “On Payment and Settlement Systems and Payment and Settlement Organizations” dated November 24, 2004 (with the latest amendments as of June 9, 2022) (clause “zha”, clause “e” of Art. 3).
3. Ibid.

4. Regulation of the Board of the Central Bank of the Republic of Armenia No. 300-N “On the procedure for establishing security rules aimed at protecting the interests of cardholders in connection with the issue, servicing and distribution of payment cards, as well as the implementation of transactions using payment cards in the territory of the RA” dated November 4, 2014 (with the latest amendments as of July 26, 2022) (clause 5).
5. Decision of the Board of the Central Bank of the Republic of Armenia No. 102-N “On approval of Regulation 4 “Minimum requirements for the implementation of internal control over banks” and cancellation of the decision of the Board of the Central Bank of the Republic of Armenia No. 71-N of March 11, 2008 dated April 18, 2013 (with the latest amendments as of October 14, 2024).
6. Decision of the Court of Cassation dated 07.04.2018 in the case of “Armenian Programs” LLC vs. Gagik Hovhannisyann, civil case No. ԵԱԳԳ/3614/02/15.
7. Decision of the Board of the Central Bank of the Republic of Armenia No. 102-N “On approval of Regulation 4 “Minimum requirements for the implementation of internal control over banks” and cancellation of the decision of the Board of the Central Bank of the Republic of Armenia No. 71-N of March 11, 2008 dated April 18, 2013 (with the latest amendments as of October 14, 2024).
8. Federal Law “On the National Payment System” of June 27, 2011 No. 161-FZ (with the latest amendments of August 8, 2024) (Articles 11–15).
9. Ibid.
10. Regulation of the Board of the Central Bank of the Republic of Armenia No. 300-N “On the procedure for establishing security rules aimed at protecting the interests of cardholders in connection with the issue, servicing and distribution of payment cards, as well as the implementation of transactions using payment cards in the territory of the RA” dated November 4, 2014 (with the latest amendments as of July 26, 2022) (clause 5).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012 No. 17 “On the consideration by courts of civil cases on disputes regarding the protection of consumer rights” // “Rossiyskaya Gazeta”. No. 156. 2012.
12. *Karapetov A., Baibak V., Ivanov O., Lyubimova M., Makhalin I., Pavlov A., Sarbash S., Yastrzhembsky I.* Loan, credit, factoring, deposit and account: Article-by-article commentary to Articles 807–860.15 of the Civil Code of the Russian Federation Moscow: Logos, 2019. P. 1027.
13. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of January 17, 2023 No. 5-KG-22-121-K2. URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=2211722 (accessed: 06.01.2025).
14. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.12.2022 No. 5-KG22-127-K2 // Laws, codes and regulations of the Russian Federation. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delamverkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16122022-n5-kg22-127-k2/> (accessed: 06.01.2025).
15. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ksenia Andreevna Yushkova regarding the violation of her constitutional rights by paragraph 2 of Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.10.2022 No. 2669-O // Laws, codes and regulations of the Russian Federation: [website]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rfot-13102022-n-2669-o/> (accessed: 06.01.2025).

16. International Bank for Commerce and Development AD and Others v. Bulgaria, no. 7031/05, § 123, 2 June 2016, and BENet Praha, spol. s r.o. v. the Czech Republic, no. 33908/04, §§ 92-93, 24 February 2011, Yunusova and Yunusov v. Azerbaijan, no. 68817/14, § 167, 16.07.2020. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203562>
17. The decision of the Constitutional Court of June 12, 2018 No. УԴՈ-1418 based on the application of Armine Atoyan, Hayk Nazinyan and Arkady Vardanyan on the conformity of Part 2 of Article 887 of the Civil Code of the Republic of Armenia with the Constitution of the Republic of Armenia. (clause 4.5).
18. *Braginsky M., Vitryansky V.* Contract Law. Book Five. In two volumes. Volume 2: Agreements on Bank Deposit, Bank Account; Bank Settlements. Competition, Agreements on Games and Betting. Moscow: Statut, 2006, p. 273; Russian Civil Law. Textbook. In 2 volumes. Vol. II: Law of Obligations / Ed. E.A. Sukhanov. 4th ed., stereotype. Moscow: Statut, 2015. P. 945; Civil Law of the Republic of Armenia. Part II. 2nd ed., with amendments and additions / T. Barseghyan, A. Aikyants, G. Garakhanyan, S. Megryan. Yerev.: Yerevan State University Publishing House, 2008. P. 430.
19. Protocol No. 1 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 20 March 1952. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901867999> (accessed: 04 January 2025).
20. International Bank for Commerce and Development AD and Others v. Bulgaria, no. 7031/05, § 123, 2 June 2016, and BENet Praha, spol. s r.o. v. the Czech Republic, no. 33908/04, §§ 92-93, 24 February 2011, Yunusova and Yunusov v. Azerbaijan, No. 68817/14, § 167, 16.07.2020 Доступно по ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203562>
21. The decision of the Constitutional Court of June 12, 2018 No. УԴՈ-1418 based on the application of Armine Atoyan, Hayk Nazinyan and Arkady Vardanyan on the conformity of Part 2 of Article 887 of the Civil Code of the Republic of Armenia with the Constitution of the Republic of Armenia. (clause 4.5).
22. Ibid.
23. *Braginsky M., Vitryansky V.* Contract Law. Book Five. In two volumes. Volume 2: Agreements on Bank Deposit, Bank Account; Bank Settlements. Competition, Agreements on Games and Betting. Moscow: Statut, 2006, p. 273; Russian Civil Law. Textbook. In 2 volumes. Vol. II: Law of Obligations / Ed. E.A. Sukhanov. 4th ed., stereotype. Moscow: Statut, 2015. P. 945; Civil Law of the Republic of Armenia. Part II. 2nd ed., with amendments and additions / T. Barseghyan, A. Aikyants, G. Garakhanyan, S. Megryan. Yerevan: Yerevan State University Publishing House, 2008. P. 430.
24. The decision of the Constitutional Court of June 12, 2018 No. УԴՈ-1418 based on the application of Armine Atoyan, Hayk Nazinyan and Arkady Vardanyan on the conformity of Part 2 of Article 887 of the Civil Code of the Republic of Armenia with the Constitution of the Republic of Armenia. (clause 4.5).
25. “Ardshinbank” CJSC: General Terms. URL: <https://website-api.ardshinbank.am/files/documents/general-terms-arm-72b55f9a-483c-4076-83f4-cb270a9f2ef5.pdf> (accessed: 04.01.2025).
26. “ACBA BANK” OJSC Payment Card Issuance and Service Terms: URL: https://www.acba.am/files/eFO%2075-02-37.30_27.07.23.pdf (accessed: 04.01.2025).
27. Terms and conditions of service and rules of use of payment cards of “Ameriabank” CJSC. URL: https://ameriabank.am/Portals/0/files/announcements/green/Cards_terms_and_conditions_23_arm.pdf (accessed: 04.01.2025).

28. Terms and conditions of services provided to individuals by VTB Bank Armenia CJSC (public offer): URL: https://www.vtb.am/img/content/main-cards/OFERTA_arm_08-02.pdf (accessed: 04.01.2025).
29. General rules for opening and servicing (management) of bank and deposit accounts of “Fast Bank” OJSC. URL: fcstaticimages.blob.core.windows.net/fbfiles/account-type/1/Բանկային_և_ավանդային_հաշիվների_բացման_և_վարման_կանոններ.pdf (accessed: 04.01.2025).
30. The decision of the Constitutional Court of June 12, 2018 No. ՄԴՈ-1418 based on the application of Armine Atoyán, Hayk Nazinyan and Arkady Vardanyan on the conformity of Part 2 of Article 887 of the Civil Code of the Republic of Armenia with the Constitution of the Republic of Armenia. (clause 4.5).
31. Federal Law of the Russian Federation “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” No. 340-FZ dated July 24, 2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240024?index=1> (accessed: 05.01.2025).
32. “Online exchange of information on fraudulent transactions will begin between the Bank of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia” // Bank of Russia website. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=17142> (accessed: 05.01.2025).
33. *Repetskaya A., Petryakova L.* Victimological characteristics of fraud in the banking sphere (based on the materials from Siberian Federal District) // Russian Journal of Criminology. 2022. Vol. 16, No. 4. PP. 452-462. URL: <https://doi.org/10.17150/2500-4255>. (In Russ.).
34. Sberbank presented a technology to combat telephone fraud // Banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10953932> (accessed: 06.01.2025).
35. Signs of a money transfer without the client’s consent: approved by Bank of Russia Order No. OD-2525 dated September 27, 2018. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/47786/priznaki_20180928.pdf (accessed: 06.01.2025).

FRAUD IN CASHLESS PAYMENTS: CIVIL-LAW ISSUES AND WAYS OF RESOLUTION

R. Amirova

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article explores the legal regulation of bank cards as a key tool for cashless payments and analyzes the legal implications of fraudulent activities involving their use. Special attention is given to the distribution of liability for losses arising from actions of cardholders, particularly in cases where they provide third parties with access to their cards, as well as the legal risks of adverse consequences resulting from such actions. The study examines the possibility of recovering funds by banks upon detecting signs of fraud and the legality of debiting funds from clients' accounts without their consent. The author concludes that certain provisions in agreements between banks and clients fail to comply with national legislation, potentially undermining the protection of property rights. Measures to improve the legal framework are proposed to enhance the security of bank card transactions and protect clients' interests.

Keywords: personal data protection, fraudulent transactions, cashless payments, property rights, notification.

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-119-134
УДК 327.8

Поступила: 16.03.2026г.
Сдана на рецензию: 17.03.2026г.
Подписана к печати: 07.04.2026г.

ДИАСПОРЫ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР АРМЯНСКИХ ОБЩИН РОССИИ, США И ФРАНЦИИ

И.С. Данилов

*Российско-Армянский университет
danivan555@gmail.com
ORCID: 0009-0006-3485-935X*

АННОТАЦИЯ

В настоящее время армянская диаспора переживает период активных изменений и окончательно утверждается в качестве самостоятельного актора международной политики. Согласно теории социо-пространственной позициональности, на стратегию и тактику диаспоральных общин огромное влияние оказывает страна пребывания. Эта идея наглядно подтверждается примерами деятельности армянских общин России, США и Франции. Если американская и французская модели предполагают использование активного лоббизма и массовых кампаний для привлечения внимания к проблемам армянского народа, то российская опирается в первую очередь на неформальные контакты между политическими и экономическими элитами. Изменение обстановки на Южном Кавказе приводит к необходимости выработки новых направлений деятельности общин и влияет на сами основы их идентичности. В связи с этим актуальными становятся вопросы будущего диаспоры. К ним относятся развитие концепции «Сетевого государства», направления и форматы сотрудничества с исторической родиной, а также сохранение армянской идентичности в условиях меняющегося мира.

Ключевые слова: публичная дипломатия, армянская диаспора, транснациональные акторы, лоббизм, внешняя политика.

Введение

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью формирования нового «общественного дого-

вора» между Арменией и диаспорой. Многолетняя политика комплементаризма подверглась «эрозии». Новое поколение ищет созидательные смыслы (post-trauma identity), не ограниченные исключительно памятью о трагедиях прошлого. В интеллектуальных кругах формируется запрос на создание «Сетевого государства» (Network State) и переход к институционализированному сотрудничеству [1]. Однако этому препятствует растущая пропасть между максималистской идеологией традиционных диаспоральных структур и прагматичной политикой официального Еревана [2].

Степень научной разработанности. Проблема политической субъектности диаспор и их влияния на международные отношения исследуется в классических трудах Й. Шайна, А. Барта [3] и Г. Шеффера [4]. Теоретическая база использования механизмов «мягкой силы» заложена Дж. Наем [5]. Специфика мобилизации диаспор в контексте непризнанных государств и конфликтов раскрывается в исследованиях М. Койновой [6] и Д. Капура [7]. Различным аспектам политического лоббизма армянской диаспоры в США и Франции посвящены работы Х. Грегг [8], К. Мурадян [9], А. Кунт [10] и С. Минасяна [11]. В российской науке институционализация армянских лоббистских структур исследовалась А.С. Галстяном [12], Л.А. Кртян [13], Э.Г. Акопяном [14], Д.А. Хачатуряном [15] и А.Р. Папомяном [16]. Базовые положения теории публичной дипломатии всесторонне изучены М.М. Лебедевой [17], а социокультурная типология армянской диаспоры представлена В. Дятловым и Э. Мелконяном [18]. Вместе с тем, комплексного сравнительно-политологического исследования, всесторонне рассматривающего трансформацию стратегий армянских общин в России, США и Франции именно сквозь призму геополитических кризисов 2020–2023гг. – на настоящий момент не проводилось.

Цели и задачи исследования. Целью данного исследования является выявление особенностей, ограничений и перспектив изменений моделей публичной дипломатии армянских общин России, США и Франции в контексте изменения региональной архитектуры безопасности. Задачи данного исследования заключаются в следующем:

1. Проанализировать эволюцию армянской диаспоры в самостоятельного транснационального актора.
2. Оценить влияние политических режимов принимающих стран на выбор стратегий лоббирования (в рамках теории социо-пространственной позиционности).
3. Сформулировать возможные сценарии будущего взаимодействия государства и диаспоральных общин.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно позволяет получить

комплексное представление о границах применимости теории транснационализма и расширяет инструментарий анализа неформальных институтов международных отношений. Практическая значимость исследования состоит в том, что на его основе могут быть разработаны прикладные рекомендации для государственных структур по созданию прозрачной инфраструктуры вовлечения диаспоры, направленной на институциональное сотрудничество и синхронизированной с реальными потребностями суверенного государства.

Гипотеза. Основная гипотеза исследования состоит в том, что эффективность публичной дипломатии диаспоры определяется не только ее исторической консолидацией и экономическими ресурсами, но и институциональным контекстом страны пребывания (социо-пространственной позициональностью), а также способностью диаспоральных структур трансформировать собственную повестку синхронно с прагматическими внешнеполитическими интересами исторической родины.

Методологические основания исследования. Методология данного исследования представляет собой сочетание общенаучных и специально-политологических методов. Теоретическую основу составляют концепция транснационализма и теория социо-пространственной позициональности. В работе используются методы сравнительно-политического анализа (для сопоставления моделей армянского лоббизма во Франции, США и России), неинституциональный анализ (при оценке деятельности диаспоральных структур) и логико-дедуктивный метод.

Основная часть

Эволюция субъектности диаспор от гуманитарного объекта к транснациональному актору

В современном мире восприятие диаспор изменилось. Исторически они рассматривались как слабые и уязвимые группы, целиком зависящие от милости страны пребывания. Сейчас же их положение кардинально изменилось. Можно говорить о том, что диаспоры стали самостоятельными и весьма мощными акторами международной политики, обладающими колоссальным количеством ресурсов. Как отмечает классик современной диаспорологии Х. Тололян, в международной политике диаспоры сейчас могут конкурировать даже с национальными государствами [19]. Армянская диаспора (Спюрк) не осталась в стороне от этих изменений. В настоящее время она старается выступать как усилитель государственных интересов [20]. В политическом плане диаспора не является альтернативой Республики Армения. При этом конкретные действия общин могут как совпадать с официальной линией Еревана, так и исходить из своего видения национальных интересов [21]. Для проведения собственной политики у армянских общин есть свои финансовые

и интеллектуальные ресурсы, которые не зависят от Еревана. Для большей эффективности в продвижении своей повестки они создают специальные организации. К ним относятся, например, Армянский национальный комитет Америки (ANCA) и Координационный совет армянских организаций Франции (ССАФ). У этих организаций есть специальная инфраструктура для лоббирования, благодаря которой они могут взаимодействовать с первыми лицами своих государств [22]. Руководство ССАФ, например, периодически встречается с президентами Франции, что приводит к благоприятным решениям для Армении [23]. ANCA и Армянская Ассамблея Америки (AAA) напрямую работают с конгрессменами и сенаторами, иницируют слушания и продвигают свои резолюции. Все это подтверждает, что диаспоральные общины могут самостоятельно влиять на мировую политику [24].

Зависимость стратегий общин от политической системы принимающих государств

Эффективность деятельности общин и используемые ими инструменты нужно рассматривать во взаимосвязи с принимающими их государствами. Согласно теории социо-пространственной позициональности (sociospatial positionality) М. Койновой, на общины напрямую влияют политическая культура, политический режим и т.н. «структура возможностей» (political opportunity structure) страны проживания [25]. В США и Франции армянские общины активно используют т.н. «шумные» (noisy) стратегии, связанные с максимальным привлечением общественного внимания (например, публикации в СМИ и публичные протесты), а также открытый лоббизм. Во Франции на страницах таких знаменитых изданий, как “Le Figaro” до “Le Monde”, периодически публикуются статьи в поддержку Армении и армян [26]. Другой способ отстаивать свои интересы, распространенный в США и Франции – электоральное давление на депутатов и кандидатов на выборные должности. В обмен на свои голоса и финансы община получает нужные решения [27]. В Российской Федерации армянская община действует по-иному [28]. Она придерживается в первую очередь «тихих» (quiet) стратегий продвижения своих интересов. Работа ведется через неформальные договоренности с российскими элитами, экономическое сотрудничество и подчеркнутую политическую лояльность. Организационной основой российской общины долгое время выступал Союз армян России. В первую очередь он занимался выстраиванием конструктивных отношений с государственными органами и политическими элитами России, не прибегая к «шумным» кампаниям. Такой подход позволял поддерживать баланс сил в условиях сложившейся тогда региональной архитектуры безопасности [29].

Трансформация российской модели: пределы неформальной дипломатии

Российская община сделала колоссальный вклад в экономику Армении. Ярким примером можно назвать деятельность группы компаний «Ташир». Она инвестировала миллионы долларов в социальные проекты на территории Республики Армении и Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах). Долгое время такая экономическая интеграция, а также прочные межличностные связи между деловыми и политическими элитами, считались надежным фундаментом российско-армянских отношений. Ситуация изменилась после геополитических потрясений 2020 и 2023гг. Стало ясно, что такая модель имеет определенные структурные пределы [30]. Экономическое сотрудничество и неформальные контакты элит не привели к автоматическому расширению сотрудничества в сфере безопасности. В условиях стремительной трансформации региональной архитектуры Южного Кавказа понадобилось развивать новые форматы сотрудничества [31]. Россия традиционно продолжает восприниматься как надежный партнер, однако власти Армении стали прибегать к более прагматичному подходу к международным отношениям, особенно в сфере военно-технического сотрудничества. Армянской общине России приходится адаптироваться к новым реалиям и переходить к более институционализированному формату сотрудничества, мощной основой которому служат существующие договоренности в рамках ЕАЭС, а также двусторонние соглашения о военно-техническом сотрудничестве.

Успех французской модели: от культуры к оборонному альянсу

Ярким примером преобразования социокультурного капитала в политическое и военное сотрудничество можно назвать модель деятельности армянской общины Франции. Она идеологически увязывает поддержку Армении с защитой общеевропейских демократических ценностей, что значительно усиливает поддержку таких идей во французском обществе [32]. Армянская община существенно поспособствовала политическому сближению Армении и Франции [33]. Однако важно отметить, что в принятии французским правительством окончательных решений по поддержке Армении большую роль сыграло и стремление Франции найти себе опору на Южном Кавказе в рамках продвижения своей глобальной политики, а не только усилия диаспоры [34]. Важным символом интеграции армянской общины во французское общество стала прошедшая в феврале 2024 года церемония перезахоронения праха армянина и героя французского Сопротивления Мисака Манушяна в парижском Пантеоне [35]. Это событие стало итогом многолетней активной деятельности Координационного совета армянских организаций Франции (ССАФ). В последние годы на фоне пересмотра отношений Армении и России

сотрудничество с Францией еще больше активизировалось. В течение 2024–2025 гг. Париж и Ереван подписали ряд серьезных соглашений, посвященных военно-техническому сотрудничеству. Помимо повышения квалификации армянских офицеров во французских военных академиях, соглашения так же предусматривают поставки современных западных вооружений, в том числе и через прямые контракты с предприятиями французского военно-промышленного комплекса. Эти договоры свидетельствуют о существенном изменении в архитектуре региональной безопасности, особенно с учетом того факта, что Армения формально продолжает оставаться государством-членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Переориентация американской модели: от исторической памяти к стратегическому партнерству.

Не менее серьезные изменения происходят и в деятельности армянской общины США. В течение многих лет основой ее лоббистской политики служило продвижение официального признания Геноцида армян [36]. Эта фундаментальная историческая цель была достигнута в 2019–2021 гг., когда сначала обе палаты Конгресса, а затем и президент США официально квалифицировали события 1915 года как геноцид. После этого события пошла активная переориентация повестки общины и изменение ее фокуса на решение более прагматичных задач. К ним относятся, в первую очередь, обеспечение безопасности и укрепление политической и экономической независимости Армении [37]. Ключевыми институциональными структурами американской диаспоры являются Армянский национальный комитет Америки (ANCA) и Армянская Ассамблея Америки (AAA). В настоящее время их лоббистские усилия сосредоточены на продвижении профильных законодательных инициатив, отвечающих на актуальные вызовы безопасности. В первую очередь к ним относится «Акт о партнерстве в сфере безопасности с Арменией» (Armenia Security Partnership Act), предусматривающий оказание прямой военно-политической помощи [38]. Другое важное направление деятельности общины – борьба за включение преподавания истории Геноцида армян в образовательные программы по аналогии с историей Холокоста. Примером является деятельность по разработке и продвижению «Акта об образовании по теме Геноцида армян» (Armenian Genocide Education Act). Он предполагает выделение финансирования из федерального бюджета Библиотеке Конгресса США для разработки и внедрения образовательных материалов, посвященных сохранению памяти о Геноциде и объяснению его причин [39]. При этом новые направления сотрудничества США и Армении не всегда находят поддержку в диаспоре. Ярким примером служит неприятие общиной в лице ANCA проекта TRIPP (“Trump Route for International Peace and Prosperity”), призванного решить транспортный конфликт между Арменией и Азербайджаном и способствующего привлечению в страну американских инвестиций. По мнению

ANCA, эта инициатива несет в себе угрозу суверенитету и национальной безопасности Армении [40]. Эта ситуация наглядно показывает, что у правительства республики и диаспоры существуют разные мнения по поводу путей развития страны, и подчеркивает необходимость выработки ими единой позиции для более эффективного продвижения интересов армянского народа.

Направления развития и вызовы диаспоральной дипломатии в современных условиях.

Концепция «Сетевого Государства» (Network State)

В условиях быстро меняющейся ситуации как на Южном Кавказе, так и во всем мире, в общинах армянской диаспоры идут бурные дискуссии о путях развития взаимодействия Спюрка с исторической родиной. Одна из предлагаемых идей – создание инновационной цифровой инфраструктуры, которую предлагается назвать «Сетевое государство» (Network State). Такая экстерриториальная сеть позволит, по мнению ее сторонников, глобально институционализировать колоссальные материальные и человеческие ресурсы диаспоры по всему миру, подняв их над уровнем конкретных общин, и даст диаспоре возможность выступать единым фронтом по ключевым вопросам [41]. Технологической основой для такой интеграции могут стать современные цифровые и блокчейн-платформы, что позволит обеспечить абсолютную прозрачность распределения ресурсов, высокую скорость принятия решений и защищенность коммуникаций [42]. Фундаментом для объединения может стать успешный опыт борьбы за признание и криминализацию отрицания Геноцида армян [43]. В условиях постоянных геополитических изменений переформатирование диаспоры в «цифровую нацию» может стать перспективным способом объединить ее и сделать более независимой от принимающих стран. Однако у этой концепции есть ряд серьезных недостатков. Во-первых, возникает вопрос о легитимности такой платформы [44]. Реальный контроль над ней может получить узкая прослойка технократов, которые не будут в полной мере представлять интересы диаспоры. Во-вторых, эта экстерриториальная структура может конфликтовать с Республикой Армения, что приведет не к консолидации армянства, а, напротив, к его расколу [45]. Наконец, виртуальные структуры не способны полноценно заменить «жесткую силу» (hard power), нужную для решения проблем «на Земле» в условиях реальных военных угроз [46]. Таким образом, «Сетевое государство» может полноценно развиваться исключительно при условии синхронизации с Республикой Армения.

Переход от «дипломатии чеков» к институциональному развитию

Долгое время взаимодействие армянской диаспоры с исторической родиной строилось на основе так называемой «дипломатии чеков». Зарубежные

армянские общины во многом ограничивались экстренными благотворительными сборами при наступлении военных или гуманитарных кризисов и массовыми частными денежными переводами родственникам (remittances) [47]. Политический лоббизм также был в основном ситуативным. На ранних этапах существования Республики Армения такая модель сыграла большую роль, однако в настоящее время требуется ее конвертация в более прочные институциональные механизмы. Общины постепенно отходят от патерналистской модели взаимодействия с Ереваном и все больше нацелены на выстраивание стабильных и взаимовыгодных отношений. Особенно эта тенденция заметна среди молодых представителей диаспоры [48]. Это сотрудничество можно выстроить по таким направлениям, как, например, передача инновационных технологий и прямые инвестиции в реальный сектор экономики. В условиях информатизации современного общества не менее важным становится передача профессиональных компетенций, называемая в академической литературе «циркуляцией умов» (brain circulation) [49]. В рамках этой концепции специалисты из диаспоры интегрируются в самые разные сферы экономики Армении, например, в государственное управление или систему образования и науки, физически не приезжая в страну и работая дистанционно. Однако для эффективного развития в этом направлении Армении необходимо создать четкую и понятную инфраструктуру для привлечения финансового и интеллектуального капитала, которая будет должным образом юридически защищена. Именно она, а не исключительно эмоциональная привязанность, сможет стать надежным фундаментом сотрудничества между страной и диаспорой [50].

Преодоление разрыва между идеологией диаспоры и прагматичной политикой государства

Геополитические потрясения, начавшиеся с 2020 года и продолжающиеся до сих пор, очень четко показали колоссальную разницу между прагматичной политикой официального Еревана и некоторым политическим максимализмом, свойственным диаспоральным общинам. В основе этого лежит системный конфликт между идеологией диаспоры и объективными реалиями «на Земле» [51]. Армения находится в сложнейшем геополитическом окружении и поэтому вынуждена руководствоваться принципами «реальной политики» (realpolitik) и идти на болезненные уступки по различным вопросам, что не всегда находит отклик в диаспоре, которая зачастую требует бескомпромиссной позиции [52]. Особенно ярко этот разрыв появляется в политике армянской общины США. Возникают ситуации, когда организации общины, например, ANCA, негативно относятся к любым разговорам о разблокировке региональных коммуникаций, в то время как правительство Армении вполне готово данное конструктивно обсуждать. Несогласованность политических

повесток между Арменией и диаспорой приводит к негативным последствиям. Во-первых, она снижает эффективность лоббирования на международной арене, поскольку иностранные государства и международные организации получают противоречивые сигналы от государства и диаспоры. Во-вторых, из-за радикальных позиций диаспоры сужается дипломатическое пространство для действий Армении [53]. Для решения этой проблемы нужно выработать «общественный договор» между Арменией и диаспорой. Он должен сделать лоббистские усилия диаспоры прагматичными и синхронизировать их с реальными потребностями и возможностями Армении. Институционализация такого договора позволит стране и общинам эффективно координировать действия для защиты общих интересов.

Смена поколений и трансформация идентичности

Основой формирования и существования армянской диаспоры на протяжении практически всего XX и начала XXI вв. выступала «историческая травма», связанная с Геноцидом армян [54]. Именно коллективная память о нем, а также и многолетняя бескомпромиссная борьба за международное признание и независимость Нагорно-Карабахской Республики объединяли различные общины в одно целое. Однако полная потеря контроля над Нагорным Карабахом осенью 2023 года потрясла как армянское общество, так и диаспору, и заставила пересмотреть сами основы коллективной идентичности [55]. Другая причина поиска обновленной идентичности – смена поколений в диаспоре. Новое глобализованное и цифровизированное поколение ищет новые формы связи с исторической родиной. Оно пытается отойти от исключительно виктимных и травматических нарративов, которые исторически доминировали в диаспоре и определяли основные направления ее действий [56]. Молодежь стремится сделать из исторической памяти ресурс для созидания вместо инструмента скорби. В связи с этим дальнейшее существование армянской диаспоры, как автономного политического актора, напрямую зависит от ее способности к масштабному смысловому обновлению. Общинам предстоит выработать новые созидательные смыслы, вокруг которых можно будет объединить молодежь. Без формирования ориентированной на будущее идеологической платформы возможна постепенная ассимиляция новых поколений диаспоры и, как следствие, потеря субъектности диаспоры.

Отказ от комплементаризма и формирование жестких партнерств

Внешнеполитическая доктрина Республики Армения многие годы основывалась на попытках балансировать между различными геополитическими центрами. Однако в условиях геополитических изменений такой подход становится менее эффективным [57]. Меняется и роль армянских общин. Сейчас

они должны заниматься не просто формированием позитивного имиджа исторической родины [58], а активно участвовать в институциональном оформлении новых оборонных и экономических союзов. Наиболее наглядно это направление деятельности можно увидеть на примере армянской общины Франции. Ее деятельность привела к прямым поставкам современных вооружений и договоренностям об обучении армянских офицеров во Франции [59]. Похожие изменения происходят и в США. Фокус лоббирования смещается с исторической проблематики на конкретные законодательные акты о безопасности и формирование долгосрочного стратегического партнерства [60]. Таким образом, диаспора становится важнейшим инструментом расширения внешнеполитических связей Армении.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать ряд выводов, касающихся изменения и роли диаспор в системе публичной дипломатии. Во-первых, армянская диаспора окончательно эволюционировала в самостоятельного транснационального актора, способного напрямую влиять на внешнюю политику государств своего проживания. Во-вторых, сравнительный анализ показал, что эффективность и инструментарий лоббизма определяется особенностями политической системы принимающей страны. Если в США и Франции преобладают стратегии открытого политического и электорального давления, то в России исторически сформировалась модель «тихой дипломатии», опирающаяся на неформальные контакты элит и экономическое взаимодействие. В-третьих, кризисы 2020–2023гг., кардинально изменившие архитектуру безопасности на Южном Кавказе, выявили пределы российской неформальной модели, что привело к необходимости большей институционализации сотрудничества. Армянские общины США и Франции также трансформируются и смещают фокус с политики исторической памяти на выстраивание прагматичных оборонных партнерств. В перспективе устойчивое развитие армянской государственности потребует выработки принципиально нового «общественного договора» с диаспорой. Основными направлениями этого взаимодействия должны стать: преодоление разрыва между идеологическим максимализмом традиционных структур диаспоры и прагматичной политикой официального Еревана, переход к институционализированному сотрудничеству, а также поиск новых созидательных смыслов для молодого поколения. Чем быстрее произойдет синхронизация повесток государства и диаспоры, тем эффективнее они смогут сообща работать над обеспечением устойчивого развития и безопасности Республики Армения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kuznetsov Y. (ed.). Diaspora Networks and the International Migration of Skills. Washington: World Bank, 2006. P. 14.*

2. *Baser B., Swain A.* Diaspora Design versus Homeland Realities: Case Study of Armenian Diaspora // “Caucasian Review of International Affairs”, 2008. P. 47.
3. *Shain Y., Barth A.* Diasporas and International Relations Theory // “International Organization”. Vol. 57, No. 3, 2003. P. 450.
4. *Sheffer G.* Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 290p.
5. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: “PublicAffairs”, 2004. P. 68.
6. *Koinova M.* Diaspora Entrepreneurs and Contested States. Oxford: “Oxford University Press”, 2021. P. 205.
7. *Kapur D.* Diaspora, Development, and Democracy: The Domestic Impact of International Migration from India. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 85.
8. *Gregg H. S.* Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. MIT Center for International Studies, 2002. P. 18.
9. *Mouradian C.* Les Arméniens en France. Toulouse: Les éditions de l’attribut, 2010. P. 112.
10. *Kunth A.* Exils arméniens: du Caucase à Paris, 1920–1945. Paris: Belin, 2016. P. 204.
11. *Minasyan S.* The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment // “PONARS Eurasia Policy Memo”, 2011. P. 4.
12. *Галстян А.С.* Армянское лобби в США: формирование и основные направления деятельности (1915–2014гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. С. 134.
13. *Кртян Л.А.* Влияние армянской диаспоры на процесс признания Французской Республикой геноцида армян в Османской империи // «Власть», № 2, 2011. С. 159.
14. *Акопян Э.Г.* Основные направления развития двусторонних отношений Республики Армения и Франции (1992–2008гг.). Дисс. ... канд. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 84.
15. *Хачатурян Д.А.* Франция, РФ и США во внешней политике Армении: количественный анализ голосования в ГА ООН // «Вестник РУДН. Серия: Политология», 2017. С. 91.
16. *Папоян А.Р.* Роль армянской диаспоры в участии Республики Армения в международных делах на рубеже XX–XXI вв. // «Международные отношения», № 2. 2018. С. 128.
17. *Лебедева М.М.* (ред.). Публичная дипломатия: Теория и практика. М.: «Аспект Пресс», 2017. С. 152.
18. *Дятлов В., Мелконян Э.* Армянская диаспора: Очерки социокультурной типологии. Ер.: Институт Кавказа, 2009. С. 45.
19. *Tölölyan K.* The Nation-State and Its Others: In Lieu of a Preface // “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”. Vol. 1, 1991. P. 5.
20. *Shain Y., Barth A.* Diasporas and International Relations Theory // “International Organization”. Vol. 57, No. 3, 2003. P. 450.
21. *Baser B., Swain A.* Diaspora Design versus Homeland Realities: Case Study of Armenian Diaspora // “Caucasian Review of International Affairs”, 2008. P. 59.
22. *Zarifian J.* The Armenian-American Lobby and Its Impact on U.S. Foreign Policy // “Society”. Vol. 51, No. 5. 2014. P. 507.
23. *Vignes T.* The Armenian Diaspora in France on the Nagorno-Karabakh: Which Political Influence? Caucasus Institute: Yer., 2024. P. 1.
24. *Gregg H.* Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. MIT Center for International Studies, 2002. P. 18.
25. *Koinova M.* Beyond Statist Paradigms: Sociospatial Positionality and Diaspora Mobilization in International Relations // “International Studies Review”. Vol. 19, No. 4, 2017. P. 6.

26. *Vignes T.* The Armenian Diaspora in France on the Nagorno-Karabakh: Which Political Influence? Caucasus Institute: Yer., 2024. P. 4.
27. *Zarifian J.* The Armenian-American Lobby and U.S. Foreign Policy. Lexington Books, 2014. P. 506.
28. *Дятлов В., Мелконян Э.* Армянская диаспора: Очерки социокультурной типологии. Ер.: Институт Кавказа, 2009. С. 105.
29. *Féron É., Baser B.* Pathways to Conflict Transportation and Autonomisation: The Case of the Armenian Diaspora // “Civil Wars”, 2023. P. 18.
30. Там же. P. 20.
31. *Avetisyan R.* The Effect of Global Geopolitical Competition on the Formation of the South Caucasus Security Complex: The Strategic Modeling of Armenia's Security Policy // “Armenological Issues”. No. 2 (28). 2024. P. 107.
32. *Mouradian C.* Les Arméniens en France. Toulouse: Les éditions de l'attribut, 2010. P. 112.
33. *Kunth A.* Exils arméniens: du Caucase à Paris, 1920–1945. Paris: Belin, 2016. P. 204.
34. *Акопян Э.Г.* Основные направления развития двусторонних отношений Республики Армения и Франции (1992–2008 гг.). Дисс. ... канд. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 84.
35. *Vignes T.* The Armenian Diaspora in France on the Nagorno-Karabakh: Which Political Influence? Caucasus Institute: Yer., 2024. P. 2.
36. *Gregg H. S.* Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. MIT Center for International Studies, 2002. P. 18.
37. *Der Sarkissian A.* Connections and Disconnections in the Armenian Transnation: the Case of Armenian Americans and Armenia // *Revue LISA / LISA e-journal*. 2024. Vol. 22, No. 57. P. 14.
38. Armenian National Committee of America (ANCA). ANCA Backs ARMENIA Security Partnership Act to Hold Azerbaijan Accountable. ANCA Press release, December 18, 2025. URL: <https://anca.org/press-release/armenia-security-partnership-act/>
39. Rep. Dina Titus Leads Reintroduction of Armenian Genocide Education Act. Official Website of Representative Dina Titus, April 1, 2025. URL: <https://titus.house.gov/news/documentsingle.aspx?DocumentID=4751>
40. Armenian National Committee of America (ANCA). Over 45 U.S. Representatives Co-Sign ANCA-Backed Armenian Caucus Letter Advancing Pro-Armenian Foreign Aid Priorities. ANCA Press release, March 12, 2026. URL: <https://anca.org/press-release/armenian-caucus-foreign-aid-fy27/>
41. *Варданян Р.* Новый социальный контракт между Арменией и диаспорой // «Аравот». 22.04.2022. URL: <https://ru.aravot.am/2022/04/22/382031/>
42. *Srinivasan V.* The Network State: How To Start a New Country. 2022. P. 112.
43. *Кртян Л.А.* Влияние армянской диаспоры на процесс признания Французской Республикой геноцида армян в Оттоманской империи // «Власть», № 2, 2011. С. 159.
44. *Сурма И.В.* Цифровая дипломатия в мировой политике // Вестник МГИМО-университета, № 6, 2014. С. 243.
45. *Koinova M.* Diaspora Entrepreneurs and Contested States. Oxford: “Oxford University Press”, 2021. P. 205.
46. *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ: “Corpus”, 2014. С. 11.
47. *Baser B., Swain A.* Diaspora Design versus Homeland Realities: Case Study of Armenian Diaspora // “Caucasian Review of International Affairs”. Vol. 3, No. 1. 2009. P. 48.

48. *Tchilingirian H.* “Being Armenian is a Package”: Some critical issues facing Diaspora organizations today // *The Diaspora at 100* / Ed. by H. Oshagan, K. Tölölyan. Boston: The Armenian Weekly, 2024. P. 61.
49. *Kuznetsov Y.* (ed.). *Diaspora Networks and the International Migration of Skills*. Washington: World Bank, 2006. P. 59.
50. *Baser B., Swain A.* *Diaspora Design versus Homeland Realities: Case Study of Armenian Diaspora* // “Caucasian Review of International Affairs”, 2008. P. 61.
51. Там же. P. 57.
52. *Der Sarkissian A.* *Connections and Disconnections in the Armenian Transnation: the Case of Armenian Americans and Armenia* // *Revue LISA / LISA e-journal*. Vol. 22, No. 57. 2024. P. 12.
53. *Broers L.* *Armenia and Azerbaijan: Anatomy of a Rivalry*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. P. 139.
54. *Марукян А.Ц.* Проблема преодоления последствий Геноцида армян: научно-политические и правовые аспекты. Ер.: «Гитутюн», 2014. С. 291.
55. *Золян М.* Страсти по Арарату. Зачем Пашинян пытается изменить армянскую национальную идентичность // “Carnegie Politika”. 28.11.2025. URL: <https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2025/12/armenia-new-national-identity>
56. *Chernobrov D., Wilmers L.* *Diaspora Identity and a New Generation: Armenian Diaspora Youth on the Genocide and the Karabakh War* // “Nationalities Papers”. Vol. 48, No. 5. 2020. P. 916.
57. Внешняя политика Армении на перепутье: кризис многовекторности / Аналитический доклад ИМЭМО РАН. М., 2025. С. 17.
58. *Nye J.* *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: “PublicAffairs”, 2004. P. 105.
59. *Vignes T.* *The Armenian Diaspora in France on the Nagorno-Karabakh: Which Political Influence? Caucasus Institute: Yer.*, 2024. P. 5.
60. *Der Sarkissian A.* *Connections and Disconnections in the Armenian Transnation: the Case of Armenian Americans and Armenia* // “Revue LISA / LISA e-journal”. Vol. 22, No. 57. 2024. P. 14.

REFERENCES

1. *Kuznetsov Y.* (ed.). *Diaspora Networks and the International Migration of Skills*. Washington: World Bank, 2006. P. 14.
2. *Baser B., Swain A.* *Diaspora Design versus Homeland Realities: Case Study of Armenian Diaspora* // “Caucasian Review of International Affairs”, 2008. P. 47.
3. *Shain Y., Barth A.* *Diasporas and International Relations Theory* // “International Organization”. Vol. 57, No. 3, 2003. P. 450.
4. *Sheffer G.* *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 290p.
5. *Nye J.* *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: “PublicAffairs”, 2004. P. 68.
6. *Koinova M.* *Diaspora Entrepreneurs and Contested States*. Oxford: “Oxford University Press”, 2021. P. 205.
7. *Kapur D.* *Diaspora, Development, and Democracy: The Domestic Impact of International Migration from India*. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 85.

8. *Gregg H. S.* Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. MIT Center for International Studies, 2002. P. 18.
9. *Mouradian C.* Les Arméniens en France. Toulouse: Les éditions de l'attribut, 2010. P. 112.
10. *Kunth A.* Exils arméniens: du Caucase à Paris, 1920–1945. Paris: Belin, 2016. P. 204.
11. *Minasyan S.* The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment // “PONARS Eurasia Policy Memo”, 2011. P. 4.
12. *Galstyan A. S.* Armenian lobby in the USA: formation and main directions of activity (1915–2014). Diss. ... cand. hist. sci. Tomsk, 2015. P. 134.
13. *Krtyan L. A.* The influence of the Armenian diaspora on the process of recognition of the Armenian Genocide in the Ottoman Empire by the French Republic // *Vlast' [The Power]*, No. 2, 2011. P. 159.
14. *Akopyan E. G.* Main directions of development of bilateral relations between the Republic of Armenia and France (1992–2008). Diss. ... cand. sci. Nizhny Novgorod, 2015. P. 84.
15. *Khachaturyan D. A.* France, Russia and the USA in the foreign policy of Armenia: a quantitative analysis of voting in the UN General Assembly // “RUDN Journal of Political Science”. Vol. 19, No. 1. 2017. P. 99.
16. *Papoyan A.* The role of the Armenian diaspora in the participation of the Republic of Armenia in international affairs at the turn of the XX–XXI centuries // “International Relations”, No. 2, 2018. P. 128.
17. *Lebedeva M.* (ed.). Public Diplomacy: Theory and Practice. Moscow: “Aspect Press”, 2017. P. 152.
18. *Dyatlov V., Melkonyan E.* Armenian Diaspora: Essays on Sociocultural Typology. Yer.: Caucasus Institute, 2009. P. 45.
19. *Tölölyan K.* The Nation-State and Its Others: In Lieu of a Preface // “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”. Vol. 1, 1991. P. 5.
20. *Shain Y., Barth A.* Diasporas and International Relations Theory // “International Organization”. Vol. 57, No. 3, 2003. P. 450.
21. *Baser B., Swain A.* Diaspora Design versus Homeland Realities: Case Study of Armenian Diaspora // “Caucasian Review of International Affairs”, 2008. P. 59.
22. *Zarifian J.* The Armenian-American Lobby and Its Impact on U.S. Foreign Policy // “Society”. Vol. 51, No. 5. 2014. P. 507.
23. *Vignes T.* The Armenian diaspora in France on the Nagorno-Karabakh: which political influence? Yer.: Caucasus Institute, 2024. P. 1.
24. *Gregg H. S.* Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. MIT Center for International Studies, 2002. P. 18.
25. *Koinova M.* Beyond Statist Paradigms: Sociospatial Positionality and Diaspora Mobilization in International Relations // “International Studies Review”. Vol. 19, No. 4, 2017. P. 6.
26. *Vignes T.* The Armenian diaspora in France on the Nagorno-Karabakh: which political influence? Yer.: Caucasus Institute, 2024. P. 4.
27. *Zarifian J.* The Armenian-American Lobby and U.S. Foreign Policy. Lexington Books, 2014. P. 506.
28. *Dyatlov V., Melkonyan E.* Armenian Diaspora: Essays on Sociocultural Typology. Yer.: Caucasus Institute, 2009. P. 105.
29. *Féron É., Baser B.* Pathways to Conflict Transportation and Autonomisation: The Case of the Armenian Diaspora // “Civil Wars”, 2023. P. 18.

30. The same. P. 20.
31. *Avetisyan R.* The Effect of Global Geopolitical Competition on the Formation of the South Caucasus Security Complex: The Strategic Modeling of Armenia's Security Policy // "Armenological Issues". No. 2 (28). 2024. P. 107.
32. *Mouradian C.* Les Arméniens en France. Toulouse: Les éditions de l'attribut, 2010. P. 112.
33. *Kunth A.* Exils arméniens: du Caucase à Paris, 1920–1945. Paris: Belin, 2016. P. 204.
34. *Akopyan E.* Main directions of development of bilateral relations between the Republic of Armenia and France (1992–2008). Diss. ... cand. sci. Nizhny Novgorod, 2015. P. 84.
35. *Vignes T.* The Armenian diaspora in France on the Nagorno-Karabakh: which political influence? Yer.: Caucasus Institute, 2024. P. 2.
36. *Gregg H. S.* Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. MIT Center for International Studies, 2002. P. 18.
37. *Der Sarkissian A.* Connections and Disconnections in the Armenian Transnation: the Case of Armenian Americans and Armenia // "Revue LISA / LISA e-journal". Vol. 22, No. 57.2024. P. 14.
38. Armenian National Committee of America (ANCA). ANCA Backs ARMENIA Security Partnership Act to Hold Azerbaijan Accountable. ANCA Press release, December 18, 2025. URL: <https://anca.org/press-release/armenia-security-partnership-act/>
39. Rep. Dina Titus Leads Reintroduction of Armenian Genocide Education Act. Official Website of Representative Dina Titus, April 1, 2025. URL: <https://titus.house.gov/news/documentsingle.aspx?DocumentID=4751>
40. Armenian National Committee of America (ANCA). Over 45 U.S. Representatives Co-Sign ANCA-Backed Armenian Caucus Letter Advancing Pro-Armenian Foreign Aid Priorities. ANCA Press release, March 12, 2026. URL: <https://anca.org/press-release/armenian-caucus-foreign-aid-fy27/>
41. *Vardanyan R.* A new social contract between Armenia and the diaspora // "Aravot", April 22, 2022. URL: <https://ru.aravot.am/2022/04/22/382031/>
42. *Srinivasan B.* The Network State: How To Start a New Country. 2022.
43. *Krtyan L. A.* The influence of the Armenian diaspora on the process of recognition of the Armenian Genocide in the Ottoman Empire by the French Republic // *Vlast' [The Power]*, No. 2, 2011. P. 159.
44. *Surma I. V.* Digital diplomacy in world politics // "MGIMO Review of International Affairs", No. 6, 2014. P. 243.
45. *Koinova M.* Diaspora Entrepreneurs and Contested States. Oxford: "Oxford University Press", 2021. P. 205.
46. *Morozov E.* The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. Moscow: AST: "Corpus", 2014. P. 11.
47. *Baser B., Swain A.* Diaspora Design versus Homeland Realities: Case Study of Armenian Diaspora // "Caucasian Review of International Affairs". Vol. 3, No. 1. 2009. P. 48.
48. *Tchilingirian H.* "Being Armenian is a Package": Some critical issues facing Diaspora organizations today // *The Diaspora at 100 / Ed. by H. Oshagan, K. Tölölyan.* Boston: "The Armenian Weekly", 2024. P. 61.
49. *Kuznetsov Y.* (ed.). Diaspora Networks and the International Migration of Skills. Washington: World Bank, 2006. P. 59.
50. *Baser B., Swain A.* Diaspora Design versus Homeland Realities: Case Study of Armenian Diaspora // "Caucasian Review of International Affairs", 2008. P. 61.

51. The same. P. 57.
52. *Der Sarkissian A.* Connections and Disconnections in the Armenian Transnation: the Case of Armenian Americans and Armenia // “Revue LISA / LISA e-journal”. Vol. 22, No. 57. 2024.
53. *Broers L.* Armenia and Azerbaijan: Anatomy of a Rivalry. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. P. 139.
54. *Marukyan A. Ts.* The Problem of Overcoming the Consequences of the Armenian Genocide: Scientific, Political and Legal Aspects. Yerevan: “Gitutyun”, 2014. P. 291.
55. *Zolyan M.* Passions over Ararat. Why Pashinyan is trying to change Armenian national identity // *Carnegie Politika*, November 28, 2025. URL: <https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2025/12/armenia-new-national-identity>
56. *Chernobrov D., Wilmers L.* Diaspora Identity and a New Generation: Armenian Diaspora Youth on the Genocide and the Karabakh War // “Nationalities Papers”. Vol. 48, No. 5. 2020. P. 916.
57. Armenia's foreign policy at a crossroads: the crisis of multi-vectorism / Analytical report of IMEMO RAS. Moscow: “IMEMO RAS”, 2025. P. 17.
58. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: “Public Affairs”, 2004.
59. *Vignes T.* The Armenian diaspora in France on the Nagorno-Karabakh: which political influence? Yerevan: Caucasus Institute, 2024. P. 3.
60. *Der Sarkissian A.* Connections and Disconnections in the Armenian Transnation: the Case of Armenian Americans and Armenia // “Revue LISA / LISA e-journal”. Vol. 22, No. 57. 2024. P. 14.

DIASPORAS IN THE SYSTEM OF PUBLIC DIPLOMACY: A COMPARATIVE REVIEW OF ARMENIAN COMMUNITIES IN RUSSIA, THE USA AND FRANCE

I. Danilov

Russian-Armenian University

ABSTRACT

Currently, the Armenian diaspora is undergoing a period of active transformation and is firmly establishing itself as an independent actor in international politics. According to the theory of socio-spatial positionality, the host country exerts a profound influence on the strategy and tactics of diaspora communities. This idea is clearly supported by the activities of the Armenian communities in Russia, the United States, and France. While the American and French models involve active lobbying and mass campaigns to draw attention to the problems of the Armenian people, the Russian model relies primarily on informal contacts between political and economic elites. The changing situation in the South Caucasus necessitates the development of new directions for community activities and affects the very foundations of their identity. In this regard, questions concerning the future of the diaspora are becoming highly relevant. These include the development of the "Network State" concept, the directions and formats of cooperation with the historical homeland, and the preservation of Armenian identity in a changing world.

Keywords: public diplomacy, Armenian diaspora, transnational actors, lobbying, foreign policy.

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-135-145
УДК 327

Поступила: 10.12.2025г.
Сдана на рецензию: 16.12.2025г.
Подписана к печати: 21.02.2026г.

АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ “MICROSOFT” И “HUAWEI” В БРАЗИЛИИ КАК ИНСТРУМЕНТОВ ВЛИЯНИЯ США И КИТАЯ

Д.В. Оганян

*Российско-Армянский университет
diana.oganian@rau.am
ORCID: 0009-0007-8512-4430*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в условиях глобализации транснациональные корпорации (ТНК) усиливают влияние в образовании, формируя кадровый потенциал, конкурентоспособность и «мягкую силу» стран их базирования. На примере “Microsoft” и “Huawei” в Бразилии показано, как их образовательные программы усиливают влияние США и Китая через цифровые навыки, профессиональную подготовку и продвижение технологий. Инициативы ТНК способствуют репатриации прибыли, экспорту технологий и укреплению контроля над цепочками добавленной стоимости, одновременно формируя долгосрочные стратегические преимущества для стран-базирования.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, образование, мягкая сила.

На протяжении последних десятилетий наблюдается тенденция, отражающая усиление роли ТНК в реализации образовательных инициатив, что разрушает привычное понимание того, что именно государство обладает преимуществом формирования образовательной политики. В эпоху глобализации усиливается влияние иностранных ТНК в осуществлении образовательных программ и их финансировании, что, в свою очередь, рассматривается как инструмент влияния страны-базирования ТНК в регионе. Особенно, учитывая тот факт, что ТНК служат одним из наиболее заметных механизмов реализации государствами «мягкой силы». Данная работа ставит перед собой *цель* определить в чем заключается важность образовательных инициатив как для ТНК, так и для стран их базирования, а также проанализировать как образовательные инициативы “Microsoft” и “Huawei” выступают в качестве инструмента влияния США и Китая в Бразилии. Для достижения данной цели будут использованы такие *методы* как структурно-функциональный анализ и case-study.

Несмотря на то, что образование является юридически закрепленным неотъемлемым и универсальным правом человека, тем не менее в условиях углубляющегося разрыва между развитыми и развивающимися государствами, доступ к образованию фактически функционирует как механизм социальной привилегии. Согласно докладу 2024 года, подготовленного ЮНЕСКО, ОЭСР и Секретариатом Содружества, более 250 миллионов детей не посещают образовательные учреждения [1]. Глобальные совокупные расходы на образование в 2022 году достигли значительного объема в 5.8 триллиона \$ США, тем не менее анализ государственного финансирования образовательной сферы выявляет геоэкономический диспаритет, который составляет 155% финансовую асимметрию (в 2022 году среднегодовые инвестиции на одного учащегося в странах с низким уровнем дохода составлял – 55 \$ США, в то время как в странах с высоким уровнем дохода – 8 532 \$ США) [15].

Хотя государственные ассигнования остаются основной статьей финансирования образовательного сектора (в 2020 году – 84%) [3], анализ 2025 года демонстрирует выраженную тенденцию к повышению заинтересованности со стороны частного капитала к сфере образования [4].

XXI столетие характеризуется популярностью идей корпоративной социальной ответственности (КСО), что проявляется в их трансформации от разовых инициатив в важный элемент экономической и управленческой стратегии компаний. «Как правило, термин КСО употребляется при описании социальной ответственности отдельно взятой компании». [5] Образование, являясь ключевым элементом устойчивого развития общества, привлекает внимание ТНК, способствуя росту инвестиций в эту сферу, что обусловлено рядом причин.

Так, образовательная среда выступает ключевым инструментом в формировании кадрового потенциала ТНК в странах присутствия, особенно в условиях дефицита высококвалифицированных специалистов по ряду профессий. Ежегодный набор молодых специалистов из разных учебных заведений, проводимый “Samsung Vietnam”, демонстрирует существующую нехватку инженерных кадров [6]. Так, “Samsung Vietnam” в сотрудничестве с Национальным центром инноваций Вьетнама запустил программу подготовки технологических кадров с целью обучить 50.000–100.000 инженеров по полупроводникам к 2030 году [7].

Важно отметить, что инвестиции в образование не только способствуют наличию кадров на местах, но и обеспечению конкурентоспособности ТНК на глобальном рынке. К примеру, немецкий конгломерат “Siemens” в 2018 году объявил о своем партнерстве с пяти вузами США для разработки концепции программного обеспечения нового поколения. “Siemens” обещал инвестировать по 150.000 \$ в проект-победитель от каждого университета – всего почти 1 миллион \$. В рамках этих инвестиций компания пригласила одного PhD-

студента команды-победителя каждого вуза на шестимесячную работу в корпоративных технологических подразделениях Siemens в Принстоне (Нью-Джерси), Беркли (Калифорния) или Шарлотте (Северная Каролина) для дальнейшей разработки технологии [8].

Еще одной причиной возросшего интереса ТНК к инвестированию образования является формирование потребительской лояльности и положительного имиджа компаний, вовлеченных в КСО. Проведенное исследование среди потребителей телекоммуникационных услуг в Пакистане демонстрирует прямую взаимосвязь между деятельностью данных компаний и формированию лояльности пользователей [9]. Важно подчеркнуть, что развитие лояльности способствует росту клиентской базы, что, в свою очередь, способствует увеличению доходов компании. Ярким доказательством вышесказанного является образовательная программа “Microsoft” в ЮАР – “DigiGirlz”, которая направлена на развитие STEM-навыков у школьников. “Microsoft” – традиционный партнер ЮАР в сфере образования, который на протяжении многих лет формирует позитивное отношение к данной ТНК, о чем свидетельствуют слова президента страны Сирила Рамапосы: «Помимо того, что она прокладывает путь в местном технологическом пространстве, долгосрочное присутствие “Microsoft” в Южной Африке – это вотум доверия нашей стране и нашей экономике. Стратегические инвестиционные объявления, сделанные сегодня Microsoft, являются еще одним свидетельством этой устойчивой уверенности» [10].

Основываясь на всем вышесказанном, можно заключить, что инвестиции ТНК в образовательный сектор являются не только проявлением глобальной тенденции к расширению социальной ответственности бизнеса, но и представляют собой важный стратегический инструмент, влияющий на конкурентоспособность крупных корпораций и формирующий долгосрочные предпосылки для увеличения их прибыли.

Страны базирования ТНК также заинтересованы в продвижении последними инициатив в сфере КСО, что превращает ТНК в инструмент геополитического влияния, что также обусловлено рядом причин.

ТНК являются ярким проявлением «мягкой силы» государств. «В современных обществах потребления важную роль играет идеологическая составляющая потребительских товаров. <...> Качественный товар, несущий на себе отпечаток страны происхождения, становится носителем не только потребительской ценности, но в значительной степени материальным воплощением ее духовного потенциала» [11]. Следовательно, благоприятная репутация компании также переносится и на страну ее базирования.

Несмотря на высокую значимость имиджевых выгод для страны-базирования, образовательная политика ТНК имеет прежде всего прикладной характер. Эффективная деятельность компании за рубежом положительно влияет

на национальную экономику через репатриацию прибыли – выплату дивидендов, роялти и лицензионных платежей или оплаты технических и управленческих услуг, предоставляемых дочерним компаниям. Таким образом, обучение и подготовка кадров для ТНК за рубежом поддерживает экономическую выгоду страны-базирования ТНК.

Важным элементом в этом контексте является контроль ТНК ключевых звеньев цепочки добавленной стоимости. Как утверждают эксперты, сегодня «страны конкурируют между собой за место и определенную роль в цепочках добавленной стоимости» [12]. Чем выше компетенции сотрудников и стандарты производства, тем эффективнее компания удерживает стратегические позиции в этих цепочках, что обеспечивает стране-базирования больший приток репатрируемой прибыли.

Образовательная политика корпораций является ключевым звеном в сохранении контроля над цепочкой стоимости, обеспечивая поддержания качества продукции и технологий производства даже при переносе части производственных процессов за рубеж. Ярким примером этому служит компания “Toyota”, которая в 2006 году открыла Глобальный производственный центр в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где обучение направлено на восемь ключевых процессов: штамповку, сварку, покраску, литье пластмасс, логистику, сборку, контроль качества и обслуживание. Кроме того, центр направлен на продвижение своей глобальной производственной философии, включая “Lean Management” (бережливое производство) и дзидока (выявление и устранение дефектов на ранних стадиях). [13] Об эффективности, пройденного обучения, говорит следующее: на 2022 год «одна “Toyota” производилась в Таиланде каждые 20 секунд» [14]. Для страны базирования это означает, что знания, стандарты и технологии, разработанные внутри корпорации, сохраняются и умножают экономическую отдачу для национальной экономики.

Еще одним важным аспектом значимости образовательной политики корпораций за рубежом для страны-базирования ТНК является то, что через такие программы стимулируется экспорт национального оборудования, предоставление лицензий, оказание технических и консультативных услуг. Это усиливает экспортный потенциал страны базирования и, как следствие, увеличивает ее экономическую прибыль.

Ярким примером является немецкая компания “Siemens” и ее глобальная программа “Siemens Automation Cooperates with Education” (SCE). Программа SCE направлена на подготовку специалистов для работы в любых компаниях, которые используют промышленное оборудование и программное обеспечение “Siemens”. Кроме того, будучи ключевым партнером “Kia Motors Manufacturing Georgia” (KMMG), “Siemens” поддержала образовательный проект THINC College, нацеленный на развитие профессионального кадрового состава компании, выделив на это 100.000 \$ США, а также обеспечив

сертификацию и обучению инструкторов. «Поскольку 90% автомобильных заводов используют автоматизированное оборудование “Siemens”, а КММГ использует его на всех этапах штамповки и сборки, “Siemens” является идеальным партнером для практического обучения студентов практическим системам, с которыми они столкнутся на рабочем месте» [15]. Участие “Siemens” в данном проекте обеспечивает эффективное практическое обучение, при этом экспорт технологий и знаний приносит экономическую выгоду стране-базирования корпорации – Германии.

Через образовательные инициативы ТНК, а, следовательно, и страны их базирования, укрепляют свои рыночные позиции. Бразилия, являясь самой населенной страной Южной Америки и играя ключевую роль как региональный лидер, а также член крупных международных объединений, таких как БРИКС и G20, выступает стратегически важной точкой соприкосновения интересов США и Китая.

В качестве case-study мы рассмотрим образовательную политику таких корпораций как “Microsoft” и “Huawei” в Бразилии.

Образовательная политика “Microsoft” направлена на повышение доступности качественного образования, поддержку цифровой трансформации и развитие навыков, необходимых для современного рынка труда. В Бразилии образовательные инициативы “Microsoft” осуществляются в партнерстве с правительством страны.

Одной из ключевых инициатив является “Microsoft Mais Brasil”, национальная программа, направленная на ускорение цифровой трансформации. Она включает масштабную систему обучения технологическим и цифровым навыкам, поддержку инноваций, инвестиции в строительство новых инфраструктурных объектов, а также сотрудничество с Министерством экономики страны по сокращению безработицы [16]. В рамках данной инициативы “Microsoft” поддерживает создание новых облачных и AI- сервисов.

Проект “Worker's School 4.0”, входящий в стратегию компании “Microsoft”, реализуется в партнерстве с Министерством труда и социального обеспечения. Сама программа состоит из 40 бесплатных курсов по цифровым навыкам., ориентированных на повышение квалификации работников. Среди них – обучение финансовой грамотности с использованием Excel [7], что отражает стремление корпорации к интеграции своих продуктов в образовательные программы и расширению их применения на рынке данной латиноамериканской страны.

Дополняет образовательный блок инициатива – “ConectAI”, ориентированная на обучение 5 миллионов человек навыкам работы с искусственным интеллектом. Данная программа является инклюзивной, так как курсы (более 130 курсов) являются бесплатными. Реализация программы сопровождается значительными инвестициями “Microsoft” в размере 14,7 млрд реалов [18].

Особое внимание уделяется и подготовке учителей: Microsoft занимается также обучением педагогов цифровых навыков, включая применение игровых методик на основе Minecraft, что способствует модернизации школьного образования и развитию цифровой грамотности учащихся.

Microsoft на бразильском рынке способствует укреплению долгосрочного влияния США, что связано с формированием корпорацией институционального присутствия посредством строительства облачных и AI-сервисов. Образовательные инициативы, предложенные компанией, также способствуют формированию поколения, лояльно настроенного к экосистеме “Microsoft”. Важно подчеркнуть, что партнерство с государственными учреждениями также усиливает влияние компании на бразильском рынке, что выражается в прямом доступе американской компании к системе подготовки кадров, стандарту труда и цифровизации государственных услуг. Программы обучения, линзирования, сертификация, платформы, использование облачных и AI-сервисов Microsoft также формируют технологическую зависимость Бразилии от иностранной корпорации, с которой, фактически, происходит деление технологического суверенитета.

Тем не менее, Бразилия стремится диверсифицировать своих технологических партнеров. В этом контексте возрастает роль других крупных держав и ТНК за попытку занять свою нишу на бразильском рынке цифровых технологий. Так, в последнее время наблюдается активность “Huawei”.

“Huawei” активно развивает образовательные инициативы в Бразилии, сотрудничая с федеральными органами странами. Совместно с Министерством образования, и ЮНЕСКО компания запустила пилотный проект «Открытые школы с технологиями для всех», направленный на расширение цифровой инклюзии. Программа включает в себя обучение учителей, обеспечение школ цифровыми устройствами и установку солнечных энергетических систем, что способствует улучшению образовательной инфраструктуры.

Другой масштабной инициативой в области образования является программа “ICT Academy”, которая с 2013 года объединяла 200 университетов-партнеров в Бразилии. Она предлагает более 250 курсов по ИИ, кибербезопасности, 5G технологиям, обеспечивая подготовку специалистов, востребованных на меняющемся цифровом рынке. В 2023 году шесть бразильских команд приняли участие в финале ИКТ-соревнований в Шэньчжэне [9], что свидетельствует о вкладе корпорации в укрепление китайско-бразильского сотрудничества. В 2023 году корпорация подписала меморандум о взаимопонимании с Министерством образования Минас-Жерайс и CONIF, в рамках которого данная инициатива вышла за пределы высших учебных заведений, начав подготовку более 70.000 учителей, а также обязалась обеспечить Wi-Fi соединение в 2.197 школах.

Во время пандемии “Huawei” также оказывает содействие китайским школам в Бразилии, внедрив систему “IdeaHub” и предоставив образовательным учреждениям инструменты для видеоконференций, интерактивного обучения. Это, в свою очередь, позволило частично компенсировать трудности, связанные с переходом на дистанционное обучение, и способствовало распространения китайского языка даже в условиях пандемии.

Следовательно, благодаря инвестициям “Huawei” Китай укрепляет свое технологическое влияние. Участие данной корпорации в развитии цифрового образования за пределами Китая способствует экспорту китайских технологических стандартов, увеличивает лояльность к китайским технологиям, что оказывает позитивное влияние на репутацию страны. Инвестиции также формируют потребительскую лояльность, тем самым укрепляя китайское экономическое присутствие в регионе. Образовательная политика “Huawei” в Бразилии также укрепляет позиционирования Китая как «друга развивающихся стран» и как страна, приверженная принципам международной ответственности.

Таким образом, основываясь на всем вышесказанном, мы можем заключить, что “Microsoft” обеспечивает массовый охват своих технологий через образовательные программы, цифровую грамотность и формирование будущего кадрового состава, следовательно, формируя технологическую значимость и лояльность пользователей. В данном контексте, мы можем заявлять об эффективном укреплении позиций США в долгосрочной перспективе. Стратегия “Huawei” более ориентирована на институциональное и профессиональное влияние. Здесь ярко прослеживается связь между деятельностью компании и публичной дипломатией страны, что выражается в сотрудничестве корпорации с китайскими школами, а также в проведении в Китае международных IT-конкурсов. Обе корпорации сконцентрированы на укреплении позиций своих стран через интеграцию технологий и образовательных программ в государственные и учебные учреждения.

Таким образом, инвестиции крупных корпораций в образование представляет собой важный стратегический инструмент, влияющий на конкурентоспособность ТНК и формирующий долгосрочные предпосылки для увеличения их прибыли. Для стран- базирования ТНК подобная инвестиционная политика также имеет значительные преимущества, поскольку способствует репатриации прибыли, укреплению контроля над цепочками добавленной стоимости, расширению экономического влияния на государства-присутствия ТНК, формирование лояльных политико-экономических элит.

Бразилия, являясь одной из наиболее динамично развивающихся экономик Латинской Америки, привлекает внимание крупных мировых корпораций, включая “Microsoft” и “Huawei”, которые реализуют в стране различные образовательные инициативы. В то время как “Microsoft” ориентируется на

массового потребителя и, соответственно, на массовые образовательные инициативы, “Huawei” сконцентрирован на партнерстве с высшими учебными заведениями. Обе корпорации осуществляют свою деятельность в партнерстве с федеральным правительством Бразилии, что объективно усиливает технологическую зависимость государства от внешних акторов и частично передает элементы технологического суверенитета крупным корпорациям. Тем не менее, Бразилия стремится диверсифицировать свои технологические связи, пытаясь балансировать между компаниями США и Китая, снижая риски избыточной зависимости от зарубежной компании одной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNESCO. The price of inaction: the global private, fiscal and social costs of children and youth not learning. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/price-inaction-global-private-fiscal-and-social-costs-children-and-youth-not-learning> (дата обращения: 01.12.2025).
2. UNESCO. The future at risk: Why investing in education is critical. Paris: UNESCO, 2024.
3. OECD. Education at a Glance 2023: OECD Indicators. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/09/education-at-a-glance-2023_581c9602/e13bef63-en.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
4. Private Equity’s Resurgent Interest in Education: Key Trends for 2025. URL: <https://huntscanlon.com/private-equitys-resurgent-interest-in-education-key-trends-for-2025/> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Завьялова Е.Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // «Финансовый бизнес», № 2 (193). 2018. СС. 26–31.
6. Samsung Vietnam continues to recruit hundreds of engineers. URL: <https://vietnam-news.vn/society/925374/samsung-vietnam-continues-to-recruit-hundreds-of-engineers.html> (дата обращения: 01.12.2025).
7. Samsung launches training program to aid Vietnam’s 50,000 semiconductor talent goal. URL: <https://theinvestor.vn/samsung-launches-training-program-to-aid-vietnams-50000-semiconductor-talent-goal-d9888.html> (дата обращения: 01.12.2025).
8. Siemens, leading U.S. universities to host series of R&D challenges to bolster innovation pipeline. URL: <https://www.siemens.com/us/en/company/press/press-releases-us/siemens-leading-us-universities-to-host-series-of-r-and-d-challenges-bolster-innovation.html> (дата обращения: 01.12.2025).
9. Islam T., Islam R., Pitafi H., Liang X., Rehmani M., Irfan M., Mubarak S. The Impact of Corporate Social Responsibility on Customer Loyalty: The Mediating Role of Corporate Reputation, Customer Satisfaction, and Trust // Sustainable Production and Consumption. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.spc.2020.07.01>
10. Microsoft invests an additional ZAR 5.4bn in South Africa and launches youth certification programme for high-demand digital skills. URL: <https://news.microsoft.com/source/emea/features/microsoft-invests-zar-5-4bn-in-south-africa/> (дата обращения: 01.12.2025).
11. Сургуладзе В.Ш. Маркетинговые инструменты на службе транснациональных корпораций: глобальный брендинг как элемент «мягкой силы» // «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета». Т. 6, № 1, 2016. С. 39.

12. Особенности процесса глобализации в отраслях и комплексах мировой экономики / под ред. В. Б. Кондратьева. М.: ИМЭМО РАН, 2020, 245с.
13. Toyota's Asia-Pacific Global Production Center Begins Training for Asian Manufacturing Affiliates. URL: <https://global.toyota/en/detail/274206> (дата обращения: 01.12.2025).
14. Toyota Motor Thailand turns 60 – over 12 mil vehicles produced since 1962, 4th highest Toyota manufacturer. URL: <https://paultan.org/2022/12/15/toyota-motor-thailand-turns-60-over-12-mil-vehicles-produced-since-1962-4th-highest-toyota-manufacturer/> (дата обращения: 01.12.2025).
15. A public-private partnership could be the answer to skilled autoworkers in the future. URL: <https://www.businessinsider.com/sc/siemens-partnership-kia-thinc-prepares-talent-2016-9#:~:text=As%20an%20automation%20vendor%20to,up%20of%20sedans%20and%20SUVs> (дата обращения: 01.12.2025).
16. Microsoft Wants to Train 25 Million Brazilians in Technology Courses. URL: <https://www.riotimesonline.com/brazil-news/brazil/business-brazil/microsoft-wants-to-train-25-million-brazilians-in-technology-courses/> (дата обращения: 01.12.2025).
17. Instituto XP e Microsoft Brasil agregam educação financeira ao programa Escola do Trabalhador 4.0. URL: <https://news.microsoft.com/pt-br/instituto-xp-e-microsoft-brasil-agregam-educacao-financeira-ao-programa-escola-do-trabalhador-4-0/> (дата обращения: 01.12.2025).
18. Microsoft to make \$2.7 billion cloud, AI investments in Brazil. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/technology/microsoft-make-27-billion-cloud-ai-investments-brazil-2024-09-26/> (дата обращения: 01.12.2025).
19. ICT Academy Brazil: world-class digital training and a chance to compete in global events. URL: <https://www.huawei.com/en/media-center/multimedia/videos/2023/brazil-ict-competition> (дата обращения: 01.12.2025).

REFERENCES

1. UNESCO. The price of inaction: the global private, fiscal and social costs of children and youth not learning. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/price-inaction-global-private-fiscal-and-social-costs-children-and-youth-not-learning> (accessed: 01.12.2025).
2. UNESCO. The future at risk: Why investing in education is critical. Paris: UNESCO, 2024.
3. OECD. Education at a Glance 2023: OECD Indicators. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/09/education-at-a-glance-2023_581c9602/e13bef63-en.pdf (accessed: 01.12.2025).
4. Private Equity's Resurgent Interest in Education: Key Trends for 2025. URL: <https://huntscanlon.com/private-equitys-resurgent-interest-in-education-key-trends-for-2025/> (accessed: 01.12.2025).
5. Zavyalova E. Corporate social responsibility: evolution of approaches and ideas // “Financial business”, 2018, № 2 (193). PP. 26–31 (In Russ.)
6. Samsung Vietnam continues to recruit hundreds of engineers. URL: <https://vietnam-news.vn/society/925374/samsung-vietnam-continues-to-recruit-hundreds-of-engineers.html> (accessed: 01.12.2025).
7. Samsung launches training program to aid Vietnam's 50,000 semiconductor talent goal. URL: <https://theinvestor.vn/samsung-launches-training-program-to-aid-vietnams-50000-semiconductor-talent-goal-d9888.html> (accessed: 01.12.2025).

8. Siemens, leading U.S. universities to host series of R&D challenges to bolster innovation pipeline. URL: <https://www.siemens.com/us/en/company/press/press-releases/usa/siemens-leading-us-universities-to-host-series-of-r-and-d-challenges-bolster-innovation.html> (accessed: 01.12.2025).
9. *Islam T., Islam R., Pitafi H., Liang X., Rehmani M., Irfan M., Mubarak S.* The Impact of Corporate Social Responsibility on Customer Loyalty: The Mediating Role of Corporate Reputation, Customer Satisfaction, and Trust // “Sustainable Production and Consumption”. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.spc.2020.07.01>
10. Microsoft invests an additional ZAR 5.4bn in South Africa and launches youth certification programme for high-demand digital skills. URL: <https://news.microsoft.com/source/emea/features/microsoft-invests-zar-5-4bn-in-south-africa/> (accessed: 01.12.2025).
11. *Surguladze V.* Marketing tools at the service of transnational corporations: global branding as an element of “Soft Power” // “Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University” Vol. 6, No. 1, 2016. P. 39 (in Russ.)
12. Features of the globalization process in the sectors and complexes of the world economy / edited by V. B. Kondratiev. M.: IMEMO RAS, 2020, 245p. (In Russ.)
13. Toyota’s Asia-Pacific Global Production Center Begins Training for Asian Manufacturing Affiliates. URL: <https://global.toyota/en/detail/274206> (accessed: 01.12.2025).
14. Toyota Motor Thailand turns 60 – over 12 mil vehicles produced since 1962, 4th highest Toyota manufacturer. URL: <https://paultan.org/2022/12/15/toyota-motor-thailand-turns-60-over-12-mil-vehicles-produced-since-1962-4th-highest-toyota-manufacturer/> (accessed: 01.12.2025).
15. A public-private partnership could be the answer to skilled autoworkers in the future. URL: <https://www.businessinsider.com/sc/siemens-partnership-kia-thinc-prepares-talent-2016-9#:~:text=As%20an%20automation%20vendor%20to,up%20of%20sedans%20and%20SUVs> (accessed: 01.12.2025).
16. Microsoft Wants to Train 25 Million Brazilians in Technology Courses. URL: <https://www.riotimesonline.com/brazil-news/brazil/business-brazil/microsoft-wants-to-train-25-million-brazilians-in-technology-courses/> (accessed: 01.12.2025).
17. Instituto XP e Microsoft Brasil agregam educação financeira ao programa Escola do Trabalhador 4.0. URL: <https://news.microsoft.com/pt-br/instituto-xp-e-microsoft-brasil-agregam-educacao-financeira-ao-programa-escola-do-trabalhador-4-0/> (accessed: 01.12.2025).
18. Microsoft to make \$2.7 billion cloud, AI investments in Brazil. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/technology/microsoft-make-27-billion-cloud-ai-investments-brazil-2024-09-26/> (accessed: 01.12.2025).
19. ICT Academy Brazil: world-class digital training and a chance to compete in global events. URL: <https://www.huawei.com/en/media-center/multimedia/videos/2023/brazil-ict-competition> (accessed: 01.12.2025).

**ANALYSIS OF “MICROSOFT” AND “HUAWEI’S”
EDUCATIONAL INITIATIVES IN BRAZIL AS TOOLS OF U.S.
AND CHINESE INFLUENCE**

D. Oganian

Russian-Armenian University

ABSTRACT

In the context of globalization, transnational corporations (TNCs) are increasingly influencing education, shaping human capital, enhancing competitiveness, and serving as instruments of the “soft power” of their home countries. The case of “Microsoft” and “Huawei” in Brazil demonstrates how their educational programs extend U.S. and Chinese influence through digital skills development, professional training, and technology promotion. TNC initiatives contribute to profit repatriation, technology exports, and strengthened control over value chains, while simultaneously creating long-term strategic advantages for their home countries.

Keywords: transnational corporations, education, soft power.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-146-157
УДК 81

Поступила: 15.07.2025г.
Сдана на рецензию: 25.07.2025г.
Подписана к печати: 30.11.2025г.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СТРУКТУРНЫХ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Г. Геворкян

*Российско-Армянский университет
Институт языка НАН РА
gevgayane@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7828-8695*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются структурные модели настоящего времени изъявительного наклонения в армянском языке в их исторической динамике. Исследуется процесс эволюции презенса, глагольные формы которого прослеживаются на различных этапах исторического развития языка. Определяются ключевые стадии формирования форм настоящего времени – от древнеармянского периода до современного состояния в диалектной вариативности. Устанавливается, что развитие форм настоящего времени обусловлено как внутренними грамматическими преобразованиями, так и внешними ареальными факторами. Особое внимание уделяется возникновению аналитических конструкций настоящего времени с использованием инфинитива, частицы *ki*, а также причастных форм с аффиксами *it* и *lis*. В рамках исследования рассматриваются также этимологические аспекты указанных частиц и причастных форм, задействованных в формировании категории настоящего времени. Отмечается, что данные вопросы остаются предметом научной дискуссии в современной лингвистике.

Ключевые слова: армянский язык, настоящее время, историческая грамматика, аналитические формы, этимология.

Введение

Настоящее время изъявительного наклонения занимает особое место в процессе исторической эволюции глагольной системы армянского языка. В устно-разговорных вариантах армянского языка на современном этапе на-

блюдается отсутствие унифицированного выражения грамматического значения настоящего времени: в различных ареалах фиксируются определенные структурные различия. Указанные особенности проявляются как в синтаксической организации предикативных конструкций, так и в морфологическом оформлении глагольных форм. Это обуславливает необходимость комплексного изучения презенса с учетом как внутреннего развития языковой системы, так и влияния внешних ареальных факторов.

В грабарских текстах можно встретить формы настоящего и прошедшего несовершенного, используемые в значении будущего времени. Например, в некоторых молитвенных и литургических текстах Грабара форма настоящего времени служит для выражения будущего действия, что соответствует функциональной многозначности данных форм.

Так, в одном из древних манускриптов встречается конструкция с формой настоящего времени, обозначающей действие, которое должно произойти впоследствии, что подтверждает гипотезу о трансформации значений времен. Данное явление свидетельствует о постепенном разложении исходной глагольной системы Грабара и формировании новых грамматических средств для выражения временных значений, в частности – будущего времени сослагательного наклонения. Эти процессы отражают общие закономерности развития глагольных систем в индоевропейских языках и подтверждают необходимость комплексного анализа эволюции грамматических форм с учетом исторического и диалектного контекстов.

Для всестороннего и корректного истолкования процесса исторических трансформаций глагольных форм презенса в настоящем исследовании применялись комплексный набор методологических подходов. В частности, описательный метод позволил зафиксировать и систематизировать современные и исторические данные, отражающие структурные особенности настоящего времени. Исторический метод обеспечил реконструкцию этапов развития глагольной системы в хронологической последовательности, выявление причинно-следственных связей и закономерностей изменения грамматических форм. Сравнительный метод использовался для сопоставления форм презенса в различных диалектах армянского языка, а также в сравнении с древнеармянскими и современными языковыми материалами, что позволило выявить общие тенденции и региональные особенности. В ходе синхронного анализа основное внимание уделялось описательному, сопоставительному и сравнительному подходам, тогда как при проведении диахронического исследования акцент делался на историческом и сравнительном методах. Такой методологический комплекс обеспечил глубокое понимание динамики развития категории настоящего времени в армянской глагольной системе.

Обсуждение. В Грабаре формы, имеющие в древнеармянском языке презентное и имперфективное значение, помимо основного функционала выражали также ряд других временных значений, в частности будущее значения в рамках сослагательного наклонения. На последующих этапах развития эти формы заняли доминирующее положение в глагольной системе, что привело к постепенному вытеснению исконных форм сослагательного наклонения, уступивших место формам настоящего времени (а также прошедшего несовершенного). Вследствие этого в языке возникла необходимость создания специальных грамматических средств для выражения исключительно настоящего времени. Данные древних рукописей, а также формы инфинитива настоящего и будущего времени, сохранившиеся в современных диалектах, особенно в отрицательных конструкциях настоящего и будущего времени, практически во всех говорах современного армянского языка, позволяют предположить, что на ранних этапах в качестве обще армянской формы, выражающей презентное значение, функционировали инфинитивные конструкции с использованием вспомогательного глагола. В Грабаре в свою очередь было распространено употребление настоящего и прошедшего несовершенного в значении будущего времени. Иначе говоря, формы настоящего и прошедшего несовершенного, помимо значения изъявительного наклонения, что являлось их основной функцией, употреблялись также в значении сослагательного наклонения [1].

Таким образом, можно утверждать, что многозначность форм настоящего и будущего берет свое начало от прошедшего несовершенного. Грабар не имел форм прошедшего времени сослагательного наклонения. Но поскольку само понятие прошедшего в сослагательном наклонении имело место в языке, то оно нашло и формы своего выражения: как таковые выступали временные формы прошедшего несовершенного. Например, глагольные формы типа **kardayi**, помимо исконного смысла “kardum ēi”, приобрели также значения “kardayi, kkardayi, piti kardayi”. Многочисленные примеры подобного употребления можно почерпнуть в рукописях классического периода: “Isk ard ur ē eranut’ivnn jer, vkayem jez, et’ē hmar inc’ ēr, zač’s jer hanēik’ (khanēik’) ev taik’ (ktaik’) inj. Ev zmisn et’e sirt uruk’ ařnoyr (arner) ev utēr (uter) voč’ vna-sēr... Bayc’ t’ē gitēi (gitenayi) t’ē yaism hetē kayc’ē yuxtin imum ev i hnazandut’ēan bareav uxtiv, mecapēs mecaranok’ arjakēi (karjakei) zna xagagut’eamb yivr ašxarhn. Et’ē havatayik’ duk’ Movsisi, havatayik’ (khavatayik’) ardeok’ ev inj” [2].

Употребление изъявительного наклонения в значении желательного в дальнейшем охватило также глагольные формы настоящего времени, и глагол **kardal** имел уже не только значение “kardum em”, но и “kardam, kkardam, piti kardam”. В рукописях многочисленны также примеры употребления настоящего изъяви-

тельного в значении настоящего сослагательного наклонения [3]. Позднее амбивалентное функционирование временных форм настоящего и прошедшего стало настолько распространенным, что сослагательное наклонение как таковое выпало из языка и глагольные формы настоящего и прошедшего несовершенного полностью его заменили. Как следствие утраты сослагательного наклонения в глагольной системе установилась неопределенность и смешение понятий. Одна и та же языковая форма стала выразителем нескольких грамматических значений. Амбивалентность в глагольной системе продолжала существовать и во избежание ее стало употребляться составное настоящее с препозитивным и вспомогательным глаголом.

Известно, что инфинитив в грабаре принадлежал к внешнему склонению на “vo” и в значении предложного падежа использовал винительный с предлогом и. Известно также, что настоящее время изъявительного наклонения выражает понятие пребывания в процессе действия и что таким же свойством обладает предложный падеж. Поэтому препозитивный винительный инфинитива в значении предложного падежа становится выразителем времени. На этот факт обращал еще А. Айтынян. Говоря об образовании отрицательной формы настоящего времени, он отмечает, что оно появляется в XI-XII вв. в следующей модели – **отрицательная форма вспомогательного глагола+предлог+инфинитив**: չեմ ի գրել /č'em i greł/: «С помощью той же формы и того же предлога формируется иногда и утвердительное высказывание» [4].

Эти способы образования настоящего времени в последующие века получили достаточно широкое распространение в армянском языке. рукописные источники свидетельствуют о том, что основными формами выражения настоящего времени в утвердительных предложениях были глагольные конструкции, состоящие из препозитивного инфинитива и вспомогательного глагола. Они предшествовали не только конструкциям настоящего времени с причастными формами, но и конструкциям с частицами.

В эпоху среднеармянского языка, согласно рукописным свидетельствам, отрицательные глагольные формы настоящего времени изъявительного наклонения образовались при помощи инфинитива. Иначе говоря, основным способом образования отрицательных форм спряжения в тот период было сочетание предложного падежа инфинитива и отрицательных форм вспомогательного глагола. Уже сам этот факт указывает на то, что появления других форм настоящего времени, его значение выражалось инфинитивом. «Это настоящее и прошедшее, образованные частицей “ku”, употребляются однако только в положительных формах. С его употреблением утрачивается положительная форма, образуемая сочетанием предлога “i” с инфинитивом, как “em i havatal”, “em i greł”. Эти последние остаются в качестве отрицательных, и возникает следующий тип спряжения: положительное – ku tam, ku tas, ku tay..., отрицательное – č'em i tal, č'es i tal, č'ē i tal» [5].

Кстати, положительные формы, образованные предлогом “i” и инфинитивом, не вышли из употребления (опущен лишь предлог “i”). В армянских диалектах они и по сегодняшний день продолжают употребляться в сфере настоящего (частично и будущего) времени.

Как отмечает А. Абрамян, наиболее ранние случаи употребления отрицательных форм с инфинитивом встречаются у Шапуха Багратуни (Xв.) [6]. Подобные наблюдения проделал также А. Гарибян [7]. Показательно, что А. Гарибян приводит примеры с утраченным предлогом.

Итак, если иметь в виду, что первые свидетельства утвердительных форм настоящего времени, образуемого соположением инфинитива и вспомогательного глагола, восходят к XIIв., а их прототипы наличествуют уже в ранний рукописный период (точно также словосочетания с отрицательными формами встречаются начиная с Xв.), в то время как первые примеры глагольных форм, выраженных сочетанием частицы “ku” и причастных форм с окончанием “um”, встречаются в рукописных текстах начиная с XIIIв., однако можно считать допустимым, что глагольные единицы, состоящие из инфинитива и вспомогательного глагола, были самыми ранними формами нового настоящего. Можно предположить, что настоящее время подобного способа образования было распространено по всему ареалу армянского языка на раннем этапе, когда начинали формироваться фонетические и морфологические особенности современных диалектов, и употреблялось наряду с настоящим временем Грабара. В дальнейшем, параллельно с возникшим в древний период усилением диалектных различий, только настоящее с инфинитивом, как будет видно позднее, сосредоточилось в части восточных диалектов.

Инфинитивное настоящее, идентичное с настоящим Грабара, употребляясь одновременно с ним, породило многозначность. Следовательно, вопрос упорядочения и унификации системы спряжения, и в частности настоящего времени, не мог решиться, и снова возникла проблема различения форм настоящего и будущего. В западных областях исторической территории Армении стало употребляться аффиксальное настоящее, т.е. новые формы настоящего времени образовывались сочетанием частицы **ku** с глагольными формами настоящего времени Грабара. Впервые частица **ku** появляется в письменных источниках в начале XIIIв. Частица **ku**, имея вначале ограниченное употребление, в последующие века получила большое распространение в языке. Новое настоящее время стало широко использоваться в средневековой армянской литературе (XII–XIVвв.). Частица **ku** ставится при глаголах как с инициальной согласной, так и с инициальной гласной. Употребительны также редуцированные фонетические варианты (ke, k) частицы **ku**. Фонетическая редукция частицы **ku** является еще одним свидетельством ее широкого употребления.

А. Айтынян, в результате анализа целого ряда фактов, приходит к следующему заключению: «Частица “ku” появляется в тот момент, когда древнее изъявительное заступает на место сослагательного наклонения и форм будущего. В XIIв. мы впервые встречаем эту частицу ku, однако несомненно, что в тот период она не распространилась внезапно, т.к. потребность в ней пока не возникла» [8].

Р. Ачарян, опираясь на данные Карста, говорит: «Впервые частица “ku” появляется в художественной литературе в XIIв. у Мхитара Гераци наблюдается 2 вида – կու գայ (ku gay) и կու լինի (ku lini), которые в венецианском издании 1832г., хотя и напечатаны в одно слово (kugay, kulini), но должны быть раздельны на письме» [9]. Как отмечает А. Маркарян: «Эта книга, однако, полон ошибок: действительно здесь помимо форм “ku gay” и “ku lini” имеются такие употребления, как կասեն (kasen), կանեն (kane), կուսկարանայ (kutkaranay), (կերևանայ kerevanay), կու բաշտ (kukase), կու մանտրեն (kumantren), которые не заметит посторонний арменист» [10].

М. Абебян относит ранние употребления приставки *ku* к басням Нерсеса Шнорали: «Уже со времен Нерсеса Шнорали (XIIв.) встречаем настоящее и прошедшее несовершенное, образованные приставкой *ku*, например, в “Баснях” Шнорали: Քան զծիրանի ծով կու ծիայ (K'an zciraní sov kucp'ay); Գարին ի փորն կու աճէ (Garin i p'orn ku ačē); Պարան յետևն ի քարէ կու գայ (Paran yetevn k'aš ku gay); Անդ կու ճեւիս լի շուայ քարտէզ (And ku čemi ev č'tay k'artēz)» [11].

Первые исследования, связанные с происхождением частицы **ku** принадлежат А. Айтыняну. Он усматривает два возможных источника возникновения частицы **ku**. Однако, отмечая возможность арабского происхождения этой частицы, А. Айтынян более обоснованным считает вариант возникновения **ku** из соположения слов **kay** и **u** по пути их слияния [12]. А. Айтынян устанавливает, что только глагол **kay** мог служить средством разграничения двух грамматических времен, так как это один из немногочисленных и являвшихся исключением глаголов армянского языка, которые употребляются только в изъявительными, так и сослагательными по своему смыслу, образуются глаголы исключительно изъявительного наклонения.

Р. Ачарян разделял версию А. Айтыняна о происхождении частицы **ku**: «Айтынян дает правильное истолкование происхождения частицы *ku*, которое хотя и отрицается Петерманом, однако принимается теперь всеми солидными арменоведами» [13].

А. Абебян не признает обоснованным истолкование А. Айтыняна и изложил новую точку зрения на происхождения частицы **ku**. Он считает, что **ku** берет свое начало от формы **koy**: М. Абебян предполагает, что частица **koy** возникла в диалектах района озера Ван, либо среди армяно-иранского насе-

ления, так как «в XIXв. в диалектах района озера Ван, а также в армяно-иранских диалектах Хоя, Салмаста появляется слово *ko-aha*. К тому же, как это видно из фольклорных источников этих диалектов, слово “ko” в этих ареалах во много раз более предпочтительно в употреблении, нежели слова *hres*, *hren* в восточных диалектах или слово *aha* в литературном языке» [14].

Г. Джаукян, обращаясь к этому вопросу, пишет: «Основной элемент, образующий настоящее время в восточноармянских диалектах – *ku*, эта форма зафиксирована начиная с XII века: «Если оставить в стороне попытку, связанную с глагольной формой *goy*, которая не имеет под собой сравнительно-исторической почвы, то можно отметить две допустимые гипотезы – Айтыняна, согласно которой *ku* проистекает из сочетания *kay u* и Абеяна, который связывает *ku* со словом – частицей *koу* – из них более достоверной выглядит вторая и вот почему: во-первых, А.Айтынян не принимает во внимание, что в некоторых ареалах *ku* выражает не настоящее время, а утвердительное будущее – факт, который не сопоставим с сочетанием *kay u*; во-вторых, в говоре польских армян (диалект Артиала) и в Басаргечаре *ku* соответствует форма *ki*, которую нельзя считать фонетически производной от *kay u* или от *ku*, но можно от *koу*» [15].

Исследуя генезис *ku*, необходимо иметь в виду, что на обширном ареале армянского языка частицы, образующие настоящее время изъявительного наклонения, не могли восходить к одной проформе. Справедливо высказывается по этому поводу А. Хачатрян: «Признание ветви *kə*, отходящей от ветви *ka*, дает основание предполагать, что они на раннем этапе были неодинаковы. В пользу этого предположения говорит тот факт, что начальная форма *kə* не могла восходить к форме *ku* (как предполагали Айтынян, Ачарян и др.), а форма *ka* – могла. Дело в том, что в сочетании *kay u* подударным является корневой гласный *a*, а не союз *u*, и, следовательно, должен был редуцироваться безударный *u*, а не *a*. Поэтому производной от формы *kay u* могла быть только форма *ka*, но не *ku*; более обоснованным является истолкование генезиса *ku* (от формы *koу*), данное Абеяном» [16].

Таким образом, гипотезу М. Абеяна следует считать достоверной в вопросе генезиса частицы *ku*, а А. Айтыняна – в вопросе о происхождении частицы *ka*.

В обширном ареале образовалась еще одна форма выражения настоящего времени- окончание *um* причастной формы глагола в сочетании со вспомогательным глаголом. По мнению Р. Ачаряна в этой диалектной среде предварительно преобладал морфологический формообразующий аффиксальный тип. «В любом языке настоящее время может выступать в значении будущего. Однако во всех тех языках, где настоящее употребляется в значении будущего, есть специальная форма будущего времени. После падения будущего времени в габаре,

средневековый армянский язык остался без формы будущего времени. Для заполнения образовавшейся лакуны необходимо было создать специальную форму будущего времени, либо образовать новое настоящее. К первому способу обратились носители западно-армянского языка, которые создали будущее время с помощью формы модального глагола **piti**, а для настоящего сохранили форму с **kə**. Носители восточных говоров армянского языка обратились ко второму способу: для настоящего создали форму **um**, сохранив форму **kə** для будущего времени» [17].

Этот факт подтверждает, во-первых, что глагольные формы с частицей **ku** (**kə**) и сегодня функционируют в определенном ареале, в качестве форм будущего времени условного наклонения и, во-вторых, что встречаются диалекты, в которых параллельно с формой настоящего времени на – **um** функционирует форма настоящего времени, образованная частицей **kə**. Известны также параллельные образования настоящего времени с **um** и **kə** в тбилисском диалекте.

Первые употребления неличной формы глагола с морфемой **um** относят в арменистике к XII в. и в качестве самого древнего его свидетельства приводят следующие два примера: “Արա տ’ե հիվանդին տ’տիրն mašum lini”, “Asac’I t’ē ...zinč’ k’ristoneay kay ev ark’ayunk’ nd cove v nd c’amak’ amenu sirtn het k’ez law en, ev k’ez aĵotk’ en aġnum” [18].

Исследованием вопроса происхождения причастной формы с суффиксом **um** впервые занялся А. Айтынян. Он пишет: «Глаголообразующая частица **um** та же, что в предложном падеже системы склонения областных диалектов: **u xosum em, lsum a, č’em ērvum**, также близки настоящему и прошедшему несовершенному, как скрытый предложный падеж грабара – **i xosel em, yač’el ēr, i caĵkel ēr, i linel ē, č’ēn yayrel** (**xoselu het em, acelu, caĵkelu vray ēr...**)» [19].

В дальнейшем большинство лингвистов приняло эту точку зрения, с некоторыми и комментариями. По мнению Р. Ачаряна частица **um** «представляет собой древнюю частицу, образующую предложный падеж грабара» [20]. М. Абегян считает, что частица **um** присоединилась не к основе глагола, а к инфинитиву, а форма **aġnum em** встреченная в XIII в., в диалектах появилась значительно позднее, так как для того, чтобы **agnelum** привратилось в **aġnum**, потребовалось длительное время» [21].

Г. Джаукян в основном поддерживает традиционную точку зрения на происхождение причастной формы несовершенного вида с формантом **um**. Вместе с тем, по его мнению «трудно согласиться с тем положением, что несовершенная форма является предложным инфинитива: не понятно, каким образом предложный падеж неопределенной формы превратился в форму несовершенного вида. Нам представляется более достоверным следующее

предположение: первоначально формант – *um* присоединялся к таким существительным, которые были одновременно и основами глаголов (ср. *gorcum em*: 1. *Gorc mej em*, 2. *Gorc em anum*), а затем по аналогии этот процесс распространился и на другие формы» [22].

По нашему мнению, на сегодняшний день можно считать доказанным принятое в арменистике традиционное объяснение этого факта: окончание *um* несовершенной причастной формы связано с предложным падежом. Только один вопрос может вызвать споры. Это вопрос о том, к чему присоединялось окончание *um* – к инфинитиву или к основе спрягаемого глагола. Не исключается, что согласно ареальным вариантам причастная форма на *um* возникла от разных форм. Иначе говоря, в некоторых ареалах оно прибавлялось к инфинитиву, а в других – к основе глагола. Свидетельством того, что в ряде говоров частица **um** присоединялась к инфинитиву, является форма настоящего времени в диалекте Ареша (*greləm im*), а также значительная часть сохранившихся в говорах ветви *Um* форм типа *galu em*, *lalu em*, *talu em*. Формированию окончательного вывода по этому вопросу мешает следующее обстоятельство. Ни в одном из говоров армянского языка не сохранилось звено фонетического перехода типа *sirelum sirum* (в отличие от цепочки *grelis, gres, greu*, все средние звенья которой принадлежат различным говорам).

В ряде мест восточноармянского ареала (Урмия, Акулис, Мегри, Карчеван, Карадаг, частично Хой-Салмаст) создалась новая форма выражающая настоящее время, осложненная причастной формой на *lis*, а конструкции с инфинитивом функционировали для выражения временного значения условного наклонения, например: *mənalis əm* (**настоящее**) – *mənal əm* (**условное**).

Необходимо отметить при этом, что конструкции с инфинитивом в условном наклонении свойственны только тем диалектам, которые в парадигме настоящего времени имеют причастную форму, образуемую морфемой – *lis*, и то не повсеместно. По всей вероятности, в дальнейшем часть вышеуказанных диалектов под влиянием будущего условного наклонения, образованного получившей широкое распространение частицей *kə*, освоила форму с *kə* для всего условного наклонения, а конструкция с причастной формой несовершенного вида сохранилась только в нескольких диалектах: Акулис, Мегри, Карчеван, Ареш, Крзен: *aprēl əm*, *aprēl əs*, *aprēl i*, *aprēl ankʹ*, *aprēl akʹ*, *aprēl a*.

Р. Ачарян считает, что причастные формы с окончанием – **lis** восходят к локативу форм типа *lalikʹ*... от локатива **i lalis em** порождается глагол **lalis em** “*lacʹ em linum*” (“плачу”) [23]. В среднеармянский период, у многочисленных слов армянского языка, в том числе и в особенности, у топонимов их постпозитивный винительный = предложный перешел в именительный (с окончанием *-is*)... такая трактовка формы – *lis* кажется громоздкой с первого взгляда,

но интерпретация трех предыдущих форм – настоящего времени изъявительного наклонения как локативов, показывает, что здесь мы имеем дело с формой локатива.

Г. Джаукян объясняет происхождение указанных причастных форм следующим образом: «Сравнительное исследование диалектов показывает, что исторические данные дают основание для объединения ветвей “L” и “S” – с одной стороны, средние ступени (lis, yis, ys, u) указывают на существование в “S” – диалектах начальной формы lis, с другой стороны, отрицательные, а иногда и положительные формы на li в “S” – диалектах дают возможность предполагать наличие начальной формы lis. ... наличие формы lus наряду с lis (Кохб, Гяргяр, Галача, Аштарак) показывает, что lis хотя бы отчасти, восходит к форме loys (ср., в кохбском – loys>lis и ert’aloys>ert’alis)» [24]. Причастную форму на **lis**, так же, как и другие причастные формы настоящего времени изъявительного наклонения, связывают с локативом.

Заключение

Частое употребление в древнеармянском языке временных форм презенса и имперфекта (аориста) в значении сослагательного наклонения со временем привело к необходимости формирования специальных грамматических средств, способных выражать исконное значение настоящего времени. На первоначальном этапе с этой целью начали использоваться аналитические конструкции, включающие инфинитив с предлогом и вспомогательным глаголом. Однако подобные составные формы в течение длительного периода не смогли окончательно вытеснить презентные формы Грабара и фактически функционировали параллельно с ними. Впоследствии в результате языковой эволюции инфинитивные конструкции презенса утвердились лишь в части устных вариантов армянского языка, в то время как в других ареалах на смену древнему презенсу пришла новая форма настоящего времени, образованная с помощью частицы **ku**. В дальнейшем в системе настоящего времени закрепилась многозначность: конструкции с **ku** начали выражать не только значение настоящего времени, но и значение будущего. В западноармянском литературном языке и большинстве западноармянских диалектов данная многозначность сохраняется до настоящего времени, что привело к отсутствию четко обособленных форм для выражения исключительно настоящего времени. С целью устранения многозначности и дифференциации грамматических значений ареальные разновидности армянского языка в дальнейшем обратились к созданию новых форм. Так, инфинитивные конструкции с окончаниями **-um** или **-lis**, в сочетании со вспомогательным глаголом, стали употребляться для выражения настоящего времени, оставив формы с **kə** только для выражения условного наклонения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. С. 74.
2. Историческая грамматика армянского языка. Ер., 1975. СС. 167–168.
3. Там же. С. 168.
4. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. С. 87.
5. *Абемян М.Х.* Теория армянского языка. Труды. Т.6. Ер., 1974. С. 255.
6. *Абрамян А.А.* Причастные формы армянского языка и их морфологическое значение. Ер., 1953. С. 241.
7. *Гарибян А.С.* Армянская диалектология. Ер., 1953. С. 166.
8. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. СС. 75–76.
9. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 1. Ер., 1959. С. 389.
10. *Маркарян А.С.* Составные глаголы армянского языка. Ер., 1961. С. 375.
11. *Абемян М.Х.* Теория армянского языка. Труды. Т.6. Ер., 1974. С. 255.
12. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. СС. 76–77.
13. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 1. Ер., 1959. С. 393.
14. *Абемян М.Х.* Теория армянского языка, Труды. Т.6. С. 261.
15. *Джаукян Г.Б.* Введение в армянскую диалектологию. Ер., 1972. С. 104.
16. Армянский диалектологический атлас. Ер., 1982. С. 47.
17. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 2. Ер., 1961. С. 173.
18. *Абрамян А.А.* Причастные формы армянского языка и их морфологическое значение. Ер., 1953. С. 81.
19. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. С. 203.
20. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 2. Ер., 1959. С. 175.
21. *Абемян М.Х.* Теория армянского языка. Труды. Т.6. Ер., 1974. С. 254.
22. *Джаукян Г.Б.* Развитие и структура армянского языка, Ер., 1969. СС. 47–48.
23. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 1. Ер., 1959. С. 176.
24. *Джаукян Г.Б.* Введение в армянскую диалектологию. Ер., 1969. С. 106.

REFERENCES

1. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language, Vienna, 1866. P. 74.
2. Historical Grammar of the Armenian Language, Yer., 1975. PP. 167–168.
3. Ibid. P. 168.
4. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language, Vienna, 1866. P. 87.
5. *Abegyan M.Kh.* Theory of the Armenian Language, Works. Vol. 6, Yer., 1974. P. 255.

6. *Abramyan A.A.* Participle Forms of the Armenian Language and Their Morphological Meaning, Yer., 1953. P. 241.
7. *Gharibyan A.S.* Armenian Dialectology, Yer., 1953. P. 166.
8. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language. Vienna, 1866. PP. 75–76.
9. *Acharyan R.* Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages, vol. 4, part 1, Yer., 1959. P. 389.
10. *Markaryan A.* Compound Verbs in the Armenian Language, Yer., 1961. P. 375.
11. *Abegyan M.* Theory of the Armenian Language // Works. Vol. 6. Yer., 1974. P. 255.
12. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language. Vienna, 1866. PP. 76–77.
13. *Acharyan R.*, Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages, vol. 4, part 1, Yer., 1959. P. 393.
14. *Abegyan M.Kh.* Theory of the Armenian Language, Works, vol. 6. Yer., 1974. P. 261.
15. *Jahukyan G.B.* Introduction to Armenian Dialectology, Yer., 1972. P. 104.
16. Armenian Dialectological Atlas, Yer., 1982. P. 47.
17. *Acharyan R.A.* Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages, vol. 4, part 2, Yer., 1961. P. 173.
18. *Abramyan A.* Participle Forms of the Armenian Language and Their Morphological Meaning, p. 81.
19. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language. Vienna, 1866. P. 203.
20. *Acharyan R.* Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages. Vol. 4, part 2. Yer., 1961. P. 175.
21. *Abegyan M.* Theory of the Armenian Language, Works. Vol. 6. Yer., 1974. P. 254.
22. *Jahukyan G.* Development and Structure of the Armenian Language, Yer., 1969. PP. 47–48.
23. *Acharyan R.* Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages. Vol. 4, part 2, Yer., 1961. P. 176.
24. *Jahukyan G.* Introduction to Armenian Dialectology. Yer., 1969. P. 106.

A STUDY OF THE DEVELOPMENT OF STRUCTURAL FORMS OF THE PRESENT TENSE IN ARMENIAN

G. Gevorgyan

Russian-Armenian University

Institute of Linguistics, National Academy of Sciences of Armenia

ABSTRACT

The article examines the structural models of the present tense of the Indicative mood in the Armenian language in their historical development. The main stages of the evolution of Present tense forms from Classical Armenian to modern dialects are identified. It is shown that the formation of the Present tense was influenced by both internal grammatical transformations and areal factors. Particular attention is paid to the emergence of compound Present tense forms with the infinitive, the particle **ku**, and participial forms with the affixes **Um**, **Lis** in Armenian dialects.

Keywords: Armenian language, Present tense, historical grammar, analytical forms, etymology.

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-158-169
УДК 8

Поступила: 28.07.2025г.
Сдана на рецензию: 04.09.2025г.
Подписана к печати: 13.04.2026г.

REFRAMING FAIRY TALES TO EMPOWER WOMEN IN EDUCATION

M. Yesayan¹, L. Madatyan²

Russian-Armenian University^{1,2},

Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA²

meri.esayan@rau.am, madatyanlusine@yandex.ru

ORCID¹: 0009-0000-2793-0660, ORCID²: 0000-0001-8824-527X

ABSTRACT

This paper examines the historical roots and present challenges of integrating Armenian women into technical disciplines. While legal rights to education are secured, cultural norms and educational practices continue to shape and limit women's participation in technical fields. Drawing on historical discourse, current statistics, and a pilot educational intervention, this study proposes targeted pedagogical reforms, including inclusive storytelling and early exposure to technical fields. Emphasis is placed on developing critical thinking from an early age and integrating empowering narratives that reflect gender equity. The findings argue for systemic educational reform, inclusive curriculum design, and strong mentorship pathways to enhance women's representation in science and challenge societal stereotypes.

Keywords: women in science, technical disciplines, gender equity, inclusive curriculum, empowering narratives.

Introduction

While women's lives differ greatly across cultures, many of the challenges they encounter, transcend the cultural boundaries. Methods of overcoming these challenges are shaped by cultural context. The present article aims to examine the historical foundations of women's education in Armenia and evaluate the current trends of women's enrollment in technical education. It further explores how early education and cultural norms affect gender stereotypes, identifies barriers to women's enrollment in technical fields, and offers solutions aimed at improving women's representation in technical education and careers.

The analysis involves factors such as upbringing, access to education, professional development, and the role of feminist movement.

Generally, disparities in access to resources, education and opportunities often bring to gendered power imbalance, which in turn affect societal expectations and behaviors. These dynamics shape the opportunities and constraints experienced by

women. In frames of education, gender stereotypes might impact academic performance, subject choice and students' sense of self-efficacy and well-being.

Recent international survey on gender equality in STEM education underlines some key aspects influencing girl's involvement in scientific and technical disciplines. Research shows that gender stereotypes, lack of visible female role models, and early educational experiences shape student's career aspirations. According to UNESCO's report *Cracking Code: Girls' and Women's Education in STEM*, social expectations and cultural beliefs about gender-based careers often discourage girls from pursuing technical fields in spite of comparable academic performance [1].

Likewise, Cheryan et al. (2017) emphasize three main barriers influencing women's involvement in STEM – cultural stereotypes about scientists, limited early exposure to technical activities and insufficient institutional support. These factors along with educational practices influence both subject choice and career pathways [2]. Research also underlines the significance of early education interventions. Studies offer that inclusive pedagogical strategies, such as gender-sensitive curricula, collaborative learning, and exposure to female role models in science, can increase girls' curiosity and persistence in STEM-related fields [3].

These assumptions support the argument that addressing gender disparities requires not only reforms but also changes in classroom practices and cultural narratives.

Historical Overview

An analysis of Armenian literature and historical discourse exposes a longstanding cultural emphasis on the essence of women's intellectual and moral contributions. Historical advocacy for women's education still goes along with contemporary debates on gender equality in technical-scientific fields.

For example, Armenia's national epic *Daredivils of Sassoun* portrays female characters who are presented as brave and loyal to their responsibilities, suggest recognition of women's agency. As early as the 12th century, the scholar and lawmaker Mkhitar Gosh proved the value of educated women in his *Datastanagirk* (Law Code), stating, "Educated women in society are gems" [4].

In the 19th century, eminent Armenian novelist Raffi published an influential article *Hay Kine* ("The Armenian Woman", 1879), in which he advocated for women's active involvement in both public and family life. He argued that empowering women through education would facilitate moral renewal, societal restructuring, and the development of a new generation of progressive Armenians. Raffi regarded education as a cornerstone of national advancement and political emancipation [5].

Khrimyan Hayrik, a 19th – century Armenian religious and national leader, also supported the idea of education for both men and women. Khrimyan realized that the education of women was vital for broader societal progress. He set up schools for girls and highlighted the mother's role in a child's early education. In his work *Papik ev Tornik*, Khrimyan challenges prevailing norms by stating that uneducated

woman poses a greater threat to the family than an uneducated man. He insists that a mother, as the child's first teacher, must be educated to effectively nurture future generations [6].

In recent years, both governmental and non-governmental organizations have addressed gender disparities in education. One notable initiative is the History#5 gender toolkit developed by the independent educational foundation Paradigma. This toolkit examines five key periods in Armenian history from the 19th to 20th centuries, highlighting perspectives on women's education during the Ottoman, Russian, and early Soviet periods [7].

Among the figures featured in the toolkit is Dr. Vahan Artsruni, who criticized traditional approaches to girls' education in Armenian society. He argued that the lack of autonomy granted to girls from an early age led to broader social stagnation:

"Many years of observation and study have convinced me that the mistakes in the education and upbringing of Armenian girls play a leading role in the progressive degradation and alienation of our nation. The girl moves according to someone else's will her entire life – first according to the will of her parents, then her school and neighbors. The concept of independence remains incomprehensible to the modern girl... And the older she grows, the more her freedom is restricted" [8].

Likewise, journalist and critic Grigor Artsruni linked women's effort to their lack of access to economic and educational independence. Writing in 1872, he noted: "In those countries where the light of education also reached women, where she advanced in her development, she began to speak and act differently than our women... She realized that her slavery and subordination stemmed from her inability to support herself independently... I will work, she said. I will live by my own labor. But in order to achieve independence, how many barriers must she overcome, both in society and in the family. Not only does society and the family deny her rights, but even the law refuses to recognize her equality as a human being" [9].

These historical perspectives underline the nature of the challenges women encounter in education and professional life. They also state the longstanding recognition, among Armenian intellectuals, clergy and activities, of education as a transformative means for individual empowerment and collective progress.

The legacy of Armenian intellectuals who supported women's education is both rich and enduring. These people underlined the foundational role of education shaping Armenian families and society. They realized that empowering women through knowledge was not only a matter of equity but a background for nation's cultural, social and intellectual development.

Nowadays, their ideas stay relevant and can be extended into contemporary technical/scientific context through different means, literary and academic publications, workshops and conferences, public campaigns, outreach programs in schools and other educational institutions. These efforts can serve to challenge prevailing

gender stereotypes, boost inclusive learning environments and support a new generation of women in science and technology.

Current Status of Women in Armenian Technical Education

Fortunately, the contemporary educational landscape in Armenia no longer imposes the establishment of equal educational rights for women; these rights are legally secured.

Nowadays the issue today lies in the underrepresentation of women in technical and scientific fields. Armenia has the potential to set itself competitively in global science and technology market, yet achieving this demands addressing gender disparities in technical education.

In spite of the limited availability of gender-disaggregated statistical data in Armenia, particularly in the technology sector (World Bank, Statistical Committee of Armenia), available data reveal promising developments. According to Forbes, nearly 30% of Armenia's tech sector workforce comprises women, surpassing the global average of 20%. In biotechnology, the Armenian Bioinformatics Institute states that 60–70 % of professionals are women, compared to a global average of 47%. At the Enterprise Incubator Foundation (EIF), women comprise approximately 70% of the staff.

These figures reflect the growing presence of women in Armenia's dynamic tech sector. However, educational enrollment patterns reveal a more complex picture. Data from the World Bank show that women represent 54% of mathematics majors, whereas men dominate physical sciences (67%) and ICT (66%). In contrast, 96% of philology students are women, while engineering programs are overwhelmingly male-dominated (89%) [10, 11].

(See Table 1.)

Table 1. Gender Distribution in Armenian Technical/Scientific Disciplines.

Discipline	Women (%)	Men (%)
Mathematics	54	46
Physics	33	67
ICT	34	66
Engineering	11	89
Philology	96	4

The statistical figures used in this research are derived from different sources, involving the World Bank's education database, reports of the Statistical Committee of the Republic of Armenia, and sectoral analyses published by organizations working within Armenia's technology ecosystem. While these sources provide essential insights into gender involvement trends, the availability of comprehensive gender-disaggregated data remains limited. This limitation underscores the need for

more systematic national-level data collection on gender representation across STEM disciplines.

This disparity underlines the need to foster science education at the secondary level. A strong curriculum forms the basis of academic programs and directly affects student's career trajectories. However, the persistent misconception that women are inherently less capable in scientific fields continues to refrain many girls from pursuing technical education.

This study argues for a reimagining of technical education for girls in Armenia, from early childhood to higher education. While Armenia had made progress, some rooted gender biases continue to influence girls' academic and career choices. These biases manifest in multiple ways, limited early exposure to science, a lack of female role models, pedagogy that favors male students, and societal pressure to conform to traditional gender roles. Initiatives like Geek Girls Dinner, launched by GIT Armenia in 2018, aim to counteract this by showcasing successful women in tech and boosting peer support networks.

Cronin and Roger (1999) identify three main approaches to increasing women's involvement in science, encouraging girls to enter the field, supporting those already within it, and transforming scientific culture to be more inclusive. This article adopts their framework to analyze the Armenian context and suggests targeted recommendation based on qualitative and statistical research.

Recently, Armenia had seen meaningful progress in some areas of gender equality, particularly in employment and access to education. However, technical education remains an area of concern. The way science is taught is critical. Educators, industry leaders and policymakers should collaborate to expand content and pedagogy but also addressing social norms that form children's understanding of gender roles from a very early age.

Education often begins with stories. Fairy tales such as Cinderella, Sleeping Beauty, and Little Red Riding Hood, mainstays in Armenian and global early childhood storytelling, have been criticized for reinforcing passive, dependent female archetypes. Since the 1970s, feminist scholars such as Karen Rowe have critiqued these narratives for promoting ideals incompatible with the modern woman. [12] Others, like D. Haase, argue that fairy tales often diminish female agency, demonize female power, and impose restrictive role models [13].

This context is especially relevant when examining early childhood education in Armenia. State nursery schools mainly focus on developing basic literacy and numeracy, as well as exposing children to culture and nature. While basic science-related topics, such as seasons, weather and the human body, are covered, technical education remains limited in scope and presence, especially within public institutions.

However, some private nursery schools and specialized centers are beginning to incorporate science-based learning approaches. Notable examples include the

Khoren and Shooshanig Avedisian School and Community Center in Yerevan, operated by the Armenian Missionary Association of America, and Kids House Private Kindergarten, which emphasizes individualized care and education. These educational centers reflect a growing recognition of the importance of science exposure in early childhood. Unfortunately, such programs are rare and largely inaccessible to the broader population due to their private status.

Methodology

The present study adopts a qualitative-quantitative mixed-method approach combining historical analysis, statistical data review, and a pilot pedagogical intervention. The methodological framework is designed to examine both the structural and cultural factors affecting women's involvement in technical education in Armenia.

Firstly, a historical-discursive analysis was carried to examine Armenian intellectual and literary texts that addresses women's education. Primary and secondary sources from the 12th to the 20th century, including works by Mkhitar Gosh, Raffi. Khrimyan Hayrik and Armenian publicists of the 19th century, were analyzed to define historical attitudes toward women's intellectual participation. This analysis aimed to contextualize contemporary gender issues within Armenia's intellectual and cultural heritage.

Secondly, the study involved descriptive statistical analysis of available gender-disaggregated educational data. Data were observed and collected from international and national sources, including reports by the World Bank and the Statistical Committee of the Republic of Armenia. These data were used to examine involvement patterns across academic disciplines, particularly mathematics, engineering, ICT and physics. The analysis focused on identifying gender gaps in participation and comparing them with global trends reported in international studies on STEM education.

Thirdly, the research involves a pilot pedagogical intervention implemented in a nursery school. The intervention includes an adapted storytelling lesson based on the fairy tale Cinderella, designed to encourage critical thinking about gender roles. The lesson followed an interactive analysis model, in which children were asked to reflect on key decision points in the story and offer alternative actions for the protagonist. During the activity observational data were collected focusing on student engagement, involvement in discussion, and the diversity of proposed solutions.

Finally, the study integrates elements of qualitative classroom observation and reflective pedagogical analysis. Observations were used to evaluate how storytelling-based discussions can foster critical thinking and challenge gender stereotypes at an early educational stage.

The combination of historical analysis, statistical review, and classroom-based experimentation allows for a multidimensional understanding of the challenges and opportunities surrounding women's involvement in technical education in Armenia.

Storytelling Intervention and Pedagogical Innovation

Recently Armenia has laid important foundation for the promotion of women's rights and participation in education. However, bridging the gender gap in technical fields requires referring both systemic barriers and ingrained social norms. Early childhood education, curriculum reform, visible female role models, and inclusive pedagogical practices are important components of a long-term strategy to empower girls and women in science and technology.

In Armenian nursery schools, storytelling remains a core component of early childhood education, with fairy tales by the folk Armenian writer Hovhannes Tumanyan occupying a significant place. However, a critical examination of these narratives reveals a recurring gender imbalance. In many of Tumanyan's tales, male protagonists dominate the narrative, often depicted as intelligent, resourceful, and heroic problem-solvers. These characters typically drive the plot and are portrayed as rescuers of passive or distressed female figures. In contrast, female characters are frequently relegated to secondary roles and are portrayed as naïve, submissive, or even foolish – as exemplified in tales such as *Barekendan* and *Ankhelq Mardy* (The Foolish Man). These images reinforce traditional gender stereotypes, presenting men as central figures of authority and agency, while women are limited to roles associated with domesticity and dependence.

Such narratives introduce and normalize a hierarchical perception of gender roles from an early age—men are implicitly associated with higher social status, professional success, and leadership, while women are cast in supportive, often diminished, roles. This subtle but pervasive messaging contributes to the social conditioning of children and perpetuates gender inequality across generations.

Notably, there exists a rich tradition of Armenian folk tales featuring clever and assertive female characters, those aligned with the ATU 875 tale type, commonly referred to as *The Clever Farmgirl*. These stories highlight female wit and independence. However, they are rarely included in kindergarten curricula or recommended reading lists for parents. One contributing factor is the linguistic complexity of these tales, many are written in regional dialects, which may render them less accessible to young readers or non-specialist educators.

As a starting point toward promoting gender equality in early education, we offer the adaptation and integration of such empowering tales into both formal and informal reading practices. This could include linguistic modernization and simplification to make the stories more accessible, followed by their inclusion in bedtime reading lists for parents and in the storytelling curriculum of kindergartens. These stories can play a groundbreaking role in nurturing self-confidence, autonomy, and ambition in young girls.

Moreover, educational strategies such as critical reading, guided literary analysis, case-based discussions, and problem-based learning (PBL) can be applied to

help children involve more deeply into the values embedded in stories. These pedagogical methods promotes reflection, dialogue, and critical thinking about gender roles, ultimately boosting more equitable attitudes among both girls and boys.

It is also significant to recognize that gendered stereotypes introduced through fairy tales are not isolated phenomena. Rather, they form part of a broader, interconnected system that develops into primary and secondary education. Referring to gender bias in early storytelling is therefore not an end in itself but a foundational measure in a long-term effort to break down systemic gender inequalities across the educational spectrum.

In spite of numerous suggested strategies, such as incorporating historical narratives of women's education into textbooks, literature, and academic discourse, these alone are insufficient to address the rooted gender imbalance in Armenia's educational system. In order to foster girls' interest in technical education, educators should develop methods and pedagogical techniques to suit various stages of age, cognitive development, and proficiency.

Collaboration between educational institutions and technical professionals, between the public and private sectors is the key component to enhance technical education among girls. Mentorship projects, guest lectures, and interactive workshops provide essential guidance, while government-led initiatives such as scholarships, structured mentorships suggest institutional support. Partnerships with tech companies to provide internships and employment opportunities further enhance the visibility of technical careers for women. These success stories of women in science, play a vital role in breaking down stereotypes and inspiring younger generations.

Methodological Approaches for Promoting in Science

From a pedagogical perspective, modern pedagogical methods, such as critical reading and analysis, case studies, debate-based inquiry, and Problem-Based Learning (PBL), are significant for reshaping outdated narratives and encouraging independent thought. Even at an early age, these approaches boost critical thinking, a skill fundamental to resilience, decision-making, and personal empowerment.

For younger learners, this shift can begin with science-oriented play (e.g., Legos, science kits, building sets), which are often aimed to boys, but can and should be equally accessible and encouraged for girls.

Inclusive storytelling, where educators intentionally frame stories in ways that highlight the strength, intelligence, thereby prompting reflection and critical discussion.

Critical thinking is not only an academic skill, it is a life skill. It provokes confidence, autonomy, and problem-solving ability. Girls who are taught to think critically are more likely to question limiting societal norms, assert themselves, and

persist in the face of challenges, especially in male-dominated fields. Unfortunately, many Armenian schools still operate under strict, standardized curricula that leave little room for the development of these skills.

Critical reading, in particular, enables girls to explore the wide variety of opportunities in science. By analyzing articles, reports, and biographies of successful women in technical fields, students develop both inspiration and awareness. This helps persist the imaginary myth that science and technology is primarily “for boys” and encourages students to make informed, interest-aligned career choices.

Understanding the real-world impact of science, on healthcare, environmental sustainability, communication, and society at large, can also provide girls with a deeper sense of purpose and a more notable connection to these fields. Along with narratives of successful female engineers, computer scientists, and innovators, these lessons show that women not only belong in technology and science but excel in it.

To lay the foundation for these shifts from the earliest stages of education, we analyzed the storytelling materials which are used in Armenian nursery schools. Our research revealed that many popular tales depict women as passive figures whose destinies are formed by male decision-makers. These narratives usually decrease the potential for girls to see themselves as capable, independent problem-solvers.

As part of our intervention, we designed and piloted an interactive lesson plan based on the well-known fairy tale Cinderella. The trial lesson was implemented in Aygestan Village Nursery-kindergarten, NPO of the Artashat Community, as part of a pilot educational activity designed to explore children’s responses to gender-sensitive storytelling methods. The lesson was a success, the children were enthusiastic and actively involved in the discussion. The story was divided into three narrative turning points:

1.The royal ball invitation – when Cinderella is told by her stepmother she cannot attend.

2.The glass slipper – after she flees the palace, leaving the shoe behind.

3.The prince’s search – when he seeks the girl who fits the slipper.

At each stage, children were asked to pause and consider alternative actions:

A) Should Cinderella obey, disobey, or prepare in secret?

B) Should she hide, return, or explain herself to the prince?

C) Should she wait passively or take initiative?

This strategy allowed children to reflect, discuss, and reimagine the narrative-placing emphasis on agency, autonomy, and ethical reasoning. By exploring various outcomes and defending their choices, children began to understand that the protagonist (and by extension, themselves) could have multiple paths – not all of which required external validation or male intervention.

This method not only enhances critical thinking and decision-making but also fosters gender-sensitive perspectives from a young age. By actively engaging with

story content, students learn to question stereotypes and evaluate actions, building the foundation for more equitable and reflective views of gender roles.

Thus, to foster gender-inclusive technical education, we recommend:

- Integrating modernized folk tales with strong female protagonists into kindergarten and primary curricula.
- Encouraging science-related play and activities equally for all genders.
- Training educators in inclusive storytelling and critical reading techniques.
- Promoting female scientific role models through media, mentorship, and school visits.

Partnering with tech companies to offer workshops and internships for girls.

Methods such as case-based learning, guided discussion, and problem-solving activities build critical thinking and resilience. These skills support girls' long-term engagement in technical education and careers.

So, we assure that early education plays a critical role in shaping gender perceptions. By integrating inclusive stories, critical thinking frameworks, and scientific/technical exposure into the curriculum, educators can empower girls to envision and pursue careers in technical fields. These reforms are essential steps toward a more inclusive and equitable educational ecosystem in Armenia.

While Armenia faces challenges related to gender representation in technical education, similar patterns have been observed globally. Many countries have implemented targeted initiatives aimed at increasing girls' participation in STEM disciplines.

For example, the Girls Who Code initiative in the United States focuses on developing programming skills among school-aged girls through extracurricular clubs and summer programs. Similarly, the European Union has implemented projects such as Hypatia, which promotes gender-inclusive science education by providing teaching materials and training educators to address unconscious bias in STEM classrooms [14].

Nordic countries have also developed national strategies aimed at improving gender balance in science and technology. Finland and Sweden, for example, have integrated gender-sensitive career guidance into secondary education and actively promote female role models in engineering and technology sectors.

These international experiences demonstrate that long-term progress requires coordinated action across multiple levels – curriculum design, teacher training, public awareness campaigns, and industry partnerships. The Armenian educational system can benefit from adapting similar approaches while integrating them with local cultural traditions and educational practices.

Conclusion

To effectively bridge the gap between formal education, family dynamics, and social values, coordinated efforts are essential. Introducing literary works that highlight

intelligent, proactive female characters into early reading curricula nurtures self-awareness and builds self-esteem. From an early age, girls benefit from stories that reflect strength, curiosity, and agency, all qualities that align with technical thinking. In this context, it becomes the educator's responsibility to ignite a genuine love for science, cultivate curiosity, and provide pathways for continued exploration.

The primary school years are especially formative in this regard. These early stages are not only about knowledge acquisition but also about identity formation. The message girls receive during this period, about who they are and what they are capable of, can profoundly shape their academic and career aspirations.

We strongly believe that the future of a thriving society and a prosperous economy rests on robust scientific foundations, skilled professionals, and a motivated younger generation—one in which girls and women are not just included but are central contributors.

Ultimately, empowering girls through critical reading and analysis gives them the intellectual tools to navigate and challenge stereotypes, make informed choices about their futures, and embrace the world of science as a place where they belong.

REFERENCES

1. UNESCO. *Cracking the Code: Girls' and Women's Education in STEM*, 2017.
2. Cheryan S., Ziegler S., Montoya, A., Jiang L. Why are some STEM fields more gender balanced than others // "Psychological Bulletin", 143(1), 2017.
3. Master A. & Meltzoff A. Cultural stereotypes and sense of belonging in STEM // *International Journal of Gender, Science and Technology*, No.12, 2020. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED605235.pdf>
4. *Mkhitar Gosh*. The Lawcode [Datastanagirk]. Translated with Commentary and Indices by Robert W. Thomson. Amsterdam-Atlanta, GA 2000.
5. Women's Rights: Traditional and Forgotten Values in the Domain of Manipulative False Opposition. "For Equal Rights" Educational Center NGO, 2020 (In Arm.).
6. Spiritual readings for grandfather and granddaughter. Mother See of Holy Etchmiadzin Publishing House Holy Etchmiadzin, 2009 (In Arm.).
7. Paradigma History, since 2018. URL: <https://www.paradigma.foundation/>
8. Doctor Vahan Artsruni. *Girl*. Tbilisi, Printing House of the Georgian Publishing Association, 1908. URL: https://haygirk.nla.am/.../1512.../1901-1940/axchik_1903.pdf (In Arm.)
9. Artsruni G. Erek, esor ev eguc (Yesterday, today and tomorrow, in Armenian). "Mshak" Newspaper, N1, Tiflis, 1872. (In Arm.)
10. *Blickenstaff J*. Women and Science Careers: Leaky Pipeline or Gender Filter? // "Gender and Education". Vol. 17, No. 4, 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/228384649_Women_and_Science_Careers_Leaky_Pipeline_or_Gender_Filter
11. ARMENIA COUNTRY GENDER ASSESSMENT, October 2024. Poverty & Equity Global Practice. World Bank Group. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099102124050535514/pdf/P1798771f61a1f073187301ed7bc075deb6.pdf?utm>
12. Rowe K. Feminism and fairy tales. *Women's Studies*, 6(3), 1979. PP. 237-257.
13. Haase D. *The Greenwood Encyclopedia of Folktales and Fairy Tales: A-F*. Greenwood Publishing Group. 2007. P. 353

14. EU-funded projects take the challenge of attracting women and girls to science // “European commission”. URL: https://commission.europa.eu/news-and-media/news/eu-funded-projects-take-challenge-attracting-women-and-girls-science-2019-02-08_en

**РЕФРЕЙМИНГ СКАЗОК КАК ИНСТРУМЕНТ
РАСШИРЕНИЯ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН В
СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

М.С. Есаян¹, Л.Г. Мадатян²

*Российско-Армянский университет^{1,2},
Институт археологии и этнографии НАН РА²*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются исторические предпосылки и современные вызовы, связанные с интеграцией армянских женщин в сферу технических дисциплин. Несмотря на формально гарантированное право на образование, культурные нормы и сложившиеся образовательные практики продолжают оказывать существенное влияние на уровень участия женщин в технических областях и зачастую ограничивают их вовлеченность. На основе анализа исторического дискурса, актуальных статистических данных, а также пилотного образовательного проекта, в исследовании формулируются предложения по реализации целевых педагогических реформ. Среди них особое внимание уделяется внедрению инклюзивного повествования и обеспечению раннего знакомства учащихся с техническими направлениями. Отдельно акцентируется необходимость формирования критического мышления с раннего возраста и включения в образовательный процесс нарративов, способствующих укреплению принципов гендерного равенства. Полученные результаты подчеркивают актуальность системной образовательной реформы, разработки инклюзивных учебных программ, а также создания устойчивых механизмов наставничества, направленных на расширение представительства женщин в научно-технической сфере и преодоление укоренившихся гендерных стереотипов.

Ключевые слова: женщины в науке, технические дисциплины, гендерное равенство, инклюзивное образование, нарративные практики.

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-170-185
УДК 82.93/791.43

Поступила: 22.11.2025г.
Сдана на рецензию: 28.11.2025г.
Подписана к печати: 15.01.2026г.

THE LINGUOCULTURAL CODE OF SOVIET FAIRY TALE AND ANIMATION: BETWEEN THE ARCHETYPES AND THE STEREOTYPES

A. Salakhova¹, A. Kashirova²

*Nanjing University¹, Kazan Federal University²
aygul.salahova@gmail.com, anastacia.kashirova@yandex.ru
ORCID¹: 0000-0003-0395-7759, ORCID²: 0009-0001-2124-8756*

ABSTRACT

This present paper examines fashion discourse to reconstruct stereotypes and attitudes from the Soviet era based on the E. Uspensky story about the village of Prostokvashino and its animated adaptation. The primary goal is to decode the vestimentary code, interpreting the linguistic and cultural data that establish connections beyond literal meaning. The research employed continuous sampling for data collection, alongside hermeneutic-phenomenological, semiotic and intersemiotic approaches to analyze data relating to meanings contained in sign systems or interactions arising from sign systems. The findings confirm that costume language reconstructs the distinct world of Soviet official and unofficial values in a sign-based form. The screen adaptation, as a transmedia text, clarifies and develops the source material by materializing its conceptual information. Stereotypes expressed through costume shape stable perceptions and are transmitted as cultural archetypes. The proposed methodology focuses not on specific linguistic units, but on the intracultural situations they encode. The results have theoretical significance and practical application for developing teaching methodologies, particularly for educating younger non-native speakers about cultural context through literature and Soviet Animation.

Keywords: vestimentary code, Soviet animation, cultural archetypes.

Introduction

As a means of visual communication, costumes in film serve as indicators of the character's alignment with the time and place where the narrative unfolds. Perceived quickly and instinctively, even before a specific character or the circumstances of their life are indicated, costumes effectively convey information about cultural codes, including their transformation. As opposed to linguistic signs, the sign of the vestimentary code is inherently arbitrary as it is not bound by time and is not the result of a prolonged evolutionary process or consensus formation. The structuralist concept of "fashion as description", presented in Roland Barthes "The

Fashion System”, attempts to find a verbal equivalent to transmit the meaning of fashion, revealing that the content of fashion exists more as unarticulated, hidden meaning. This hidden meaning aligns both language and fashion, on one hand, with the concept of the sacred – a form elusive of precise identification that determines the essence of the object and the foundation of religious sentiment [1]; and on the other hand, with the pragmatics of a linguistic cultural approach to interpreting the non-verbal content of signs, which simultaneously serves as a means of functioning and perceiving the object.

Visual discourse, which predominates in contemporary culture, undoubtedly incorporates fashion as a source of meanings: a specific garment acts as a signal within this sign system, organizing the perception of the extra-subjective aspects that protect the body from climatic influences, whilst also expressing both individual and collective settings. The verbalized and visualized units of costumes found in cultural texts can be viewed in terms of their linguistic cultural content as reflections of aesthetic, existential, and worldview experiences, as this data enriches the understanding of the semiotic semantic structure of a specific culture.

In this study, we focused on the features of the content of the vestimentary images in a well-known cycle of stories about the village of Prostokvashino. The recurring verbal and visual units, which are not directly tied to the plot and are typically perceived at an unconscious level were considered. They allow for the reconstruction of relationships formed through specific material experiences, unrelated to the content of children's discourse.

The object of this research is the vestimentary code in E. Uspensky's story “Uncle Fyodor, the Dog, and the Cat” (1974) and its animation adaptations; and the subject is the connotative content of verbalized and visualized units of the thematic field “clothes” in these texts.

The theoretical basis for this research is the conceptual model of fashion as a specific “language” proposed by R. Bart. More than half a century ago, the structuralist approach justified the possibility and potential of studying and describing such a non-academic phenomenon in terms of its own ideology. Fashion is a paradoxical phenomenon, and its rationality lies in the production and use of irrationality, accessed like a hierarchical system. An analysis of the reflection of a complex system of cultural values and stereotypes through a traditional system of meanings allows us to talk rather about the unbalanced nature of fashion regulations, the content of which is not in direct demonstration, but in concealment when fashion becomes a form of consumption myth. L. Seger's approach to film analysis has allowed us to discover the subtext through the decoding of subconscious associations generated in a specific visual way, whose spectrum we believe should be limited and motivated by this social context, specific ethical or ethnographic regulations.

The research material made it possible to describe cultural stereotypes and reconstruct specific components of the Soviet cultural values and stereotypes through a conventional system of signified.

The goal of this research is to decode the vestimentary discourse data in the context of visual and ideological stereotypes of the late Soviet era, which have a high reproducibility potential. This goal can be achieved by consistently solving the following tasks: description of the corpus; comparison of verbal data of the primary text (fantastical tale) and the secondary polycode text (animation); selection of repetitive visual patterns; interpretation of their cultural content; significance of the conclusions and their justification of for practical purposes of education and research.

Materials and methods

Our attention was caught to the enduring images embedded in popular consciousness from the fantastical tale of a city boy nicknamed Uncle Fyodor, the stray cat Matroskin, and the dog Sharik, who, for various reasons, decided to live in the village of Prostokvashino. Because of the recognition the image as a distinctive type of sign in semiotics and linguistics since the mid-20th century, we will use this term to denote the method of transforming and fixing representations of objects into concepts, as well as the units that capture such experiences.

E. Uspensky's story "Uncle Fyodor, the Dog, and the Cat" (1974) has been adapted for the screen twice: in 1975, three episodes were released ("Matroskin and Sharik", "Mitya and Murka", and "Mama and Papa") directed by Yu. Klepatsky, although the more well-known and popular version is the animated adaptation by V. Popov (1978–1984). It is important to clarify that the story itself originated from a visual format akin to an adaptation – a slide film created with the participation of E. Uspensky in 1972, and the final part of V. Popov's trilogy is not an adaptation in the strictest sense (the script for this episode was significantly novelized by E. Uspensky much later in 1997). Thus, it is clearly that the visualized and verbalized images of this story are in constant interaction, on one hand developing and complementing each other's content, and on the other hand maintaining a degree of sovereignty.

The corpus of verbalized units from the thematic field of "clothing" in E. Uspensky's tale «Uncle Fyodor, the Dog, and the Cat» was compiled using a method of continuous sampling and includes 38 distinct units (descriptions and mentions of semiotic nodes (elements) of clothing from six speech-enabled characters). The polymodal text of the screen adaptation (three sequels: «Three from Prostokvashino» (1978), «Vacation in Prostokvashino» (1980), «Winter in Prostokvashino» (1984)) is distinguished by the predominance of visual units, most typical for cinematic language (38 units – fully or partially displayed in the frame of wardrobe elements, including costumes of characters, decorative details, directly

displayed objects). Analogously to the language unit by visual unit we mean such an element of the vestimentary language system, which has the status of indestructibility within a certain level, and also semantically opposed to other units in the subsystem. Moreover, some units are presented synchronously in both sign systems (6 units), where the verbalized and visualized units serve as instances of emphasis and illustration.

In this study, we are interested not only in quantitative or qualitative transformations between primary text and secondary adaptation. For the interpretation of data, that, in essence, represents a secondary reflection of reality (the image), mediated by specific sign systems along with descriptive and statistical methods used for the initial analysis and systematization of data, the hermeneutic-phenomenological approach. This allowed for the qualitative connotation of the content of the vestimentary code, which conveys an urgent textual reference and semantic measurements outside the genre. The elements of discursive analysis and an intersemiotic perspective let us verify the data.

Behind the clothes

Most units of the vestimentary code in the novel serve as a means of portraying characters and elements of the plot, with their denotative and connotative meanings coinciding. However, certain units within the corpus deserve the status of the phenomenon that R. Barthes referred to as clothing-description, rich in the connotations of the verbalized units of the sign system situated “between things and words” [2]. Their content should undoubtedly be attributed to the subtext of both the literary and animated expressions. However, this subtext contains significant indications of the motivation behind specific data, regardless of the degree of their explicitness.

It should be noted that in cinematic discourse, the nature of the vestimentary code's units is more appropriately considered implicit, owing to the manner and speed of presenting visual signs, as well as the overall prioritization of the verbal code in cinema. If the filmmakers do not “bring to the forefront” the content-laden details of the costumes, for instance, through close-ups or long shots, and through the correlation of verbal and visual elements, then the units of the cultural vestimentary code pertain to the film's subtext. Film and screenwriting specialist Linda Seger defines subtext as “something you cannot point to” and simultaneously describes it as that which “makes us ask the question “Why?”. Despite the explicit presentation of units of the vestimentary code on screen – as sometimes occurs multiple times for the purpose of character recognition – their content is not always evident, which holds true for literary texts as well.

L. Seger, in discussing screenplay, contrasts text “the words and actions that we hear and see” [3] with subtext “not only the hidden meanings behind the words but also the associations” [Ibidem], thereby expanding the latter's meaning through

authorial statements and cultural associations, explicitly moving it beyond what she calls as a direct dialogue.

As a result of the conducted research, we have established the volume and content of the corpus of verbalized and visualized units of the vestimentary code in a specific cultural text; commented on instances of mismatches between their content and the precedent sphere (children's literature and animation); and identified the connotative content of units that simultaneously belong to multiple systems. It has been confirmed that adaptation, being a transmedia text, not only reconstructs the content of the artistic text but also clarifies, complements, and develops it through the materialization of the substantive-conceptual information of the text. The proposed methodology for working with the implicit content of expressions confirms the necessity and viability, and primarily, the meaningful work involved in understanding not specific linguistic units, but the intercultural situation encoded through their use.

Fashion and rituals

Fashion establishes a connection with the external world, whimsically reflecting its rituals, which in turn distinctly determines extra textual details that lose their logic outside of the lingua-cultural context (for instance, during translation or transformation within another art form). An illustrative example is the stereotypical belief in the vulnerability of the subject to low ambient temperatures that provoke illness; in the narrative, this belief is exaggerated through the choice of a diminutive form for naming a specific article of clothing:

“One-day Uncle Fyodor needed to go outside [...] He didn't get dressed and just dashed out briefly in his underwear. But it was freezing outside, and there was snow. Uncle Fyodor caught a cold”

(«Однажды дяде Федору надо было на улицу выйти [...] Он одеваться не стал, а так в трусиках и выскочил ненадолго. А на дворе мороз, снег выпал. Дядя Федор и простудился») [4].

It is important to note that, in the immediate context, a full form has been used for the nomination of the same subject when conveying the correspondence between clothing and the ambient temperature.

“Uncle Fyodor always walked around the house in his underwear – he was sunbathing”

(«Дядя Федор дома все время в трусах ходил – загорал») [Ibidem].

Furthermore, the diminutive form does not indicate either age or size, as all other disregarded elements of the wardrobe that can provide protection against the cold are referred to in their full forms:

“But when he went outside, he had to get dressed. First, an undershirt, then a shirt, then pants, then a sweater, then a hat, a scarf, a coat, mittens, and valenki”

(«А если он на улицу выходил, ему одеваться надо было. Сначала майку, потом рубашку, потом штаны, потом свитер, потом шапку, шарф, пальто, варежки и валенки») [Ibidem].

The connotation relates a specific wardrobe element to the culturally established notion of “If you get cold, you’ll get sick”, transferring the semantic unit from the vestimentary structure to a cultural experience. Equally intriguing is the reception of this content in its cinematic adaptation, where the plot involving a child venturing out into the cold in undergarments is not reconstructed. The image of Uncle Fyodor’s clothing during the scene where his parents take him to the city replicates the same cultural stereotype – the child, having recently recovered from an illness, stands in winter attire against a backdrop of yellow-green foliage, while the ambient temperature allows his parents to remain in autumn clothing without headgear. The reconstruction of the mythologized representation of the necessity for excessive protection of children from hypothermia is achieved through the visual subsystem’s tools (forms, lines, colors, etc.). It is important to emphasize that what is repeated here is not the vestimentary image itself, but the content of fashion as a space of cultural myth.

As a form of ideology, according to R. Barthes, fashion does not exist outside language, transmitting various mental constructs, rationalizing human thought while simultaneously alienating individuals. A specific model of rationalization within the vestimentary discourse can be found in the detailed description of the fashion of the village of Prostokvashino:

“[...] our Prostokvashino national clothing is simple. It’s a padded jacket with a belt and felt boots with galoshes made from a gas mask”.

(«[...] наша протоквашинская национальная одежда простая. Это телогрейка на вате с поясом да валенки с калошами из противогаза») [5].

The imperative to wear certain wardrobe items, on one hand, is rationalized by the concept of chronotope: simple, unfashionable, homemade clothing designed primarily for warmth serves utilitarian functions. At the same time, this gender-neutral attire, which does not meet the criteria of fashion or seasonality, shapes the image of a rural lifestyle from the late Soviet era, seeming to lag behind time while simultaneously reconstructing it most fully. The comical yet ominous appearance of a villager in this attire resembles both a GULAG prisoner and a poor but resourceful peasant capable of crafting anything from anything.

The undeniable dissonance in the image created by the verbalized units is introduced by the aforementioned gas mask, which alludes to military discourse but has clearly lost direct functionality. The objective characteristic of the object (the waterproof nature of the gas mask) aligns with its repurposed function – as feet protection. This rationalization of a fashionable unit is rooted in the Soviet cultural norm of “upcycling” amid total scarcity and the militarization of industrial production in the USSR.

R. Barthes's well-founded idea that fashion is merely a form of consuming myth, with the costume being the result of the language of fashion, reveals a profound social conflict within the narrative space of children's literature. The "real" clothing (galoshes) absent from the production system is substituted in the ritual of everyday consumption by "used" clothing (galoshes made from a gas mask); however, both are severed from the "represented" clothing, the source of the Soviet myth of abundance. The authors of the adaptation opted to omit empty this "telling" detail, replacing it with a singular seasonal item – cotton pants, which Pechkin demonstrates in the episode "Zima v Prostokvashino" and which, along with the gas mask, relates to military gear.

As it loses its semantic value, fashion in the children's story and its adaptation undoubtedly serves as a source of alienation and conformity. Thus, the previously discussed description of Prostokvashino's dress code arises within the tale's context of a dispute over the pair of sneakers bought by Sharik, instead of valenki (felt boots). This scene is reconstructed in the animated film without significant changes. The lack of a suitable pair of shoes is equated with limited intellectual abilities and serves as a cause for the character's isolation:

"We have the means, – the cat replied. – But we lack the sense. I told him: "Buy yourself valenki". But he bought sneakers instead".

(«Средства у нас есть, – отвечает кот. – У нас ума не хватает. Говорил я ему: "Купи себе валенки". А он кеды купил») [6].

In the animated film, Matroskin's negative attitude towards Sharik due to the latter's purchase of the "wrong" pair of shoes is intensified:

"We have the means, – the cat replied. – But we lack the sense. I told that hunter: "Buy yourself valenki". But he bought sneakers instead".

(«Средства у нас есть, – отвечает кот. – У нас ума не хватает. Говорил я этому охотнику: "Купи себе валенки". А он что?...Пошел и кеды купил...») [7].

In the given context, the neutral designation of the addressee's action "to speak", expressed by the personal pronoun "he" (in the dative case), is replaced by the euphemism 'this hunter.' The evaluative function of the word 'this,' its potential for expressing negative assessment, has been previously noted by researchers [8] and recorded in dictionaries [9]; moreover, naming a person in their presence indirectly (by name, nickname, or patronymic) is an example of a gross violation of etiquette norms in Russian communication, exaggerating the character's sense of alienation due to the mismatch of their wardrobe with conventional norms.

The specific item of clothing (valenki) becomes a means of expressing identity, as well as a way to regulate behavior, to a significantly greater extent than the utilitarian need for it. Other elements of winter clothing (padded trousers, ushanka hat, knitted hat, and scarf) are present in the frame; however, no one insists on their presence as much as the 'out-of-season' cloak of the postman, which is not uniform

clothing, or the actual 'nakedness' of the animal character (Sharik's gesture of covering himself with a curtain is simultaneously a gesture of shame and cold). In the story, valenki consistently serve as a mandatory attribute of inclusion in the world of Prostokvashino, acting not only as an element of the costume that protects against the cold but also as an indication of initiation.

The analyzed story features a high frequency of the verbalized and visualized unit nominating a fancy women's suit (dress), which is determined, on the one hand, by the plot and, on the other, is supported by the content of a specific fashion statement. According to R. Barthes' concept, a fashion statement is formed by the meaning inherent in a specific fashion object and is not equal to its external form. The repeatedly mentioned fancy dresses by the mother in the story are characterized by the asymmetry of denotative and connotative plans: the clothing description at the denotative level is limited to various characteristics (evening, silk, concert, unworn), while at the connotative level, it allows us to see in a specific fashion object a meaning that is not equal to its external form and function. Thus, the internal implicit meaning forms the representation of Uncle Fyodor's mother as a woman who has regular access to scarce goods (the number of non-utilitarian items).

"I have four evening dresses made of silk"

(«У меня четыре платья есть вечерних шелковых») [10].

however, living in total limitation of leisure opportunities:

"[...] but there's nowhere to wear them!" («[...] а надеть их некуда!»);

"I do love nature, but not to the extent of traveling in a concert dress on trains"

(«Я, конечно, люблю природу, но не до такой степени, чтобы в концертном платье в электричках разъезжать»);

"What am I supposed to do in your Prostokvashino? Chop wood in an evening dress or charm bulls" («А что я там буду делать в этом вашем Простоквашине? В вечернем платье дрова рубить или быков очаровывать») [11];

confrontable to the lack of personal freedoms:

"I live with you like a serf peasant" («Я живу у вас, как крестьянка крепостная») [12].

The act of changing costume becomes a form of individual protest and personal choice within the context of Soviet everyday culture, which did not grant citizens the right to leisure that was independent of state control. In this way, the festive clothing, as well as the need for it, is absent from the wardrobes of other characters, indirectly reconstructing a conformist context.

An analysis of the images of dresses in the film adaptation, viewed through the lens of a semiotic system, supports Barthes' assertion regarding the conventionality of clothing-as-image compared to clothing-as-description. The dresses hanging in the wardrobe, lacking a fitted silhouette and fashionable colors, do not align with the trends of the late 1970s, which the main character appears to follow, as evidenced by her everyday outfits. The description of these dresses, provided by the mother:

“[...] I have four evening dresses made of silk, but there’s nowhere to wear them!”
(«[...] *четыре платья есть вечерних шелковых, а надеть их некуда!*») [13].

And it shapes perception, despite the fact that none of them will appear on the protagonist in the frame again. Thus, the description and visual imagery recreate a reality where the choice is not about a specific dress, but rather about a free and state-uncontrolled format of leisure, which is significant and is directly conveyed in the film text.

This assertion holds true for the final scene of the concluding episode of “Zima v Prostokvashino”, where a televised performance by the mother is aired during the New Year’s “Blue Light” show. The style of her dress establishes an allusion to soviet singer Sofia Rotaru’s performance on the same program in 1978. The visualization of the analyzed unit alternates with images of the protagonist’s mother in another leisure outfit—a sports (skiing) one. In this example of the visual realization of thematic group “clothing”, there is a clear contrast between leisure constrained by state control (the amateur performance in the New Year’s “Blue Light”) and leisure that is free from such control—countryside, familial, and informal—where the protagonist has the opportunity to choose a notably fashionable jacket that reflects not only her aesthetic taste and affluence but also a certain nonconformity. This model and even the color of the jacket in the cartoon about the parrot Kesha serve as markers of an anti-Soviet lifestyle of the new owner.

Clothes as a symbolic pattern

A particularly notable way in which the studied issue is addressed is through the character of Matroskin the cat, whose image is directly (visually) and indirectly (verbally) related to the vestimentary field of precedence. In the story and its adaptation, he is depicted as somewhat unclothed, despite owning several items. In the adaptation, only in the episode “Zima v Prostokvashino” does he appear wearing a hat, scarf, and felt boots, which mark the season and the characteristic temperature changes. The same applies to the dog Sharik, who only acquires separate elements of clothing in the episodes “Kanikuly v Prostokvashino” and “Zima v Prostokvashino”, which can be attributed to his social activity, the objective climatic changes, and the development of group identity (see above).

In our observation, the presence or absence of clothing elements on animal characters in Soviet animation from this period generally serves as a marker of their ability to speak and/or their inclusion in social activity, which implicitly references Soviet reality. This tradition, however, does not apply to characters from the adaptations of “Karlson na kry`she” (1968) or “Winnie-the-Pooh” (1969–1972), yet consistently operates for characters in the animated series “Nu pogodi!” (1969–1993) about Cheburashka (1971), Leopold the Cat (1975–1987), and this tradition is “inherited” in the adaptation of the story about Prostokvashino and the later series

featuring the parrot Kesha (1984–1988). Thus, in the animated portrayal of Matroskin the Cat, a precedent-based correlation is reconstructed with a conditionally “professional” sphere of origin, utilizing both verbal and visual codes:

“I want to have a surname. [...] A serious one. A maritime surname. After all, I’m from the sea cats”

(«Я хочу фамилию иметь. [...] Какую-нибудь серьезную. Морскую фамилию. Я же из морских котов») [14].

As well as a result of metaphorical transfer based on external similarity:

“The cats are striped, and so are the sailors. They wear those striped tops”

(«Коты полосатые и матросы тоже. У них тельняшки такие») [Ibidem].

This connotation initially establishes a connection between the character's appearance and a specific named unit within the vestimentary code. It is important to note the somewhat inconsistent nature of such etymologization. Russian surnames derived from stems with hard consonants typically include the suffix “-ov-“ [15]. Thus, based on the motivating stem “matros”, the cat’s surname should logically be “Matrosov”. Even a cursory analysis of the surname structure reveals an alternative word formation model that is motivated by the name of the vestimentary unit “matroska” which normatively employs the suffix ‘-in-‘ for surname formation (following the principle of nicknames derived from words for objects ending in ‘-a’ or “-ya” as well as from feminine names).

Finally, while the motivating stem is mentioned, the cat does not hold the surname “Telnnyashkin”, despite its resemblance to it. This is primarily because the name refers to a specific piece of naval clothing, which is characterized not by its color but by its cut, “with a large turned-down collar” [16]. It should be noted that although this lexeme verbalizes a type of uniform headgear “without a visor, with a ribbon around the edge” [Ibidem], the narrative distinctly differentiates these elements of the sailor's uniform both at the level of nomination and at the level of plot (as will be discussed below), remaining a part of the travesty.

The “correct” surname proposed by the authors clearly does not resonate well. We attempt to explain the reasons for this dissonance, which, in our profound conviction, stems from the stability of the image in culture and the relationships formed as a result of material experience, as well as the semantic content of this “inaccuracy”.

The identified convention of etymologizing the surname Matroskin leads us to a canonical and similarly fictional motivation behind the surname of Gogol’s character:

“The official's surname was Bashmachkin. From the name itself, it’s clear it originated from “bashmak”; but when, how, and in what manner it came from “bashmak” is unknown. His father, grandfather, even his brother-in-law – all Bashmachkins wore boots, changing the soles only about three times a year»

(«Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но, когда, в какое время и каким

образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменив только раза три в год подметки») [17].

On the other hand, following the scene of the cat's nomination, professional attire will serve as a marker of an asserted social status. This is primarily achieved through the parallelism in the context of the mentioned details of the dog Sharik's costume. For example, in the shoPPing scene with Uncle Fyodor:

“He bought a sailor’s cap for the cat, and a collar with medals for Sharik”

(«Коту он матроску купил, а Шарику – ошейник с медалями») [18].

And the mother, who initiates the purchase of a «telnyashka» (striped vest) in addition to Matroskin's desire.

“...and I want to have a naval cap with ribbons, like sailors have.

– Alright, – says Mom. – [...] And I’ll get you a striped top as well”

(«...еще я хочу бескозырку иметь с ленточками. Как у моряков.

– Хорошо, – говорит мама. – [...] И еще я вам тельняшку достану») [19].

In similar situations, Sharik initiates the purchase of status-signifying, albeit fictional, wardrobe elements (a medal-adorned collar) or items related to his “professional” hobbies (a movie camera), which equally mark the owner's social standing. It is noteworthy that all mentioned costume items, “legitimizing” the cat's connection to a profession, are not part of his portrait characterization, returning to the initially established etymology of his surname (based on outward resemblance). Uspensky's story indirectly mentions Matroskin wearing a sailor's shirt in a scene emphasizing his altered state:

“His sailor's cap is worn in front like an apron, and he has a milk jug on his head like a helmet. And he's singing something awkward” (*«Матроска у него спереди как фартук надета, а подойник на голове как каска. И поет он что-то несуразное»*) [20].

Clearly, the cut of the sailor shirt, worn upside down and backward, is highlighted to create a comedic effect and portray Matroskin's loss of control (under the influence of «merry» milk), including the loss of symbolic status. This is reinforced by mirror comparisons where the professional clothing of the military (sailor shirt, helmet) is juxtaposed with household items (apron, milk pail).

The remaining two items of professional attire do not shape Matroskin's image in the text: information about the purchase and/or transfer of a peaked cap is absent, although this costume element is reconstructed in the film adaptation. The adaptation ignores the history of its acquisition while recoding it as a sign of Pechkin's initiation:

“There’s field mail, but we’ll have marine mail”

(«Бывает почта полевая, а у нас морская будет») [21].

According to the plot, the striped vest “passes” to Sharik, where the image of a sailor is fully carnivalized, becoming part of a farcical image (“A retired admiral scientist on his tractor is going to the city to visit his grandmother”) [22]) alongside

glasses, a hat, and gloves. Bakhtin's "merry relativity" here, as before, reveals, on the one hand, a striking mismatch between form and content, and on the other, oP-Poses "the one-sided and gloomy official seriousness generated by fear" [23]. It should be emphasized that Sharik dresses up "so as not to disturb the police" [24]. Thus, through subtext, the sartorial fashion consistently forms a statement that opposes the tragic, epic, and documentary elements, which, by its humorous nature, is not determined by "the conditions and conventions of the present and the anticipation of a possible different order of things, lurking behind the facade of objects, roles, behaviors, and language" [25].

The fact that the striped cat does not wear a sailor shirt in the story evidently does not evolve into a level of conflict, despite the obvious parody that carries a sense of debunking [Ibidem]. However, it is intriguing within the discussed issue of the intra-cultural content of sartorial expression, where the costume item is named, but its associated meanings are somewhat blurred and even seem deliberately "turned upside down".

Starting from the first visual representations (the slide film in 1972 and the adaptation in 1975), the visual image of Matroskin the cat closely matched the above verbal description. However, the series "Troie iz Prostokvashino" (1978) transforms the image of the cat; his stripes become even and contrasting, as if drawn with a ruler, and increasingly resemble clothing – a sailor's shirt – rather than the fur of an animal, differing from it in the symmetry of stripe width (all stripes are of equal width) and color (gray and white instead of blue and white).

The established convention can be explained partly by the persistent marking of this specific clothing element, primarily in the generalized perception of the image in Soviet culture: the sailor shirt as an element of professional attire forms a universal image of the military, heavily propagated through visual media (film, press, posters, etc.), based on the documented fact of "the use of sailors in land military operations during the Civil and Great Patriotic War" [26]. Additionally, this is contextualized within a global cultural framework, thoroughly analyzed in M. Pasturo's monograph "The Devilish Material: The History of Stripes and Striped Fabrics" [27]. The author examines the semiology of stripes in a social context, identifying, among other things, a marginal subtext of "devilish" connotations [Ibidem], inherited by contemporary culture in current practices (clothing of prisoners, criminals, and outcasts).

It is noteworthy that Late-Soviet counterculture also emphasized the socio-value aspect concerning the popularity of stripes (rock culture, the "mitki", etc.).

In the animation of the discussed period, the sailor shirt acts as a means of creating a marginalized character; for example, in the animated series "Nu pogodi!" and "The Cat Leopold". The characters wearing sailor shirts – the Wolf and the fat mouse – are negative figures, and any elements of their outfits serve to represent this fact. It is notable not only that the Wolf wears a sailor shirt, but also the characteristic gesture of tearing it open on his chest, revealing a tattoo, which is a direct

reference to prison culture. The mouse from the cartoon about Leopold dresses in a sailor shirt in a reconstructed pirate storyline. Thus, the recurring images form the perception of the visual identity of this specific clothing element within its social context, which the creators of the film adaptation of the story about Prostokvashino consciously or unconsciously sought to avoid.

However, the specific animated image of Matroskin the cat, undoubtedly supported by the acoustic means of character creation (voiced by famous actor Oleg Tabakov), has transcended the established stereotype of visualized sartorial codes in the public consciousness. To date, the image of the cat and his coloring has been reinterpreted and widely disseminated through the series of dairy products branded as “Prostokvashino”. The semantic connection between these dairy products and the cat (including Matroskin) is obvious and does not require separate commentary. However, it is important to note that the brand colors ultimately link the image of the homely character with the sailor shirt, which loses its previous cultural association with marginality. Instead, through the recurring representation of the cat on each package, a new universal image is formed, resonating on a subconscious level and appealing largely to the model of a large, friendly family that overcomes disagreements arising under the pressure of social norms or interpersonal attitudes.

This recoding within cinematic expression is also characteristic of another clothing element found in the animated series about Prostokvashino: flared trousers. Their style, alongside the sailor shirt, forms part of the image of marginalized characters in animation during that period (such as Leopold after “Ozverin” and the Wolf in the aforementioned series). However, throughout all adaptations of E. Uspensky's story, this style of trousers remains an unchanging attribute of Uncle Fyodor and his father, characters whose wardrobes exhibit consistent limitations, tautological colors and styles, and a persistent sense of secondariness. For example, the father's outer clothing matches the color, style, and trendiness of the mother's clothing when they act as a couple (see the series “Troie iz Prostokvashino”), while Uncle Fyodor's clothing does not change over time or across different spaces within the cartoon series (in the apartment, in Prostokvashino, in a newspaper advertisement) – it clearly mimics the father's clothing style, reflecting similarities to adult fashionable elements (flared trousers, Beatle collars) and sharply dissonating with the top layers of children's clothing, which reconstructs a scenario of lowered social status for children (notably, only Uncle Fyodor is dressed in winter clothes during the autumn – refer to previous discussion).

The discovered patterns present themselves as statements, as the wardrobes of male characters in the story are either ignored (the father's clothing is never mentioned) or are motivated by the plot (Uncle Fyodor, the postman Pechkin). Additionally, the adaptation includes clothing that, according to R. Barthes' classification, can be categorized as “represented” – these flashy, gaudy ties flash briefly in

the wardrobe when the mother showcases her collection of festive dresses. Alongside the – unused” dresses, these visual units of sartorial code bear a conditional character, as they evidently dissonate with the image of the father, who consistently wears Beatle collars, flared trousers, and other sharply fashionable and brightly provocative items within the Soviet discourse. The ties present in the closets, but never worn by any characters, “scream” not only of the lack of aesthetic taste among their creators but also signify the conditionality of the proposed fashionable Soviet dress code, presented as a sign of prosperity yet remains unutilized.

Thus, clothing, acting as an external form of presenting socially significant experience, sequentially characterizes its “wearer”: some elements of the virtual wardrobe become a declaration, an unarticulated form of expressing nonconformity in the regulated nature of Soviet reality.

Conclusion

Defining the prospects of this research while simultaneously drawing conclusions from the completed work, it can be stated that the boundaries of philological knowledge are inevitably expanding, particularly regarding the declared issue of intersemiotic translation from the language of literature to the language of cinema. The axiology of costume within the discursive space of children's literature and its adaptations allows for the establishment of the lingua-cultural content of both verbalized and visualized units, which serve as signs of specific lifestyles.

The language of costume in the literary and screen trilogy about a self-reliant boy and his family reconstructs a vibrant world of official and unofficial Soviet values. The stereotypes upheld through costume undoubtedly exist within the linguistic culture, shaping stable representations. The costumes of characters reconstruct and transmit these representations in both potential and real forms, provoking their universal perception (archetype).

In the present study, these various systems enable the identification of additional meanings in both the secondary statement (text → adaptation) and the primary one (text ← adaptation), clarifying the significance of both. An expansive understanding of the text as a phenomenon, whose content is not merely a sum of its constituent units, renders the analysis of diverse subsystems (in this case, sartorial codes) particularly promising. In the late Russia commodifying Prostokvashino to a brand transformed its emotional and cultural significance. Regular reception and reconstruction of data of the analyzed corpus of units confirm not only their reproducibility, but also consistent inclusion in the field of precedent of post-Soviet culture. The reproducibility and repeatability of individual data or whole unit ensures both stability and transformation of content depending on context and addressee.

The data derived from such commentary, seemingly of secondary content, holds not only specific theoretical significance but can also pragmatically inform the devel-

opment of methodologies for working with artistic texts and their adaptations in Russian language classes for non-native speakers. The latter, when confronted with texts of case law, may have difficulties in adequately understanding it. Furthermore, these insights could be useful for utilizing precedent phenomena in texts of mass communication and serve as an additional resource in the study of the discourse on childhood and fashion, drawing more data of the mass Soviet animation.

REFERENCES

1. *Vasileva E.* The phenomenon of the feminine and the figure of the sacred// Theory of Fashion: Clothing, Body, Culture, Vol. 42. 2016–2017/ PP. 159–188.
2. *Barthes R.* The fashion system: articles on the semiotics of culture / translation from French, introductory article and drafting by S.N. Zenkin. M.: “Sabashnikovs Publishing House”, 2004. P. 62.
3. *Seiger L.* Hidden meaning: Creating subtext in cinema. M.: “Alpina Non-Fiction”, 2022. P. 15.
4. *Uspensky E.* Uncle Fyodor, the Dog, and the Cat, M.: “Samovar”, 2000. P. 43.
5. *Ibid.* P. 49.
6. *Ibid.* P. 48.
7. “Zima v Prostokvashino” (1984), Soyuzmultfilm / directed by V. Popov. 00:54. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4524a6e31169d3dbbabc782e382b40dc?playingContentId=4524a6e31169d3dbbabc782e382b40dc&watch=> (accessed: 21.11.2025).
8. *Krasavina O.* The use of demonstrative pronouns in Russian narrative discourse // “Questions of Linguistics”, Vol. 3. 2004. PP. 51–68.
9. *Efremova T.* Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes. M.: AST: Astrel, 2005–2006. //URL: <https://gufo.me/dict/efremova/эТОТ> (accessed: 08.10.2025)
10. “Kanikuly v Prostokvashino” (1980), Soyuzmultilm / directed by V. Popov. 02:52. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4dc9d156faf364a5870fa601549b177e> (accessed: 21.11.2025).
11. “Kanikuly v Prostokvashino” (1980), Soyuzmultilm / directed by V. Popov. 03:17. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4dc9d156faf364a5870fa601549b177e> (accessed: 21.11.2025).
12. “Kanikuly v Prostokvashino” (1980), Soyuzmultilm / directed by V. Popov. 02:47. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4dc9d156faf364a5870fa601549b177e> (accessed: 21.11.2025).
13. “Kanikuly v Prostokvashino” (1980), Soyuzmultilm / directed by V. Popov. 02:53. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4dc9d156faf364a5870fa601549b177e> (accessed: 21.11.2025).
14. *Uspensky E.* Uncle Fyodor, the Dog, and the Cat, M.: Samovar, 2000. P.3.
15. *Funikova S.* (2014) Structural features of Russian surnames with suffixes -ov / -ev and -in // Questions of Journalism, Pedagogy, Linguistics, 2014, Vol. 13(184). PP. 46–47.
16. *Orlenko L.* Terminological dictionary of clothing. M.: Legprombyizdat, 1996 // URL: https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia/Marpocka (accessed: 30.09.2025)
17. *Gogol N.* The Overcoat // Gogol N.V. Complete Works: In 7 volumes: Vol 3. M.: Sovremennik, 1983. P. 180.
18. *Uspensky E.* Uncle Fyodor, the Dog, and the Cat, M.: “Samovar”, 2000. P. 11.
19. *Ibid.* P. 46.
20. *Ibid.* P. 16.
21. “Kanikuly v Prostokvashino” (1980), Soyuzmultilm / directed by V. Popov. 17:05. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/4dc9d156faf364a5870fa601549b177e> (accessed: 21.11.2025).
22. *Uspensky E.* Uncle Fyodor, the Dog, and the Cat, M.: “Samovar”, 2000. P. 47.

23. *Bakhtin M.* The creativity of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance, M.: "Art Literature", 1990. P. 93.
24. *Uspensky E.* Uncle Fyodor, the Dog, and the Cat, M.: "Samovar", 2000. P. 47.
25. *Makhlin V.* Carnavalesque. In: Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. M.: INION RAN: Intellect, 2001. P. 338.
26. History of the striped shirt // "Diletant", 19.08.2015 URL: <https://diletant.media/articles/25738395/> (accessed: 08.11.2025).
27. *Pasturo M.* Devilish matter. The history of stripes and striped fabrics, M.: "Novoe Literaturnoe Obozrenie", 2008, 128p.

**АРХЕТИПЫ СТИЛЯ И СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ:
О НЕКОТОРЫХ ДЕТАЛЯХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА
В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И АНИМАЦИИ**

А.Р. Салахова¹, А.И. Каширова²

Нанкинский университет¹, Казанский федеральный университет²

АННОТАЦИЯ

На материале истории Э. Успенского о самостоятельном мальчике и его семье был проведен анализ корпуса единиц вестиментарного кода, реконструирующих стереотипы, сложившиеся в результате предметного опыта. Цель исследования состоит в декодировании содержания вербализованных и визуализированных единиц вестиментарного кода, интерпретации лингвокультурных данных, вне границ денотативного значения, прямого художественного и анимационного высказывания. Методологию исследования составили метод сплошной выборки для сбора данных; описательный и статистический методы для первичного анализа и систематизации; а также герменевтико-феноменологический, семиотический и интерсемиотический подходы для интерпретации данных. В результате было установлено, что язык костюма в литературной и экранной трилогии о самостоятельном мальчике и его семье в знаковой форме реконструирует мир советских официальных и неофициальных ценностей. Советскими аниматорами создается относительно суверенный трансмедийный текст, способный прояснять, дополнять и развивать содержание источника за счет опредмечивания содержательно-концептуальной информации текста. Стереотипы, утверждаемые с помощью костюма и присутствующие в лингвокультуре, формируют универсальное восприятие (архетип) в культуре, легитимизируясь посредством дальнейшей внутрикультурной рецепции и реконструкции. Предложенная методика работы с имплицитным содержанием высказывания подтверждает возможность работы над пониманием не конкретных языковых или внеязыковых единиц, а внутрикультурной ситуации, закодированной с их помощью. Данные, полученные в результате подобного комментирования, имеют не только специфическое теоретическое значение, но и прагматически могут быть использованы для разработки технологии работы с художественным текстом и его экранизациями при обучении и культурной адаптации инофонов младшего возраста.

Ключевые слова: вестиментарный код, советская анимация, культурные архетипы.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-186-195

УДК 297

Поступила: 28.07.2025г.

Сдана на рецензию: 07.09.2025г.

Подписана к печати: 12.12.2025г.

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧАСТИЦЫ **الباء** В КОРАНЕ

С.Б. Карабекян¹, М.А. Чплахян², Х.А. Мехраби³

Российско-Армянский университет^{1,2}

Международный университет исламских конфессий³

samvel.karabekyan@rau.am, merich1995@gmail.com,

k_ahmadmehrabi@yahoo.com

ORCID¹: 0009-0002-7394-8639, ORCID²: 0009-0003-3022-4187,

ORCID³: 0009-0001-7323-193X

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному анализу семантических функций арабской частицы **الباء** (al-bā') в тексте Корана. Частица **الباء** демонстрирует значительную полифункциональность, проявляя более десяти различных значений в зависимости от синтаксического контекста. В статье рассмотрены основные значения. Особое внимание уделяется толкованиям классических грамматистов, таких как Сибавейх, Аз-Замахшари, Ибн Ашур и других. Исследование выявляет значимость точного употребления частицы **الباء** в передаче смыслов коранического текста и демонстрирует ее ключевую роль в арабском синтаксисе и лексической семантике.

Ключевые слова: Коран, частица **الباء**, **حرف الجر**, арабская грамматика, лингвистический анализ.

Введение

В классическом и современном литературном арабском языке существенную роль в формировании языковых конструкций и их смысловых значений, в частности, в плане управления, играют так называемые **حروف الجر** (*hurūf al-ğarr*) (букв. «частицы притяжения, сопряжения») – служебные единицы, которые синтаксически «притягивают» за собой следующую номинативную единицу, определяя ее форму как **مجرور** (*mağrūr*) (букв. «притянутый, сопряженный»). Это – одна из четырех флективных форм арабского словоизменения, функционально сопоставимая с родительным падежом в индоевропейских языках, хотя и не тождественная ему.

Тем самым, термин حرف جر (*ḥarf ġarr*) можно понимать, как препозитив, управляющий формой последующего именного слова и формирующий с ним структуру, где оно приобретает форму مجرور (*maġrūr*) – морфологически маркированную форму, указывающую на синтаксическую зависимость. В целях простоты изложения мы будем обозначать данные единицы просто как частицы.

Существует множество глаголов, управление которых осуществляется с помощью таких частиц. Некоторые из них требуют обязательного употребления определенных частиц, как, например: استمعت إلى المحاضرة (*istama'tu 'ilā al-muḥāḍara*) («я слушал лекцию») и مررت بالجامعة (*marartu bi-al-ġāmi'a*) (я прошел мимо университета). В то же время имеются глаголы, которые могут управлять как посредством частицы, так и без нее. Например, دخلت البيت (*daxaltu al-bayta*) и دخلت في البيت (*daxaltu fī al-bayti*) – оба варианта допустимы и зависят от контекста.

Одним из основных источников, позволяющих определить функционально-семантические особенности таких частиц в полном объеме, является анализ их функционирования в тексте Корана. Арабские грамматисты и толкователи Корана подробно рассматривали их как в синтаксическом, так и в семантическом плане.

Набор частиц этого подкласса разнообразен и характеризуется регулярными функциональными транспозициями, когда одна из них выступает в значении другой такой же. В арабском языкознании имеется достаточно развитая традиция их изучения, обусловленная в числе прочего и необходимостью избегать возможных разночтений текста Корана.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотрения функционирования частицы الباء (*al-bā'*) в тексте Корана с точки зрения семантических особенностей такого функционирования.

Употребления частицы الباء (*al-bā'*) в Коране

В арабском языке, и в особенности в тексте Корана, препозитив الباء демонстрирует значительную семантическую полифункциональность, обнаруживая более десяти различных интерпретаций в зависимости от синтаксического и семантического контекста. Наиболее часто встречающиеся значения могут быть классифицированы следующим образом:

- **Функция транзитивизации** (الباء التعدية) (*al-bā' at-ta'diyya*): данная функция заключается в изменении валентности глагола, делая его переходным и требующим прямого дополнения, выраженного посредством الباء и последующего существительного.
- **Аффиксальная/Контактная функция** (الباء الإلصاق) (*al-bā' al-'ilṣāq*): в этом значении الباء указывает на непосредственное физическое или абстрактное соприкосновение между двумя сущностями. Ее также

- можно обозначить как контактно-адвербиальную функцию, поскольку она часто модифицирует способ действия.
- **Комитативная функция** الباء (المصاحبة) (*bā' al-muṣāḥaba*): в данном случае выражает значение совместности, сопровождения или соучастия в действии. Это можно также назвать «сопроводительным значением».
 - **Каузативная функция** (باء السببية) (*bā' as-sababiyya*): эта функция указывает на причинно-следственную связь, где существительное, следующее за الباء, выступает в роли причины или основания для действия, или состояния.
 - **Инструментальная функция** (باء الاستعانة) (*bā' al-isti'āna*): здесь الباء обозначает средство, орудие или способ осуществления действия.
 - **Субстратная/Эпистатическая функция** (باء الاستعلاء) (*bā' al-isti'ā*): в этом значении الباء указывает на опору, основание или поверхность, на которой что-либо находится или на которую опирается. Термин «эпистатический» подчеркивает значение «находящийся на».
 - **Обстоятельственная функция** الباء (الظرفية) (*al-bā' az-ẓarfīyya*): может указывать на временные (темпоральное обстоятельственное значение) или пространственные (локативное обстоятельственное значение) рамки действия или события.
 - **Функция замещения/эквивалентности** (باء المقابلة) (*bā' al-muqābala*): в этом случае الباء указывает на замену одного объекта другим или на эквивалентное соотношение между ними. Это можно также назвать заместительным/эквивалентным значением.
 - **Телическая/Целевая функция** (باء الغاية) (*bā' al-ġāya*): хотя встречается реже, الباء может указывать на цель или предназначение действия.
 - **Аблативная/Удалительная функция** (باء المجاوزة) (*bā' al-mujāwaza*): это значение указывает на отделение, удаление или исходную точку действия. Соответственно, аблативное/дистантивное значение.

Исходным, первичным принято считать аффиксально-контактное значение (الصاق) (*ilṣāq*). Сибавейх отмечает, что это основное, имманентное, неотъемлемое значение частицы, и все остальные значения следуют из этого [1]. В качестве примера функционирования частицы باء в этом значении приводится выражение امسحوا بروءسكم (*imsaḥū bi-ru'ūsikum*) (протирайте голову) в 6-м аяте суры Аль-Маида. Аз-Замахшари в этой связи отмечает, что «применение частицы предполагает связывание действия протираания с головой» [2].

По мнению некоторых комментаторов Корана, частица باء (*bā'*) здесь является избыточной, основной целью которого является усиление обычного употребления выражения امسحوا رءسكم (*imsaḥū ru'ūsakum*) (с прямым дополнением) [3]. В комментарии имама Шаафи отмечается, что в этом аяте частица باء употреблена в значении «отделения» [части от целого] – بء التبعيض (*bā' al-tabi'īṣ*)

at-tab ṭīd) [4]. Согласно ему, здесь предписывается протирать часть головы. В некоторых случаях при упоминании части выражается мнение о том, что предписывается протирать лишь четверть головы [5].

Функцию транзитивизации – الباء التعديّة (*al-bā' at-ta'diyya*) иногда именуют также транспозитивной (نقل) (*naql*) [6]. В грамматической традиции частица بَاء в этом значении отождествляется с хамзой – графемой обозначающей гортанную смычку. Например, предложение خرجت بزید (*xarağtu bi-Zayd(in)*) (Я вышел с Зейдом) имеет значение أخرجت زیداً (*'axrağtu Zaydan*) (Я вывел Зейда). В этом значении частица, согласно Ибн Хишаму, употреблена в 17-ом аяте суры Аль Бакара:

مَثَلُهُمْ كَمَثَلِ الَّذِينَ اسْتَوْفَدَ نَارًا فَلَمَّا أَضَاءَتْ مَا حَوْلَهُ ذَهَبَ اللَّهُ بِنُورِهِمْ وَتَرَاهُمْ فِي ظُلُمَاتٍ لَا
يُبْصِرُونَ

(*maṭaluhum ka-maṭali alladī istawqada nāran fa-lamma 'aḏā'at mā ḥawlahu ḏahaba llāhu bi-nūrihim wa-tarakahum fī zulumātīn lā yubṣirūn*)

Подобны они тому, кто зажег огонь, а когда он осветил все, что кругом него, Аллах унес их свет и оставил их во мраке, так что они не видят.

Ибн Ашур полагает, что значение переходности восходит к значению сопроводительности, поскольку предложение ذهبت بزید (*ḏahabtu bi-Zayd*) (Я пошел с Зейдом) имеет значение «Я пошел в сопровождении Зейда», т.е. أذهبته معي (*'aḏhabtuhi ma'ī*) (Я дал ему пойти вместе со мной). В таком же ключе Ибн Ашур комментирует и 68-й аят суры Аль Исра [7]:

أَفَأَمِنْتُمْ أَنْ يُخْسِفَ بِكُمْ جَانِبَ الْبَرِّ أَوْ يُرْسِلَ عَلَيْكُمْ حَاصِبًا ثُمَّ لَا تَجِدُوا لَكُمْ وَكَيلًا
(*'afa-'amintum 'an yaxsifa bikum ḡāniba al-barri 'aw yursila 'alaykum ḥāṣiban ṭumma lā tağidū lakum wakīlan*)

Избавлены ли вы от того, что Он поглотит с вами часть суши или пошлет на вас вихрь с камнями, – а потом не найдете вы для себя заступника.

Ибн Ашур отмечает, что частица الباء (*al-bā'*) в сочетании «поглотит с вами» (يخسف بكم) (*yaxsif bikum*) употреблена в переходном значении, и сочетание بكم (يخسف بكم) (*yaxsif bikum*) равнозначно сочетанию «даст поглотить вас» [8].

Другое значение частицы الباء (*al-bā'*) инструментальное – بَاء الاستعانة – (*bā' al-isti'āna*). Например, كتب بالقلم (*kataba bi-al-qalam*) – он написал пером (посредством, при содействии пера). В Коране примером употребления частицы в подобном значении является بِسْمِ اللَّهِ (*bi-smi llāh*) в первом аяте суры Аль Фатиха – Именем Аллаха. Ибн Ашур полагает, что здесь имеется в виду «читай именем Аллаха (с помощью его имени)» [9].

Примеры употребления частицы الباء (باء السببية) в каузативном значении (باء) (*bā' as-sababiyya*) в тексте Корана многочисленны, как, например, 22-й аят суры Аль Бакара:

الَّذِي جَعَلَ لَكُمُ الْأَرْضَ فِرَاشًا وَالسَّمَاءَ بِنَاءً وَأَنْزَلَ مِنَ السَّمَاءِ مَاءً فَأَخْرَجَ بِهِ مِنَ الثَّمَرَاتِ رِزْقًا لَكُمْ
فَلَا تَجْعَلُوا لِلَّهِ أَنْذَادًا وَأَنْتُمْ تَعْلَمُونَ

(*allaḍī ḡa'ala lakumu al-'arḍa firāšan wa-as-samā'a binā'an wa-'anzala mina as-samā'i mā'an fa-'axraḡa bihi mina at-tamarāti rizqan lakum fa-lā taḡ'alū li-llāhi 'andādan wa-'antum ta'lamūn*)

который землю сделал для вас ковром, а небо – зданием, и низвел с неба воду, и вывел ею плоды пропитанием для вас. Не предавайте же Аллаху равных, в то время как вы знаете!

Сегмент به (*bihi*) здесь означает «водой», и частица الباء (*al-bā'*) в его составе имеет каузативное значение. Аз-Замахшари подтверждает каузативность частицы, утверждая, что Аллах сотворил все без первичных элементов, и именно вода становится причиной появления плодов [10].

Примером каузативного значения частицы является также 11-й аят суры Аль Имран:

كَذَّابِ آلِ فِرْعَوْنَ وَالَّذِينَ مِنْ قَبْلِهِمْ كَذَّبُوا بِآيَاتِنَا فَأَخَذَهُمُ اللَّهُ بِذُنُوبِهِمْ وَاللَّهُ شَدِيدُ الْعِقَابِ
(*ka-da'bi āli Fir'awn wa-allaḍīna min qablihim kaḍḍabū bi-āyātina fa-'axaḍahumu llāhu bi-ḍunūbihim wa-llāhu šadīdu al-'iqāb*)

как и деяние рода Фирауна и тех, которые были до них: они считали ложью Наши знамения, и схватил их Аллах за их грехи, – ведь Аллах силен в наказании!

Поскольку наказание являлось следствием их грехов, Аллах наказывает их по причине совершения ими грехов [11].

Аз-Замахшари отмечает, что частица الباء (*al-bā'*) встречается в тексте Корана и в значении сопроводительности – بَاءِ الْمَصَاحِبَةِ (*bā' al-muṣāḥaba*) [12]. Примером подобного употребления является 48-й аят суры Аль Худ:

قِيلَ يَا نُوحُ اهْبِطْ بِسَلَامٍ مِنَّا وَبَرَكَاتٍ عَلَيْنَا وَعَلَىٰ أُمَّةٍ مِمَّنْ مَعَكَ وَأُمَّةٍ سَنُمَتِّعُهُمْ ثُمَّ يَمَسُّهُمْ مِنَّا عَذَابٌ
أَلِيمٌ

(*qīla yā Nūḥu ahbiṭ bi-salāmin minnā wa-barakātin 'alayka wa-'alā utamin mimman ma'aka wa-umatun sanumatti 'uhum tumma yataṣṣuhum minnā 'aḍābun 'alīm*)

Было сказано: «О Нух! Сойди с миром от Нас и с благословениями над тобой и над народами из тех, что с тобой; а есть народы, которым Мы дадим блага, и потом постигнет их от Нас наказание мучительное».

Согласно Аз-Замахшари, здесь частица имеет значение сопроводительности, т.е. в выражении «сойди с миром от Нас», где слово «мир» употребляется в переносном значении как сопровождающее сходжение Ноя [13].

Еще одним значением, в котором частица الباء (*al-bā*) употребляется в тексте Корана, является заместительное – *المقابلة* (*bā* ' *al-muqābala*). В этом значении, в частности, частица الباء употребляется в 178-м аяте суры Аль Бакара:

يَا أَيُّهَا الَّذِينَ آمَنُوا كُتِبَ عَلَيْكُمُ الْقِصَاصُ فِي الْقَتْلَى الْحُرُّ بِالْحُرِّ وَالْعَبْدُ بِالْعَبْدِ وَالْأُنثَى بِالْأُنثَى فَمَنْ عَفِيَ لَهُ مِنْ أَخِيهِ شَيْءٌ فَاتَّبِعْ بِالْمَعْرُوفِ وَأَدَاءٌ إِلَيْهِ بِإِحْسَانٍ ذَلِكَ تَخْفِيفٌ مِنْ رَبِّكُمْ وَرَحْمَةٌ فَمَنْ اعْتَدَى بَعْدَ ذَلِكَ فَعَلَهُ عَذَابٌ أَلِيمٌ

(*yā 'ayyuhā alladīna 'āmanū kutiba 'alaykumu al-qīṣāṣu fī al-qatlā al-ḥurru bi-al-ḥurri wa-al-'abdu bi-al-'abdi wa-al-'untā bi-al-'untā fa-man 'ufiya lahu min 'axīhi šay' un fa-ttibā 'un bi-al-ma 'rūf wa-adā 'un 'ilayhi bi-'iḥsān dālika tahfifun min rabbikum wa-raḥma fa-man i 'tadā ba 'da dālika fa-lahu 'adābun 'alīm*)

О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный – за свободного, и раб – за раба, и женщина – за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то – следование по обычаю и возмещение ему во благо.

В этом аяте частица الباء (*al-bā*) употреблена в значении замещения, имея в виду, что убийство свободного человека должно быть воздано убийством свободного же человеком, убийство раба – убийством другого раба, убийство женщины – убийством женщины. Пример употребления частицы в подобном значении встречается также и в некоранических текстах. Так, в данном значении частица الباء (*al-bā*) употребляется предложении *بعتك الدار بالفرس* (*ba 'tuka ad-dār bi-al-faras*) (Я продал тебе дом за лошадь).

В Коране встречается также употребление частицы الباء (*al-bā*) в значении частицы *في* (*fī*), которое можно считать обстоятельственным видом частицы الباء *الظرفية* – *الباء الظرفية* (*al-bā 'az-ẓarfīyya*). В таких случаях частица الباء (*al-bā*) обозначает собой обстоятельство места [14]. Пример такого употребления встречается в 123-м аяте суры Аль Имран:

وَلَقَدْ نَصَرَكُمُ اللَّهُ بِبَدْرٍ وَأَنْتُمْ أَذِلَّةٌ فَاتَّقُوا اللَّهَ لَعَلَّكُمْ تَشْكُرُونَ
(*wa-laqad naṣarakumu llāhu bi-Badrin wa-'antum 'aḍilla fa-ttaqū llāha la 'allakum taṣkurūn*)

Уже помог вам Аллах при Бадре, когда вы были унижены. Побойтесь же Аллаха, – может быть, вы окажетесь благодарными!

Согласно точке зрения значительной части грамматистов, в этом аяте частица الباء (*al-bā*) имеет обстоятельственное значение, т. е. сегмент *بدر*

(*bi-Badrin*) эквивалентен сегменту *في بدر* (*fī Badrin*), как, например, в выражении *زيد بمكة* (*Zaydun bi-Makka*) (*Зейд в Мекке*), что равнозначно по смыслу выражению *زيد في مكة* (*Zaydun fī Makka*).

В 30-м аяте суры Аль Мутаффифин встречается пример употребления частицы *الباء* (*al-bā'*) в субстратно-эпистатическом значении – *باء الاستعلاء* (*bā' al-isti'lā'*). Здесь *الباء* (*al-bā'*) употребляется в значении частицы *على* (*'alā*), подразумевающей возвышение над чем-либо [15]:

وَإِنَّا مَرُّوا بِهِمْ يَتَغَامَزُونَ

(*wa-'idā marrū bihim yataḡāmazūn*)

и когда проходили мимо них, мигали друг другу

В этом аяте частица *الباء* (*al-bā'*) употреблена в значении *على* (*'alā*) (глагол *مر* (*marra*) в значении пройти, приблизиться в равной степени употребляется с частицами *الباء* и *على*).

В 137-м аяте суры Аль Саффат можно видеть случай употребления глагола *مر* (*marra*) уже с частицей *على*:

وَإِنَّكُمْ لَأْتَمُرُونَ عَلَيْهِمْ مُصْبِحِينَ

(*wa-'innakum la-tamurrūna 'alayhim muṣbiḥīn*)

И вы ведь проходите мимо них утром

Одно из значений *الاستعلاء* (*al-isti'lā'*) подразумевает опору на что-либо. Например, в предложении *أمسكتُ بالقلم* (*'amsaktu bi-al-qalami*) – Я схватился за ручку. (Здесь предлог *بـ* (би) указывает на опору, на то, чем совершается действие).

Еще одним значением частицы *الباء* (*al-bā'*) является аблативно-удалительное – *باء المجاوزة* (*bā' al-mujāwaza*), которое указывает на удаление или прохождение мимо и часто соответствует по употреблению частице *عن* (*'an*). В 59-м аяте суры Фиркан имеется пример такого употребления частицы *الباء* (*al-bā'*):

الَّذِي خَلَقَ السَّمَوَاتِ وَالْأَرْضَ وَمَا بَيْنَهُمَا فِي سِتَّةِ أَيَّامٍ ثُمَّ اسْتَوَى عَلَى الْعَرْشِ الرَّحْمَنُ فَاسْأَلْ بِهِ
خَبِيرًا

(*allaḏī xalaqa as-samāwāti wa-al-'arḏa wa-mā baynahumā fī sittati auyāmin tumma istawā 'alā al-'arši ar-Raḥmānu fa-s'al bihi ḡabīran*)

который сотворил небеса, и землю, и то, что между ними, в шесть дней; потом утвердился на троне – Милосердный, спроси о Нем сведущего!

В этой части аята частица *الباء* (*al-bā'*) употребляется в значении частицы *عن* (*'an*) (спроси о нем). Ибн Ашур отмечает, что в этом значении частица *الباء* (*al-bā'*) употребляется особенно после глагола *سأل* (*sa'ala*) (спрашивать) [16].

Частица الباء (*al-bā*) в Коране встречается также в значении частицы إلى (*'ilā*)- “к”, которая указывает на цель, поэтому, когда الباء (*al-bā*) используется в этом значении, оно указывает на направление к определенной цели или конечному пункту, подобно тому, как это делает частица إلى (*'ilā*). Этот тип частицы и называется بَاءُ الْغَايَةِ (*bā' al-gāya*) – «б' цели», пример которой мы находим в 100-м аяте суры Юсуф в Коране:

وَرَفَعَ أَبَوَيْهِ عَلَى الْعَرْشِ وَخَرُّوا لَهُ سُجَّدًا وَقَالَ يَا أَبْتِ هَذَا تَأْوِيلُ رُؤْيَايَ مِنْ قَبْلُ قَدْ جَعَلَهَا رَبِّي حَقًّا
وَقَدْ أَحْسَنَ بِي إِذْ أَخْرَجَنِي مِنَ السِّجْنِ وَجَاءَ بِكُمْ مِنَ النَّدْوِ مِنْ بَعْدِ أَنْ نَزَعَ الشَّيْطَانُ بَيْنِي وَبَيْنَ إِخْوَتِي إِنَّ رَبِّي
لَطِيفٌ لِيمَا يَشَاءُ إِنَّهُ هُوَ الْعَلِيمُ الْحَكِيمُ

(*wa-rafa'a 'abawayhi 'alā al-'arši wa-harrū lahu suġġadan wa-qāla yā 'abati hādā ta'wīlu ru'yāya min qablu qad ġa'alahā rabbī haqqan wa-qad aḥsana bī 'id' aḥraġanī mina as-siġni wa-ġā'a bikum mina al-badwi min ba'di 'an nazġa aš-šayṭānu baynī wa-bayna 'iḥwatī 'inna rabbī laṭīfun limā yašā'u 'innahū huwa al-'alīmu al-ḥakīm*)

И поднял он своих родителей на трон, и пали они пред ним ниц, и сказал он: «О мой отец! Это – толкование моего сна прежде. Аллах сделал его истиной и оказал мне милость, когда вывел меня из темницы и привел вас из пустыни, после того как сатана устроил сору между мной и моими братьями. Ведь Господь мой благосклонен, к чему захочет. Поистине, Он – знающий, мудрый!»

Абу Хайян отмечает, что за глаголом أحسن (*'aḥsana*) часто следует частица إلى (*'ilā*) [17] как, например, в 77-м аяте суры Аль Кисас:

وَاتَّبِعْ فِيمَا آتَاكَ اللَّهُ الدَّارَ الْآخِرَةَ وَلَا تَنْسَ نَصِيبتَكَ مِنَ الدُّنْيَا وَأَحْسِنْ كَمَا أَحْسَنَ اللَّهُ إِلَيْكَ وَلَا تَبْغِ
الْفَسَادَ فِي الْأَرْضِ إِنَّ اللَّهَ لَا يُحِبُّ الْمُفْسِدِينَ

(*wa-btaġi fīmā 'ātaka Allāhu ad-dāra al-'āḥirata wa-lā tansa naṣībaka mina ad-dunyā wa-'aḥsin kamā 'aḥsana Allāhu 'ilayka wa-lā tabġi al-fasāda fi al-'arḍi 'inna Allāha lā yuḥibbu al-mufsiḍīn*)

«И стремись в том, что даровал тебе Аллах, к жилью последнему! Не забывай своего удела в этом мире и благотворишь как благотворишь тебе Аллах, и не стремись к порче на земле. Поистине, Аллах не любит сеющих порчу!»

Частица الباء (*al-bā*), следуя за глаголом أحسن (*'aḥsana*), согласно Абу Хайяну, приобретает значение частицы إلى (*'ilā*), поскольку подразумевается, что после глагола أحسن (*'aḥsana*) должна следовать частица إلى (*'ilā*). Подобный пример имеется и в 23-м аяте суры Аль Исра:

وَقَضَىٰ رَبُّكَ أَلَّا تَعْبُدُوا إِلَّا إِيَّاهُ وَبِالَّذِينَ إِحْسَانًا إِمَّا يَبُلُغَنَّ عِنْدَكَ الْكِبَرَ أَحْذِهِمْ أَوْ كِلَاهُمَا فَلَا تَقُلْ
لَهُمْ آفٌ وَلَا تَنْهَرْهُمْ وَمَا وَقُلْ لَهُمْ قَوْلًا كَرِيمًا

(*wa-qaḏā rabbuka `allā ta `budū `illā `iyyāhu wa-bi-al-wālidayni
`iḥsānan `immā yablughanna `indaka al-kibara `aḥaduhumā `aw kilāhumā fa-lā
taqul lahumā `uffin wa-lā tanharhumā wa-qul lahumā qawlan karīmān*)

И решил твой Господь, чтобы вы не поклонялись никому, кроме Него, и к родителям – благодарение. Если достигнет у тебя старости один из них или оба, то не говори им – тьфу! и не кричи на них, а говори им слово благодарное.

Заклучение

Исследование употребления частицы *الباء* (*al-bā`*) показывает, что частица может присоединяться как к подлежащему глагольного предложения, так и к дополнению, и к подлежащему именного предложения. В подобных случаях частица часто рассматривается как избыточная, а в некоторых случаях играет существенную роль в формировании структуры предложений и передаче их точных значений. В статье была сделана попытка классифицировать случаи употребления частицы *الباء* и выражение их различных значений в Коране.

ЛИТЕРАТУРА

1. سيبويه، أبو بشر عمرو بن عثمان، الكتاب، بيروت: مؤسسة الأعلمي، 1410هـ، 304/2
2. الزمخشري، محمود بن عمر، الكشاف عن حقائق غوامض التنزيل، الجزء 1، بيروت: دار الكتاب العربي، 1407 ص. 608
3. <https://quran.ksu.edu.sa/tafseer/tabary/sura5-aya6.html>
4. <https://quranpedia.net/surah/1/5/book/27767>
5. <https://quranpedia.net/surah/1/5/book/27767>
6. سميرة حيداء، فكرة ترادف دلالة حروف التعدي الباء والهزمة واللام، شبكة الألوكة، 2016
7. <https://quran-tafsir.net/ashour/sura17-aya68.html>
8. <https://quran-tafsir.net/ashour/sura17-aya68.html>
9. <https://quran-tafsir.net/ashour/sura1-aya1.html>
10. الزمخشري، محمود بن عمر، الكشاف عن حقائق غوامض التنزيل، الجزء 1، بيروت: دار الكتاب العربي، 1407 ص. 94
11. الطبرسي، فضل بن حسن، مجمع البيان في تفسير القرآن، طهران: دار النشر ناصر خسرو، 1993، 705/2
12. الزمخشري، محمود بن عمر، الكشاف عن حقائق غوامض التنزيل، الجزء 1، بيروت: دار الكتاب العربي، 1407، ص. 74
13. الزمخشري، محمود بن عمر، الكشاف عن حقائق غوامض التنزيل، الجزء 1، بيروت: دار الكتاب العربي، 1407، ص. 74
14. محيي الدين بن أحمد مصطفى درويش، إعراب القرآن وبيانه، دار الإرشاد للشؤون الجامعية، ج. 2، 1431هـ، ص. 45
15. <https://quran-tafsir.net/ashour/sura83-aya30.html>
16. <https://quran-tafsir.net/ashour/sura25-aya59.html>
17. <https://quran-tafsir.net/hayyan/sura12-aya100.html>

REFERENCES

1. Sibawayh, Abu Bishr 'Amr ibn 'Uthman. Al-Kitab. Beirut: Mu'assasat al-A'lami, 1410 AH. Vol. 2. P. 304.

2. Al-Zamakhshari, Mahmud ibn 'Umar. Al-Kashshaf 'an Haqa'iq Ghawamid al-Tanzil. Vol. 1. Beirut: Dar al-Kitab al-'Arabi, 1407 AH. P. 608.
3. *Tafsir al-Tabari*. URL: <https://quran.ksu.edu.sa/tafseer/tabary/sura5-aya6.html>
4. *Quranpedia*. URL: <https://quranpedia.net/surah/1/5/book/27767>
5. *Quranpedia*. URL: <https://quranpedia.net/surah/1/5/book/27767>
6. Sarayreh, Hazim Fikri. Dalalat Huruf al-Nasb bayna al-Hamza wa al-Lam. Amman: Sha-bakat al-Aluka, 2016.
7. Tafsir Ibn 'Ashur. URL: <https://quran-tafsir.net/ashour/sura17-aya68.html>
8. Tafsir Ibn 'Ashur. URL: <https://quran-tafsir.net/ashour/sura17-aya68.html>
9. *Tafsir Ibn 'Ashur*. URL: <https://quran-tafsir.net/ashour/sura1-aya1.html>
10. Al-Zamakhshari, Mahmud ibn 'Umar. Al-Kashshaf 'an Haqa'iq Ghawamid al-Tanzil. Vol. 1. Beirut: Dar al-Kitab al-'Arabi, 1407 AH. P. 94.
11. Al-Tabarsi, Fadl ibn Hasan. Majma' al-Bayan fi Tafsir al-Qur'an. Tehran: Dar Nashr Nasir Khusraw. Vol. 2. 1993. P. 705.
12. Al-Zamakhshari, Mahmud ibn 'Umar. Al-Kashshaf 'an Haqa'iq Ghawamid al-Tanzil. Vol. 1. Beirut: Dar al-Kitab al-'Arabi, 1407 AH. P. 74.
13. Al-Zamakhshari, Mahmud ibn 'Umar. Al-Kashshaf 'an Haqa'iq Ghawamid al-Tanzil. Vol. 1. Beirut: Dar al-Kitab al-'Arabi, 1407 AH. P. 74.
14. Muhyi al-Din ibn Ahmad Mustafa Darwish. I'rab al-Qur'an wa Bayanuhu. Vol. 2. Dar al-Irshad li al-Shu'un al-Jami'iyya, 1431 AH. P. 45.
15. *Tafsir Ibn 'Ashur*. URL: <https://quran-tafsir.net/ashour/sura83-aya30.html>
16. *Tafsir Ibn 'Ashur*. URL: <https://quran-tafsir.net/ashour/sura25-aya59.html>
17. *Tafsir Abu Hayyan*. URL: <https://quran-tafsir.net/hayyan/sura12-aya100.html>

ON THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE USE OF THE PARTICLE *AL-BĀ'* IN THE QUR'AN

*S. Karabekyan*¹, *M. Chplakhyan*², *Kh. Mehrabi*³
Russian-Armenian University^{1,2}

*International University of Islamic Denominations*³

ABSTRACT

This article is devoted to a comprehensive analysis of the semantic functions of the Arabic preposition الباء (al-bā') in the Qur'anic text. The particle al-bā' exhibits significant polyfunctionality, demonstrating more than ten distinct meanings depending on the syntactic context. The article explores its primary meanings, with particular attention paid to the interpretations of classical grammarians such as Sībawayh, al-Zamakhsharī, Ibn 'Āshūr, and others. The study highlights the importance of the precise use of the particle al-bā' in conveying the meanings of the Qur'anic text and demonstrates its crucial role in Arabic syntax and lexical semantics.

Keywords: Qur'an, particle *al-bā'*, حرف الجر, Arabic grammar, linguistic analysis.

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-196-208
УДК 297:322(520) "12/20"

Поступила: 22.12.2025г.
Сдана на рецензию: 26.12.2025г.
Подписана к печати: 17.01.2026г.

ИСЛАМ И ЯПОНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯПОНСКОГО СИНКРЕТИЗМА И ИСТОРИЯ ИСЛАМА В ЯПОНИИ ДО 1945 ГОДА¹

О.Х. Бардакчян

*Российско-Армянский университет
hovobard@gmail.com
ORCID: 0009-0001-7869-4458*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена историческому анализу контактов Японии с исламским миром, а также особенностям восприятия ислама японской интеллектуальной элитой на ранних этапах этих взаимодействий. Рассмотрены как спорадические контакты до эпохи Мэйдзи, так и процессы систематического проникновения ислама в Японию в конце XIX – начале XX века. Проанализированы ключевые события и личности, включая крушение фрегата «Эртогрул», становление первых японских мусульман, деятельность тайных обществ и интеллектуальных кругов, а также возникновение идей синкретического «Японского ислама». Особое внимание уделено взаимосвязи религии и политики, проявлявшейся в использовании исламского фактора в рамках геополитических и экономических интересов Японской империи.

Ключевые слова: Япония, ислам, синкретизм, паназиятизм, геополитика.

Введение

Вопрос взаимодействия религии и общества является важным объектом исследования современной гуманитарной науки, поскольку религия и политика часто взаимосвязаны гораздо больше, чем принято считать, даже в условиях современной тенденции к секуляризации общественного пространства.

С этой точки зрения, взаимодействие между исламским миром и Японией представляет собой интересный кейс, изучение которого было актуализировано в свете увеличения численности исламской общины в течение последних десятилетий и ее влияния на японское общественное пространство.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российско-Армянского университета, в рамках программы стимулирования молодых ученых.

Согласно новейшим оценкам, на 2025 год в Японии проживает суммарно около 420 тысяч мусульман. Речь идет как о временно проживающих в Японии иностранных рабочих, преимущественно из Индонезии, Бангладеша, Малайзии и Пакистана, так и о гражданах Японии мусульманского вероисповедания. На 2025 год 55 тысяч граждан Японии являются мусульманами [1].

Кроме того, необходимо отметить рост публикаций по теме взаимодействия ислама и Японии в международной научной печати, японоязычной, англоязычной и русскоязычной, что так же свидетельствует о высокой степени актуальности исследования на эту тему. Так, значительная часть источников, использованных в данном исследовании увидели свет в период с 2020 по 2025 год.

В связи с данным обстоятельством возникает необходимость проанализировать историю взаимодействия между исламским миром и Японией, а так же истоки формирования исламской общины Страны восходящего солнца. Таким образом, целью данной статьи является исторический анализ контактов Японии и исламского мира на его ранних этапах, и особенности восприятия ислама со стороны японской интеллектуальной элиты своего времени.

Для достижения поставленной перед нами цели в статье необходимо выполнить следующие задачи:

1. Рассказать о наиболее достоверных контактах между исламским миром и Японией в период до эпохи Мейдзи.

2. Проанализировать особенности традиционного восприятия иностранных религиозных, философских и религиозно-философских концепций в Японии вообще и ислама в частности. Для этого провести анализ восприятия ислама с точки зрения наиболее влиятельных и известных первых японцев-мусульман.

3. Выявить место и роль японских тайных обществ конца XIX-го начала XX-го веков в деле изучения и распространении ислама, а так же место ислама в геополитических планах Японской империи.

В статье использованы англоязычные труды японских и неапонских авторов, а так же русскоязычные исследования, посвященные проблеме ислама в Японии. Авторами работ, чьи исследования были использованы в данном исследовании, являются Х. Танада, А. Ямагата, Н. Мисава, Г.Д. Моррис, Г.М. Крамер, Б.К. Акын, К.Ю. Абдуразаков, Л. Усманова и др.

Нами использовались методы исторического исследования, прежде всего, историко-генетический и историко-описательный, позволяющие проследить формирование и развитие контактов между Японией и исламским миром в их хронологической последовательности. С целью сопоставления механизмов восприятия ислама с процессами адаптации других религиозно-философских учений применен историко-сравнительный метод. Анализ взглядов японских интеллектуалов и религиозных деятелей осуществлен в рамках подхода интеллектуальной истории. При рассмотрении роли ислама в

геополитических проектах Японской империи использовались элементы историко-политического анализа.

Контакты до и после Революции Мейдзи

Исламская община Японии сравнительно молода, особенно на фоне более традиционных этно-религиозных диаспор – таких, как корейцы или китайцы, однако история взаимодействия Японии и исламского мира имеет более глубокие корни. Так, в ходе археологических раскопок на бывшей территории храма Сайдай-дзи были найдены остатки керамики исламского происхождения, датируемой концом VIII – началом IX веков: сине-зеленый глазурованный керамический кувшин. Как он оказался в Японии, до сих пор не ясно, однако факт остается фактом: это – одно из первых материальных свидетельств ранних контактов исламского мира и Японии [2].

Первым мусульманином, о посещении которого Японии достоверно известно, был Садулудин. Он посетил Японию в 1275 году в составе делегации, направленной Великим ханом Хубилаем, с целью убеждения японцев покориться после неудачного Первого похода Монголов на Японию 1274 года. Однако делегация 1275 года не только не добилась успеха, но и была обезглавлена в полном составе по приказу тогдашнего правителя Японии, сиккэна (執権 – правитель, держатель власти) Ходзе Такимуне. Судьбу своих «товарищей» разделил и Садулудин [3].

В дальнейшем контакты исламского мира и Японии носили спорадический и фрагментарный характер. Мусульмане посещали Японию в качестве членов команд, слуг или рабов европейских торговцев. Есть также непроверенные сообщения о мусульманской миссии в Японию в 1550-х гг., осуществленной при содействии португальских торговцев за авторством известного миссионера, члена ордена Иезуитов Луиса Фройса [4].

Правда, нельзя сказать, что в Японии не знали, что такое ислам. Так, Арай Хакусэки (1657–1725) в своих работах «Сайран игэн» (написан в 1713 году, опубликован в 1802 году) и «Сэйе кибун» (написан между 1713 и 1725 годами) – показывает, что японцы получали знания об исламе и его последователях, а также о христианстве из иезуитских, голландских и китайских источников [5]. А Морисима Тюре в своем труде «Беседа о рыжих волосах» (яп. Ко:мо: дзацува), кроме прочих народов, писал о малайцах, сравнивая ислам и японские верования [6].

Впрочем, режим «Сакоку», установленный при правлении сегунов из рода Токугава, изолировавший Японию на более чем двести лет, а так же удаленность от главных исламских центров, долгое время держали Японию в стороне от исламского мира. Лишь после революции Мейдзи в стране на регулируемой основе стали появляться иностранцы, в том числе и мусульмане.

Настоящей вехой в деле проникновения ислама в Японию стало крушение фрегата османского флота «Эртогрул» в 1890 году у берегов префектуры Вакаяма, в результате которой погибла большая часть экипажа. Выжившим был оказан радушный прием и, позже, они были отправлены домой на кораблях Японского императорского флота Конго и Хиэй. Среди японцев, отправившихся в это путешествие, был журналист Сотару Нода, который в 1891 году принял ислам, взяв имя «Абдулхалим» и ставший первым мусульманином-японцем [7].

Ислам и японский синкретизм

С этого момента начинается повышение интереса к исламу как не только иностранной религии, но и философскому учению. В 1899 году за авторством Сакамото Коичи выходит в свет биография пророка Муххамеда, а с 1920 по 1930 году тот же автор переводит Коран на японский язык, правда, используя не арабский оригинал, а переводы на европейские языки [8].

К данному периоду времени относится и появление целой плеяды японцев, которые, приняв ислам, начинают активно проповедовать его у себя на родине. Впрочем, нельзя сказать, что японцы-мусульмане первой половины XX века были ортодоксальными приверженцами ислама. Дело в том, что в Японии, как и всех остальных странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по сей день существует древняя и устойчивая традиция религиозного синкретизма.

Так, два главных религиозно-философских учения Японии – буддизм и синтоизм – сосуществуют вместе и значительная часть верующих японцев не видит ничего зазорного в том, чтобы одновременно веровать и в буддистских, и в синтоистских божеств, не говоря уже о том, что существует явления «народного теизма», то есть локальных синкретических культов, в которых уживаются как элементы буддизма и синтоизма, так и локальные религиозные практики [9].

Более того, тот же буддизм и, в меньшей степени, конфуцианство с даосизмом, подверглись процессу японизации, в связи с чем различия между одними и теми же учениями в Японии и на материке были, порой, весьма существенными.

Восприятия ислама сквозь традиционный синкретизм придерживались наиболее известные японские мусульмане первой половины двадцатого века Нур Мухаммед Иппей Танака, Ахмад Бунпачиро Арига и Ямаока Котаро.

Танака Иппей известен тем, что принял ислам в 1924 году и даже дважды совершал хадж в Мекку. Параллельно, он разрабатывал синкретическое вероучение, которое должно было объединить в себе Синтоизм и пять других религиозных и философских учений, конфуцианство, буддизм, даосизм, христианство и ислам, для чего им было основано общество Go-ichi Kai (Общество «Пять в Одним») [10].

Бунпачиро Арига так же не был ортодоксальным мусульманином в строгом смысле этого слова. С одной стороны, он известен как исламский проповедник и человек, который долгое время добивался разрешения на строительство мечетей в Японии. С другой, как и Танака, Арига не видел препятствий в том, чтобы совмещать ислам с чисто японскими идейно-философскими концепциями. Так, в 30-е годы XXв. он предложил идею об особом «Японском исламе», которая, по сути, была синкретической философской концепцией, в русле господствовавшего на тот момент в Японии паназиатизма – учения, согласно которому вся Азия должна была объединиться во главе с Японией. В рамках данного учения Арига не только не отрицал существование синтосистских божеств, но и предположил, что Ками Амэноканануси равен Аллаху. Кроме того, в его трудах постоянно присутствовало упоминание Императора и императорской семьи, которых он считал равными пророку Мухаммеду. Сам же ислам он считал полезным инструментом в деле противодействия «белой расе», а в создании полноценной и многочисленной японской исламской общины – возможность установления устойчивой связи с многомиллионным исламским миром в рамках объединения Азии вокруг Японии [11].

Ямаока Катаро, в свою очередь, был одним из первых японцев, совершивших хадж в Мекку. Во время своего путешествия, он пришел к выводу, что Аллах и Аматерасу-оми-Ками, богиня солнца в японском синтоистском пантеоне, по сути, одно и то же, а значит, японский император – потомок Аллаха. Кроме того, во время своего путешествия, посещая европейские колонии, Ямаока стал свидетелем неприглядных сторон колониального правления европейских властей [12].

«Отношение британцев к индийцам совсем не похоже на то доброжелательное отношение, которое мы проявляем к корейцам» – сетовал он в своей книге «Дневник путешествия по Аравии» [13].

В то же время, в исламских странах – таких, как Османская империя, его, как представителя страны, победившего Великую европейскую державу, встречали с большим почетом, что выразилось в ускоренном предоставлении допуском в страну, бесплатным билетом до порта Джедда и встрече с шерифом Мекки Хусейном [14].

Все это вместе наложило на изначально отрицательное отношение к европейцам, а также на идеи антиколониализма (западного) и паназиатизма, господствовавших тогда в Японии на фоне успехов в деле модернизации и военных побед над Империей Цин и Россией. Было сформировано японоцентричное восприятие ислама, в котором японский национализм, религиозные практики синтоизма и ислам уживались в одной конструкции [15].

Япония и татар-башкирская эмиграция

Важным стимулом к распространению ислама в начале XX века в Японии стала Гражданская война в России. Многие белогвардейцы-мусульмане, а так же сторонники панисламизма осели в Японии и на контролируемых ею территориях. Костяком исламской общины на тот период времени стала татаро-башкирская эмиграция, во главе с такими деятелями, как Абдурашид Ибрагимов и Мухаммед-Габдулхай Габидуллоевич Курбангалиев.

Правда, если в 20-е годы община была достаточно консолидированной, то в 30-е, на почве споров о дальнейшем пути, по которому должна идти эмиграция, произошел раскол, к которому большую роль сыграл визит в Японию Гаяза Исхаки, видного татарского националиста и сторонника сближения с кемалистской Турцией. Исхаки считал, что тюркоязычные народы должны объединиться вокруг Турции, в связи с чем основал движение по получению турецких паспортов эмигрантами, что не устроило значительную часть японской мусульманской общины. Апогеем конфликта стала драка в клубе «Идзумибаси» 11 февраля 1934 года, когда группа Курбангалиева напала на группу Исхаки. В дальнейшем, раскол сохранялся, несмотря на все попытки японского правительства прекратить конфликт и привлечь исламскую общину Японии к своим военно-политическим планам [16].

К 30-ым годам XX века в Японии уже проживало около тысячи мусульман [17]. Это были как эмигранты вместе с членами своих семей, так и японцы-мусульмане. Для обеспечения религиозных нужд общины, японское правительство дало разрешение на строительство мечетей в Кобе (1935г.) и в Токио (1938г.) [18]. Усилиями местной мусульманской общины была построена мечеть в Нагое [19].

«Исламская политика» (kaikyō seisaku) Японской империи

Одновременно с ростом активности японской экспансии на материке ислам стал рассматривается не столько как религия, а как политический инструмент, который можно было бы использовать в деле построения объединенной вокруг Японии Азии.

Еще в 1909 году было основано общество «Азия Гиккай» (Общество пробуждения Азии), в котором состояли влиятельные японские политики (например, будущий премьер-министр Инукай Цуеси и депутат Нижней палаты японского парламента Хиронака Коно) и японцы-мусульмане. В обществе так же состоял Абдурашид Ибрагимов, который посещал Японию впервые [20].

В использовании ислама как инструмента продвижения собственных интересов было заинтересовано и тайное «Общество Черного Дракона» (Kokuryukai), членом которого, по некоторым данным, был вышеупомянутый

Иппей Танака [21]. Более того, во время своего первого визита в Японию в 1909 году Ибрагимов имел встречу с главой «Общества» Рехеем Утидой [22].

В 30-е годы при участии Ибрагимова началось издание журнала на татарском языке. В 1937г., при поддержке японского МИД-а создана «Исламская ассоциация Великой Японии (大日本イスラム協会)», а в 1938 году на деньги Токугавы Иемасы, 17-го главы бывшего сегунского рода Токугава, был основан Исламский научный центр [23].

В практическом плане использование ислама в политических целях с точки зрения японского правительства означало использование религиозных чувств мусульманских народов Азии и превращение их в союзников в борьбе со своими противниками. Речь шла, в первую очередь, о китайцах хуэй (回族 – хуейцзу) на материке, и мусульманах Индонезии [24].

Важность ислама в достижении политических целей иллюстрирует описание открытия Токийской мечети. В ней участвовали больше сорока дипломатов, большое количество японских военных, политиков и влиятельных общественных деятелей. Среди приглашенных были кузен Императора Манчжоу-го Пу И, главнокомандующий японскими войсками в Китае с 1937 по 1938 год Иване Мацуи (позже будет осужден за военные преступления Токийским трибуналом), а также основатель тайного «Общества Черного Дракона» Гояма Мицуру. Именно Мицуру была предоставлена честь первым открыть дверь новой мечети [25].

Кроме того, важную политико-дипломатическую, а так же экономическую роль имело то, что в 20–30гг. многие японские мусульмане стали массово отправляться в хадж. Кроме духовной практики, полонничество влиятельных японских мусульман – таких, как вышеупомянутые Танака Иппей и Ямаока Котаро, приводило к распространению паназиятских идей в странах Южной Азии и Ближнего Востока, в которых Япония выступала в качестве вероятного «освободителя» от колониального гнета европейских держав.

С точки зрения экономики, отправляющиеся в хадж японские паломники частенько выступали как торговые контрагенты, представляя интересы крупных японских концернов (дзайбацу). В том числе и благодаря их усилиями, в 30-е годы японские товары стали массово продаваться в мусульманских странах [26].

В этом деле так же большую роль сыграло «Общество Черного Дракона». Дело в том, что путешествие некоторых из полонников было организовано Вакабаяши Ханом, членом «Общества», а так же опытным «тайрику ронином»².

² Тайрику ронин (大陸浪人) – буквально, континентальный ронин, члены тайных обществ, путешествующие по Корее, Китаю и другим сопредельным странам, с целью сбора информации. По сути выполняли роль агнетурной разведки Японской империи.

Для этого были привлечены средства трех крупнейших дзайбацу, Мицуи, Митсубиши и Сумитомо, а так же Квантунской армии, Текстильной ассоциации и Южно-манчжурской железной дороги [27].

Все эти действия, имеющие своей целью использовать исламский фактор в пользу Японской империи, получили общее наименование «исламской политики» (*kaikyō seisaku*) [28].

Впрочем, нельзя сказать, что «исламская политика» была полностью успешной. Пропаганда паназиатизма среди китайских, малайских и яванских мусульман не привела к массовому переходу их на сторону японцев. А проигрыш на Тихоокеанском театре боевых действий Второй Мировой войны привел к сворачиванию всех тех проектов, которые были направлены на использование ислама в политических целях со стороны Верховного командования союзными войсками [29].

Поражение в войне Японии так же дорого стоило и татарско-башкирской общине, которой пришлось вторично эмигрировать теперь уже с территории Японии. Большая часть общины, в конце концов, осела в Турции и США [30].

Заключение

Таким образом, история взаимоотношений исламского мира и Японии носит сложный, комплексный характер. Отдаленность Японии от исламских центров делало очень сложным ранние контакты между ними и вплоть до второй половины XIX века они носили спорадический характер.

В то же время, после «открытия» Японии восприятие ислама в японском обществе во многом стало основываться на привычных для самих японцев идейно-идеологических и религиозных основаниях, продиктованных многовековой традицией религиозного синкретизма и культурной ассимиляции. К этому добавлялось то, что ислам воспринимался не столько как путь к спасению и очищению, а как одно из множества философских учений, пришедших в страну из-за океана. Следовательно, с точки зрения японских интеллектуалов того времени, синтоизм по отношению к исламу занимал равное или первичное значение, в связи с чем именно мусульманство должно было быть «модифицировано», согласно восприятию японских мусульман. Все это вместе усугублялось самовосприятием японцев как «спасителей» Азии от колониального владычества «Белой расы».

Большую роль в распространении ислама сыграли японские тайные общества, в особенности «Общество Черного Дракона». Как и другие тайные общества Японии конца XIX-го, начала XX-го века, оно было, пусть, формально и независимым, но плотно встроенным в само «тело» японского государства и осуществлявшаяся разведывательно-диверсионная деятельность. С точки зрения членов общества, даже позиционировавших себя как мусульмане, ислам воспри-

нимался как удобный геополитический инструмент в деле противостояния Великим европейским державам, а также в построении собственной, японской сферы политико-экономического влияния, что, без учета интересов мусульманского населения покоренных территорий и их последующего встраивания в идейно-идеологическую орбиту Японии, было бы невозможно.

В данной работе была сделана попытка исторического анализа взаимодействия ислама и Японии на ранних этапах развития. Подводя итоги, можно утверждать, что такое взаимодействие, какое было проанализировано, не могло произойти без совпадения ряда факторов, важнейшими из которых являются японский религиозный синкретизм и интерес части японских элит к исламу – как к религиозно-философскому учению и возможному инструменту экспансии.

Современная исламская община Японии, несмотря на отказ от милитаризма на законодательном уровне японского общества, так же во многом опирается на описанный нами исторический путь. Это делает тематику ислама в Японии актуальной областью исследования современного как японоведения, так и исламоведения, нуждающегося в дальнейшем глубоком изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tanada H.* Estimate of Muslim Population in Japan, 2025 // *Research Papers: Muslims in Japan*. No. 30. Hibarigaoka, Nishi-Tokyo: Institute for Multi-ethnic and Multi-generational Societies, 2025. URL: <https://www.imemgs.com/wp-content/uploads/2025/09> (дата обращения: 21.12.2025).
2. *Фаряхутдинов А.* К вопросу о периодизации истории ислама в Японии // “Patria”. Т. 2. № 4. 2025. СС. 85–107. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (дата обращения: 21.12.2025)
3. *Morris, J.* Some Reflections on the First Muslim Visitor to Japan // “American Journal of Islam and Society”, No 35(3). 2018. PP. 116–130 URL: <https://doi.org/10.35632/ajis.v-35i3.150> (дата обращения: 21.12.2025)
4. *Morris J.* Christian-Muslim relations in 19th-century Japan // *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 16: North America, South-East Asia, China, Japan, and Australasia (1800–1914) / ed. by D. Thomas, J. Chesworth. Leiden; Boston: Brill, 2020. PP. 485–486. DOI: 10.1163/9789004429901_007 (дата обращения: 21.12.2025).
5. Там же. Р. 48.
6. *Фаряхутдинов А.* К вопросу о периодизации истории ислама в Японии // “Patria”. Т. 2. № 4., 2025. С. 88. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (Дата обращения: 21.12.2025)
7. *Акун В., Abdurazakova K.* The history of the emergence and development of Islam in Japan // «Новости науки Казахстана», № 4 (167), 2025. С. 169. URL: <https://vestnik.nauka.kz/storage/docs/8Акун.pdf> (дата обращения: 21.12.2025)
8. *Krämer H.M.* Pan-Asianism’s Religious Undercurrents: The Reception of Islam and Translation of the Qur’ān in Twentieth-Century Japan // “The Journal of Asian Studies”, № 73 (3), 2014. PP. 619–640. URL: <http://www.jstor.org/stable/43553338> (дата обращения: 21.12.2025).

9. *Шехтер А.Г.* Синкретизм в новых религиозных движениях Японии на примере Оомотоке // «Ежегодник Япония», Т. 53, 2024. СС. 322–338. URL: <https://www.yearbook-japan.ru/jour/article/view/455/401> (дата обращения: 21.12.2025).
10. *Misawa N.* Shintoism and Islam in Interwar Japan: How did the Japanese Come to Believe in Islam? // “Orient”. Vol. XLVI. 2011. PP. 119–140. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/orient/46/0/46_119/_pdf/-char/en (дата обращения: 21.12.2025)
11. Там же. СС. 130–135.
12. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // “Journal of World History”. Vol. 24. №. 4, 2013. PP. 849–876. URL: <http://www.jstor.org/stable/43818413> (дата обращения: 21.12.2025).
13. Там же. СС. 852–853.
14. Там же.
15. Там же.
16. *Фаряхутдинов А.* К вопросу о периодизации истории ислама в Японии // “Patria”. Т. 2. № 4., 2025. СС. 92–95. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (дата обращения: 21.12.2025).
17. *Tanada H.* Estimate of Muslim Population in Japan, 2025 // Research Papers: Muslims in Japan. № 30. Hibarigaoka, Nishi-Tokyo: Institute for Multi-ethnic and Multi-generational Societies, 2025. URL: <https://www.imemgs.com/wp-content/uploads/2025/09/> (дата обращения: 21.12.2025).
18. *Оги А.* Ислам в Японии в современной парадигме // «Этническая культура». Т. 7, № 1. 2025. СС. 8–14. URL: https://journal.ec.com/ru/article/126843/discussion_platform (дата обращения: 21.12.2025).
19. *Усманова Л.* Первые мечети в Японии // «Гасырлар авазы – Эхо веков», № 3–4. 2005. СС. 117–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-mecheni-v-yaponii> (дата обращения: 21.12.2025).
20. *Teliisin N. N., Ogi A.-M.* Missionary Activity of A.G. Ibragimov (1857–1944) in Japan // “Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies”. Vol. 16, Issue 2, 2024. PP. 360–375. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/20021/12476> (дата обращения: 21.12.2025).
21. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // “Journal of World History”. Vol. 24, №. 4, 2013. PP. 869–869. URL: https://www.jstor.org/stable/43818413?read-now=1&seq=12#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.12.2025).
22. *Brandenburg U.* The Multiple Publics of a Transnational Activist: Abdürreşid İbrahim, Pan-Asianism, and the Creation of Islam in Japan // “Die Welt Des Islams”. Vol. 58, No. 2, 2018. PP. 143–172. URL: <https://www.jstor.org/stable/26568516> (дата обращения: 21.12.2025).
23. *Teliisin N., Ogi A.-M.* Missionary Activity of A.G. Ibragimov (1857–1944) in Japan // “Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies”. Vol. 16, Issue 2, 2024. P. 370. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/20021/12476> (дата обращения: 21.12.2025).
24. *Yamashita Y.* Islam and Muslims in “non-religious” Japan: caught in between prejudice against Islam and performative tolerance // “International Journal of Asian Studies”. Vol. 19,

- No.1, 2021. PP. 81–97. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-journal-of-asian-studies/article/islam-and-muslims-in-nonreligious-japan-caught-in-between-prejudice-against-islam-and-performative-tolerance/6B5919A1812532191499060DE9AEC9EB?utm> (дата обращения: 21.12.2025).
25. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan's Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World... P. 860. URL: https://www.jstor.org/stable/43-818413?read-now=1&seq=12#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.12.2025).
26. Там же. СС. 862–867.
27. Там же.
28. Там же.
29. *Atsushi Y.* Perceptions of Islam and Muslims in Contemporary Japan // “New Voices in Japanese Studies”. Vol. 11, 2019. PP. 1–25. URL: <https://newvoices.org.au/volume-11/perceptions-of-islam-and-muslims-in-contemporary-japan/> (дата обращения: 21.12.2025).
30. *Фаряхутдинов А.* К вопросу о периодизации истории ислама в Японии // “Patria”. Т. 2. № 4., 2025. С. 96. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (дата обращения: 21.12.2025).

REFERENCES

1. *Tanada H.* Estimate of Muslim Population in Japan, 2025 // Research Papers: Muslims in Japan. No. 30. Hibarigaoka, Nishi-Tokyo: Institute for Multi-ethnic and Multi-generational Societies, 2025. URL: <https://www.imemgs.com/wp-content/uploads/2025/09> (accessed: 21.12.2025)
2. *Faryakhutdinov A.* On the Question of Periodization of the History of Islam in Japan // Patria. Vol. 2, No. 4, 2025. PP. 85–107. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23-128> (accessed: 21.12.2025) (In Russian).
3. *Morris J.* Some Reflections on the First Muslim Visitor to Japan // “American Journal of Islam and Society”, No 35 (3). 2018. PP. 116–130. URL: <https://doi.org/10.35632-ajis.v35i3.150> (accessed: 21.12.2025).
4. *Morris J.* Christian-Muslim relations in 19th-century Japan // “Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History”. Vol. 16: North America, South-East Asia, China, Japan, and Australasia (1800–1914) / ed. by D. Thomas, J. Chesworth. Leiden; Boston: Brill, 2020. PP. 485–486. DOI: 10.1163/9789004429901_007. (accessed: 21.12.2025).
5. Ibid. P. 48.
6. *Faryakhutdinov A.* On the Question of Periodization of the History of Islam in Japan // “Patria”. Vol. 2, No. 4, 2025. PP. 48. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (accessed: 21.12.2025) (In Russian).
7. *Akyn B., Abdurazakova K.* The history of the emergence and development of Islam in Japan // “News of Kazakhstan science”, № 4 (167), 2025. P. 169. URL: <https://vestnik.nauka.kz/storage/docs/8Akyn.pdf> (accessed: 21.12.2025).
8. *Krämer H.* Pan-Asianism's Religious Undercurrents: The Reception of Islam and Translation of the Qurʾān in Twentieth-Century Japan // “The Journal of Asian Studies”, № 73 (3), 2014. PP. 619–640. URL: <http://www.jstor.org/stable/43553338> (accessed: 21.12.2025).
9. *Shechter A.G.* Syncretism in New Religious Movements of Japan: The Case of Oomotokyō // “Yearbook Japan”. Vol. 53, 2024. PP. 322–338. URL: <https://www.yearbook-japan.ru/jour/article/view/455/401> (accessed: 21.12.2025).

10. *Misawa N.* Shintoism and Islam in Interwar Japan: How did the Japanese Come to Believe in Islam? // “Orient”. Vol. XLVI. 2011. PP. 119–140. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/orient/46/0/46_119/_pdf/-char/en (accessed: 21.12.2025).
11. *Ibid.* PP. 130–135.
12. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // “Journal of World History”. Vol. 24, №. 4, 2013. PP. 849–876. URL: <http://www.jstor.org/stable/43818413> (accessed: 21.12.2025).
13. *Ibid.* PP. 852–853.
14. *Ibid.*
15. *Ibid.*
16. *Faryakhutdinov A.* On the Question of Periodization of the History of Islam in Japan // “Patria”. Vol. 2, No. 4, 2025. PP. 92–95. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513-723128> (accessed: 21.12.2025) (In Russ.).
17. *Tanada H.* Estimate of Muslim Population in Japan, 2025 // Research Papers: Muslims in Japan. No. 30. Hibarigaoka, Nishi-Tokyo: Institute for Multi-ethnic and Multi-generational Societies, 2025. URL: <https://www.imemgs.com/wp-content/uploads/2025/09/> (accessed: 21.12.2025).
18. *Ogi A.* Islam in Japan in a Contemporary Paradigm // “Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture”, 7 (1), 2025. PP. 8–14. URL: https://journalec.com/ru/article/126843/discussion_platform (Accessed: 21.12.2025) (In Russ.).
19. *Usmanova L.* The first mosques in Japan // “Gasirlar avazy – Echo of centuries”, No 3–4, 2005. PP. 117–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-mecheni-v-yaponii> (accessed: 21.12.2025). (In Russ.).
20. *Telitsin N., Ogi A.-M.* Missionary Activity of A.G. Ibragimov (1857–1944) in Japan // “Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies”. Vol. 16, Issue 2, 2024. PP. 360–375. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/20021/12476> (accessed: 21.12.2025).
21. *Koyagi M.* The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // “Journal of World History”. Vol. 24, №. 4, 2013. P. 869. URL: <http://www.jstor.org/stable/43818413> (accessed: 21.12.2025).
22. *Brandenburg U.* The Multiple Publics of a Transnational Activist: Abdürreşid İbrahim, Pan-Asianism, and the Creation of Islam in Japan // *Die Welt Des Islams*, Vol. 58, No. 2, 2018. PP. 143–172. URL: <https://www.jstor.org/stable/26568516> (accessed: 21.12.2025).
23. *Telitsin N., Ogi A.-M.* Missionary Activity of A.G. Ibragimov (1857–1944) in Japan // “Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies”. Vol. 16, Issue 2, 2024. P. 370. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/20021/12476> (accessed: 21.12.2025).
24. *Yamashita Y.* Islam and Muslims in “non-religious” Japan: caught in between prejudice against Islam and performative tolerance // *International Journal of Asian Studies*. Vol.19, No.1, 2021. PP. 81–97. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-journal-of-asian-studies/article/islam-and-muslims-in-nonreligious-japan-caught-in-between-prejudice-against-islam-and-performative-tolerance/6B5919A1812532191499060DE9AEC9EB?utm> (accessed: 21.12.2025).
25. *Koyagi M.* “The Hajj by Japanese Muslims in the Interwar Period: Japan’s Pan-Asianism and Economic Interests in the Islamic World // *Journal of World History*, Vol. 24, №. 4, 2013. P. 860. URL: https://www.jstor.org/stable/43818413?read-now=1&seq=12#page_scan_tab_contents (accessed: 21.12.2025).

26. Ibid. PP. 862–867.
27. Ibid.
28. Ibid.
29. *Atsushi Y.* Perceptions of Islam and Muslims in Contemporary Japan // *New Voices in Japanese Studies*. Vol. 11, 2019. PP. 1–25. URL: <https://newvoices.org.au/volume-11/perceptions-of-islam-and-muslims-in-contemporary-japan/> (accessed: 21.12.2025).
30. *Faryakhutdinov A.* On the Question of Periodization of the History of Islam in Japan // “Patria”, Vol. 2, No. 4, 2025. PP. 96. URL: <https://patria.hse.ru/article/view/28513/23128> (accessed: 21.12.2025) (In Russ.).

**ISLAM AND JAPAN: FEATURES OF PERCEPTION THROUGH
THE PRISM OF JAPANESE SYNCRETISM AND THE HISTORY
OF ISLAM IN JAPAN BEFORE 1945**

H. Bardakchyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

This article is devoted to a historical analysis of Japan's contacts with the Islamic world, as well as the peculiarities of the perception of Islam by the Japanese intellectual elite in the early stages of these interactions. It examines both sporadic contacts before the Meiji era and the processes of the systematic penetration of Islam into Japan in the late 19-th and early 20th centuries. Key events and personalities are analyzed, including the shipwreck of the frigate “Ertuğru”l, the emergence of the first Japanese Muslims, the activities of “secret societies” and the emergence of ideas of a syncretic “Japanese Islam”. Special attention is paid to the interrelationship of religion and politics, manifested in the use of the Islamic factor within the framework of the geopolitical and economic interests of the Japanese Empire.

Keywords: Japan, Islam, syncretism, Pan-Asianism, geopolitics.

АРМЕНОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-209-234
УДК 358.2

Поступила: 17.07.2025г.
Сдана на рецензию: 27.07.2025г.
Подписана к печати: 09.10.2025г.

ԻՇԽԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԲԱԺԱՆՄԱՆ ՄԿՁԲՈՒՆՔԸ ՄԽԻԹԱՐ ԳՈՇԻ ԵՎ ՍՄԲԱՏ ՍՊԱՐԱՊԵՏԻ ԴԱՏԱՍՏԱՆԱԳՐՔԵՐՈՒՄ

Լ. Ս. Սարվազյան

*ՀՀ ԳԱԱ Փիլիսոփայության, սոցիոլոգիայի և իրավունքի ինստիտուտ
Ռուս-Հայկական համալսարան
lilit.sarvazyan@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8925-3052*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում մեկնաբանվում է իշխանությունների բաժանման սկզբունքը միջնադարյան հայ իրավունքի երկու հիմնարար աղբյուրներում՝ Մխիթար Գոշի «Գիրք Դատաստանի» աշխատության մեջ և Սմբատ Սպարապետի «Դատաստանագրքում»: Հայ իրավաբանական մտքի ականավոր ներկայացուցիչները մշակել են ազգային ինքնիշխանության և պետության ինքնիշխանության (սուվերենիտետի) ուրույն հայեցակարգ, որը համապատասխանում էր հայ ժողովրդի ազգային գաղափարախոսությանը, ազգային-ազատագրական պայքարի պահանջներին և անկախ պետականության վերաստեղծման ու պահպանման նպատակին: Այս համատեքստում հայ մտածողները մեկնաբանում են իշխանությունների տարանջատման սկզբունքը մի քանի մակարդակի վրա՝ սահմանելով հոգևոր և աշխարհիկ իշխանությունների, ինչպես նաև սոցիալական տարբեր դասերի իրավունքներն ու պարտականությունները պետական կառավարման համակարգում: Նրանց նպատակը հայոց պետության իրավակարգի ձևավորումն էր, պետական (ազգային) անվտանգությունը, ազգային միասնությունը և սոցիալական ներդաշնակությունը: Այս նպատակի իրականացումը հնարավոր էր համարվում ազգային կամ պետական գերատեսչությունների գործունեության մեջ ներկայացուցչության, խորհրդակցական կառավարման, օրինականության, լեզվափոխության, արդարադատության, ժողովուրդ-իշխանություն փոխհամաձայնության սահմանադրաիրավական սկզբունքների կիրառ-

մամբ, որոնց կարևորությունը հայ հասարակության մեջ գնահատվել է դեռևս Վաղ միջնադարում և գործադրվել Ազգային-եկեղեցական ժողովներում: Հավատարիմ մնալով ազգային իրավաբանական մշակույթի արժեհամակարգին՝ Մխիթար Գոշը և Սմբատ Սպարապետը Դատաստանագրքերում ամրագրել են նաև բազմաստիճան դատական համակարգի սահմանադրությունները՝ հանուն ազգային դատական ինքնավարության և արդարադատության հաստատման:

Հիմնաբառեր՝ իշխանությունների տարանջատման սկզբունք, ազգային քաղաքական համակարգ, Մխիթար Գոշ, «Գիրք Դատաստանի», քաղաքական ինքնորոշում, Սմբատ Սպարապետ, սահմանափակ միապետություն, արդարադատություն:

Ներածություն

Պետական իշխանությունների ձևավորման սահմանադրական սկզբունքները, այդ թվում՝ իշխանությունների բաժանման և հավասարակշռման սկզբունքը հռչակված են իրավական պետությունների սահմանադրություններում և Հայաստանի Հանրապետության գործող Սահմանադրությունում. «Պետական իշխանությունն իրականացվում է Սահմանադրությամբ և օրենքներին համապատասխան՝ օրենսդիր, գործադիր և դատական իշխանությունների բաժանման ու հավասարակշռման հիման վրա» [1]: Հարկ է նշել, որ այս սկզբունքը որոշակի բովանդակությամբ արտացոլված է հայ իրավունքի առավել վաղ ստեղծված աղբյուրներում:

Ազգային պատմության հետազոտության արդյունքում բացահայտվել է հայ ազգի ինքնակառավարման բացառիկ ունակությունը, որը գնահատվել է որպես «Էթնիկ նախաստեղծ հատկանիշ» [2], ինչով պայմանավորվել է հայոց ազգության ու պետականության լինելիությունը: Այս հատկանիշով ազգը կայացել է որպես միասնական քաղաքական անհատականություն և քաղաքակրթության սուբյեկտ: Հայոց ինքնակառավարման ունակությունը դրսևորվել է Աշխարհաժողովներում (Աշտիշատի /354/, Շահապիվանի /444/, Աղվենքի /488/, Դվինի /506, 508/, Պարտավի /768/ և այլն), որտեղ ազգի աշխարհիկ ու հոգևոր ներկայացուցիչները խորհրդակցել, քննարկել և ընդհանուր համաձայնությամբ լուծել են համագային խնդիրներ¹: Աշխարհաժողովները նշանավորել են հայոց ազգային քաղաքական և իրավական մշակույթի բարձր մակարդակը:

¹ Աշխարհաժողովներում կիրառված սահմանադրական սկզբունքների վերաբերյալ տե՛ս՝ Փավստոս Բուզանդ, Հայոց պատմություն (Թարգմ. և ծանոթ.՝ Ստ. Մալխասյանցի), Եր., 1987, էջ 119: Մովսես Խորենացի, Հայոց պատմություն (Աշխարհ. թարգմ. և մեկնաբ.՝ Ստ. Մալխասյանի), Եր., 1981, էջ 336: Մովսես Կաղանկատվացի, Պատմություն Աղվանից աշխարհի (Թարգմ., առաջ. և ծանոթագր.՝ Վ. Առաքելյանի),

Ժողովների միջոցով խնդիրներ լուծելու ավանդույթը ձևավորվել է դեռևս Ք.ա. III հազարամյակում Հայկական Արատտա երկրամասում: Ըստ շումերական հնագույն արձանագրությունների՝ Արատտայում դեկավարել են «գերագույն քուրմ» տիտղոսը կրող կառավարիչները, ովքեր պետական կարևորագույն հարցերը լուծել են «...ավագների ժողովի հետ խորհրդակցելով» [3]: Խորհրդակցական սկզբունքը, որի կիրառությունը նպաստել է նաև իշխանությունների բաժանման սկզբունքի իրացմանը, ժառանգորդվել է գործադրվել է Արարատյան թագավորության (Ուրարտուի) պետական համակարգում, ինչպես նաև հայոց թագավորության հետագա պատմաշրջաններում:

Հողվածում կոնկրետ-պատմական և պատմահամեմատական մեթոդաբանական սկզբունքներով մեկնաբանվում են պետական-վարչական իրավանդումներն ու բազմաստիճան դատական համակարգը Մխիթար Գոշի և Սմբատ Սպարապետի Դատաստանագրքերում, որոնցում բացահայտվում է իշխանությունների բաժանման ու համագործակցության սկզբունքի կիրառման նշանակությունը Հայաստանում և Կիլիկյան Հայկական թագավորությունում:

Դատաստանագրքերի ստեղծումը պայմանավորված էր XII–XIII դարերի պատմաիրավական ու քաղաքական իրողություններով: Բուն Հայաստանում և Կիլիկիայում հայ ժողովուրդն ազգային-ազատագրական պայքար էր մղում՝ վերականգնելու քաղաքական անկախությունն ու ազգային պետականությունը: Ուստի՝ Գոշի «Դատաստանագիրքը» կազմվեց որպես հայկական ապագա պետության օրենսգիրք, Իսկ Սմբատի «Դատաստանագիրքը»՝ որպես արդեն կայացած պետության՝ Կիլիկյան Հայաստանի գործող օրենսգիրք:

Մխիթար Գոշը (մոտ. 1120/1130–1213թթ.) միջնադարյան հայ իրավաքաղաքական մտքի խոշորագույն ներկայացուցիչն է, փիլիսոփա, աստվածաբան, օրենսդիր, եկեղեցական և հասարակական-քաղաքական գործիչ, մանկավարժ: Նրա օրենսդրական գործունեության հիմքում Հայաստանի ինքնիշխան, կենտրոնացված պետականության, ազգի քաղաքական ինքնորոշման ու ինքնակառավարման գաղափարներն են, որոնց իրականացումը ենթադրում էր մի շարք հիմնահարցերի լուծում. ներագային ուժերի համախմբում, տեղական իշխանությունների համագոր-

Եր., 1969, 65–69: Կանոնք Շահապիվանի // «Կանոնագիրք Հայոց», Մաս Ա (Աշխատասիրությամբ՝ Վ. Հակոբյանի), Եր., 1964, էջ. 423–465: Աշտիշատի ժողովին վերագրվող կանոնները // Ռ. Ավագյան. Հայ իրավական մտքի գանձարան, Գիրք 1, Եր., 2001, էջ. 106–110: Վաչագան թագավորի Մահմանադրությունը, Եր., 2010:

ծակցում, անջատողական-կենտրոնախույս քաղաքականության չեզոքացում, արդարության սկզբունքով միջոցասային հակասությունների մեղմում, սոցիալական ներդաշնակության հաստատում, հոգևոր-բարոյական գաղափարախոսության ազդեցության ծավալում և այլն: Այս խնդիրներն արտացոլված են Գոշի «**Գիրք Դատաստանի**» գլուխգործոց աշխատության (1184թ.) մեջ, որոնք փիլիսոփայական ու իրավական հարթության վրա լուծեց հանճարեղ մտածողը: «Դատաստանագիրքը» բաղկացած է Նախաբանից և 251 հոդվածից:

Հիմնվելով Աստվածաշնչյան գաղափարների վրա՝ Մխիթար Գոշը իշխանության աղբյուր համարում է **Աստծուն**, Աստվածային կամքը, Նախասահմանությունը, քանզի «...չկայ իշխանութիւն որ չէ Աստուածանից. եւ ներկայ իշխանութիւններն Աստուածանից են կարգուած» (*Հռովմ.*, Գլ. ԺԳ, 1-2): Միաժամանակ՝ օրենսգետը հռչակում է ազգերի քաղաքական ինքնակազմակերպման, ինքնակառավարման, իրավունքները:

Գոշը ազգային քաղաքական համակարգում առանձնացնում է իշխանության երկու կառույց՝ **պետական** (աշխարհիկ) և **եկեղեցական** (հոգևոր): Իշխանությունների բաժանման ու համագործակցության սկզբունքով պետք է ապահովվեր հայոց միասնական պետականության (թագավորության) հաստատությունը՝ ընդգրկելով ազգային կեցության բոլոր ոլորտները: Պետությունն ու Եկեղեցին այն հիմնասյուներն են, որոնց վրա հիմնվում է ազգը՝ որպես քաղաքական սուբյեկտ:

Ըստ «Դատաստանագրքի» իշխանության ձևերից յուրաքանչյուրն ունի հարաբերական անկախություն և որոշակի իրավագործություն: Աշխարհիկ իշխանությունը պետք է լուծի պետական և քաղաքական հիմնահարցեր՝ չմիջամտելով եկեղեցու գործունեությանը: Հոգևորականությունը որպես եկեղեցական իշխանության կրող պետք է զբաղվի հոգևոր ոլորտի, քաղաքացիների բարոյահոգեբանական դաստիարակության խնդիրներով՝ չմիջամտելով պետական-քաղաքական գործերին: Բայցև ազգային-պետական առանցքային հիմնահարցեր քննարկելիս օրենսգետը շեշտում է աշխարհիկ ու հոգևոր իշխանությունների խորհրդակցության և համագործակցության անհրաժեշտությունը՝ «...որպես պետական կառույցի կայունության ու հաստատունության գործոն» [4]:

Իրազեկ լինելով հայոց քաղաքական պատմությանը՝ Գոշը պաշտպանում է **միապետության կենտրոնացված թագավորական իշխանության** գաղափարը: Ըստ նրա՝ թեև պետություն չկա Հայոց աշխարհում, բայց «...դնում ենք թագավորների կանոնակարգը... հանուն պատշաճության» [5]: Ու թեպետ շատերը ծաղրում են՝ հայոց պետության չգոյության

պատճառով, սակայն պետք է հիշել, որ «...ամենայն երկրավոր թագավորությունն անցավոր ու փոփոխական է, առավել ևս մեր թագավորությունը եղավ, քանզի անցյալը [թագավորությունը] այժմ չկա... ապագայում էլ գուցե չենք ունենա, բայց ձևակերպելով եմ իդձս կատարում և [օրենսդրական] առաջարկությունս ջանում եմ ամբողջական պահել» [6]: Այդպիսով՝ Գոշը երկրի անկախությունը պատկերացնում է ինքնիշխան ուժեղ պետականությանը, որը կապվում էր պետության գլխի՝ թագավորի անձի հետ: Ինքնիշխանությունը հիմնավորելու համար նա հաստատում է. «...տիրապետ Աստված է միայն թագավոր, և մարդիկ միայն անվանակիրներ են, և ոչ թե ճշմարիտ [թագավոր]» [7]: Թագավորը կարգվում է Աստծուց, և միայն Նա կարող է փոխել նրան: Այսինքն՝ թագավորն Աստծո փոխանորդն է երկրում՝ կառավարելով Աստծո պատվիրաններով ու ընդօրինակելով Նրան:

Գոշը «Դատաստանագրքում» սահմանում է *«թագավոր»* հասկացությունը՝ երկրային (աշխարհիկ) իմաստով. «...թագավորներ անվանվում են նրանք, ովքեր տիրում են իրենց ողջ ազգին և այլևայլ հարկեր են գանձում այլ ազգերից, իսկ եթե ոչ՝ ապա [իրենք] չեն հարկադրվում» [8]: Այս սահմանման բովանդակությունից բխում է, որ թագավորը՝ ա) օժտված է գերիշխանությամբ, բ) պետության գլուխն է՝ ազգի գերագույն ներկայացուցիչ-տերը, գ) այլ ազգերից հարկ է գանձում, դ) եթե ուրիշներից հարկ չի վերցնում, համենայնդեպս՝ ինքը հարկատու չի դառնում: Ժամանակի ըմբռնումների համաձայն՝ այս հատկորոշիչները բավարար էին՝ թագավորի իշխանությունը համարելու գերակա²:

Ուշագրավ է, որ Գոշը նշում է թագավորի ինքնիշխանության հատկանիշները՝ առանց գործածելու «ինքնիշխան» հասկացությունը: Մինչդեռ Հայոց Հայրապետին առնչվող նույն հոդվածում գրում է. «Իսկ արքունիքում հայրապետը ինքնիշխան լինի նստելու, բայց ոչ արքան հայրապետի տանը» (*«Այլ յարքունիս ինքնիշխան լիցի հայրապետն նստել, այլ ոչ արքայ՝ ի տուն հայրապետի»*) [9]: Ակնհայտ է, որ պետականության բացակայության պայմաններում անվերապահ ճանաչվում է Հայոց Հայրապետության հոգևոր գերագահությունն ու վարչական ինքնիշխանությունը:

Տվյալ պատմաշրջանում Զաքարյան իշխաններին կոչում էին թագավոր, շահնշահ, ինչը վկայում է, որ նրանց իշխանապետությունը, ըստ էության, գրեթե չի տարբերվել թագավորականից: Պաշտոնապես օժված

² Ինքնիշխանության ազգային և եվրոպական ըմբռնումների վերլուծությունը տե՛ս *Միրումյան Կ.*, Քաղաքական ուսմունքների պատմություն, Եր., 2008, էջ. 194–199, 240–241, 291–292: *Սաֆարյան Գ.*, Մխիթար Գոշի պետաիրավական հայեցակարգը // «Փիլիսոփայությունը արդի աշխարհում», Գիրք III, Եր., 2013, էջ. 119–120:

չլինելով թագավոր՝ Չաքարյանները որևէ երկրի հարկատու չէին, այլ հենց իրենք էին հարկ վերցնում ուրիշներից: Այս իրողությունը վկայում է Կիրակոս Գանձակեցին. Չաքարեն և Իվանեն «...պարսիկների ու արաբների կողմից գրավված հայոց շատ երկրամասեր խլեցին... Հարկատու դարձրին նաև Կարին քաղաքի սուլթանին», և «...նրանց քաջության համբավը տարածվեց շատ երկրներ, և շատ ազգեր, որը սիրուց, որն էլ երկյուղից, հարկատու դարձան նրանց» [10]:

Ըստ «Դատաստանագրքի»՝ թագավորի անձը սրբազան ու անձեռնմխելի է: Նրա՝ որպես պետական իշխանության գերագույն կրողի բացառիկ իրավունքներն են. պատերազմ հայտարարելը, արտաքին հարաբերությունները կարգավորելը, քաղաքների, բերդերի, կամուրջների կառուցումը, աշխարհագիր անցկացնելը, դրամ հատելը, մահապատժի դատավճիռը, ներման իրավունքը և այլն:

Գոշի հայեցակարգում ուրվագծվում է *ազգային իրավական պետության մոդել*. երկրի բոլոր խավերը, այդ թվում՝ բարձրաշխարհիկ իշխանները, եկեղեցականները և նույնիսկ թագավորը ենթարկվում են որոշակի իրավանորմերի: Արքայի պարտականություններն են՝ կառավարում արդարության սկզբունքով, երկրի անվտանգության և խաղաղության պահպանում, ներքին պառակտումների կանխում: Նա պետք է լինի մարդասեր, Հայ առաքելական եկեղեցու անդամ, օրինակ վերցնի բարեպաշտներից, «...հեթանոս թագավորների օրենքով հարձեր չպահի, այլ օրինավոր ամուսնության մեջ լինի, քանզի նրան իշխանություն է [տրված] հայրապետի հետ ասյան ելնել» [11]:

Պետության աստիճանակարգում ինքնիշխան թագավորին ստորադասվում են աշխարհիկ իշխանները, որոնց իրավունքներն ու պարտականությունները Գոշը սահմանում է՝ ելնելով *կառավարման կենտրոնացման և տեղական մարմինների հարաբերական սպակենտրոնացման* սկզբունքներից: Հասկանալով, որ Հայաստանի քաղաքական անկման պատճառներից են երկրի զինված ուժերի ցրվածությունն ու իշխանների՝ իրենց գավառներում ներփակվելը, նա քննադատում է այն իշխաններին, ովքեր անջատամտությամբ «...լաւ համարէին ի ստրկության կալ ամենայն ազգաց, քան թէ հնազանդել միմեանց և կեալ յազատության» [12]: Մտածողը փորձում է իրավական հարթության վրա լուծել իշխանների կենտրոնախույս ձգտումները չեզոքացնելու խնդիրը, ինչն այդ ժամանակ հնարավոր էր միայն ստորակարգության սկզբունքով:

Գոշը սահմանում է աշխարհիկ պաշտոնյաների պարտականությունները. արդարացի կառավարում՝ ըստ օրենքների, չափավոր հարկերի

սահմանում: Սոցիալական հարթության վրա՝ կառավարման գործառույթները պայմանավորված էին իշխաններին ենթակա դասերի ստորակարգությամբ, ըստ որի՝ իշխանաց իշխանին ենթակա են իշխանները, վերջիններիս՝ ազնվականները, նրանց էլ՝ շինականները: Յուրաքանչյուր դաս օժտված է որոշակի իրավունքներով և վերադասի ու պետության առջև պարտականություններով: Գոշը փորձում է մեղմել տարբեր դասերի միջև առկա հակասությունները և ներդաշնակեցնել նրանց շահերը: Արդարության և օրինականության համատեղման սկզբունքով իրականացվող իրավական այս քաղաքականության նպատակն էր հաստատել ազգային միասնություն և սոցիալական ներդաշնակություն:

«Դատաստանագրքում» առկա են տարբեր պատիժներ՝ թագավորին և իշխաններին անարգողների նկատմամբ. «Եթե մեկը անիրավաբար թշնամանա թագավորների կամ իշխանների հետ՝ պատժվի, եթե կրոնավոր է՝ կարգալույծ արվի, իսկ եթե աշխարհական է՝ մեկուսացվի»: Այս վճիռը պետք է ընդունեն եպիսկոպոսներն ու վարդապետները, «...քանի որ թագավորներն ու իշխանները Աստծո պատկերն են» [13]: Այնուամենայնիվ՝ թագավորի իշխանությունն անսահմանափակ չէ, և Գոշը բացարձակապետություն չի քարոզում՝ հորդորելով. «Եթե անհրաժեշտ լինի թագավորին պատժել՝ երկրի խաղաղության պահպանման համար, պետք է դա արվի մեկ այլ թագավորի և հայրապետի կամքով ու ամենայն արդարությամբ» [14]:

Հայկական թագավորության երկրորդ հիմնասյունը ինքնիշխան ու անկախ Հայ եկեղեցին է, որը պատմական մեծ դերակատարություն է ունեցել ժողովրդին համախմբելու, ազգային-ազատագրական պայքարը կազմակերպելու, պետականության վերականգնման, ազգային միասնության հաստատման և այլ գործընթացներում: Ակնհայտ է, որ Հայ եկեղեցու գործունեությունը միշտ առնչվել է ազգային-քաղաքական իրողություններին: Այս համատեքստում բացահայտվում է հոգևոր-եկեղեցական և աշխարհիկ-քաղաքական իշխանությունների փոխհարաբերության նշանակությունը, մեկնաբանվում Հայ եկեղեցու վարչական ինքնիշխանության և ազգային էության հիմքերը:

Ազգային գիտակցության մեջ ամրագրված է, որ Հայ եկեղեցու կենսականության աղբյուրը առաքելական ծագումն ու սահմանադրականությունն են: Պատմականորեն Եկեղեցու դերը պայմանավորված է եղել նրա իրականացրած հոգևոր-մշակութային, քաղաքական-խորհրդակցական, դիվանագիտական, օրենսդրական, դատական գործառույթներով, ինչպես նաև միջպետական և միջեկեղեցական հարաբերություններում միջնորդական գործունեությամբ [15]:

Պետականության անկումից հետո հայ ժողովուրդն ազգային իշխանությունը կենտրոնացրել է եկեղեցու մեջ, որը դարձել է ազգային կեցության բարձրագույն իրավասուբյեկտը: Սակայն Հայ եկեղեցին երբեք չի ձգտել աստվածապետության, ինչը, արևմտահայ քաղաքական մտածող Մատթեոս Մամուրյանի վկայությամբ, հաստատում են նաև եվրոպացի աստվածաբանները. «Հայ Եկեղեցին առաքելական ճշմարիտ սահմաններու վրայ հիմնուած է, ազատ միապետական եւ աստուածապետական հակումներէ, ազատ իր ընտրական ու հովուական գործողութեանց մէջ, եւ գերծ... անթոյլատու ոգիէն» [16]: Հայ եկեղեցին նաև չի հավակնել «պետական եկեղեցի» տիտղոսի, ինչը կլինէր եկեղեցու ինքնության և անկախության սկզբունքի բացարձակ ժխտում:

«Դատաստանագրքում» շեշտվում է Հայ եկեղեցու ազգային բնույթը, քանզի այն ազգային գաղափարախոսությունը կրող ու քարոզող կառույց է: Գոշը միանշանակ պաշտպանում է հայադավանությունը, և, ինչպես Խ. Թորոսյանն է հաստատում, «...օրենքն այն ժամանակ նաև կրոն էր, իսկ այս վերջինը ոչ միայն ծես էր ու հավատք, այլև քաղաքական ինքնորոշման ու ազգային ինքնապահպանության հատու գենք» [17]:

Մինչև հայոց պետականության վերահաստատումը Հայ եկեղեցին համազգային միակ կենտրոնացված կազմակերպությունն էր, որն ի գործ էր Հայաստանի տարանջատված մասերն ու առանձին իշխանապետությունները միավորել ազգային-քաղաքական գաղափարների շուրջ: Մահմեդական ցեղերի սպառնալիքի պարագայում Գոշը չի բացառում քրիստոնեական համերաշխությունը եկեղեցիների միջև: Սակայն այդ ընդհանրությունը մեկնաբանում է միայն որպես **ազգային եկեղեցիների իրավահավասարություն**՝ առանց որևէ եկեղեցու վարչական գերիշխանության: Նա մերժում է թե՛ հունամետությունը, թե՛ լատինամետությունը՝ պաշտպանելով ազգերի գաղափարախոսական, կրոնադավանական ազատությունը, նրանց ինքնակառավարման, սեփական պատմական ուղու ընտրության ազատությունը: Ըստ Գոշի՝ դավանաբանական տարբերությունները չպետք է ազդեն ժողովուրդների հարաբերությունների վրա: Քրիստոնյա ժողովուրդները դավանանքով չեն կարող միավորվել, բայց կարող են նաև թշնամիներ չլինել, իսկ քաղաքական հարթության վրա նույնիսկ լինել դաշնակիցներ [18]:

«Դատաստանագիրքը» մտակառուցված է **պետություն-եկեղեցի-ժողովուրդ** հարաբերակցության հենքի վրա: Բազմաթիվ սահմանադրույթներ արտացոլում են աշխարհիկ ու հոգևոր իշխանությունների, ինչպես նաև իշխանության ու ժողովրդի միջև հարաբերությունների իրավական

կարգավորման եղանակները: Գոշը ձգտում էր նորմատիվ բնույթ հաղորդել նշված հարաբերություններին, որոնք կազմում են ստեղծվելիք հայոց պետության պետաիրավական հիմքը:

Ըստ Գոշի՝ եկեղեցին պետք է կառավարի ճշմարիտ վճիռներով՝ երկնային կարգերի համաձայն: Ինչպես աշխարհիկ իշխանության պարագայում, նա կարևորում է նաև **հոգևոր աստիճանակարգությունը**՝ վերից վար: Օրինակ՝ ծագած խնդիրների դեպքում վերջնական խոսքը պատկանում է նրան, ով հոգևոր աստիճանով ավելի բարձր է: Եկեղեցին ևս կառավարում է կենտրոնացման և հարաբերական ապակենտրոնացման սկզբունքներով, ինչը փաստարկվում է իրավական նորմով. «Յուրաքանչյուր ոք լոկ իր տիրություն կարող է որոշումներ կայացնել գյուղերի, քաղաքների և քահանաներ օձելու վերաբերյալ, իսկ այլ տիրություն իշխանությունների նկատմամբ իրավունք չունի... ձեռնարկել որևէ բան, եթե չկա մայրաքաղաքի եպիսկոպոսի որոշումը: Եվ ոչ էլ ինքը՝ կաթողիկոսը, կարող է որևէ բան անել՝ առանց մյուս եպիսկոպոսների հետ խորհրդակցելու» [19]:

Այդպիսով՝ «Դատաստանագրքում» վերահաստատվում է դեռևս Ազգային-եկեղեցական առաջին ժողովներով սահմանված **խորհրդակցական սկզբունքը**, որը կիրառվում էր ազգային կարևորագույն խնդիրներ լուծելիս [20]: Այս համատեքստում հատկանշական է Գոշի հորդորը. «Պետք չէ գավառների եկեղեցիների վաղնջական ավանդույթները ենթարկել նորաձևության: Դա է հրահանգված վիճակներին, պաշտոնյաներին և ժողովրդին: Եվ եթե մի հայրապետ կամենա ավանդույթը փոխել, պարտավոր է դա անել Ժողովով, անվտանգ, ըստ օրենսգրքի» [21]:

Եկեղեցին ունի իրավագործություն՝ մասնակցելու երկրի հասարակական-քաղաքական կարևոր հարցերի քննարկմանը: Ամենայն Հայոց Հայրապետն ազատ մուտք ունի Արքունիք՝ մասնակցելու գահաժառանգի ընտրությանը, նրա համաձայնությունն անհրաժեշտ է թագավորին պատժելիս կամ գահընկեց անելիս: Գոշը մեկնաբանում է եկեղեցականների ընտրակարգը: Թեմերի «...աթոռակալ [եպիսկոպոս] ընտրելու պատիվն ու շնորհը գլխավորինն է, այսինքն՝ կաթողիկոսինը, որոշիչ կամքը՝ մեծ ժողովինն է» [22]:

Գոշը մեկնաբանում է **դատական համակարգի** բնույթն ու գործառույթները՝ որպես իշխանության առանձին ճյուղ: Ըստ նրա՝ «**դատաստան**» անվանումը բաղկացած է երկու մասից՝ «դատ և ստան, արան, այսինքն՝ տեղ»: Այն նշանակում է՝ **դատարան և քննարան**, ուր քննում են գործը՝ քննող դատավորի, ամբաստանողի և ամբաստանյալի համատեղ

ներկայությամբ: «Դատաստանագրքի» Նախաբանի Դ գլխում մեկնաբանվում է դատելու իրավունքի ակունքները. «Բոլորի առաջին դատավորը Աստված է... դատավոր արդար», նա է կանխապես տալիս դատաստանի տնօրինությունը, որով մարդկանց հայտնվում է դատարանի մասին, և մեզ սովորեցնում է դատել: Աստված դատավորի կոչում տվեց մարդկանց՝ ասելով. «Արդարություն արեք որբին», և դա հատուկ շնորհ է թագավորներին, իշխաններին, ժողովրդի մեծերին, մարգարեներին և քահանաներին հավասարապես:

Գոշի հայեցակարգում էական է *դատելու ազգային իրավունքի* շեշտադրումը. ինչպես Աստված իրավունք շնորհեց 12 առաքյալներին՝ դատելու Իսրայելի տասներկու ցեղերին, «...նույնը տվեց և յուրաքանչյուր ազգի եկեղեցիների առաջնորդներին՝ նստելու ու դատելու յուրայիններին»: Բացի այդ, յուրաքանչյուրին «...սեփական անձի դատավոր կարգեց... որպեսզի մեր անձի վրա արդարությամբ դատավոր կանգնելով՝ մեր հոգին ուղղենք դեպի անպարսավ վարքը» [23]: Այսինքն՝ նա հաստատում է նաև անձնաքննության, ինքնադատելու պարտավորությունը՝ հանուն բարոյական և օրինավոր կենսակերպի:

Ըստ «Դատաստանագրքի», իշխանության ձևերին համապատասխան՝ Հայաստանում պետք է գործեն դատական երկու համակարգ՝ աշխարհիկ և հոգևոր: *Աշխարհիկ* դատարաններն են՝ թագավորական դատարան, իշխանական դատարան, ազատների դատարան, ստորին դատարաններ (զավառական դատավորներ, գյուղական ավագանի և այլն): Աշխարհիկ դատական համակարգը գլխավորում է *թագավորական կամ Արքունի դատարանը*՝ որպես առաջին ատյան: Երկրորդ ատյանը կազմում են *իշխանական* (իշխանաց իշխանի, ավագ և կրտսեր իշխանների) դատարանները, որոնց իրավասությունները սահմանված են հետևյալ կերպ. «Իշխանները իրավունք չունեն առանց թագավորի հրամանի սպանել սպանողներին, բայց գողին պատժելու [խրատելու] իրավունք իշխանն ունի»: Աշխարհիկ դատական համակարգի երրորդ աստիճանը կազմում է *ազատների դատարանը*՝ ենթակա իշխանին. «Ազնվականը առանց իշխանի հրամանի իրավունք չունի գողերին պատժելու» [24]: *Ավագների խորհուրդը* («Ծերոց ատյան») աշխարհիկ դատական համակարգի ամենաստորին օղակն է, որը քննում է համքարությունների կամ դրանց անդամների միջև ծագած վեճերը:

Աշխարհիկ դատարաններում վճռվում էին թագավորի, իշխանների, ազատների, հողատերերի ու գյուղացիների փոխհարաբերությունները, պարտավորությունները, հարկային, պետության ու հպատակների, տերունական-ենթակայական հարաբերությունները, զինապարտության,

պատերազմական ավարի բաժանման, գույքային և ոչ գույքային հարաբերությունները, առուվաճառքի կարգավորման, աշխատանքի անվտանգության ապահովման, դավաճանության, լրտեսության, սպանության, գողության, մարմնական վնասվածքների պատճառման և այլ գործեր:

Հոգևոր-եկեղեցական դատական համակարգը ներառում է՝ եկեղեցական ժողով, կաթողիկոսի դատարան, եպիսկոպոսի դատարան, վարդապետական դատարան և ծխական քահանայի դատարան: Պետականության բացակայության պարագայում հոգևորականությունը դատական իշխանության միակ սուբյեկտն էր:

Եկեղեցական ժողովը դատական առաջին աստիճանն է՝ օրենսդրական ու դատական գործունեությամբ: Այն ոչ միայն ընդունում է կանոններ, այլև իրականացնում արդարադատություն: Հիմնվելով Առաքելական ու Նիկիական կանոնների³ վրա՝ Գոշը բացատրում է. «...կարգ կա տարեկան երկու անգամ ժողով գումարել և պատահականություններն ու սխալները քննել և կանոններ ու ապաշխարություն սահմանել: Այսպես պատշաճ է նաև դատական գործերի նկատմամբ. որքան նորանոր խնդիրներ պատահեն՝ դրանք ևս քննվեն և կարգվեն դատաստանագրերում՝ հետագայում... կիրառելու համար» [25]:

Երկրորդ աստիճանը **կաթողիկոսական դատարանն** է՝ Կաթողիկոսի գլխավորությամբ: Այն մշտական գործող մարմին է՝ եպիսկոպոսների մասնակցությամբ: Գոշն առանձնակի շեշտում է այս դատարանի դերն ու նշանակությունը. «Քանի որ այժմ չունենք ոչ թագավոր, ոչ իշխան,

³ Հարկ է նշել, որ Առաքելական կանոններում մերժվում է թեմերի առաջնորդների կամայականությունը և հաստատվում որոշում ընդունելու խորհրդակցական սկզբունքը. «ԼԲ. Եպիսկոպոսաց իւրաքանչիւր ազգի պարտի գիտել զառաջինն եւ զնա համարել զլիաւոր, եւ մի՛ ինչ առնել թարց կամաց նորա. բայց միայն զայն առնել իւրաքանչիւրում, զոր ինչ իւրում վիճակի, եւ որ ընդ նորին իշխանութեան եղեալ տեղեացն անկ է: Եւ առաջինն... եւս չիշխէ առնել թարց խորհրդոյ ամենից եւ ոչինչ», Սահմանք եւ Կանոնք Առաքելոց ի ձեռն *Կղիմայ*, առաքեալ հեթանոսաց, Կանոն ԼԲ // Կանոնգիրք Հայոց (Ձեռագրերի համեմատությամբ խմբեց Ա. Ղլտճեան), Թիֆլիս, 1913, էջ 241: Այս սկզբունքը Տիեզերածոհովների և տեղական ժողովների միջոցով ընդհանրացավ ու տարածվեց քրիստոնյա ազգերի, այդ թվում՝ հայոց շրջանում: Հոգևոր իշխանությունն իբրև սկզբունք ընդունեց ժողովների պարբերաբար գումարման Առաքելական սահմանումը, որը պատվիրում է. «ԼԵ. Երկիցս ի տարուջ ժողով լիցի եպիսկոպոսաց, և քննեսցեն ընդ միմեանս զվարդապետութիւնս բարեպաշտութեան, զպատահեալսն յեղեղեցուջ ընդդիմաբանութիւն՝ լուծցեն...», Բ. Կանոնք Առաքելականք, Կանոն ԼԵ // Կանոնգիրք Հայոց, էջ 242: Տես նաև՝ Կանոնք Նիկիական, Կանոն Ե. // Կանոնագիրք Հայոց, Հ. Ա., Աշխատասիրությամբ Վ. Հակոբյանի, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., Եր., 1964, էջ. 119–120:

որպեսզի այս բարեկարգության գործը նրանց ձեռքում լինի, ուստի [այն] մեր հայրապետի կողմից կկատարվի, քանզի նա է եկեղեցու դատավորների գլուխը» [26]:

Երրորդ ատյանը **եպիկոպոսական դատարանն է՝** թեմական արքեպիսկոպոսի գլխավորությամբ: Այն նույնպես կոլեգիալ մարմին էր, որտեղ գործերը քննում էին վարդապետների կամ գիտնական քահանաների մասնակցությամբ: Գոշի հայեցակետով՝ եպիսկոպոսը դատական գործառնությունը պետք է ստանձնի որպես ավանդ և իրականացնի այնքան ժամանակ, քանի դեռ չի վերականգնվել թագավորի կամ իշխանի իշխանությունը: Հարկ է նշել, որ Հայաստանում իրավակարգավորման այս սկզբունքն անհրաժեշտ էր՝ **պահպանելու ազգային դատավարական ինքնությունը և բացառելու քրիստոնյաների դատական գործառույթների փոխանցումն այլադավաններին:**

Ուշագրավ է նաև, որ Գոշը սահմանում է եպիսկոպոսական դատավարությանը աշխարհիկ Ավագանիի մասնակցության իրավունքը՝ բացատրելով. եթե եպիսկոպոսները չեն բավարարում դատավարության պահանջներին, «...թող փորձառու աշխարհականների, քահանաների և վարդապետների գործակցությամբ վարեն դատը, և այդպես անբասիր կլինի վճիռը» (27): Այդպիսով՝ օրենսդրորեն ամրագրվում է աշխարհիկ և հոգևոր իշխանությունների համագործակցությունը ոչ միայն սոցիալ-քաղաքական, այլև դատական ու դատավարական գործընթացներում:

Չորրորդ ատյանը **վարդապետական դատարանն է:** Վարդապետները պետք է կրթված լինեն և՛ Կանոնական, և՛ Հին ու Նոր Կտակարանների օրենքներով: Ըստ «Դատաստանագրքի»՝ վարդապետն իրավունք ունի կիրառել եկեղեցական պատիժներ՝ բանադրանք, ապաշխարանք և այլն: Ստորին դատական ատյանը **ծխական քահանայի դատարանն է:** Ըստ Գոշի՝ դատարանի նպատակը պետք է լինեն արդարադատության հաստատումը, անկարգությունների վերացումը, հասարակության մեջ խաղաղության հաստատումը, ինչպես նաև հանցագործությունների կանխարգելումը:

Եկեղեցական դատարաններում քննվում և վճռվում էին այնպիսի գործեր, որոնք վերաբերում էին եկեղեցու վարչական կազմակերպությանը, պաշտամունքին, ծիսակատարությանը, հոգևորականների իրավունքներին ու պարտականություններին, գույքային փոխհարաբերություններին՝ կապված եկեղեցու ունեցվածքի հետ, հոգևոր դատավորների վարձատրությանը, ամուսնաընտանեկան իրավունքին (ամուսնություն, ամուսնալուծություն, բարոյական խնդիրներ, ժառանգական իրավունք),

ինչպես նաև այն արարքներին, որոնցում բացակայում է մեղքը՝ քրեաիրավական իմաստով և այլն: Բնականաբար՝ պետականության բացակայության պայմաններում ավելի էր ընդարձակվում եկեղեցական դատարանների ընդդատյա գործերի շրջանակը:

Գոշի «Դատաստանագիրքը» մեծ ազդեցություն է ունեցել Սմբատ Սպարապետի իրավաքաղաքական հայեցակարգի ձևավորման և օրենսդրական գործունեության վրա:

Սմբատ Սպարապետը (1208–1276թթ.) հայտնի է որպես Կիլիկյան Հայկական պետության ականավոր քաղաքական գործիչ, զորավար, դիվանագետ, օրենսդիր և պատմագիր: Նրա գլուխգործոցը՝ «Դատաստանագիրքը» («Յաղագս դատաստանաց թագաւորաց» կամ «Օրէնք և կանոնք ընդհանրական եկեղեցականաց և աշխահականաց», 1265թ.) [28], կազմվել է Կիլիկյան Հայկական թագավորությունում հասարակական-քաղաքական, տնտեսական և իրավական հարաբերությունները կարգավորելու նպատակով: Եթե Մխիթար Գոշի «Դատաստանագիրքը» հայկական ապագա՝ ստեղծվելիք պետության օրենսգիրք էր, որն ամրագրում էր թագավորական և եկեղեցական իշխանությունների միջև ներդաշնակության սկզբունքը, ապա Սմբատի «Դատաստանագիրքը» Կիլիկյան թագավորությունում 100 տարի գործող օրենսգիրք էր, որում պետության գերակայության և շահերի պաշտպանության գաղափարներն ունեին առաջնային նշանակություն:

Սպարապետը նույնպես պաշտպանում է իշխանությունների տարանջատման և համագործակցության սկզբունքը՝ ընդունելով իշխանության երկու ձև՝ **թագավորական** և **եկեղեցական**: Այս իրողությունն արտացոլված է հենց «Դատաստանագրքի» առաջաբանում. «Եվ ահավասիկ, գրեցի այս դատաստանագիրքը ի հաստատություն Սուրբ Եկեղեցու և ի նպաստ պետության հարատևության, ապա աշխարհական դատավորների և թագավորների օգտագործման համար» [29]: Եկեղեցական իշխանությունը ստորադասվում է պետականին, կազմում պետական կառույցի ենթակառույցը: Ըստ Ա. Սուքիասյանի՝ «...դա հասկանալի է, քանի որ Կիլիկիայում հայ հոգևորականությունը չուներ բացառիկ իշխանություն, որն ուներ բուն Հայաստանում: Կիլիկիայում աշխարհիկ իշխանությունը՝ ի դեմս թագավորի և նրա վասալների, տիրապետում էր իրավական հարաբերությունների ողջ ոլորտը՝ եկեղեցուն թողնելով միայն կրոնի և բարոյականության հարցերը» [30]:

Սմբատը պաշտպանում է Հայոց պետության ինքնիշխանության, պետական շահերի առաջնայնության գաղափարները: Ըստ նրա՝ պետական

կառույցի լավագույն ձևը *սահմանափակ (սահմանադրական) միապետությունն է՝* կենտրոնացված և տեղական ինքնակառավարման մարմինների կուռ համակարգով: Նա մերժում է բռնապետությունն ու բացարձակապետությունը, որոնք մշտապես դատապարտված են եղել կործանման:

Ըստ Կ. Միրումյանի՝ Սպարապետի իրավաքաղաքական հայեցակարգը միտված էր երկմիասնական խնդրի լուծմանը. «1) կենտրոնական թագավորական իշխանության ամրապնդման համար ստեղծել իրավական և քաղաքական հիմք՝ որպես պետական ինքնիշխանության և ժողովրդի անվտանգության երաշխիք, 2) ընդլայնել ավատատերերի իրավունքները և ապահովել նրանց իմունիտետը՝ որպես հասարակության սոցիալական կայունության հիմք» [31]:

Ինչպես Գոշի, այնպես էլ Սպարապետի փաստարկմամբ՝ թագավորական իշխանությունը գերագույնն է: Թագավորը պետության գլուխն է, երկրի գլխավոր օրենսդիրն ու կառավարիչը, որովհետև «...թագավորելը շնորհվում է Աստծուց, իսկ թագավորը Աստծո փոխանորդն է երկրի վրա» [32]: Հետևաբար՝ նրա անձն անձեռնմխելի է: Թագավորները կարգվում են Աստծո կողմից, կամ նրանց ընտրում են մարդիկ. «Օրենքը հրամայում է. նրանք, ովքեր Աստծո կողմից ընտրված լինեն, նրանց միայն Աստված կարող է աքսորել՝ լավ լինեն, թե վատ»: Իսկ մարդկանց կողմից նշանակվածներին, եթե նրանք «...այնքան պիղծ լինեն, որ երկիրը չկարողանա հանդուրժել», մարդիկ եկեղեցու և երկրի բնակչության համաձայնությամբ կարող են աքսորել: Իշխանները չեն կարող մահապատժի ենթարկել թագավորին՝ անգամ երկրի փրկության համար, քանզի «...օրենքը պատվիրում է, որ առանց այլ թագավորի և հայրապետի նրանք այդպես վարվելու իրավունք չունեն, այլ միայն ուրիշ թագավորի ու հայրապետի ներկայությամբ և ողջ երկրի հավանությամբ» [33]:

Թագավորի բացառիկ իրավունքներն են. պետության ներկայացում միջազգային հարաբերություններում, օրենքների հրապարակում, պատերազմի հայտարարում, հաշտության կնքում, դեսպանների առաքում, դրամի հատում, հարկերի սահմանում, կալանման, վրեժխնդրության և մահվան դատավճռի իրավունքներ (այսպիսի իրավունք ունեին նաև թագավորի կողմից լիազորված Մեծ իշխանը կամ բարոնը, ինչպեսև արքայատոհմից սերող այլ իշխաններ), ներման իրավունք, Բարոնների խորհրդի և ազնվականության գործերով Գերագույն դատարանի նախագահման իրավունք:

Այսպիսով՝ *Արքունիքը (Դարպասը) թագավորի գլխավորությամբ միաժամանակ և՛ դատարան էր, և՛ գանձարան, և՛ կառավարման կենտրոն՝ օժտված լինելով օրենսդրական, գործադիր և դատական իրավագործությամբ:*

Թագավորի պարտավորություններն են. որպես պետության գլուխ՝ բարեպաշտ թագավորը պետք է գերծ մնա արտաամուսնական կապերից: Քրիստոնեական արդարության սկզբունքով նա պարտավոր է «...դատ անել կշռադատված, անաչառ, անկաշառ և առանց ծուլության», լսել բոլոր կարիքավորների բողոքները՝ «...արդարադատ վճիռ կայացնելով նրանց նկատմամբ» [34]: Թագավորը պետք է սահմանի արդարացի հարկեր, պաշտպանի աղքատներին, գերծ մնա ապօրինի ավարառությունից, պատերազմի ժամանակ գթասրտությամբ վերաբերի գերեվարվածներին և այլն:

Բազմաթիվ նորմեր կարգավորում են *թագավորի և նրա վասալների հարաբերությունները*: Վասալ-իշխանները բաժանվում էին երկու կարգի. 1) ինքնիշխան (ինքնակալ) կամ տոհմիկ իշխաններ, ովքեր Կիլիկիայում իշխանական կարգավիճակ ունեին նախքան Ռուբինյան թագավորների գահակալությունը, 2) թագավորի կողմից իշխանական աստիճանի բարձրացած իշխաններ: Եթե թագավորն իր նշանակած իշխանների հետ կարող էր վարվել ըստ իր կամքի, օրինակ՝ զրկել իշխանական պատվից կամ հեռացնել իշխանությունից, ապա ինքնիշխան վասալների հանդեպ որոշում կարող է կայացնել միայն մյուս իշխանների համաձայնությամբ:

Ինչպես Գոշը, Սմբատը պաշտպանում է *հայրենակալվածքի նկատմամբ իշխանների իրավունքները*, արգելում առանց օրինական հիմքի սեփականության բռնագրավումը՝ անկախ դրա պատկանելությունից: Սեփականության ժառանգման իրավունքը պաշտպանվում էր նույնիսկ վասալի՝ թագավորին դավաճանելու պարագայում: Եթե իշխանը կամ այլ պաշտոնյա հանցավոր արարք թույլ տա թագավորի նկատմամբ, ապա օրենքով մահապատժի կենթարկվի, «...իսկ նրա եղբայրները և որդիները, որոնք ծնված են եղել հոր հանցանք գործելուց առաջ չեն զրկվում ժառանգական կալվածքից» [35]:

Հետևելով Գոշին՝ Սմբատը օրինակարգում է տվյալ ժամանակաշրջանում ձևավորված դասային կարգը, ընդգծում ազնվականության ու հոգևորականության և այլ դասերի դերը հասարակության մեջ: Այս համատեքստում օրենսգետը հոչակում է. «Պատվեցե՛ք զանազան արիեստավորներին, սակայն դարբնին, հյուսնին և քարագործին ավելի, էլ ավելի շատ՝ մատենագիրներին և բժիշկներին, քանի որ նրանք հոգ են տանում մարդ արարածի մասին: Արդարադատության պաշտոնեությունը թող

երկրի կողմից հարգանք վայելի: Բոլոր դասերից առավել հարգանքի արժանին վարդապետներն են, որովհետև նրանք բժշկում են հոգին և հաստատուն հիմքն են եկեղեցու» [36]:

«Դատաստանագրքում» գնահատվում է *Հայ եկեղեցու* և *հոգևոր իշխանություն* դերը: Օրենքի ուժով պահպանվում են եկեղեցու ինքնությունն ու հայադավանության անխախտելիությունը: Սմբատը հոգևոր դասին հորդորում է. «...ուսանել սուրբ Մահակի գրած ընդարձակ սահմանումներից», որոնցից կարևոր է համարում այն, որ Հայրապետները պետք է ամեն տարի մայրաքաղաքում ժողով հրավիրեն, «...որպեսզի ճշտեն հավատքին և եկեղեցու բարեկարգությանը վերաբերող հարցերը և ուղղեն սխալները» [37]:

Հարկ է նշել, որ *պետություն-եկեղեցի* հարաբերակցությունը նույնական չէր Հայաստանի արևելյան ու հյուսիսային գավառներում և Կիլիկիայում: Եթե բուն Հայաստանում հոգևոր իշխանությունն իրականացնում էր ոչ միայն հոգևոր, այլև քաղաքական, դիվանագիտական, օրենսդրական, դատական և այլ գործառույթներ, Կիլիկիայում հայոց պետականության առկայության շնորհիվ հստակ բաժանված էին պետության և եկեղեցու իրավունքներն ու գործառույթները: Ըստ օրենսգետի՝ հոգևորականությունը չպետք է միջամտի պետական գործերին. «Եպիսկոպոսին պատշաճ չէ զբաղվել աշխարհիկ և որևէ այլ գործով, բացի եկեղեցական գործերից, եկեղեցականների դատական գործերը պետք է արդար վարի» [38]: Մյուս կողմից՝ պետական, քաղաքական այրերը չպետք է միջամտեն եկեղեցական գործերին:

Կիլիկյան Հայաստանում էական դեր ունեւր *դատական իշխանությունը*: Սպարապետը պետության ամենակարևոր գործառույթը համարում է արդարադատության ապահովումը, ինչպես նաև սահմանված օրենքների կիրառումը, հանցագործությունների կանխարգելումը և հանցագործների պատժումը: Նա ընդունում է դատական իշխանության երկու ձև՝ *պետական (թագավորական) և եկեղեցական (հոգևոր)*: Արդարադատությունը կենտրոնացած է պետական-թագավորական իշխանության ձեռքում: Հոգևոր իշխանությունը ենթակա է պետական իշխանությանը: Եկեղեցին վարում էր սոսկ կրոնին, բարոյականությանը, ամուսնությանն ու ընտանիքին առնչվող գործերի քննությունը: Ըստ Կ. Միրումյանի՝ «Ի տարբերություն Գոշի, Սմբատը այս հարցերը մեկնաբանում է ոչ թե մարդու, այլ պետական շահերի տեսանկյունից» [39]:

Հարկ է նշել, որ Հայոց թագավորության և իշխանապետությունների առկայության պարագայում աշխարհիկ դատարաններն ունեին առաջատար դեր, որովհետև դատավորներն աշխարհիկ իշխանության կրողն

էին, աշխարհիկ իշխանություններն էին տնօրինում հարկադրամիջոցները և առաջին հերթին՝ ռազմական ուժը: «Օտար տիրապետության պարագայում երկրի այն մասերում, որտեղ գործունակ էին հայկական իշխանությունները, դատական իրավագործությունը նույնպես բաժանված էր աշխարհիկի և հոգևորի, թեև կաթողիկոսի դատարանը որոշակի գերակայություն ուներ: Հոգևորականությունը դառնում էր դատական իշխանության բացարձակ կրող միայն այն դեպքում, երբ բացակայում էր ազգային աշխարհիկ իշխանությունը» [40]:

Կիլիկյան Հայաստանում արդարադատության պետական քաղաքականությունը, դատական գերագույն իշխանությունն իրականացվում էր **դատական բազմաստիճան համակարգի** միջոցով⁴:

Պետական դատարաններն են. ա) թագավորի դատարան, բ) թագավորին առընթեր դատարան, գ) Մեծ իշխանի դատարան, դ) Մխի արքեպիսկոպոսի դատարան, ե) պարոնի դատարան, զ) ստորին դատարաններ (գավառական, քաղաքային, գյուղական): Դատական իրավասությամբ **եռաստիճան** համակարգ են կազմում. 1) թագավորի և Մեծ իշխանի դատարանը, 2) իշխանական դատարանը, 3) ստորին դատարանները:

Մմբատը սահմանել է ընդդատության հետևյալ սկզբունքը. **հավասարներին դատում են հավասարները, և վերադասները դատում են ստորադասներին**. «Իշխաններին դատում է իշխանաց իշխանը՝ իշխանների հետ և նրանց հավանությամբ, նույնը և ազատներին, որ մեր հեծյալներն ու լիճ ճորտերն են՝ իրենց հավասարների հետ. պետք է դատեն իշխանաց իշխանների, իսկ թագավորի ավատառուներին՝ թագավորի հրամանով» [41]: Նույն կերպ մյուս դասերը իրենց համապատասխան դատարանում պետք է դատեն իրենց ենթականերին, բայց առանց թագավորի կամ իշխանաց իշխանի հրամանի՝ մարմնական պատիժների և մահապատժի չպետք է ենթարկեն:

Թագավորական գերագույն դատարանը առաջին աստիճանի դատարանն էր, որտեղ քննվում էին հայրենիքի դավաճանության, գանձագողության, դիտավորյալ սպանության և ծանրագույն այլ հանցագործություններ: Վերջինների թվին են դասվում պետական օրենքների խեղա-

⁴ Հարկ է նշել, որ և՛ Մխիթար Գոշի, և՛ Մպարապետի Դատաստանագրքերում, ինչպես նաև հին ֆրանսերենից Մմբատի թարգմանած «Անտիոքի ասիզներում» «դատարան» հասկացության փոխարեն կիրառվում են «թագավոր», «իշխան», «եպիսկոպոս» և արդարադատությունն իրագործող այլ սուբյեկտների անվանումները // Steu` Assises D'Antioche (Անսիզ Անտիոքայ) / Reproduites en Francais. Venise, 1876: Steu նաև՝ Ալիշան Հ. Ղեկունդ Վ.Մ., Հայապատում, Մասն Ա, Վենետիկ, 1901, էջ 111:

թյուրումն ու սխալ կիրառումը, դատավորին չենթարկվելը, սրբապղծությունն ու աստվածամարտությունը, որոնց համար սահմանվում է մահապատիժ: Թագավորին և իշխանաց իշխանին էր պատկանում մահվան դատավճռի իրավունքը: Իշխաններն իրավունք ունեին մահապատժի վճիռ արձակել միայն այն դեպքերում, երբ ստանում էին թագավորի ուղղակի լիազորությունը կամ գործում՝ որպես նրա փոխանորդ: Բայց նման իրավասությամբ օժտված էին միայն արքայատոհմի իշխանները. «Օրինական չէ, որ ամեն իշխան սպանելու իրավունք ունենա, դա թույլատրելի է միայն թագավորական հարստությանը պատկանող իշխաններին» [42]:

Մեծ իշխանի դատարանը փոխարինում էր թագավորի դատարանին՝ օժանդակելով վերջինի գործունեությանը: Մեծ իշխանի դատարանը ևս **առաջին ատյան** էր՝ ծանր հանցագործություններ քննելիս և **երկրորդ ատյան**՝ ստորին դատարանների նկատմամբ: Իշխանական դատարանները քննում էին գողության, կողոպուտի, խարդախության, մարմնական վնասվածք հասցնելու և այլ բնույթի քրեական գործեր [43]:

Միսի արքեպիսկոպոսի դատարանն առաջին ատյան էր օտարերկրացիների և հայերի միջև ծագած քաղաքացիական գործերի համար: Ա. Սուքիասյանի կարծիքով՝ «Շովային տրանսպորտում հայերի և օտարերկրացիների միջև ծագած վեճերը, որոնք ենթակա չէին արքեպիսկոպոսի դատարանի իրավասությանը, քննում էին դքսի (դուկի) (curia ducalis) դատարանը և պալլի դատարանը (bailia regis)» [44]:

Բարոնի (պարոնի) կամ մարզային դատարանը քննում էր քրեական այն գործերը, որոնք ծագում էին բարոնության սահմաններում: Այն առաջին ատյանի դատարան էր տվյալ բարոնության ավատատերերի համար: Մարզային դատարանները քննում էին քաղաքացիական գործեր, այդ թվում՝ հայրենակալվածքներին վերաբերող գործերը:

Քաղաքային դատարանները (բուրջեաները) տեղական դատարաններ էին, որոնք քննում էին քաղաքաբնակների քաղաքացիական վեճերը և մանր հանցագործությունների վերաբերյալ գործերը՝ բացառելով ազնվականներին, որոնց գործերն անցնում էին մարզային դատարաններ: Ճորտ գյուղացիներին իրավունք ունեին դատել նրանց տերերը, ովքեր իրավասու էին մեղավորներին մարմնական պատիժների ենթարկել և արտաքսել:

Այդպիսով՝ թագավորի դատական իրավասությունը տարածվում էր Կիլիկյան Հայաստանի ողջ բնակչության վրա՝ անկախ ազգային և կրոնադավանական պատկանելությունից: Թագավորական դատարանին ենթակա էին ոչ միայն երկրի հպատակ մահմեդականներն ու ֆրանկները, այլև իտալական քաղաքներից եկած առևտրականները: Վերջիններս

ստանում էին մենաշնորհային առևտրի արտոնագրեր, ունեին որոշակի ինքնավար իրավունքներ, իսկ եթե ծանր հանցագործություններ էին կատարում, ենթակա էին թագավորական դատարանին: Հայերի և օտարերկրացիների միջև ծագած վիճելի գործերը նույնպես քննվում էին հայկական դատարաններում:

Եկեղեցական-հոգևոր դատարաններն են. ա) կաթողիկոսի դատարան, բ) եպիսկոպոսի դատարան, գ) վարդապետի դատարան, դ) քահանայի դատարան:

Եթե աշխարհիկ դատարանները կայացնում են դատավճիռ, ապա հոգևոր դատարանները՝ կանոնական վճիռներ: Եկեղեցական դատավարությունը օժանդակում է աշխարհիկ դատարանին և վերջինի լրացումն է: Եկեղեցական դատարաններն իրենց կանոնական կամ կարգապահական միջոցները կիրառում էին այն ժամանակ, երբ աշխարհիկ դատարանները չէին կիրառում պատիժներ:

Ըստ «Դատաստանագրքի»՝ եկեղեցական դատարաններն իրավասու են քննել.

- Պաշտամունքի հարցերի և հոգևոր անձանց միջև ծագած վեճերի վերաբերյալ գործերը: Հոգևորականների վերաբերյալ քրեական գործերը (սպանություն, գողություն, ապօրինի եկեղեցաշինություն և այլն) ենթակա են աշխարհիկ դատաստանին [45]: Պատժվում են նաև մեղավորների հանցակիցները:
- Հայրապետի և եպիսկոպոսների դեմ ըմբոստանալու կամ նրանց անարգելու վերաբերյալ գործերը [46]:
- Հիվանդանոցների վրա ապօրինի հարկեր դնելու վերաբերյալ գործերը, քանզի օրենքը պատվիրում է. «Որտեղ էլ հիվանդանոցը լինի, բոլորովին չի թույլատրվում այնտեղից հարկ վերցնել. ո՛չ հիվանդից, ո՛չ նրան սպասարկող մարդուց, հակառակ դեպքում՝ դա կհամարվի Քրիստոսին կողոպտել» [47]:
- Հոգևոր-բարոյական նորմեր խախտած անձանց ամուսնալուծական գործերը. այս կատեգորիայի գործերը, որոնք քրեական կամ քաղաքացիական բնույթի էին, ըստ Մմբատի, ամբողջությամբ ենթարկվում էին աշխարհիկ դատարանին, մինչդեռ ըստ Գոշի՝ դրանք նույնպես ենթակա էին եկեղեցու իրավագործությանը [48]:
- Այն հանցագործությունների վերաբերյալ քրեական գործերը, որոնք չեն սպառնում պետական անվտանգությանը, բայց պահանջում են կարգապահական և ուղղիչ միջոցների կիրառում: Այսպիսի դեպքերում մեծ նշանակություն ունեն եկեղեցու հեղինակու-

թյունը: Հատկանշական է, որ հանցագործությունները կանխարգելելու նպատակով՝ հոգևորականները խոստովանության ժամանակ իրավունք ունենին մերկացնել դեռևս գործողության չվերածված գաղտնի մտադրությունները:

- Անզգուշության կամ հոգեկան խանգարման հետևանքով, ինչպես նաև ինքնապաշտպանության համար կատարված ոչ դիտավորյալ սպանությունները, որոնց համար նախատեսվում է ոչ թե քրեական պատիժ, այլ ապաշխարանք [49]:
- Եկեղեցական դատավարությանը ենթակա է այն հանցագործը, ով գղջում է, և պատիժը փոխարինվում է ուղղիչ միջոցներով:

Այդպիսով՝ պետական դատարանների իրավասության ներքո են քրեորեն պատժելի հանցագործությունները, իսկ եկեղեցական դատարանին վերապահվում է ուղղիչ-դաստիարակչական գործառույթ:

Եզրակացություն

XII–XIII դարերում հայ ժողովրդի իրավագիտակցության մակարդակն այնքան բարձր էր, որ ըմբռնել է ազգային աշխարհիկ-քաղաքական օրենքների անհրաժեշտությունը՝ կարգավորելու հասարակական-քաղաքական հարաբերությունները և ապահովելու ազգային դատավարական ինքնությունը: Այս նպատակով Գոշի «Դատաստանագիրքը» կազմվել է որպես հայկական ապագա պետության օրենսգիրք, որի պետաիրավական սահմանադրություններով կանխատեսվում էին ինքնիշխան թագավորության վերականգնում, ազգային ինքնակառավարման իրավունքի ամրագրում, միասնական համապետական օրենսդրության հաստատում: Սմբատ Սպարապետի «Դատաստանագիրքը» Կիլիկյան Հայաստանում գործող օրենսգիրք էր, որով լուծվում էին ներպետական հիմնախնդիրները:

Ընդունելով իշխանությունների բաժանման սկզբունքը՝ և՛ Գոշը, և՛ Սմբատը տարանջատում են աշխարհիկ ու հոգևոր իշխանությունների իրավագործությունն ու գործառույթները: Օրենսդրական և վարչական գործառույթները վերապահված են աշխարհիկ իշխանություններին: Եկեղեցական օրենքները կոչված էին ամրապնդել Հայ եկեղեցու իրավագործությունը, բարձրացնել նրա հեղինակությունն ու դերը երկրի կառավարման, հասարակության մեջ բարոյական սկզբունքների արմատավորման և ազգային միասնության հաստատման գործում: Պետության և Հայ եկեղեցու՝ որպես իրավական պետության հիմնարար սյունների երկմիասնությունն այն գործոնն է, որով երաշխավորվում է պետություն-եկեղեցի-ժողովուրդ հարաբերությունների կայունությունը:

Ելնելով կառավարման կենտրոնացման և տեղական մարմինների հարաբերական ապակենտրոնացման սկզբունքներից՝ օրենսգետները հստակ սահմանում են կենտրոնական և տեղական իշխանությունների իրավունքները՝ կենտրոնական պետական իշխանության գերակայությամբ: Հանուն սոցիալական ներդաշնակության հաստատման՝ դատաստանագրքերում ամրագրված են սոցիալական տարբեր դասերի իրավակարգավորման սկզբունքները, իրավունքներն ու պարտականությունները:

Արդիական նշանակություն ունեն Գոշի և Սմբատի առաջադրած բազմաստիճան դատական համակարգը և աշխարհիկ ու հոգևոր դատական աստիճանների գործառույթների տարանջատումը: Օրենսգետների հայեցակարգերում առանցքային են դատելու ազգային իրավունքի, դատավարական ինքնության, արդարադատության, սահմանված օրենքների պարտադիր կիրառման, հանցագործությունների կանխարգելման, հանցագործներին դատախարակելու և պատժելու գաղափարները:

Եթե պետականության բացակայության պայմաններում Մխիթար Գոշը կարևորում է Հայ եկեղեցու դերը կառավարման ու դատական գործընթացներում՝ շեշտելով թագավորական և եկեղեցական իշխանությունների միջև ներդաշնակության սկզբունքը, մարդու և ազգային իրավունքների իրացումը հպատակության կարգավիճակում, ապա Սմբատ Սպարապետը տվյալ պատմաշրջանում առաջնային է համարում պետության գերակայությունը, պետական շահերի պաշտպանությունը, Կիլիկյան Հայաստանի անվտանգությունը՝ տարածաշրջանի ռազմաքաղաքական ու դիվանագիտական բարդ հարաբերություններում: Միաժամանակ նա զնահատում է Հայ եկեղեցու՝ որպես պետության գլխավոր հենարանի դերը՝ օրենքով հաստատելով հայադավանության անխախտելիությունը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն (2015թ. խմբագրությամբ), Եր., 2016, Հոդ. 4: էջ 14:
2. Ղահրամանյան Կ. Հայ էթնոսի պատմական առաքելությունը, Եր., 2012, էջ. 35, 47–48:
3. Մովսիսյան Ա. Հնագույն պետությունը Հայաստանում, Եր., 1992, էջ 53:
4. Мирумян К.А. История политической науки. Часть II. Средневековье. Возрождение. Реформация. Ер., 2005. С. 306.
5. Մխիթար Գոշի «Դատաստանագիրք Հայոցը» // Ռ. Ավագյան. Հայ իրավական մտքի գանձարան, Գիրք 1, Եր., 2001, Հոդ. 2: էջ 392:
6. Նույն տեղում, էջ 399:
7. Նույն տեղում, էջ 392:
8. Նույն տեղում:
9. Նույն տեղում, հոդ. 2, էջ 393: Տես նաև՝ Մխիթար Գոշ, Գիրք Դատաստանի /Աշխատ.՝ Խ. Թորոսյանի, Եր., 1975, Գլ. Բ, էջ 29:

10. *Կիրակոս Գանձակեցի*, Հայոց պատմություն / Գրաբարից թարգմ., առաջ. և ծանոթ.՝ Վ. Առաքելյանի, Եր., 1982, էջ. 122–123:
11. *Մխիթար Գոշի* «Դատաստանագիրք Հայոցը» // Ավագյան Ռ., Հայ իրավական մտքի գանձարան, Գիրք 1, Եր., 2001: էջ. 393–394:
12. Հայոց նոր վկաները / Աշխատ.՝ Հ. Մանանդյանի և Հ. Աճառյանի, Վաղարշապատ, 1903, էջ 24:
13. *Մխիթար Գոշի* «Դատաստանագիրք Հայոցը», հոդ. 50 // Ռ. Ավագյան. Հայ իրավական մտքի գանձարան, Գիրք 1, Եր., 2001: էջ 419:
14. Նույն տեղում, հոդ. 230, էջ 515:
15. *Մարվազյան Լ.* Հայ եկեղեցու ինքնիշխանության հիմքերի խնդիրը Մաղաբիա Օրմանյանի ուսմունքում // «Вестник РАУ (сер.: гуманитарные и общественные науки)». Եր., Изд. РАУ, 2008, N1. էջ 71:
16. *Մամուրեան Ս.* Ազգային վիճակ. Ա. Հայ Եկեղեցի, Ծանոթ. 1 // Արեւելեան Մամուլ, Զմյուռնիա, 1899, Թիւ 4, էջ 135:
17. *Մխիթար Գոշ*, Գիրք Դատաստանի // Ռ. Ավագյան. Հայ իրավական մտքի գանձարան, Գիրք 1, Եր., 2001: Առաջաբան, էջ ԺԶ:
18. *Мирумян К.А.* История политической науки. Средневековье. Возрождение. Реформация. Часть II, Եր., 2005. СС. 308–310.
19. *Մխիթար Գոշի* «Դատաստանագիրք Հայոցը», հոդ. 157, էջ 460:
20. Տե՛ս *Մարվազյան Լ.*, Խորհրդակցական սկզբունքը Հայ եկեղեցու կառավարման համակարգում, // «Փիլիսոփայությունը արդի աշխարհում», Գիրք IV, Եր., 2014, էջ. 45–48:
21. *Մխիթար Գոշի* «Դատաստանագիրք Հայոցը», հոդ. 161, էջ 462:
22. Նույն տեղում, հոդ. 135, էջ 451:
23. Նույն տեղում, Նախաբան, Գլ. Դ, էջ 367:
24. Նույն տեղում, հոդ. 2, էջ 395:
25. Նույն տեղում, Նախաբան, Գլ. Ժ, էջ 386:
26. Նույն տեղում, հոդ. 1, էջ 390:
27. Նույն տեղում, Նախաբան, Գլ. Ե, էջ 369:
28. Դատաստանագիրք *Սմբատ Բշխանի* (Գունդստաբլի) (Կիլիկյան Դատաստանագիրք XIII դարի) / Ձեռագրերի համեմատ. և առաջ.՝ Ա. Վրդ Դլտձեան, Ս. Էջմիածին, 1918:
29. *Սմբատ Սպարապետի* «Դատաստանագիրքը» // Ռ. Ավագյան. Հայ իրավական մտքի գանձարան, Գիրք 1, Եր., 2001: էջ 563:
30. *Сукиасян А.* История Киликийского Армянского государства и права (XI–XIVвв.). Եր., 1969. С. 198.
31. *Мирумян К.* История политической науки. Средневековье. Возрождение. Реформация. Часть II, Եր., 2005. С. 334.
32. *Սմբատ Սպարապետի* «Դատաստանագիրքը», Նախաբան // Ռ. Ավագյան. Հայ իրավական մտքի գանձարան, Գիրք 1, Եր., 2001: էջ 563:
33. Նույն տեղում, հոդ. 76, էջ. 600–601:
34. Նույն տեղում, հոդ. 1, էջ 564:
35. Նույն տեղում, հոդ. 2, էջ 568:
36. Նույն տեղում, հոդ. 1, էջ 568:
37. Նույն տեղում, հոդ, 33, էջ 578: Տես նաև՝ հոդ. 34, էջ. 580–583:

38. Նույն տեղում, հոդ. 17, էջ. 572–573:
39. *Мирумян К.* История политической науки. Средневековье. Возрождение. Реформация. Часть II, Ер., 2005. С. 336.
40. *Մարվազյան Լ.* Դատական համակարգը և դատավարության սկզբունքները Սմբատ Սպարապետի «Դատաստանագրքում» // Փիլիսոփայությունը արդի աշխարհում, Գիրք 9, Եր., 2019: էջ 93:
41. *Սմբատ Սպարապետի «Դատաստանագիրքը»* // Ռ. Ավագյան. Հայ իրավական մտքի գանձարան, Հոդ.76, Եր., 2001: էջ. 601:
42. Նույն տեղում, հոդ. 1, էջ 565:
43. Տե՛ս՝ նույն տեղում, հոդ. 13, 128, 152, 156, 161, 166, 167:
44. *Сукиасян А.* История Киликийского Армянского государства и права (XI–XIVвв.), Ер., 1969. С. 308.
45. Տե՛ս *Սմբատ Սպարապետի «Դատաստանագիրքը»*: Հոդ. 11–13 // Ավագյան Ռ., Հայ իրավական մտքի գանձարան, էջ. 571–572:
46. Տե՛ս՝ նույն տեղում, հոդ. 14, էջ 572, հոդ 24, էջ 575:
47. Տե՛ս՝ նույն տեղում, հոդ. 44, էջ 586:
48. Տե՛ս՝ նույն տեղում, հոդ. 100, 101, 104, 162:
49. Տե՛ս՝ նույն տեղում, հոդ. 22, 163, 180–181, 192, 196:

REFERENCES

1. Constitution of the Republic of Armenia (2015 edition), Yer., 2016, Art. 4. P. 14.
2. *Ghahramanyan K.* The Historical Mission of the Armenian Ethnocentrism, Yer., 2012. PP. 35, 47–48.
3. *Movsisyan A.* The Ancient State in Armenia, Yer., 1992. P. 53.
4. *Mirumyan K.* History of political science. Part II. Middle Ages. Revival. Reformation. Yer., 2005. P. 306.
5. Mkhitar Gosh's "Girq datastani" // R. Avagyan. Treasury of Armenian Legal Thought, Book 1, Yer., 2001, Art. 2. P. 392.
6. Ibid. P. 399.
7. Ibid. P. 392.
8. Ibid.
9. Ibid., art. 2. P. 393; Mkhitar Gosh, Book of Judgment /Work: Kh. Torosyan, Yer., 1975, Ch. B, P. 29.
10. *Kirakos Gandzaketsi.* History of Armenia /translated from Grabar, preface and introduction by V. Arakelyan, Yer., 1982. PP. 122–123.
11. Mkhitar Gosh's "Girq datastani" // R. Avagyan. Treasury of Armenian Legal Thought, Book 1, Art. 2, Yer., 2001, PP. 393– 394.
12. New Armenian Witnesses /Work: H. Manandyan and H. Acharyan, Vagharshapat, 1903. P. 24.
13. Mkhitar Gosh's "Girq datastani" // R. Avagyan. Treasury of Armenian Legal Thought, Book 1, Art. 2, Yer., 2001, P. 419.
14. Ibid. P. 515.
15. *Sarvazyan L.* The problem of the foundations of the sovereignty of the Armenian Church in the teachings of Maghakia Ormanyan // "Vestnik RAU (series: humanitarian and social sciences)". Yer., RAU Publishing House, 2008, No. 1. P. 71.
16. *Mamourian M.* National situation. Armenian Apostolic Church, Note 1 // "Arevelyan Mamul", Smyrna, 1899, No. 4. P. 135.

17. Mkhitar Gosh's "Girq datastani" // R. Avagyan. Treasury of Armenian Legal Thought, Book 1, Art. 2, Yer., 2001. Foreword, P. ZHZ.
18. *Mirumyan K.* History of political science. Middle Ages. Revival. Reformation. Part II, Yer., 2005. PP. 308–310.
19. Mkhitar Gosh's "Datastanagirq hayoc", article 157. P. 460.
20. *Sarvazyan L.* The consultative principle in the governance system of the Armenian Church, // "Philosophy in the Modern World", Book IV, Yer., 2014. PP. 45–48.
21. Mkhitar Gosh's "Datastanagirq hayoc", article 161. P. 462.
22. Ibid. Article 135. P. 451.
23. Ibid. Foreword, Chapter D.P. 367.
24. Ibid. Article 2. P. 395.
25. Ibid. Foreword, Chapter Zh. P. 386.
26. Ibid. Article 1. P. 390.
27. Ibid. Foreword, Chapter E.P. 369.
28. Datastanagirq of Smbat Ishkhan (Gundstable) (Cilician Chronicle of the 13th century) / Compared with manuscripts. and before: A. Vrd Ghltjian, Holy Etchmiadzin, 1918.
29. Smbat Sparapet's "Datastanagirq" // R. Avagyan. Treasury of Armenian Legal Thought, Book 1, Yer., 2001. P. 563.
30. *Sukiasyan A.* History of the Cilician Armenian State and Law (11th–14th centuries). Yer., 1969. P. 198.
31. *Mirumyan K.* History of political science. Middle Ages. Revival. Reformation. Part II, Yerevan, 2005. PP. 308–310.
32. Smbat Sparapet's "Datastanagirq", Prologue // R. Avagyan. Treasury of Armenian Legal Thought, Book 1, Yer., 2001, P. 563.
33. Ibid. Art. 76. PP. 600–601.
34. Ibid. Art. 1. P. 564.
35. Ibid. Art. 2. P. 568.
36. Ibid. Art. 1. P. 564.
37. Ibid. Art. 33, P. 578; Art. 34. PP. 580–583.
38. Ibid. Art. 17. PP. 572–573.
39. *Mirumyan K.* History of political science. Middle Ages. Revival. Reformation. Part II, Yerevan, 2005. P. 336.
40. *Sarvazyan L.* The Judicial System and the Principles of Trial Procedure in Smbat Sparapet's "Book of Courts" // Philosophy in the Modern World, Book 9, Yer., 2019. P 93.
41. Smbat Sparapet's "Datastanagirq", Art. 76. // R. Avagyan. Treasury of Armenian Legal Thought, Book 1, Yer., 2001. P. 601.
42. Ibid. Art. 1. P. 565.
43. Ibid. Art. 13, 128, 152, 156, 161, 166, 167.
44. *Sukiasyan A.* History of the Cilician Armenian State and Law (11th–14th centuries). Yer., 1969. P. 308.
45. Smbat Sparapet's "Datastanagirq", Art. 11–13 // R. Avagyan. Treasury of Armenian Legal Thought, Book 1, Yer., 2001. PP. 571–572.
46. Ibid, Art. 14. P. 572; Art. 24. P. 575.
47. Ibid, Art. 44. P. 586.
48. Ibid, Art. 100, 101, 104, 162.
49. Ibid, Art. 22, 163, 180, 181, 192, 196:

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В «СУДЕБНИКАХ» МХИТАРА ГОША И СМБАТА СПАРАПЕТА

Л.С. Сарвазян

*Институт философии, социологии и права НАН РА
Российско-Армянский университет*

АННОТАЦИЯ

В данной статье интерпретируется принцип разделения властей в двух важнейших источниках средневекового армянского права. Выдающиеся армянские мыслители Мхитар Гош и Смбат Спарапет в своих главных работах – в «Судебниках» разработали уникальную концепцию национального и государственного суверенитета, которая соответствовала национальной идеологии армянского народа и требованиям национально-освободительной борьбы в целях восстановления политической независимости и суверенной государственности. В этом контексте армянские мыслители обсуждали принцип разделения властей на нескольких уровнях, определяя права и обязанности духовной и светской власти, а также различных социальных групп в системе государственного управления. Их целью была государственная безопасность, национальное единство и социальная гармония. Реализация этой цели считалась возможной путем применения к деятельности органов государственной власти конституционно-правовых принципов представительства, совещательного правления, законности, легитимности, справедливости, взаимного согласия народа и власти. Важность и значение этих принципов в армянском обществе была осознана еще в раннем Средневековье и реализовывалась в Национально-церковных собраниях.

Создание «Судебников» было обусловлено историческими, правовыми и политическими реалиями XII–XIII веков. В Армении и Киликии армянский народ вел национально-освободительную борьбу за восстановление политической независимости и национальной государственности. Поэтому «Судебник» Гоша была составлена как кодекс будущего Армянского государства, а «Судебник» Смбата – как действующий кодекс уже сложившегося государства Киликийской Армении. «Судебники» основаны на отношениях между государством, церковью и народом. Многие законы отражают способы управления светскими и духовными властями, а также правовое урегулирование отношений между правительством и народом. Оставаясь верными системе ценностей национальной правовой и политической культуры, Мхитар Гош и Смбат Спарапет также закрепили в «Судебниках» принципы многоуровневой судебной системы во имя утверждения национальной судебной идентичности и справедливости.

Ключевые слова: принцип разделения властей, национальная политическая система, Мхитар Гош, «Армянский Судебник», политическое самоопределение, Смбат Спарапет, конституционная монархия, правосудие.

**THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS
IN THE “LAWCODES” OF MKHITAR GOSH
AND SMBAT GUNDSTABLE**

L. Sarvazyan

*Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA
Russian-Armenian University*

ABSTRACT

The article interprets the principle of separation of powers in two major sources of medieval Armenian law. Outstanding Armenian thinkers Mkhitar Gosh and Smbat Sparapet in their main works – in the “Codes of Laws” – developed a unique concept of national and state sovereignty, which corresponded to the national ideology of the Armenian people and the demands of the national liberation struggle for the purpose of restoring political independence and sovereign statehood. In this context, Armenian thinkers discussed the principle of separation of powers at several levels, defining the rights, obligations and liabilities of spiritual and secular authorities, as well as various social groups in the system of national government. Their goal was state security, national unity and social harmony. The achievement of this goal was considered possible through the application to the activities of state authorities of the constitutional and legal principles of representation, advisory government, legality, legitimacy, justice, and mutual consent of the people and the authorities. The importance and importance of these principles in the Armenian society was recognized even in the early Middle Ages and was realized in the National-Church Assemblies. The creation of “Codes of Laws” were conditioned by historical, legal and political realities of the XII–XIII centuries. In Armenia and Cilicia, the Armenian people waged a national liberation struggle to restore political independence and national statehood. Therefore, Gosh’s «Lawcodes» was compiled as the code of the future Armenian state, and Smbat’s «Lawcodes» was compiled as the current code of the already established state of Cilician Armenia. The “Codes of Laws” are based on the relationship between the state, the church and the people. Many laws reflect the methods of governance of secular and spiritual authorities, as well as the legal regulation of relations between the government and the people. Remaining true to the value system of the national legal and political culture, Mkhitar Gosh and Smbat Sparapet also enshrined in the “Codes of Laws” the principles of a multi-level judicial system in the name of affirming national judicial identity and justice.

Keywords: principle of separation of powers, national political system, Mkhitar Gosh, “Armenian “Lawcodes”, political self-determination, Smbat Gundstable, constitutional monarchy, justice.

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-235-249
УДК 81

Поступила: 27.02.2026г.
Сдана на рецензию: 06.03.2026г.
Подписана к печати: 16.03.2026г.

**ՀԱՅԵՐԵՆԻ ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ԳՈՐԾՆԹԱՑՈՒՄ
ՆՈՐԱՐԱՐԱԿԱՆ ՄԵԹՈԴՆԵՐԻ ԿԻՐԱՌՈՒՄԸ ԵՎ
ՆԵՐԴԱՇՆԱԿԵՑՈՒՄԸ ԱՎԱՆԴԱԿԱՆԻ ՀԵՏ. ԴՐԱՆՑ
ԱՐԴՅՈՒՆԱՎԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ**

Ճ.Վ. Ռոստոմյան

Ռուս-հայկական համալսարան
zhenyarostomyan@gmail.com,
ORCID: 0009- 0009-8857-9558

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հայերենը՝ որպես օտար լեզու ուսուցումն իրականացվում է փուլային տարբերակով, այն է՝ բանավոր խոսքի ուսուցումից և խոսքի վերարտադրման հմտությունների զարգացումից սկսած մինչև գրաձանաչություն, գրավոր և բանավոր խոսքի զրգացտ ձևակերպում, ընթերցողական հմտությունների ձեռքբերում: Ասվածին համընթաց ուսուցանվում են քերականական տարրական գիտելիքներ: Ըստ որում՝ ուսուցման բոլոր փուլերում համակցված, ներդաշնակ կերպով կիրառվում են թե՛ նորարարական և թե՛ ավանդական մեթոդները:

Այսպես. բանավոր խոսքի ուսուցման և բառապաշարի հարստացման ժամանակ կարևորվում է բառերի և առանձին արտահայտությունների յուրացումը, որոնք անհրաժեշտ են առօրյա շփումների համար (ողջույնի և հրաժեշտի, ներկայանալու և ներկայացնելու, ծանոթության և պարզ հարցեր տալու և նաև այդպիսի հարցերին պատասխանելու կարողություն): Նման մոտեցումներ կան նաև դասավանդման ավանդական մեթոդներում:

Մի քանի պարապմունքից հետո, երբ սովորողի խոսակցական կարողությունը ընդլայնվում է, բանավոր խոսքի գործընթաց է ներմուծվում հաղորդակցային սկզբունքը:

Այս անգամ արդեն ուշադրություն է դարձվում երկխոսություններին, որոնք ստիպում են իրականացնել խոսքային շփումներ, միմյանցից սովորել և կրկնել նոր արտահայտություններ, պահպանել խոսքի հնչերանգը: Կարևոր են ինքնուրույն աշխատանքները ինչպես բանավոր խոսքի ուսուցման ժամանակ, այնպես էլ գրավոր խոսքը ձևակերպելիս, այս կամ այն նյութի մասին գրելիս: Ընթերցողական հմտությունները ձևավորվում են նախ փոքրիկ տեքստեր կարդալով, ապա առանձին հեքիաթ,

պատմվածք կամ օրվա նորույթ հաղորդելիս: Գրավոր աշխատանքների մեջ էլեկտրոնային գրատախտակի կիրառումը, սահիկաշարերի պատրաստումը և դրանք ընկերներին ներկայացնելը լրացուցիչ միջոց են՝ նորովի ընկալելու արդեն իմացած նյութը: Այսպիսով, հայերենը՝ որպես օտար լեզու ուսուցման ողջ գործընթացում կիրառելի են և՛ ավանդական, և՛ նորարարական մեթոդները և դրանց ներդաշնակ համակցումը:

Հիմնաբառեր՝ ավանդական և նորարարական մեթոդներ, հաղորդակցային հմտություններ, ինտերակտիվ մեթոդներ, երկխոսություն, բազմախոսություն (պոլիլոգ), բանավոր խոսքի ուսուցում, քերականական տարրական գիտելիքների ուսուցում:

Ներածություն

Ռուս-հայկական համալսարանում յուրաքանչյուր ուսումնական տարի ընդունվում են այլ երկրներից եկած բավականին շատ հայ և այլազգի ուսանողներ, որոնց լեզվիմացության մակարդակը միմյանցից խիստ տարբեր է՝ սկսած գրոյական մակարդակից մինչև խոսքի որոշակի իմացություն: Բնականաբար՝ լեզվիմացությունը ոչ միայն անհավասար է բառապաշարի քանակով, տարբեր բառերի իմաստների ոչ միանման իմացությամբ, նաև բարբառների, ժողովրդախոսակցական կամ գրական լեզվի բառերի կիրառությամբ: Ավելացնենք, որ նրանց մի մասը առհասարակ գրաճանաչ չի կամ գիտի որոշ տառերի գրությունը, պատահում է նաև, որ դժվարությամբ հայերեն կարդում են (այսինքն՝ տպագիր տառերը գիտեն), իսկ գրել չեն կարողանում, էլ չենք ասում քերականության և ճիշտ խոսք կազմելու մասին:

Ուսուցման ընթացքում շատերի մոտ առկա է հնչյունների ոչ ճիշտ արտասանության խնդիրը (սա հիմնականում կապված է տվյալ հնչյունը չլսելու, չընկալելու հետ, ինչպես նաև արտասանական, հնչարտաբերման խնդիրների հետ): Այսպես, մի շարք հնչյուններ (**փ, ք, թ, ծ, ձ, ճ**), ուսանողն ընկալում է որպես **փ**-ն **պ**, **ք**-ն՝ **կ**, **թ**-ն՝ **տ**, **ծ**-ն և **ձ**-ն **ց**, **ճ**-ն՝ **չ**, որոնք ավելացնում են հայերենի՝ սովորողի համար առանց այն էլ բարդ ուղղագրությանը նոր խնդիրներ: Արտաբերման դժվարության հետ կապված այլ է դառնում խոսքի հնչերանգը, այն ասես, հայերեն բառի և այլ լեզվով արտասանության յուրահատուկ խառնուրդ է: Չանտեսենք նաև հայերենի և ունեցած լեզվամտածողական տարբերությունները մյուս լեզուներից: Երբ ուսանողը հայերեն խոսքը կառուցում է այլ լեզվի կանոններով, ստեղծվում են ոչ ճիշտ շարադասությամբ նախադասություններ, մտքի սխալ կամ անհստակ ձևակերպումներ:

Ուսուցում

Հայերենը՝ որպես օտար լեզու ուսուցանելու դասընթացում միաժամանակ կիրառվում են թե՛ ավանդական և թե՛ նորարարական մեթոդները, ավելի ճիշտ՝ շատ հաճախ դրանք հանդես են գալիս համակցված, երբեմն նույնիսկ միաձուլված: Այսպես, **բանավոր խոսքի ուսուցման**, բառապաշարի հարստացման ժամանակ սկսում ենք առօրյայում շփումներին անհրաժեշտ բառերի և արտահայտությունների յուրացմամբ (ողջույնի և հրաժեշտի ձևերը, զրուցակցին ներկայանալը, առաջին հանդիպմանն անհրաժեշտ հարցերը տալը և կամ դրանց պատասխաններն ասել կարողանալը), որը շատ ընդունված է նաև լեզվի ուսուցման ավանդական մեթոդներում: Մեկ-երկու դաս հետո, երբ որոշ չափով ընդլայնված է սովորողի խոսքի շրջանակը, բանավոր խոսքի յուրացմանը օգնության է գալիս հաղորդակցային մոտեցումը, որը գոյություն ունեցող իրավիճակներում լեզվի գործնական կիրառությունն է, նպաստում է խոսողության հմտությունների զարգացմանը: Այս դեպքում մեծ տեղ է տրվում երկխոսություններին (հատկապես ուսանող-ուսանող ձևին), ապա նաև բազմախոսությանը (պոլիլոգին): Մրանք բանավոր խոսքի ուսուցման բոլոր դասերի բաղադրիչն են, սակայն յուրաքանչյուր նոր դասում դրանց հետ միաժամանակ կիրառվում են նորարարական այլ մեթոդներ և տեխնոլոգիաներ ևս, օրինակ՝ բանավոր առաջադրանքների՝ անհատական կամ խմբային, նաև խմբակ-խմբակ բաժանումով կատարումը:

Բանավոր խոսք ասելու, սեփական միտքն արտահայտելու, լսելու, ընկալելու կարողությունների հետագա զարգացմանը զուգընթաց ավելանում են նոր մոտեցումներ, ասենք ինտերակտիվ մեթոդները, որոնցից են **համացանցային պահուստային միջոցները**, երբ համացանցային բազմաթիվ հարթակները օգնում են ընդլայնել և հհարստացնել բառապաշարը և անգամ շփվել լեզվակիրների հետ:

Ավելին, խմբի ուսանողների հետ ստեղծում ենք սոց. ցանցում առանձին էջեր, որտեղ ուսանողների հետ հանդիպում և զրուցում ենք դասից դուրս հետքաքրքրությունների մասին (նորաձևություն, ցուցահանդեսի կամ կինոնկարի մասին կարծիքների արտահայտում և այլն):

Գրավոր խոսքի, գրաձանաչության ուսուցման ժամանակ, կախված խմբի ընկալման, յուրացման, նաև գրելու և գիրը հիշելու կարողությունից, կիրառվում են հետևյալ մոտեցումները:

1.1. Յուրաքանչյուր դասին հինգ տառի ուսուցում (*անհատական, նորարարական մոտեցում*), դրանցով կազմված բառերի (*ավանդական՝ այդ տառը կամ տառերը կիրառելով բառասկզբում, բառամիջում, բառավերջում մոտեցում*) և հատուկ անունների և տեղանունների ուսուցում,

1.2. լինում են այնպիսի խմբեր, որոնց հետ գրուսուցումն անցկացվում է՝ մեկ դասին սովորեցնելով միանգամից տառերի մեծ քանակ (ասենք 8-10 տառ), հետևաբար լինում են մեծ բառաշարքեր, զգալի թվով անձանոթ բառեր, որոնք անպայման բացատրվում են՝ կա՛մ՝ անցած բառերի միջոցով, կա՛մ էլ օտար լեզվին համապատասխանող բառերով:

2. 1. Այդ նույն դասին գաղափար է տրվում քերականական տարրական գիտելիքի մասին, օրինակ՝ Ը-ն անցնելիս տեղեկություն բառ կազմող և անպայման գրվող ը-ի, նաև լավող, բայց չգրվող ը-ի, որոշյալ հոդի մասին), բառագիտական բաժնում տրվում են բառակազմական նախնական գիտելիքներ, բացատրվում է անցած տառերի քանակով համապատասխան բառի կազմությունը, ներկայացվում են հոմանիշ-հականիշ – համանուն շարքերը:

2.2. Առհասարակ լեզվի ուսուցումն առանց տնային (թե՛ բանավոր և թե՛ գրավոր) առաջադրանքների՝ կարծում եմ՝ լիարժեք լինել չի կարող: Ուսանողը նախ պետք է անցածը ամրակայի, իսկ դրա լավագույն միջոցը հենց առաջադրանքները, վարժություններն են, որոնք սովորողի համար բացահայտում են նաև մինչ այդ հասկանալի թվացող քերականական կամ այլ բնույթի երևույթի դժվարությունը, նպաստում գործնական հմտությունների զարգացմանը:

Սա նույնպես նորարարական մեթոդներում ընդունված տեխնոլոգիա է: Սկզբնական շրջանում գրավոր առաջադրանքներում էապես կարևոր է արտագրության հանձնարարությունը: Ավանդական այս մոտեցումը ուսանողին, օգնում է մի շարք հարցերում.

2.2.1. սովորում է տառերի և բառերի ճիշտ գրությունը, կարճ ժամանակում հմտանում է վարժ, առանց տառերը շփոթելու գրելուն, ուշադիր լինելու դեպքում տեսողական ընկալումը օգնում է ինքնուրույն ուղղագրական որոշ կանոններ յուրացնելուն, նաև կարդալու հմտությունների զարգացմանը:

Գրուսուցման ընթացքում, նաև այդուհետ, ուսանողները կատարում են արտագրություններ, որն ի դեպ տառերի յուրացման ընդունված տարբերակ է, գրում են թելադրություններ, ինքնաթելադրություն: Այստեղ պետք է նկատել, որ թելադրությունների ժամանակ հաճախ է պատահում, որ ուսանողը հայերենի այս կամ այն տառը շփոթում է այլ լեզվի նույն տառի հետ: Պատճառները և՛ հոգեբանական են, և՛ շտապողականությունն ու անուշադրությունն են դեր խաղում, և՛ գրերի անհատական յուրացման անհամաչափությունն է իր գործն անում:

Ընթերցանության ուսուցում:

Կարդալու կարողության մշակման փուլն սկսվում է դեռևս գրաճանաչության շրջանում, իրականացվում է փոքրածավալ տեքստերի ընթերցումով՝ իր մեջ ներառելով նաև լեզվական նախագիտելիքների յուրացումը: Այս խնդիրների (կարդալու կարողություն, քերականական տարրական գիտելիքներ) լուծման հերթականությունը պայմանական է. ուսուցման գործընթացում դրանք գրեթե մեկտեղված են: Դասավանդողն առաջնորդվում է խմբի՝ լեզու սովորելու առանձնահատկություններով: Կան սովորողներ, որոնք առանց ակնառու դժվարությունների հիշում և մտապահում են բառերը, արտահայտությունները, իսկ կան նաև այնպիսիք, որոնց լեզու սովորելու միջոցը քերականության իմացությունն է. մինչև չեն պատկերացնում ու հասկանում խոսքի կառուցվածքը, այն չեն յուրացնում:

Կարդալը խոսքային գործունեության ամենաանհրաժեշտ տարրերից է: «Կարդալն ունի մի շարք որակական հատկանիշներ, որոնք իրար հետ սերտորեն կապված ու փոխադարձաբար պայմանավորված են: Չենց այդ հատկություններով էլ բնութագրվում է լավ կարդալը: Լավ կարդալու որակներն են.

- ճիշտ կամ անսխալ կարդալը,
- հասկանալով կամ գիտակցորեն կարդալը,
- վարժ կամ սահուն կարդալը,
- արտահայտիչ կամ գեղարվեստորեն կարդալը,
- արագ կարդալը» [1]:

Քանի որ օտարալեզու սովորողներն իրենց իմացած լեզվով արդեն կարդում են՝ պահպանելով նշված որակները, բնականաբար փորձում են այդպես ընթերցել նաև հայերեն տեքստը: Այդուհանդերձ, դասավանդողը պետք է ուշադրություն դարձնի կարդալու հնչերանգին, հնչյունների անհարկի քմայնացմանը, ոչ հայեցի շեշտադրությանը և արտասանությանը, հայերենի և ռուսերենի տառերը շփոթելու երևույթներին: Այս իմաստով հայերենի արագացված ուսուցման կարդալու կարողության զարգացման փուլն իր առջև «համեստ» նպատակներ է դնում. ճիշտ, անսխալ և արագ կարդալ, ըմբռնել կարդացածը և կարողանալ այն վերարտադրել: «Ինչպես ցանկացած կարողություն, այնպես էլ կարդալու կարողությունը հիմնվում է որոշակի հմտությունների վրա: Ընթերցվող տեքստից տեղեկատվության «քամումը» հնարավոր է միայն այն դեպքում, երբ զարգացած են սովորողի կարդալու հմտությունները: Կարդալը համարվում է հմուտ, եթե ապահովվում են.

1. միավոր խոսքի ստեղծած տեսողական պատկերի համապատասխանությունը լսողական ընկալումից առաջացած կերպարին (այս դեպքում խոսքի միավոր են համարվում ն՝ բառը, և՝ շարույթը, և՝ դարձվածքը, իսկ արագ ընթերցման դեպքում՝ նաև ամբողջ պարբերությունը)։ այս հմտությունների հանրագումարն էլ հենց ընթերցելու տեխնիկան է. այդ հմտությունները կարելի է կարճ կոչել ընկալում,

2. լսողական ու խոսակցական հմտությունների արդյունքում ստեղծված պատկերի համապատասխանությունը տվյալ միավոր խոսքի իմաստին։ Այս խումբն իր հերթին բաժանվում է երկու ենթախմբի՝

ա/ բառերի ու բառակապակցությունների ձայնային պատկերի համապատասխանությունը դրանց իմաստին (ընթերցանության բառապաշարային հմտություններ),

բ/ քերականական ձևերի համապատասխանությունը դրանց իմաստին (ընթերցանության քերականական հմտություններ)։

Նշվածները երկու առանձին խմբեր չեն։ Այս հմտությունները միմյանց սերտորեն կապված են։ Ավելին, բառապաշարային և քերականական հմտությունները զարգանում են կարդալու տեխնիկայի տիրապետմանը զուգընթաց և պայմանավորված են դրանով» [2]։

Պետք է լրջորեն ընտրել կարդալու համար նախատեսված տեքստերը։ Դրանց նկատմամբ պահանջներ են ներկայացվում և՝ բովանդակության, և՝ կառուցվածքի, և՝ ձևի, և՝ ծավալի առումներով։

Դիտարկելով լեզուն՝ որպես պատմության արտացոլանք, տվյալ երկրի մշակույթի և կենցաղի կրող՝ Ռ. Լադոն համարում է, որ **«հնարավոր չէ հասկանալ ուրիշ ժողովրդի, նրա լեզուն, եթե չես տիրապետում նրա հասկացությունների համակարգին, որն էլ իր հերթին հնարավոր է միայն տվյալ ժողովրդի լեզվով, քանի որ այլ լեզուների կրողներն էլ հենվում են այլ հասկացությունների վրա»** [3]։ Ժողովրդի մշակույթի մեջ ներթափանցումը, նրա հասկացությունների իմացությունը ոչ միայն կրթական, այլև զուտ գործնական նշանակություն ունեն։ Իր երկրի ու ժողովրդի, նրա պատմության ու մշակույթի, կենցաղի ու ավանդույթների ճանաչողությունը կլրացնի անտեղյակության բացը, կակտիվացնի ու կիմաստավորի ուսուցման գործընթացը։

Կարդալը, ինչպես և ձայնագրության ունկնդրումը կամ առհասարակ ունկնդրումը, գործունեության կրավորական տեսակն են։ Բայց այս նույն մեխանիզմներն ընթերցանության ժամանակ գործում են վերջինիս բնորոշ առանձնահատկություններով, քանի որ հենվում են ոչ միայն լսողական, այլ նաև տեսողական ընկալման վրա։ Տեսողության միջոցով կարդացածի ընկալումը պայմանավորում է կռահման մեխանիզմների փոքր-

ինչ այլ գործունեություն: (Բառիմաստի կռահումն այս դեպքում տեղի է ունենում տեքստում հանդիպող անծանոթ բառի, դարձվածքի իմաստը նյութի բովանդակությունից բխեցնելով հասկանալուն):

Բանավոր խոսքում կամ բնագրի ունկնդրման ժամանակ հնչերանգը, դադարները, տրամաբանական շեշտն օգնում են նյութը (բովանդակությունը, դիպաշարը, գաղափարը) հասկանալուն: Սակայն կարդալու (մանավանդ ինքն իր համար կարդալու) ժամանակ հնչերանգի, դադարների, տրամաբանական շեշտի բացակայությունը ստիպում են նրան հենվել ինչ-որ ուրիշ ճանաչելի, տարբերակող նշանների և կռահման սեփական զգացողության (զգացման) վրա: Ուրեմն՝ կռահման զգացողությունը զարգացնելուց բացի սովորողը պետք է յուրացնի այդ հատուկ նշանները և նրանց իմաստները: Դրանք նրա համար պետք է լինեն ճանաչելի, տարբերակվող: Քանի որ գրաճանաչության և լեզվական տարրական գիտելիքների ուսուցման փուլերն առանց տեքստերի և ընթերցանության չեն լինում, հասկանալի է, որ այդ նշանները (առաջին հերթին՝ տրոհողության (վերջակետ, ստորակետ, միջակետ, բութ) և առոգանության (շեշտ, հարցական և բացականչական) նշանները) սովորողներին արդեն բացատրված և ծանոթ պետք է լինեն, իսկ կարդալու ժամանակ պետք է հետևել դրանց ճիշտ գործածությանը:

Մեթոդական գրականության մեջ տարբերակում են կարդալու երեք փուլ, որոնք հաջորդում են միմյանց: Դրանք են՝

ա) ձայնով (բարձրաձայն և ցածրաձայն) ընթերցանության փուլ (սկզբնական մակարդակ),

բ) ընթերցանություն ինքն իր համար (միջին մակարդակ),

գ) «վիզուալ»՝ աչքերով ընթերցանություն (բարձր մակարդակ):

Այս հերթականությունն ինքնին կասկած չի առաջացնում, սակայն ուսուցման սկզբնական շրջանում նշված փուլերը պետք է իրենց տեղն ունենան ընթերցանության նյութի վրա աշխատելու յուրաքանչյուր մակարդակում (այսինքն՝ բարձրաձայն ընթերցանության մակարդակում կան և՛ բ), և՛ գ) փուլերը):

Ինչ վերաբերում է ընթերցանության բ և գ մակարդակներին, ապա այս դեպքում բարձրաձայն ընթերցանությունն ընդհանրապես անտեղի է. այն ժամանակատար է և արգելակում է կարդալու մեխանիզմների զարգացումը:

Կարդալու կարողության ձևավորման փուլում հատկապես դրական է երկխոսությունների ընթերցումը, որոնք հատկապես նպաստում են կենդանի խոսքի հնչերանգը (զարմանք, ուրախություն, հեզմանք, հիասթափություն ...) զգալուն:

Հայերենի արագացված ուսուցման երկրորդ տարում արդեն ուսանողները կարողում, վերլուծում են ծավալուն և բավարար չափով բարդ դիպաշար ունեցող տեքստեր՝ պատմվածքներ, հողվածներ, պոեմներ:

Այժմ մի քանի օրինակ տեքստի դիպաշարի, գաղափարի ըմբռնմանը հասնելու արդյունավետ հնարների մասին:

Սովորողների խմբերում արդյունավետ է և տեղեկատվության առումով՝ հարուստ հետևյալ հնարը. դասավանդողը նախապես պատրաստում է խրատական (1), կատակ, հումոր կամ որևէ երգիծական հատված (2), ենթատեքստ (ոչ բարդ ենթատեքստ) (3) ունեցող ոչ ծավալուն (ծավալով բոլորը գրեթե իրար հավասար են), միմյանցից բոլորովին տարբեր բովանդակության ու բարդության տեքստեր, որոնք բաժանում է սովորողներին (յուրաքանչյուրին՝ ըստ նրա ունակությունների): Ապա նշվում է որոշակի ժամանակ (5 կամ 10 րոպե), որից հետո սովորողները հերթով տեքստը պիտի ներկայացնեն իրենց ընկերներին: Ներկայացման հերթականությունը հետևյալն է. սկզբում սովորողները ներկայացնում են դյուրըմբռնելի տեքստերը (առակներ, խրատական գրույցներ), ապա քիչ բարդերը (հումոր, կատակ) և վերջում՝ բարդերը (պարզ ենթատեքստ, գործող շատ անձեր, դեպքեր ունեցող, վիճելի վարքագիծ ներկայացնող և այլն): Եթե սովորողը ճիշտ է պատմում իր կարդացածը և կարողանում է հաղորդել ընկերներին իր զգացածը (օրինակ՝ հումորը ճիշտ ներկայացնելու դեպքում լսարանն այն անարձագանք չի թողնում), ապա տեքստը վերընթերցելու կարիք չկա: Իսկ եթե սովորողը, այնուամենայնիվ, ճիշտ չի ըմբռնել դիպաշարը, դասավանդողը նրանից պահանջում է վերընթերցել, իսկ մյուսները, ունկնդրելով նրա ընթերցածը, պետք է մեկնաբանեն բովանդակությունը¹: Բացի այդ, չի բացառվում, որ սովորողը տվյալ տեքստը չի հասկացել վատ կարդալու պատճառով: Այս դեպքում այն կարդում է դասավանդողը, իսկ սովորողին լրացուցիչ հանձնարարություն է տրվում:

Ընթերցանության հենց առաջին փորձերից պետք է հետևել, որ սովորողը ճիշտ ըմբռնի դիպաշարի տեքստի իմաստը: Միանգամայն ընդունելի է Ե. Պաստվի հետևյալ դիտարկումը. «Տեքստը հասկանալու համար անհրաժեշտ է.

¹ Ինչ խոսք, բոլոր տեքստերի բովանդակությունն անխտիր բացատրելը ճիշտ չէ: Ավելին, հումորը կամ կատակը բացատրել պարզապես չի կարելի: Եթե սովորողները խոսքի այդ նրբերանգները չեն զգում, ուրեմն՝ դեռ վաղ է նրանց նման տեքստ առաջարկելը: Բայց այդպիսի դեպքեր չեն լինում կամ հազվադեպ են լինում, քանի որ տեքստերը դասավանդողն ընտրում է՝ իմանալով իր սաների կարողությունները:

- 1) խոսելու կարողության և խոսքային գործունեության տարբեր տեսակների տիրապետում,
- 2) կարդալու տեխնիկայի որոշակի մակարդակ,
- 3) կարդալու ժամանակ ուղղորդված մտածողություն,
- 4) տեքստի բարդության որոշակի մակարդակ,
- 5) խոսվող թեմայի որոշակի իմացություն և տվյալ բնագավառում գիտելիքներ ու փորձ,
- 6) սովորողի մտավոր զարգացման աստիճան:

Առաջին երկու պահանջներն ուսուցման արդյունք են, երկրորդ երկուսը վերաբերում են ուսուցման գործընթացի կազմակերպմանը, իսկ վերջինները պայմանավորված չեն դասավանդողով [4]: Նախադրյալների այս ամբողջությունն էլ հիմք է ստեղծում որոշակի մակարդակում տեքստը հասկանալու համար:

Կարո՞ղ է արդյոք ըմբռնումը լինել «թարգմանությամբ» կամ միայն «առանց թարգմանության»: Այս հարցի շուրջ կարծիքները հակասական են: Մեր կարծիքով՝ «առանց թարգմանության» բովանդակության ըմբռնումը կարող է լինել, եթե մինչ այդ այլ տեքստերի թարգմանությամբ (մարզողական վարժություններ) ձևավորվել է տվյալ լեզվի որոշակի ըմբռնում, այսինքն՝ բազմաթիվ տեքստերի թարգմանությունների հիմքով իրականացվել են վերլուծություններ, որոնք ապահովել են որոշակի արդյունք, և դրանից հետո սովորողը կարող է առանց թարգմանության ըմբռնել տեքստը (գործում է նաև կռահման մեխանիզմը): Ոմանք ենթադրում են, որ կարդալու կարողության զարգացման ժամանակ հարկ է կիրառել և՛ վերլուծական (այս դեպքում՝ թարգմանական), և՛ համադրական (առանց թարգմանության) ընթերցանությունը, որի արդյունքում կարող է տեղի ունենալ թարգմանության աստիճանական դուրսմղում:

Ի. Մ. Բերմանը նկատել է. «Առանց հասկանալու թարգմանությունը սկզբունքորեն անհնարին է, ընդհակառակը՝ հասկանալը, ըմբռնելը անհրաժեշտ է, որպեսզի թարգմանություն կատարվի» [5]:

Հայերենի՝ որպես օտար լեզվի ուսուցման դեպքում առաջնային է վերլուծական (այս դեպքում՝ թարգմանական) տարբերակը: Հայերենն ունի մի շարք առանձնահատկություններ, որոնք ուսուցման ժամանակ շրջանցել չի կարելի: Նախ՝ լեզվի գործածության քիչ տարածվածության տեսակետից: Հնդեվրոպական այն լեզուները, որոնք ուսուցանվում են որպես օտար լեզու (անգլերեն, ֆրանսերեն, գերմաներեն, իսպաներեն, ռուսերեն և այլն), դրանց չտիրապետող մարդն անգամ իր առօրյայում գոնե 1-2 անգամ լսել է այդ լեզուներով խոսակցություն, բառեր, արտահայտություններ և նաև հասկանում է դրանք: Նա կարողանում է

տեսնել և լսելով զգալ հնչյունական որոշ նրբություններ, էլ չենք ասում շատ բառերի իմաստի իմացությունն ու մայրենի լեզվում կիրառելը (առանձին եզրույթներ, տեխնիկական կամ գիտական զանազան հասկացություններ, որոնք չեն թարգմանվում): Ուստի պատահական չէ, որ մենք հայերենի ուսուցման բանավորի փուլի ժամանակ ընդունելի և արդյունավետ ենք համարում թարգմանությամբ ըմբռնումը: Մանավանդ, որ խոսքի զարգացման բանավորի փուլի վերջում արդեն ուսուցումն իրականացվում է գրեթե առանց թարգմանության՝ սովորողին ներգրավելով, ներքաշելով և պահելով հայեցի մտածողության միջավայրում:

Իսկ ինչպիսի՞ վարժությունների և հանձնարարականների միջոցով կարելի է ստուգել կարդացածը հասկանալու աստիճանը: Մեր կարծիքով, արդյունավետ է տեքստի իմաստը բացահայտող հարցերին պատասխանելը, ինքնուրույն պլան կազմելը (ավանդական մոտեցում), և նորարարական՝ այն է՝ հաճախակի, հենց լսարանում անսպասելիորեն փոքրածավալ շարադրություններ գրելը (սրանք կարող են լինել և՛ անմիջապես տեքստին առնչվող, և՛ համանման բովանդակության *ազատ* շարադրանք, իհարկե, հաշվի առնելով իմաստային նրբությունները, որոնք ճիշտ չհասկանալը կարող է հակառակ իմաստն արտահայտել):

Ի վերջո, ինչպես նկատում է Լ.Ս. Վիգոտսկին. «Խոսքը ոչ թե մտածողության, այլ գիտակցության համահարաբերականն (կորելյանտն) է» [6]: «... Հոգեբանորեն *հասկացությանը* համապատասխանում է *աշխարհայացքը*, և որպեսզի գտնվի, օրինակ *պատի* տեղը *արհեստական կառույցների աշխարհում*, իսկ *արհեստական կառույցների* տեղը *բնության մեջ*, ապա պետք է մի «ամբողջական աշխարհայացք» [7]: Նոր սովորած լեզվով մտքերը ճիշտ շարադրելն արդեն խոսում է «ամբողջական աշխարհայացքի» մասին»: Ուստի շարադրությունները կարող են ծավալուն չլինել, բայց անպայման պետք է ինքնուրույն լինեն, ունենան արտահայտվող մտքի ճշգրտություն:

Քերականական գիտելիքների ձեռքբերումը հայերենի արագացված ուսուցման գործընթացում առանձին փուլ չի դիտվում: Այն բանավոր խոսքի զարգացման, գրաձանաչության և ընթերցանության փուլերին ուղեկցող գործընթաց է: Եվ, այդուամենայնիվ, առանց քերականության չի կարող լինել լեզվի օրնաչափությունների և բացառությունների, լեզվատրամաբանական կառույցների իմացություն: «Ամեն մի լեզու յուրահատուկ օրինաչափությունների ու երևույթների մի ամբողջական համակարգ է, և այն, ինչ դուրս է լեզվի համակարգից, չի կարող ընդունելի լինել: Հայոց լեզվի համակարգով են վավերացված, օրինակ, ենթակայի և ստորոգյալի թվային համաձայնությունը կամ բացահայտչի և բացահայտյալի

հոլովական համաձայնությունը, ուստի և անհանդուրժելի են այդ կանոնների խախտումները: Լեզվի համակարգից դուրս են օտարաբանությունները, քանի որ սովյալ լեզուն կրող հանրությանը հատուկ են իր բառարանը և իր ուրույն լեզվամտածողությունը, որոնք խորթ ու անմատչելի կարող են լինել մեկ ուրիշ լեզվի» [8]:

Սովորաբար լեզվի արագացված ուսուցման ժամանակ քերականական, բառագիտական այս կամ այն երևույթները ներկայացվում են ընթերցվող գրական նյութի հիմքով՝ բացատրվելով գծապատկերներով, առանձին օրինակ-վարժություններով: Քերականական գիտելիքը տրվում է խիստ տարբերակված՝ հաշվի առնելով սովորողի մասնագիտությունը (հումանիտար և կամ տեխնիկական, բնագիտական ուղղություններ), այլ լեզուներ սովորելու փորձը, խմբի ընկալման հնարավորությունները և անպայման սովորողի լեզվազգացողությունը:

Նախնական քերականական գիտելիքներն ուսումնասիրվում են միայն լեզվական կաղապարների միջոցով, որոնք ամրակայվում են բազմակի կրկնություններով: Ունկնդիրների հետ աշխատանքի որոշ տեսակների իրականացման ժամանակ տրվում են «քերականական մեկնաբանություններ», որոնց նպատակը խոսքի ճշգրտությանը նպաստելն է: Ի վերջո, նկատենք, որ «Միտքը պահանջում է համապատասխան քերականական արտահայտություն» [9]:

Արդեն նշել ենք, որ հայերենի արագացված ուսուցումը տարբերվում է ռուսերենի նույնատիպ ուսուցումից իր լեզվական առանձնահատկություններով (ռուսերենի հետ արվող համեմատությունները այն պատճառով են, որ ունկնդիրները, անկախ ազգությունից, հայերեն են սովորում ռուսերենի միջոցով): Դիտարկենք, թե որոնք են այդ առանձնահատկությունները:

1. Հնչյունական համակարգի տարբերությունները և դրանցից առաջացող ընկալման և հնչարտաբերման դժվարությունները (հայերենն ունի Ը, Թ, Օ, Հ, Ձ, Ղ, Ճ, Ջ, Փ, Ք հնչյունները, որոնք չկան ռուսերենում, հայերենում չկան ռուսերենի III, IO, Я երկհնչյուն-տառերը, Ծ, Ե, ԾI արտասանական նշան – տառերը: Հայերենի այ, յա (նաև՝ իա, եա), ոյ, յո (իո, եո), ույ, էյ, է (յէ) երկհնչյունները, բացառությամբ Ե-ի, գրվում են երկու տառով): Հայերենի Յ կիսաձայնն էլ մասամբ է արտահայտվում ռուսերենի Ӣ -ով:

2. Հայերենում շեշտը կայուն վերջադիր է, ռուսերենում շեշտով պայմանավորված՝ կարող է բառիմաստը փոխվել (сé ло -сeлo՝):

3. Ի տարբերություն հնդեվրոպական մի շարք լեզուների՝ հայերենի գոյական անունը (նաև անձնական դերանունը) չունեն սեռի քերականական կարգ (նա он, она, оно):

4. Հայերենում գոյականների շնչավորի և անշունչի տարբերակման դեպքում կենդանական աշխարհը քերականորեն անշունչ գոյականների խմբում է, ռուսերենում դրանք շնչավոր են, պատասխանում են համապատասխանաբար հայերենում՝ **ի՞նչ** և ռուսերենում՝ **кто?** հարցերին:

5. Ռուսերենում հոլովված գոյականի հետ կիրառվում են նախդիրներ, իսկ հայերենում կիրառվում են կապական ձևերը: Այդ իսկ պատճառով ռուսերենի սեռական հոլովով դրված ձևերը հայերենում կարող են լինել այլ հոլովով և շփոթություն առաջացնել սովորողի համար (օրինակ՝ *для чтения, без чтения, из дома*, համապատասխանաբար՝ *ընթերցանության համար, առանց ընթերցանության* – սեռական հոլով, բայց՝ *տանից (տնից)* – բացառական հոլով):

6. Ռուսերենի անեզական (*брюки, ножницы, очки*) գոյականները հայերենում ունեն և՛ եզակի, և՛ հոգնակի ձևեր (*տաբատ – տաբատներ, անդրավարտիք – անդրավարտիքներ, մկրատ – մկրատներ, ակնոց – ակնոցներ*):

7. Պատմաաշխարհագրական առանձնահատկություններով են պայմանավորված՝ լեզվամտածողական կադապարների և կառույցների տարբերությունները (հայերենն ունի *տակ, վրա, մեջ* (կամ ներգոյականում՝ *-ում վերջավորությունը*), *մոտ* կապերը, որոնք ռուսերենում ևս կան՝ *под, на, над, в, у, около*, սակայն երկու լեզուներում նույնիմաստ նախադասություններում դրանք տարբեր կիրառություն ունեն): Համեմատենք՝

Կատուն տաքանում է արևի **տակ**: – Кошка греется **на** солнце.

Մենք ապրում ենք չորրորդ հարկում: – Мы живем **на** четвертом этаже.

Տուն բարձրացանք վերելակով: – Поднимались **на** лифте.

Մեր շենքը Կոմիտասի փողոցում է: – Наш дом **на** улице Комитаса.

Գյուղն Արարատի ստորոտում է: – Село находится у подножья Арарата.

Պահարանը պատի **տակ** է: – Шкаф стоит у (**около**) стены, և այլն:

8. Պակաս կարևոր չէ հայերենում հարցական նշանի դերը, որը ոչ միայն գրությամբ է տարբերվում այլ լեզուների նշանից, այլ նաև «շարժական» է, և նախադասության անդամներից գրեթե ցանկացածին կարելի է այդպիսով հարց վերագրել՝ դրանով իսկ փոխելով նախադասության իմաստը: Ինչ խոսք, հայերենում ևս այլ լեզուների նման կարելի է հարցական դերանունների միջոցով կազմել «կայուն ձևերը»: Մակայն դրանից զատ հայերենը այս հարցում ճկունություն է ցուցաբերում:

Սովորողներին դա հասկանալի է դառնում ամենապարզ օրինակի ցուցադրումով: Այսպես՝

Արամը գիրքը տվեց Նարեին: Պատմողական այս նախադասության յուրաքանչյուր անդամին վերագրելով հարցական նշանը՝ սովորողը համեմատում է դրանց իմաստային նրբերանգները:

Արամը գիրքը տվեց Նարեին:

Արամը **գիրքը** տվեց Նարեին:

Արամը գիրքը **տվեց** Նարեին:

Արամը գիրքը տվեց **Նարեին**:

Այս և այլ նրբությունների ու տարբերությունների բացատրությունն էլ դրվում է քերականության ուսուցման հիմքում:

Ամփոփում: Այսպիսով՝ հայերենը՝ որպես օտար լեզու ուսուցման գործընթացում կարելի է կիրառել և՛ ավանդական, և՛ նորարարական մեթոդներն ու տեխնոլոգիաները, որոնք, ասես, լրացնում են միմյանց, ներդաշնակում և այդ բազմազանության շնորհիվ ուսուցումը դառնում է ավելի դյուրընկալ, ավելի հետաքրքրիչ (ուսանողի տեսանկյունից), մղում ավելին իմանալուն, որն էլ նշանակում է, որ այն ավելի արդյունավետ է:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Գյուլամիրյան Ջ.* Մայրենիի ուսուցման մեթոդիկա, Եր.: «Զանգակ», 2018, 420 էջ: Էջ 112:
2. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению, М., 1989, 276с. С. 195.
3. *Lado R., Fries Charles C.* English Pattern Practices, Michigan, 1958, 338p. P. 14.
4. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению, М., 1989, 276с. С. 202.
5. *Берман И.М., Бухиндер В.А., Плахотник В.М., Поль Л., Штраус В.* Основы методики преподавания иностранных языков, Киев, 1986, 325с. С. 165.
6. *Выготский Л.С.* Мышления и речь, М., 1982, 361с. С. 121.
7. Նույն տեղում:
8. *Ավագյան Մ.* Խոհեր մայրենի լեզվի մասին, Եր.: «Արևիկ», 1988 թ.: 178 էջ: Էջ 6:
9. Նույն տեղում: Էջ 4:

REFERENCES

1. *Gyulamiryan J.* Methodology of teaching the native language, Yer.: “Zangak”, 2018, 420p. P. 112. (In Arm.)
2. *Passov E.* Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication, M., 1989. 276 p. P. 195. (In Russ.)
3. *Lado R., Fries Charles C.* English Pattern Practices, Michigan, 1958, 338p. P. 14.
4. *Passov E.* Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication, M., 1989. 276 p. P. 202. (In Russ.)
5. *Berman I., Bukhinder V., Plakhotnik V., Pol L., Strauss V.* Fundamentals of methods of teaching foreign languages, Kyiv, 1986, 325p. P. 165. (In Russ.)

6. *Vygotsky L. Thinking and Speech, M., 1982, 361 p. P. 121. (In Russ.)*
7. *Ibid.*
8. *Avagyan M. Thoughts on the native language, Yer.: "Arevik", 1988, 178p. P. 6. (In Arm.)*
9. *Ibid. P. 4.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ В КУРСЕ ОБУЧЕНИЯ АРМЯНСКОМУ ЯЗЫКУ, СОЧЕТАНИЕ ЭТИХ МЕТОДОВ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Ж.В. Ростомян

Российско-Армянский университет

АННОТАЦИЯ

Преподавание армянского языка как иностранного осуществляется поэтапно: от формирования устной речи и навыков устного воспроизведения – к обучению грамоте, письменному изложению, развитию читательских умений и усвоению элементарных грамматических знаний. На каждом из этапов используются как традиционные, так и инновационные методы, которые, как правило, применяются в сочетании, а иногда и в интегрированном виде.

Так, при формировании устной речи и обогащении словарного запаса обучение начинается с усвоения лексики и выражений, необходимых для повседневного общения (формулы приветствия и прощания, представление собеседнику, постановка вопросов, актуальных при первом знакомстве, и умение на них отвечать). Подобный подход характерен и для традиционных методик преподавания языка.

После одного-двух занятий, когда речевые возможности обучающегося расширяются, в процесс овладения устной речью вводится коммуникативный подход, предполагающий практическое использование языка в реальных или смоделированных ситуациях. Это способствует развитию речевых навыков.

Особое внимание уделяется диалогам (в особенности в форме «студент-студент»), а затем и полилогам. Эти элементы включаются во все занятия по устной речи, однако каждое последующее занятие дополняется инновационными методами и технологиями, такими как выполнение устных заданий индивидуально или в группе, работа в подгруппах и др. Подобные подходы применяются на всех этапах обучения.

Таким образом, процесс преподавания армянского языка как иностранного требует комплексного использования как традиционных, так и инновационных методов и технологий. Их взаимное дополнение и гармонизация обеспечивают более доступное и увлекательное обучение (с позиции обучающегося), стимулируют познавательную мотивацию и, как следствие, повышают эффективность образовательного процесса.

Ключевые слова: традиционные и новаторские методы обучения, коммуникативные навыки, интерактивные технологии, диалог, полилог, обучение устной речи, обучение элементарных норм грамматики.

**THE APPLICATION OF INNOVATIVE METHODS IN THE
PROCESS OF TEACHING ARMENIAN AND THEIR
HARMONIZATION WITH TRADITIONAL APPROACHES:
THEIR EFFECTIVENESS**

Zh. Rostomyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The course for teaching Armenian as a foreign language is conducted through several stages: first, speaking, then oral reproduction, literacy and written composition, acquisition of reading skills, and mastery of basic grammatical knowledge. In each of these stages, both traditional and innovative methods are applied simultaneously – more precisely, they are often combined and sometimes even fused.

For example, during the teaching of oral speech and vocabulary enrichment, the process begins with mastering words and expressions necessary for everyday communication (forms of greeting and farewell, introducing oneself to a conversation partner, asking questions during a first meeting and being able to respond to them). This approach is also widely accepted in traditional language teaching methods.

After one or two lessons, when the learner's speech range has somewhat expanded, the communicative approach supports the acquisition of oral speech. This involves the practical use of language in real-life situations and contributes to the development of speaking skills. In this phase, dialogues (especially student-to-student formats) and then polylogues (multi-person conversations) are emphasized. These are components of every oral speech lesson, but each new lesson also incorporates other innovative methods and technologies – for example, performing oral tasks individually, in groups, or in team-based formats. This approach is applied throughout all stages.

In the process of teaching Armenian as a foreign language, it is essential to use both traditional and innovative methods and technologies. These complement and harmonize with each other, and thanks to this diversity, the learning process becomes more accessible, more engaging (from the student's perspective), and encourages deeper exploration – making it more effective overall.

Keywords: traditional and innovative methods, the communicative skills, interactive method, dialogues, polylogues, teaching the oral speech, writing and easy grammar.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопджян А.О. – к.э.н., доцент, заведующая Кафедрой бизнеса и управления Ереванского государственного университета

Амирова Р.А. – к.ю.н., преподаватель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского университета

Бадалян Л.В. – соискатель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета

Бардакчян О.Х. – к.п.н., преподаватель Кафедры всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского университета

Варжапетян Т.С. – аспирант Кафедры управления и бизнеса Российско-Армянского университета

Галстян А.Р. – к.э.н., доцент Кафедры бизнеса и управления Ереванского государственного университета

Геворгян Г.Г. – д.филол.н., профессор, заведующая Кафедрой армянского языка и литературы Российско-Армянского университета

Гянджумян Е.Э. – к.ю.н., преподаватель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского университета

Данилов И.С. – преподаватель Кафедры всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского университета

Есаян М.С. – к.пед.н., доцент Кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета

Кадура Е.В. – к. псих. наук, доцент Кафедры информационных систем в экономике Санкт-Петербургского государственного университета

Карабекян С.Б. – к.филол.н., доцент, Институт востоковедения Российско-Армянского университета

Карташян С.Р. – к.ю.н., старший преподаватель Кафедры международного и европейского права Российско-Армянского университета

Каширова А.И. – преподаватель Кафедры русского языка предбакалаврской подготовки Казанского федерального университета

Кульчицкая Е.В. – к.э.н., доцент Кафедры управления и планирования социально-экономических процессов Санкт-Петербургского государственного университета

Мадатян Л.Г. – к.филол.н., старший преподаватель Кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского университета, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН РА

Мехраби Х.А. – преподаватель Международного университета исламских конфессий

Оганян Д.В. – ассистент Кафедры мировой политики и международных отношений Российско-Армянского университета

Ростомян Ж.В. – к.пед.н., доцент Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского университета

Салахова А.Р. – к.филол.н., доцент, факультет русского языка Нанкинского университета.

Сарвазян Л.С. – к.филол.н., заведующая Отделом теории и истории философии Института философии, социологии и права НАН РА, доцент Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского университета

Чплахян М.А. – преподаватель Института востоковедения Российско-Армянского университета

**Вестник Российско-Армянского университета.
Серия: гуманитарные и общественные науки, № 1 (56), 2026г.
Vestnik of Russian-Armenian University
(Series: Humanities and Social Sciences), № 1 (56), 2026**

Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян

Редакторы – А.С. Есаян, Н.Б. Бадалян

Компьютерная верстка – А.С. Бжикян

Editor-in-Chief of the RNI – M.E. Avakyan

Editors – A.S. Yesayan, N.B. Badalyan

Computer layout – A.S. Bzhikyan

*Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am*

*Address of the Editorial Board of
Scientific Publications
of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am*

Заказ № 9

Подписано к печати 22.05.2026г.

Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Объем усл. 15.8 п.л. Тираж 110 экз.

Order No. 9

Signed for publication 22.05.2026

Format 70x100¹/₁₆. Offset paper No. 1.

Volume 15.8 conv. p.l. Circulation 110 copies